

Е.Н. НОСОВ

НОВГОРОДСКОЕ (РЮРИКОВО) ГОРОДИЩЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Е.Н. НОСОВ

**ОВГОРОДСКОЕ
(РЮРИКОВО)
ГОРОДИЩЕ**

Ленинград
„НАУКА“
Ленинградское отделение

1990

E. N. NOSOV

THE RYURIK GORODISHCHE NEAR NOVGOROD

Монография посвящена изучению Новгородского (Рюрикова) городища — древнейшего и наиболее значительного торгово-ремесленного и военно-административного центра Приильменя кануна образования Древнерусского государства. На базе всестороннего анализа и систематизации материалов, в большей части полученных во время новейших раскопок автора, рассмотрены топография и хронология поселения, его социально-экономический облик и этнический состав населения. Особое внимание уделено изучению места Рюрикова городища среди славянских поселений Приильменя и его роли в становлении Новгорода — столицы Северной Руси.

Издание рассчитано на археологов и историков.

Ответственный редактор

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

Рецензенты:

О. В. ОВСЯННИКОВ, И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

Н $\frac{0504000000-696}{042(02)-90}$ 124-90, II полугодие

© Е. Н. Носов, 1990

ISBN 5-02-027275-2

конец I тыс. н. э. верхнее Поволжье и примыкающее к нему ильменское Поозерье явились центром пришедшей сюда северной группы славян. Решающую роль в выдвигании на первое место в ильменском бассейне именно этого района сыграли его плодородные легкие почвы, удобные для начального земледельческого освоения, чрезвычайно выгодное географическое положение для организации сбора дани с населения Приильмения и нахождение на перекрестке важнейших торговых путей Восточной Европы — балтийско-волжского пути и пути «из варяг в греки». Не случайно именно здесь возникла столица Северной Руси — Новгород и именно данный район стал исходной базой для дальнейшего освоения новгородцами обширных пространств северной части лесной зоны Восточной Европы.

Интереснейшим археологическим памятником в истоке Волхова является Городище, или, как его чаще называют в историко-краеведческой литературе с начала XIX в., Рюриково городище, расположенное в 2 км к югу от Новгорода. Это одно из древнейших и красивейших пригородных урочищ, история которого неотделима от истории становления, расцвета и разорения столицы великой феодальной республики средневековья.

«Богатое место Городище! — восклицал Н. К. Рерих, чья творческая деятельность художника и исследователя-археолога многими нитями была связана с Новгородской землей. — Кругом синие, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховом — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что «кустом стоят». Виднеются — Лядка, Волотово, Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне; за лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке за золотым яблочком».¹

Впервые упомянутое в летописи под 1103 г. в связи с постройкой новгородским князем Мстиславом Владимировичем церкви Благовещенья — второго после Софии большого каменного храма Новгорода, Городище в течение долгих лет не сходило со страниц древних хроник.² Дело в том, что в древнерусское время Городище являлось резиденцией новгородских князей, одним из важнейших центров политической жизни Новгорода, стоявшим в одном ряду с новгородским Детинцем и Ярославовым Дворищем. Здесь находились княжеский дворец, гридница, административные и хозяйственные помещения, ремесленные мастерские, возводились княжеские церкви. Погибшие на поселении многочисленные документы княжеского архива, а он хранился именно здесь, от которых дошли до нас только сотни скреплявших их вислых свинцовых печатей,

сделали Городище, по выражению В. Л. Янина, «главной сфрагистической сокровищницей Древней Руси».³ Многие яркие эпизоды русской истории связаны с Городищем. Его значение для Новгорода аналогично значению княжеских резиденций при крупнейших древнерусских городах: Вышгорода — для Киева или Смядыни — для Смоленска, оно даже больше, если учесть ту роль, которую сыграло Городище в процессе становления Новгорода.

Само название Новгорода (Новый город) и наименование расположенной близ него местности, где находилась княжеская резиденция, Городищем, т. е. «местом города бывшего», позволили уже первым русским историкам XVIII в. предположить, что Городище предшествовало Новгороду.⁴ В немалой степени этому способствовали сообщения русских хронографов и летописей второй половины XVII—XVIII в. об основании Новгорода на новом месте близ старой столицы ильменских славян — Словенска, который отождествлялся с Городищем.⁵ Именно эта мысль красной нитью проходит через десятки работ историков и краеведов XIX—XX вв.⁶ При этом исследователи опирались в основном лишь на общие исторические соображения, краткие известия письменных источников и легендарные сказания, в то время как археологические материалы либо вообще не привлекались, либо использовались весьма суммарно и не анализировались по существу.

Первые раскопки на Городище были проведены еще в 1901 г. новгородским историком М. И. Полянским, и в дальнейшем археологические исследования предпринимались здесь неоднократно, однако все они не выходили за рамки изучения памятника путем шурфовки и вскрытия небольших участков. Одной из причин подобного подхода явилась плохая сохранность культурного слоя, сталкиваясь с которой исследователи воздерживались от раскопок поселения большими площадями. Следует также подчеркнуть, что те материалы, которые все же были получены, остались несистематизированными и почти не изданы, а краткие публикации не могли заменить полной информации о сделанных наблюдениях и находках.

Учитывая опыт предшествующих раскопок, экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР при финансовом участии Новгородского историко-архитектурного музея подошла к изучению Городища с иных позиций. После рекогносцировочных работ были предприняты исследования памятника широкой площадью в его центральной части, самой нарушенной из всех. Планомерные раскопки ведутся с 1975 г. Выяснилось, что перемешанные слои хранят массу древних предметов, в том числе уникальные находки, а между поздними перекопками сохранились ранние непотревоженные сооружения и ямы. И хотя многие утраты невосполнимы, а ответ на ряд вопросов крайне затруднен из-за неудовлетворительной сохранности слоев, результаты исследований превзошли все ожидания: были получены новые данные о стратиграфии Городища, его топографии, материальной культуре, датировке. Огромный интерес представляют материалы, характеризующие начальные этапы существования поселения в IX—X вв. От этого времени на мысу городищенского холма сохранились слои с органическими остатками, в которых найдены основания построек, печи, предметы из дерева и бересты, а на остальной территории памятника — углубленные в материк сооружения и ямы. Большой удачей явилось получение серии спилов, изучение которых, любезно проведенное в Лаборатории дендрохронологии Института археологии АН СССР Н. Б. Черных, позволило точно датировать ряд комплексов из древнейших горизонтов поселения.

Слой XI в. и более позднего времени на Городище дошли до наших дней гораздо хуже, чем напластования IX—X вв. В аморфном гумусе остатки деревянных построек не прослеживаются даже в виде тлена, а сам культурный слой оказался в большей части перемешанным. Конечно, при раскопках были сделаны многочисленные находки керамики и вещей древнерусского периода; все они, за исключением вислых свинцовых печатей, монет и небольшого количества ярких индивидуальных предметов, лишены четкой стратиграфии и датируемые по разработанной хронологической шкале новгородских древностей, не несут в себе той информации, которую могут содержать массовые находки на многослойных памятниках.

Первые годы наших работ на Городище, казалось, подтвердили справедливость бытовавшего мнения о том, что топография княжеского Городища не восстанавливаема. Однако результаты раскопок самых последних лет опровергли столь пессимистическую оценку перспектив исследования поселения. В 1985—1988 гг. на Городище были открыты углубленные в материк основания крупных построек XII—XIV вв. Среди многочисленных находок с этого участка значительно число обломков стеклянной посуды, в том числе киевского, византийского, сирийского и иранского происхождения. В таком количестве и концентрации стеклянная посуда на других участках Городища не встречалась, как не встречалась и при раскопках усадеб новгородских бояр. Вся совокупность находок, характер построек и расположение изученного участка вблизи церкви Благовещенья позволяют заключить, что нами обнаружена зона собственно княжеского двора, а выявленные сооружения входили в комплекс его строений. В 1988 г. рядом с Благовещенским храмом сделана еще одна интереснейшая находка — остатки сложенной из плинфы печи для обжига извести. Печь относится ко времени строительства храма 1103 г. Все это открывает новый этап в археологическом изучении Городища.

Отмечу и еще один принципиальный момент. Долгие годы археологическое исследование Новгорода проходило в отрыве от изучения его ближайшей округи, что значительно обедняло картину становления и жизни города, искусственно разделяя проблемы городской археологии и вопросы изучения славянского расселения в Приильменье. Лишь в середине 1950-х гг. стали появляться первые работы, посвященные рассмотрению поселений новгородской округи.⁷ Именно поэтому наряду с планомерными исследованиями Городища мы предприняли новые изыскания в ильменском Поозерье и в верховьях Волхова и раскопки некоторых памятников (Холопий Городок, Васильевское, Горошково и др.).

Основная цель данной книги состоит в систематизации всех доступных сведений о раскопках Городища. Главное внимание уделяется анализу материалов, относящихся к периоду становления Новгорода IX—X вв. В работе рассматриваются характер поселения в это время, этнический состав населения, определяются место Городища среди славянских памятников Приильменья и его соотношение с Новгородом.⁸ Подобный ракурс книги объясняется не столько исследовательским приемом, сколько тем обстоятельством, что в первое десятилетие систематических раскопок Городища (1975—1983 гг.) были получены оригинальные материалы для изучения именно периода IX—X вв., в то время как данных для полноценной характеристики облика княжеской резиденции древнерусского времени еще не достаточно. Я также не ставил своей целью подробное рассмотрение коллекции подъемного материала с Городища, обращаясь к ней

лишь в той мере, в какой требовало изложение результатов раскопок и некоторых выводов. Издание этой коллекции — особая задача. Наконец, за рамками книги остались материалы обнаруженных на городищенском холме неолитической стоянки и поселения эпохи раннего металла.⁹

Я выражаю искреннюю признательность за большую и неизменную помощь в организации археологических работ на Городище и в Приильменье руководству Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника и Новгородской археологической экспедиции Московского государственного университета, Института археологии АН СССР и Новгородского музея, прежде всего чл.-кор. АН СССР В. Л. Янину, Е. А. Рыбиной, А. С. Хорошеву, П. Г. Гайдукову, Б. Д. Ершевскому и В. Я. Конецкому. Я благодарен активным участникам раскопок Городища: постоянному регистратору находок Т. С. Дорофеевой, начальникам раскопок А. В. Плохову, А. А. Никоновой, М. А. Вороновой, Т. Л. Верхорубовой, а также М. Ю. Данкову, Э. Б. Шуваевой и С. Н. Арамовичу. Иллюстративный материал к книге подготовлен художниками ЛОИА АН СССР Т. Н. Бороухиной, Г. Н. Кузнецовой и М. М. Ламбет. Работа выполнена в Отделе славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР.

Я посвящаю эту книгу памяти отца — Николая Евгеньевича Носова, моего подлинного и щедрого учителя на историческом поприще.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Рерих Н. К.* Подземная Русь // Сочинения. М., 1914. Книга первая. С. 209, 210.

² НПЛ. С. 19.

³ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 6; *Шаскольский И. П.* Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД. Л., 1972. IV. С. 218, 219, 224—228.

⁴ *Миллер Г. Ф.* Краткие известия о начале Новгорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших одного города случаях // Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1761. Ч. 2. С. 4, 5. (Отд. оттиск).

⁵ *Гиляров Ф.* Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 21.

⁶ *Хорошев А. С.* Происхождение Новгорода в отечественной историографии // Вестн. МГУ. Серия 8. История. 1983. № 6. С. 43.

⁷ *Аксенов М. М.* Древнеславянские поселения Новгородской области // Архив НИМ, д. № 11894; *Орлов С. Н., Аксенов М. М.* Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. 1962. Вып. 10. С. 161—168; *Орлов С. Н.* Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 127—138.

⁸ Первые итоги нового изучения Городища и поселений новгородской округи подведены нами в ряде специальных статей: *Носов Е. Н.* 1) Новгород и новгородская округа IX—X вв.

в свете новейших археологических данных: (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2 (12). С. 3—38; 2) Новгород и Рюриково городище в IX—XI вв.: (к вопросу о происхождении Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 26. С. 5—14; 3) Городище и Новгород в IX—XII вв.: (замечания о социально-топографической структуре древнерусского города) // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы истории города. Л., 1988. С. 3—25; *Nosov E. N.* 1) Historical ties between the population of the Novgorod Land Centre and the Baltic countries in the 9th—10th centuries // Fenno-Ugri et Slavi. 1983. Helsinki, 1984. P. 145—150; 2) New data on the Rurikid gorodishche near Novgorod // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 1987. Vol. IV. P. 73—85; 3) Neue Forschungen über das Rjurikovo Gorodišče bei Novgorod // Das Altertum. Berlin, 1988. Bd 34, H. 3. S. 160—163.

⁹ *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // БКИЧП. 1940. № 6—7. С. 36, 38; *Плохов А. В.* Поселение эпохи раннего металла на Рюриковом городище под Новгородом // История и археология Новгородской земли: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1987. С. 8—10.

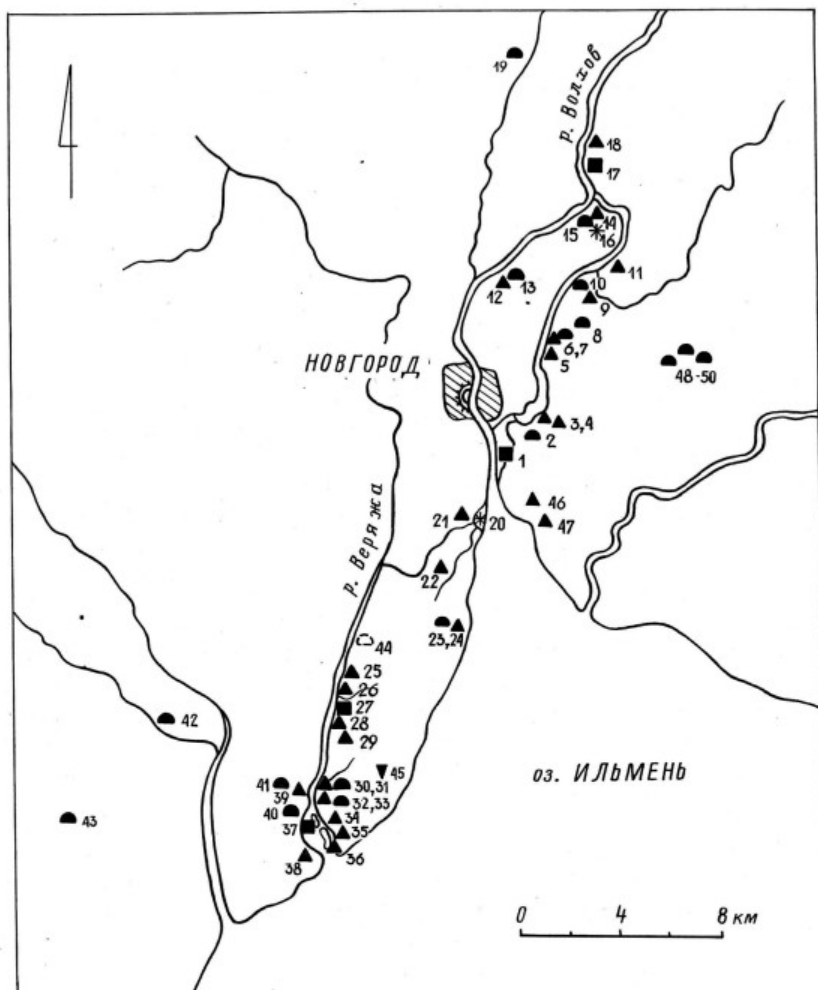
МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА

о своему рельефу район истока Волхова из оз. Ильмень представляет собой низменную речную пойму, среди которой возвышаются отдельные всхолмления. Во время весенних паводков вся пойма, пронизанная протоками и рукавами Волхова, затопляется и возвышенности надолго превращаются в островки.

Первая от Ильменя возвышенность по правому берегу Волхова носит название Городище (рис. 1—4). Она находится в 2 км к югу от Новгорода и вытянута с юго-запада на северо-восток, от Волхова в сторону церкви Спаса Нередицы. С запада всхолмление ограничено Волховом, с юга — Спасовским ручьем, мелкой застойной протокой, а в северном и восточном направлениях оно постепенно понижается, переходя в волховскую пойму. Общая площадь городищенского холма составляет около 10 га. Сейчас на Городище расположены немногочисленные постройки одноименной деревни, а на наиболее возвышенном месте находятся руины церкви Благовещенья и примыкающее к ним кладбище. Южная часть всхолмления перерезана Сиверсовым каналом, соединяющим низовья Мсты с Волховом.

В древности топография данной местности была иной. Исток Волховца — правого рукава Волхова, который сейчас начинается ниже Городища по течению Волхова, раньше находился выше Городища, и Волховец проходил по руслу Спасовского ручья, далее круто поворачивая к Нередице. Нынешнее же русло Малого Волховца на планах XVII—XVIII вв. названо Жилотугом (Жилодаком).¹ При строительстве Сиверсова канала в 1797—1802 гг. русло Волховца у села Шатерно было перерезано, что и привело к его постепенному заболачиванию (следы этого русла — Спасовский ручей). Таким образом, в древности городищенское всхолмление и окружавшая его низменная территория представляли собой остров при истоке Волховца из Волхова, ограниченный Волховом с запада, Волховцом — с юга и востока и Жилотугом — с севера. Этот островной характер Городища наиболее ярко проявлялся во время весенних паводков, когда окружавшие возвышенность низкие места затоплялись и вода надолго застаивалась в пойме Волхова. Общее восприятие Городища как всхолмления на острове было очевидно уже для первых историков Новгорода,² но после возведения в конце 1910-х гг. огромной земляной насыпи так и недостроенной железной дороги Петербург—Орел оно как-то стерлось. Насыпь проходит невдалеке от церкви Спаса Нередицы, перекрывает русло Волховца и с востока на запад пересекает низменную часть городищенского острова.

■ а ▲ б ● в ○ г * д ▼ е

Рис. 1. Археологические памятники Ильменского Поозерья и истока Волхова конца I тыс. н. э.

а — городища; б — селища; в — сопки; г — предполагаемые места расположения сопки; д — языческие святилища; е — культовый камень. 1 — Рюриково городище; 2 — Нередица; 3, 4 — Ситка; 5 — Слутка I; 6, 7 — Волотово; 8 — Ушерска; 9, 10 — Родионово; 11 — мыза Сперанского; 12, 13 — Деревяницы; 14—16 — Хутынь; 17 — Холопий Городок; 18 — Слутка II; 19 — Водское; 20 — Перынь; 21 — Прость; 22 — Ракомо; 23, 24 — Береговые Морины; 25—27 — Георгий; 28, 29 — Васильевское; 30, 31 — Любоежа; 32, 33 — Горшково; 34 — Заболотье; 35, 36 — Еруново; 37, 38 — Сергово; 39—41 — Завал; 42 — Окотово; 43 — Базловка; 44 — Моисеевичи; 45 — Гвоздец; 46, 47 — Шиловка; 48—50 — Мшашка.

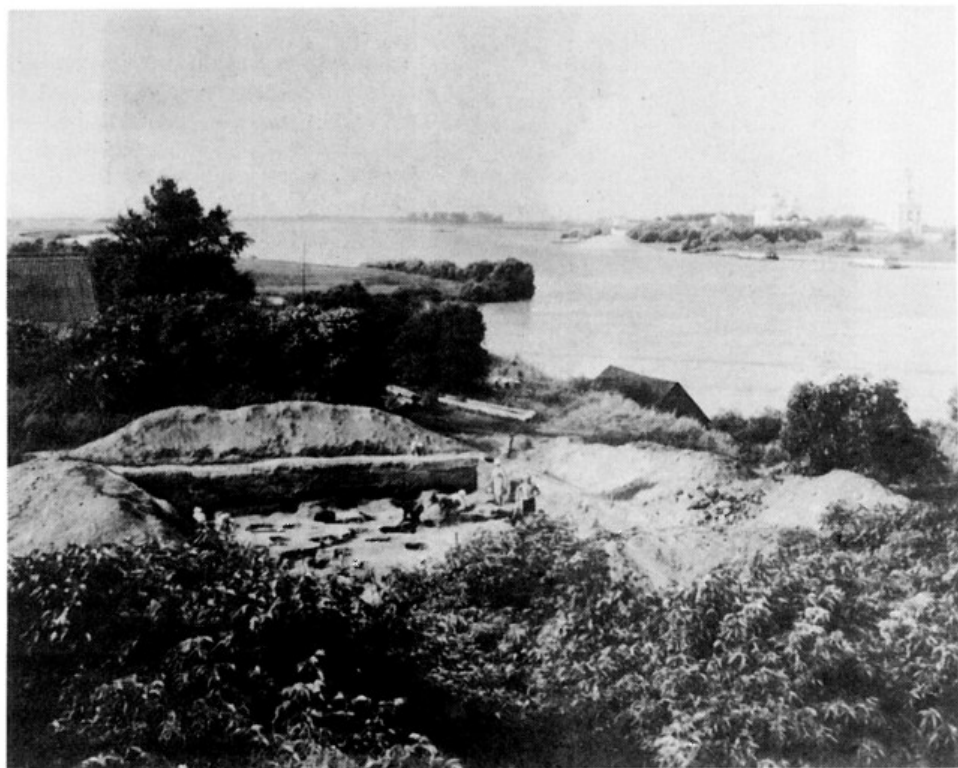

Рис. 2. Общий вид с церкви Благовещенья на исток р. Волхова и раскоп 1981 г. на Городище.

Сохранившиеся в Фотоархиве ЛОИА АН СССР снимки Городища и окружающей территории, относящиеся к периоду до сооружения железнодорожной насыпи (1903 г.) и ко времени ее строительства (1917 г.), наглядно характеризуют первоначальную топографическую ситуацию в северной части острова.³

При первом осмотре Городища создается впечатление, что Сиверсов канал был прорыт через достаточно возвышенную часть всхолмления. Такое впечатление ошибочно и обусловлено тем, что при строительстве канала грунт, вынутый из его русла, вывозился на более низкий южный берег, где образовался значительный глиняно-земляной вал. В действительности от церкви Благовещенья в южном направлении, к мысу, местность в древности существенно понижалась, и если церковь была возведена на участке высотой 11—12 м над Волховом, то уровень древней дневной поверхности на южном берегу канала составлял всего 1.25—1.6 м над современным средним летним уровнем воды в реке (измерения на 28 VII 1978). Таким образом, всхолмление при истоке Волховца из Волхова состояло из двух частей — довольно высокого холма и мысовой части, незначительно возвышавшейся над волховской поймой. Через низменную часть Городища и был прорыт Сиверсов канал. Исследователи и краеведы, непосредственно хорошо знакомые с рельефом местности в истоке Волхова,

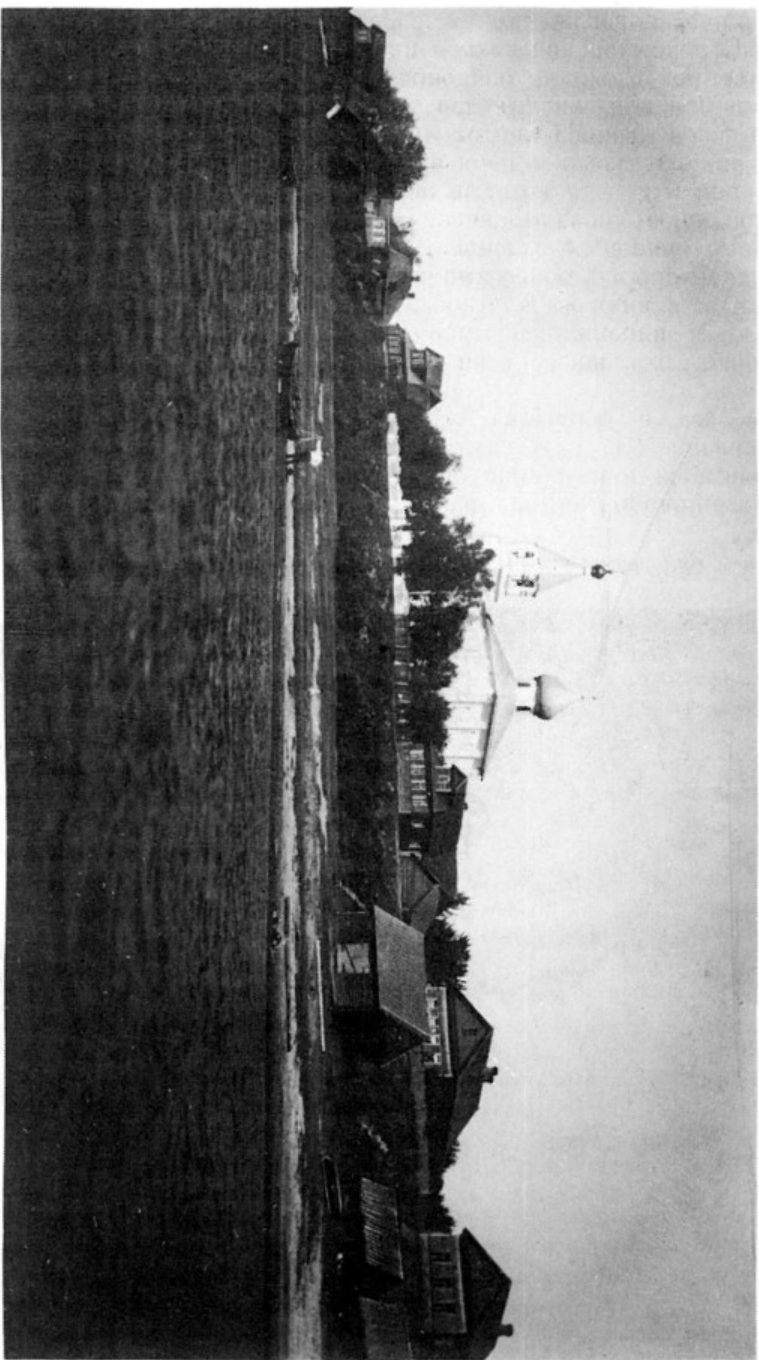

Рис. 3. Ошгий вид Городища с Волхова. (Фотография начала XX в.).

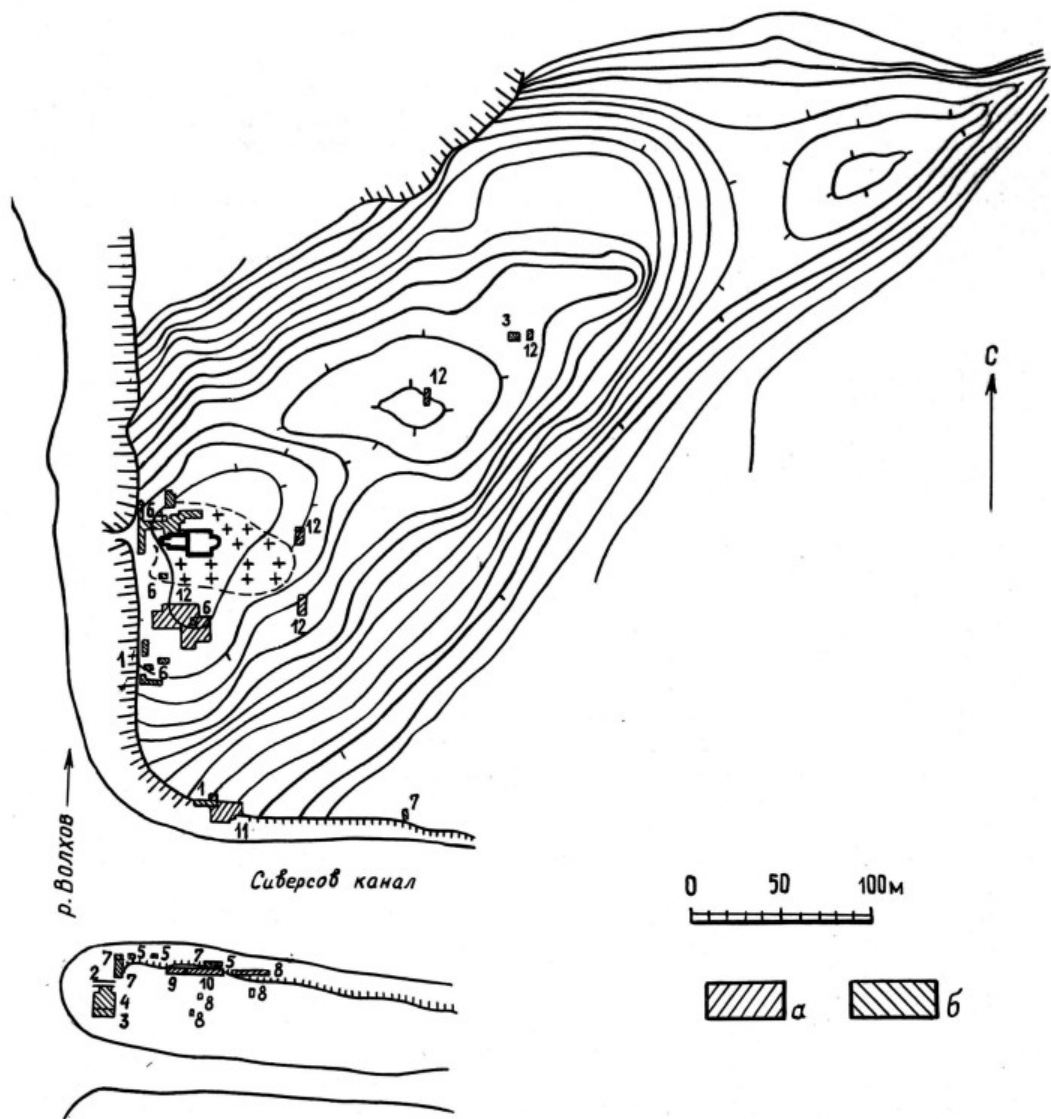

Рис. 4. План Городища.

a — раскопы 1901—1970 гг. (1 — М. И. Полянский, 1901 г.; 2 — А. В. Арциховский, 1929 г.; 3 — М. К. Каргер, 1934 г.; 4 — Г. П. Гроздилов, 1935 г.; 5 — М. Д. Полубояринова, 1975 г.; 6 — М. К. Каргер, 1966, 1968—1970 гг.; 7 — Н. П. Пахомов, 1967—1969 гг.); *b* — раскопы 1975—1983 гг. (8 — 1975 г.; 9 — 1979 г.; 10 — 1980 г.; 11 — 1977—1979 гг.; 12 — 1980—1983 гг.).

неоднократно отмечали, что канал проходит «за Городищем» или «рядом» с ним.⁴

Раскопками 1977—1979 г. в месте стыка песчаного городищенского холма с глинистыми отложениями мыса была зафиксирована сырая ложбина. Ее дно находилось на 3.5 м ниже остальной части мыса и на 0.7 м ниже уровня воды в Волхове в лётнюю межень (измерения на 15 VIII 1978). Ложбина имела направление с северо-востока на юго-запад, что полностью соответствует контурам холма, понижаясь и расширяясь в сторону Волхова (на месте раскопа ее ширина около 15 м). Значительная глубина ложбины позволяет думать, что, несмотря на более низкий, чем сейчас, уровень воды в Волхове в конце I тыс. н. э., о чем свидетельствуют как общие заключения географов, так и результаты археологических раскопок на Городище, она постоянно затоплялась.⁵

Высота холма над дном ложбины достигала 6—6.5 м (рис. 14). Раскопками установлено, что его склон был искусственно эскарпирован. Не исключено, что по краю холма шли дополнительные укрепления. В 1987 г. в центральной части поселения, к юго-востоку от церкви Благовещенья, нами впервые был отмечен при раскопках, а в 1989 г. достоверно зафиксирован древний ров, окружавший часть городищенского холма площадью около 1—1.2 га (рис. 59). Глубина рва достигала 4.5 м от уровня древней дневной поверхности холма. Судя по общему рельефу местности и установленному направлению рва, последний подходил к раскопанной ложбине, сливаясь с ней. Такой рельеф был отчетливо выражен лишь в начальный период существования поселения в IX—X вв. Вскоре ложбина в месте перехода холма к мысу стала постепенно заплывать, ее склоны оползать. В конце IX в. в ней возвели хозяйственные комплексы — хлебные печи. В XI в. ров был засыпан и окончательно выровнена местность при переходе от холма к мысу.

Различия в геологическом строении городищенской возвышенности (песчаный холм и глинистый мыс) определили особенности сохранности на поселении культурного слоя. Так, если на мысу, в нижней части отложений непосредственно над материковой глиной, не пропускавшей воду, до наших дней дошли органические остатки, прежде всего деревянные сооружения, то на остальной части Городища культурные напластования представляют собой аморфные слои гумуса.

Общая сохранность Городища как ценнейшего памятника археологии плохая. Еще в конце XVIII—начале XIX в. через его южную часть был прорыт Сиверсов канал шириной 8—12 сажень (16—24 м).⁶ В дальнейшем, особенно во время весенних паводков Волхова, берега канала, имеющего довольно сильное течение, поскольку в него направлены воды р. Мсты, продолжали постоянно размываться. В 1901 г. новгородский историк М. И. Полянский с горечью писал о наблюдаемых им уже в течение десяти лет ежегодных обвалах берега в селе Городище.⁷ О масштабах этих разрушений красноречиво говорит хотя бы тот факт, что сейчас ширина канала достигает уже 90—100 м, в то время как в 20-е гг. XX в. она составляла лишь 70 м. Сопоставление плана Городища, снятого в начале века, с современным и наши наблюдения последних лет показывают, что расширение Сиверсова канала идет в первую очередь за счет размыва и обвалов его южного берега. Разрушение северного берега приостановило, хотя и не предотвратило полностью, его укрепление в XIX в. дубовыми сваями и выкладкой из крупных валунов, которые местами сохранились. В целом канал со времени его строительства уничтожил культурный слой Городища на

площади приблизительно 100×130 м, т. е. почти всю низменную мысовую часть памятника с наилучшей на поселении сохранностью культурных отложений. По мнению В. Л. Янина, где-то здесь были и непо потревоженные слои с остатками княжеского архива, поскольку, по его наблюдениям, основным на замеченных закономерностях нахождения печатей во вторичном залегании, «до прорытия канала остатки архива в земле в целом сохраняли еще известный порядок архивного расположения документов».⁸

К моменту начала наших раскопок на Городище в 1975 г. культурный слой с органическими остатками сохранился в низменной части поселения лишь на небольшом участке северного берега канала, на месте ложбины, отделявшей в древности городищенский холм от мыса, и на небольшой площади между южным берегом канала и Спасовским ручьем. Южнее канала слой с органическими остатками имеет небольшую толщину (от 0.5 м и менее) и постепенно выклинивается к ручью. Он перекрыт двухметровым пластом материковой глины и переотложенного культурного слоя, перемещенными сюда при строительстве канала. Если массив глины непосредственно примыкает к берегу канала, то переотложенный культурный слой находится ближе к Спасовскому ручью, что отражает последовательность вывозки грунта при строительных работах. Перемещенный слой в XIX—XX вв. интенсивно размывался во время паводков, по мере разрушения южного берега канала, и неоднократно перекапывался при хозяйственных работах и строительстве (здесь находились лесопильный завод и каменный дом заводчика, другие строения).

Культурный слой на самом городищенском холме представляет собой аморфный серый гумус. На участке между каналом и церковью Благовещенья его толщина в среднем составляет 1.2—1.4 м. К северо-востоку от церкви слой постепенно утончается, достигая в 210 м от нее мощности 0.9—1 м. В течение столетий слой постоянно нарушался жилыми, хозяйственными и культовыми постройками и интенсивно распахивался. На территории Городища в разное время располагалось 6 деревянных и каменных церквей, которые неоднократно перестраивались и возобновлялись (Богородицы благовещения, Николы, Георгия, Козьмы и Демьяна, Михаила архангела и, видимо, Сретения).⁹ Плотная застройка Городища прекрасно видна на иконе XVII в. «Видение пономаря Тарасия».¹⁰ До наших дней сохранились лишь развалины церкви Благовещенья 1343 г., построенной на месте церкви 1103 г. Церковь была возведена на наиболее возвышенном участке Городища. К ней примыкает действующее кладбище, занимающее площадь 50×80 м, но могилы, уже лишенные внешних признаков, располагаются на большей территории, что подтвердили наши раскопки, когда к востоку от церкви, на поле, мы натолкнулись на погребения XVIII—XIX вв.

Местоположение остальных церквей менее определено. В 1797 г. с западной стороны к церкви Благовещенья были пристроены притвор во имя Сретения и колокольня, а, как свидетельствует Макарий, ранее Сретенская церковь находилась отдельно близ Благовещенской церкви, с юга.¹¹

Еще лет сорок назад в 270 м к северо-востоку от церкви Благовещенья отчетливо выделялся бугор, носивший название «Никола». В 1898 г. В. С. Передольский отмечал, что «лет пять назад указывали крест, поставленный на месте будто бы Никольской церкви, саженьях в 80-ти от Благовещения на полночь».¹² На фотографии 1903 г. ясно виден холмик «Никола», а на нем деревянный крест.¹³ Высокий крест стоял здесь и в 1910 г., когда Городище посетили

Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих.¹⁴ Они раскопали бугор и действительно открыли остатки деревянной церквушки. В. С. Передольский относительно местонахождения Никольской церкви в свое время писал, что «к месту креста она не подходит»,¹⁵ но к ее расположению именно там склонялись Н. К. Рерих и позднее М. К. Каргер.¹⁶ Видимо, последнее мнение правильно, тем более что остатки церкви выявлены при раскопках. В письменных источниках деревянная Никольская церковь упоминается как в домонгольское время, так и в XVI—XVII вв.¹⁷ В своде археологических древностей Новгородской губернии И. С. Романцева имеется запись — «близ села Городища — сопка».¹⁸ В опросных листах, положенных в основу свода и сохранившихся в архиве Новгородского музея, уточнено, что сопка носит название «Никола» (сообщение В. Я. Конецкого). Таким образом, именно этот бугор-сопку раскопали Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих. Местные жители в начале века хорошо помнили о существовании Никольской церкви и кладбища при ней, но там уже не хоронили (информация уроженки д. Сельцо К. Н. Никитиной). Холмик «Никола», отмеченный как остатки «башни», показан на плане Городища, снятом в 1929 г. экспедицией А. В. Арциховского.¹⁹

По свидетельству жителя д. Городище Е. И. Никитина, никольская возвышенность сохранялась вплоть до середины 1950-х гг. и ее не пахали. Местное население неоднократно искало здесь клады. Впоследствии холм был срезан бульдозером. Сейчас основание никольского холма все еще выделяется большим пятном светлого песка на фоне темного культурного слоя, и ежегодно здесь выпаживаются человеческие кости и черепа.

На городищенском холме, между церковью Благовещенья и Нередицей, располагался Аргамаков монастырь с храмом Георгия, упоминаемым в источниках конца XVI—XVII в.²⁰ В 1898 г. В. С. Передольский, характеризуя городищенские древности, отмечал, что «обширные погребамедуши сохранялись в подземелье еще в первой половине нынешнего века и известны были под именем княжеских; некоторые нам доводилось видеть; по кладке они не раньше времен Меншикова, хотя местные обыватели еще и теперь говорят о глубокой древности первоначальной постройки их».²¹

Подводя итоги работ на Городище экспедиции 1929 г., А. В. Арциховский отметил следующее: «Территория древней крепости новгородских князей ныне занята огородами, валы все распаханы, но в ряде мест могут быть до сих пор прослежены».²² Это единственное свидетельство существования на Городище земляных укреплений, причем более детальной их характеристики, нежели приведенная выше, ни в отчете о раскопках, ни в полевом дневнике А. В. Арциховского нет.

На обнаруженном недавно в Архиве ЛОИА АН СССР плане Городища 1929 г. (план снимал Б. А. Рыбаков) действительно с восточной и северной сторон возвышенности, в местах, где отсутствовали в первой половине XX в. деревенские дома, нанесены два ряда земляных валов (рис. 60).²³ Первый вал прослежен на длину около 300 м. Он начинается в 120 м к востоку от церкви Благовещенья, идет вдоль склона Городища в общем направлении на северо-восток к холмику «Никола», огибает его, поворачивая на север, и далее проходит на запад, соответственно городищенской площадке. Второй вал начинается в 135 м к востоку от церкви Благовещенья и идет параллельно первому валу, в 15—20 м от него на протяжении около 60 м. Далее он не прослеживается. Второй участок этого вала показан на плане на протяжении около 50 м у холмика

«Никола». Здесь второй вал почти смыкается с первым, но затем отходит к северо-востоку от него на 25 м.

Нет сомнения в том, что городищенские валы — это искусственные сооружения, поскольку, судя по плану, они идут не соответственно горизонталям, фиксирующим формы рельефа, а пересекают их. Внимательное изучение панорамы Городища, снятой в 1903 г. с Нередицкой церкви, и сопоставление ее с местами прохождения валов на плане 1929 г. позволили рассмотреть на фотографии земляной вал, действительно пересекающий Городище с юга на север на участке восточнее храма Николы.²⁴ На фотографии отчетливо видна длинная насыпь, достаточно пологая, но четко выраженная в рельефе. Именно ее и зафиксировали в 1929 г. А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. К сожалению, в настоящее время вся территория, по которой проходили валы, полностью сnivelирована глубокой тракторной вспашкой, никаких валов не прослеживается, и поиски их оснований требуют специальных земляных работ.

Фотографии Городища начала XX в. свидетельствуют о его плотной застройке. Усадьбы располагались по краю холма вдоль Волхова и Сиверсова канала и по северо-западному склону возвышенности. Перед Великой Отечественной войной деревня Городище насчитывала 27 домов. Культурный слой памятника очень сильно пострадал во время боевых действий, поскольку через Городище проходила передняя линия обороны советских войск. Огнем немецкой артиллерии почти до основания была разрушена Благовещенская церковь, уничтожены дома, а вся площадь Городища была изрыта ходами сообщений, воронками от бомб и снарядов.

В 1910 г. при посещении Городища Н. К. Рерих ознакомился с его планом 1780 г., хранившимся в ризнице церкви Благовещенья. «На плане видно, — писал Н. К. Рерих, — что за столетие с небольшим Волхов, изменяя свое течение, оторвал около 12-ти саженей высокого берега. Насколько же раньше выступало вперед Городище! В Волхове покоятся и терема, и часть храмов. Словом, вся лучшая часть поселения; все, что стояло на видных, передовых местах. Теперь понятно, почему главную массу старинных предметов находят не на берегу, а весною внизу, подле самой воды».²⁵

Нам неизвестна судьба плана Городища 1780 г., но его точность вызывает большие сомнения. Уничтожение в XIX в. западного края городищенского холма на ширину 25 м, о чем пишет Н. К. Рерих, представляется невероятным. Дело в том, что достаточно точные планы Городища, снятые в 1901 г. М. И. Полянским и в 1929 г. экспедицией ГИМ, при их сравнении с современным документально свидетельствуют, что в последние почти 90 лет расстояние между Благовещенской церковью и западным краем городищенской площадки оставалось неизменным и склон здесь по существу не разрушался. Вряд ли дело обстоит иначе в XIX в., поскольку даже во время самых больших паводков (систематические наблюдения над колебанием уровня воды в Волхове начались с 1880 г.) размываются берега Сиверсова канала, а край возвышенности со стороны Волхова не нарушается. В редкие годы вода подходит к ее основанию, а ведь в XIX в. средний уровень Ильменя был ниже современного на 0.7—0.9 м (уровень поднялся в 1929 г. после надстройки плотины Волховской ГЭС).²⁶ На фотографиях начала века прекрасно виден задернованный склон Городища (рис. 3).

Начало археологических работ на Городище относится к 1901 г., когда новгородским историком М. И. Полянским при участии М. Е. Калинина и И. Д. Михайлова на поселении было заложено несколько шурфов и траншей.

«Поводом к производству раскопок в селе Городище, — писал М. И. Полянский, — послужили находки вислых свинцовых печатей новгородских князей в отмываемых весенними разливами берегах р. Волхова у соединения этой реки с Сиверсовым каналом», а конкретная инициатива в проведении работ принадлежала основоположнику русской сфрагистики Н. П. Лихачеву. Именно его личное письмо М. И. Полянскому, как отмечал последний, «о научном значении вислых свинцовых печатей (пломб) в русской сфрагистике довершило решение неотлагательно отправиться на Городище на поиски этих памятников».²⁷ Кстати, напомним, что двое из участников раскопок — М. Е. Калинин и М. И. Полянский — являлись обладателями небольших коллекций булл, кроме того, М. И. Полянский предпринял одну из первых попыток обобщения сфрагистических материалов.²⁸

В 1910 г. перед XV Всероссийским археологическим съездом, состоявшимся в Новгороде в 1911 г., на Городище Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих заложили 5 траншей к северу от Сиверсова канала и провели зачистку культурного слоя. Как считал А. А. Спицын, полученные материалы подтвердили предположение о том, что Городище является одним из древнейших поселений у Новгорода.²⁹ В 1929 г. 2 траншеи на самом холме и на мысу заложил А. В. Арциховский. «Мне кажется невероятным, — писал он, — чтобы городищенский холм был заселен уже в IX веке, как на этом настаивает традиция. Гораздо вероятнее, что основателями этой маленькой крепости были князья, выселенные в XII веке в связи с ростом республиканских тенденций из Новгорода». По мнению исследователя, «из рельефа местности видно, что Городище представляло из себя княжеский замок, со всех сторон окруженный водой».³⁰ Свое убеждение в отсутствии на поселении слоев IX—X вв. А. В. Арциховский сохранил на долгие годы, дискутируя по данному вопросу с М. К. Каргером.

В 1934 г. первые свои раскопки на Городище провел М. К. Каргер. Ставя перед экспедицией задачу изучения нескольких участков поселения, М. К. Каргер непосредственно связывал ее с исследованием проблемы возникновения Новгорода.³¹ Один небольшой раскоп находился на мысу Городища, два других — в возвышенной части памятника. М. К. Каргер пришел к совершенно иным выводам, чем А. В. Арциховский. «Раскопки 1934 г., — писал он, — неоспоримо раскрывают непрерывную историю Городища с IX в.» и «позволяют думать, что, отбросив необоснованный скептицизм в отношении к этому памятнику, нужно приняться, наконец, за его систематическое археологическое изучение, которое, наряду с изучением древнейших слоев самого Новгорода, подведет нас, наконец, к решению издавна волновавшей проблемы: по отношению к какому более древнему поселению Великий Новгород стал Новым городом».³²

Заключения М. К. Каргера в 1935 г. подтвердил Г. П. Гроздилов, возглавивший на Городище работы экспедиции, начальником которой был В. И. Равдоникас, в то время занятый на раскопках в Карелии. Было вскрыто 124 кв. м площади в мысовой части поселения. Поскольку раскоп 1935 г. примыкал к раскопу М. К. Каргера, то самая юго-западная окраина Городища оказалась наиболее полно изученной частью памятника и оставалась таковой вплоть до исследований 1970-х гг. Г. П. Гроздилов полагал, что мысовой участок поселения «был заселен в более раннее время, чем вся остальная площадь Городища, территориально разросшегося к XII в. и позднее».³³

В 1940 г. работы, носившие «разведывательный характер», предприняла на Городище археологическая экспедиция Новгородской секции Института

истории АН СССР и Управления новгородских государственных музеев.³⁴ Никаких сведений о их результатах не сохранилось. Имеются упоминания, что в 1949 г. к северу от Сиверсова канала были проведены небольшие археологические разведки Б. К. Мантейфелем.³⁵

В начале 1960-х гг. зачистки и сборы материала вдоль берегов Сиверсова канала осуществил С. Н. Орлов, который заключил, что «представляется несомненным, что на Рюриковом городище имеются отложения, представляющие возникновению Новгорода».³⁶ В 1965 г. отрядом Новгородской археологической экспедиции МГУ и АН СССР во главе с М. Д. Полубояриновой на обоих берегах Сиверсова канала была предпринята шурфовка с целью найти участки с непо потревоженными культурными слоями, где в первую очередь могли сохраниться остатки княжеского архива.³⁷

В 1966, 1968—1970 гг. исследования церкви Благовещенья на Городище вел М. К. Каргер. К западу и к северу от храма им было заложено несколько раскопов, а к югу — ряд поисковых шурфов и траншей. Внимание М. К. Каргера было всецело обращено на изучение архитектурных остатков.³⁸ В 1967—1969 гг. небольшие раскопки на берегах Сиверсова канала предпринял Н. П. Пахомов.³⁹ В 1973 г. шурфовку Городища осуществил И. Я. Абрамзон.⁴⁰

Характеристика накопления археологических данных о Городище не будет законченной, если не упомянуть о постоянном пополнении коллекции подъемного материала с этого памятника. Многочисленные древние предметы и керамика, вымываемые из культурного слоя во время паводков и дождей, ежегодно различными путями поступают в фонды Новгородского историко-архитектурного музея. Неоценимая заслуга в их сборе принадлежит сотруднику музея Н. П. Пахомову. Именно в результате его систематических осмотров Городища была сформирована значительная часть коллекции подъемного материала. Большое число древних предметов поступило от краеведа В. Н. Суховарова.

Некоторые наиболее интересные находки из Городища, сделанные во время сборов, учтены в каталогах, им посвящены специальные заметки,⁴¹ сотни найденных вислых свинцовых печатей систематизированы В. Л. Яниным,⁴² многочисленные свинцовые пломбы, известные в литературе как «пломбы дрогичинского типа», рассматривались Б. Д. Ершевым,⁴³ западноевропейская пломба бельгийского города Турнэ издана Ж. Бланковым и Е. А. Рыбиной,⁴⁴ первая попытка обобщить вещевой материал, связанный с ювелирным производством, принадлежит Н. П. Пахомову,⁴⁵ публикацию находок из кости и рога осуществили Т. Л. Верхорунова и М. В. Шорин.⁴⁶

Итак, за годы, прошедшие со времени первых шурфовок Городища М. И. Полянским в 1901 г., различные исследователи неоднократно проводили те или иные работы на памятнике. Основные сведения дали раскопки и сборы вдоль берегов Сиверсова канала и в мысовой части поселения, в то время как вершина всхолмления осталась почти не исследованной. В своей совокупности полученные материалы свидетельствовали о наличии на поселении слоев X в., возможно и более ранних. Если учесть, что в самом Новгороде древнейшие открытые напластования относятся в основном лишь к середине X в., а поздние летописные своды указывают на Городище как на предшественник Новгорода, то, казалось бы, наличие ранних слоев на Городище должно было поставить его изучение в один ряд с изучением Новгорода. Именно к такому направлению исследований справедливо призывал М. К. Каргер после своих раскопок на поселении

в 1934 г. Однако этого не произошло, хотя нельзя сказать, что на результаты работ на Городище М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова в 1934—1935 гг. совсем не было обращено внимания в археологической литературе.

Прежде всего сам М. К. Каргер неоднократно возвращался к данному вопросу и подчеркивал, что Городище выступает «как одно из древнейших, а может быть, и древнейшее поселение, по отношению к которому город, передвинувшийся на 3 км к северу, стал Новым городом».⁴⁷ Выводы М. К. Каргера поддержал Н. Н. Воронин.⁴⁸ О слоях IX—X вв. на Городище писали М. Н. Тихомиров и А. Л. Монгайт.⁴⁹ Однако отдельные замечания исследователей, упоминающих об открытии на Городище культурных напластований IX—X вв., буквально тонут в массе работ, в той или иной степени затрагивающих проблему происхождения Новгорода, но где о ранних материалах Городища ничего не сказано. В 1956 г., подводя итоги археологического изучения Новгорода, А. В. Арциховский даже прямо поставил под сомнение правильность наблюдений М. К. Каргера, заключив, что «дата IX—X вв. для среднего слоя, открытого на мысу, неверна. Встречающаяся там в большом количестве грубая лепная керамика баночной формы, несомненно, относится к более раннему времени».⁵⁰ Эти же взгляды были повторены в книге, излагающей материалы раскопок в Новгороде, изданной в 1967 г. в США.⁵¹ В проблемной статье 1971 г. «Происхождение Новгорода» В. Л. Янин и М. Х. Алешковский не рассматривали материалы Городища, ограничившись замечанием об отсутствии «прямых генетических связей» между ними и ранними новгородскими древностями.⁵²

Скептицизм относительно датировки нижних слоев Городища IX—X вв. и характера находок отчасти можно объяснить тем, что материалы раскопок М. К. Каргера и Г. П. Гроздилова остались по существу неизданными, а данные об исследованиях С. Н. Орлова, М. Д. Полубояриновой, Н. П. Пахомова стали появляться в печати лишь в начале 1970-х гг.

В 1975 г. к изучению Городища приступила экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Е. Н. Носова.⁵³ Для уточнения общей стратиграфии мысовой части Городища и спасения размываемого культурного слоя вдоль южного берега Сиверсова канала были заложены 3 траншеи общей длиной 50 м, врезанные в толщу глиняного выброса из русла канала (рис. 4). Они позволили получить единый разрез этой части поселения на значительном протяжении. Между южным берегом канала и Спасовским ручьем проведена шурфовка. Здесь же (в рамках работ экспедиции) в 1983 г. перпендикулярно руслу канала М. В. Шорин заложил еще одну траншею (2 × 8 м).⁵⁴

На краю северного берега Сиверсова канала, в месте перехода от высокой части городищенского холма к мысу, находился раскоп площадью 160 кв. м. Мощност культурного слоя здесь оказалась самой значительной на поселении (6 м), причем его нижние горизонты, относящиеся к IX—X вв., достигали толщины 3 м и представляли собой плотные пласты гумуса, щепы, навоза, соломы, в которых хорошо сохраняется дерево. Это позволило получить небольшую серию спилов, на основании которых дендрохронологически были датированы постройки с данного участка. С севера к раскопу примыкала траншея, проведенная для выяснения характера склона городищенского холма.

Основной раскоп 1980—1983 гг. площадью 650 кв. м находился в 20—25 м к югу от церкви Благовещенья, в самой высокой части городищенского холма,

возвышающемся на 10—11 м над уровнем Волхова. Второй раскоп располагался в 54 м к юго-востоку от церкви, третий — в 44 м к востоку от нее. В 140 и 210 м к северо-востоку от храма проведена шурфовка поселения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Муравьев Н. Н.* Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828. План Д; *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII веках и отражение их на русской карте середины XVII века // Вопросы географии. 1950. Вып. 20. С. 286 и сл. Карта «Чертеж ветхой городам русским и шведским до Варяжского моря»; *Воробьев А. В.* План Новгорода 1762 года // НИС. 1959. Вып. 9. С. 75.
- ² [*Болховитинов Е. А.*]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 7.
- ³ Фотоархив ЛОИА АН СССР: IV 1047—1049; II 39033—39050 и др.
- ⁴ *Озерецковский Н.* Обзорение мест от Санкт-Петербурга до Старой Русы и на обратном пути. СПб., 1808. С. 93; *Соболев П. Г.* Спутник по Новгороду и Старой Руссе. СПб., 1914. С. 75; *Муравьев М. В.* Новгород Великий. Л., 1927. С. 56.
- ⁵ *Шнитников А. В.* 1) Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. М.; Л., 1957. С. 139, 235; 2) Изменчивость трансгрессий и регрессий Балтики и прибалтийских побережий в свете неравенства сил тяготения // Материалы к симпозиуму по истории озер Северо-Запада. Л., 1965. С. 21. Следует отметить, что уровень Ильменя поднялся и после возведения Волховской ГЭС в 20-е гг. (*Жекулин В. С., Нехайчик В. П.* Озеро Ильмень. Л., 1979. С. 36).
- ⁶ *Слезкинский.* Сиверсов канал // Русское судоходство. 1890. № 125. С. 13—16; *Истомина Э. Г.* Водные пути России во второй половине XVIII—начале XIX века. М., 1982. С. 138.
- ⁷ *Полянский М. И.* Отчет о раскопках, произведенных 15-го и 16-го июня 1901 года в селе Городище Новгородского уезда // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1885, д. № 54, л. 8 об.
- ⁸ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 7.
- ⁹ *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 484—492; *Передольский В. С.* Новгородские древности: Записка для местных изысканий. Новгород, 1898. С. 229—231; *Опись Новгорода 1617 года.* Ч. 1 и 2 // Памятники отечественной истории. М., 1984. Вып. 3. С. 344, 347, 350, 351.
- ¹⁰ Фонды НИМ. № 7632.
- ¹¹ *Макарий.* Археологическое описание... С. 489, 490.
- ¹² *Передольский В. С.* Новгородские древности... С. 230.
- ¹³ Фотоархив ЛОИА АН СССР: IV 1048.
- ¹⁴ *Рерих Н. К.* Подземная Русь // Сочинения. М., 1914. Книга первая. С. 210.
- ¹⁵ *Передольский В. С.* Новгородские древности... С. 230. Заметим, однако, что место расположения креста указано В. С. Передольским неточно.
- ¹⁶ *Рерих Н. К.* Подземная Русь... С. 210; *Каргер М. К.* Дневник Новгородской экспедиции 1934 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1934, д. № 399, л. 32.
- ¹⁷ *Макарий.* Археологическое описание... С. 489, 492; *Передольский В. С.* Новгородские древности... С. 230.
- ¹⁸ *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жалынках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 58.
- ¹⁹ *Арциховский А. В.* Отчет о раскопках Рюрикова городища близ Новгорода в 1929 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1929, д. № 273, л. 19.
- ²⁰ *Амвросий.* История российской иерархии. М., 1811. Ч. III. С. 258, 259; *Макарий.* Археологическое описание... С. 487, 492; *Передольский В. С.* Новгородские древности... С. 230.
- ²¹ *Передольский В. С.* Новгородские древности... С. 230, 231.
- ²² *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 г. в Новгородской округе // Материалы и исследования: (Новгородский гос. музей). Новгород, 1930. Вып. 1. С. 28.
- ²³ *Арциховский А. В.* Отчет о раскопках Рюрикова городища... Л. 19.
- ²⁴ Фотоархив ЛОИА АН СССР: IV 1048.
- ²⁵ *Рерих Н. К.* Подземная Русь... С. 210.
- ²⁶ *Жекулин В. С., Нехайчик В. П.* Озеро Ильмень... С. 36.
- ²⁷ *Полянский М. И.* Отчет... Л. 7, 8 об.
- ²⁸ *Янин В. Л.* Актовые печати... Т. 1. С. 7—9.
- ²⁹ Протоколы Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества за 1908—1914 гг. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 3, д. № 415, л. 125.
- ³⁰ *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 г... С. 30.
- ³¹ *Каргер М. К.* Раскопки в Новгороде в 1934 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 2, 1934, № 574, л. 1.
- ³² Там же. Л. 10.
- ³³ *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Новгороде в 1935 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1935, № 276, л. 18.

- ³⁴ *Строков А. А.* Раскопки на Ярославом дворе в 1940 году // НИС. 1940. Вып. 8. С. 3.
- ³⁵ *Орлов С. Н.* Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 77.
- ³⁶ Там же. С. 78.
- ³⁷ *Янин В. Л.* Актовые печати. . . Т. 1. С. 7.
- ³⁸ *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества : (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестн. АН СССР. 1970. № 9. С. 79—85.
- ³⁹ *Пахомов Н. П.* Раскопки Рюрикова городища // АО 1969 г. М., 1970. С. 24, 25.
- ⁴⁰ Сделанные находки поступили в фонды Новгородского историко-архитектурного музея. Местонахождение документации нам неизвестно.
- ⁴¹ *Порфиридов Н. Г.* Заметки о двух археологических памятниках Новгородского музея // Материалы и исследования : (Новгородский гос. музей). Новгород, 1930. Вып. 1. С. 33—36; *Константинова Е. Н.* Византийская эмаль // НИС. Новгород, 1933. Вып. III—IV. С. 219; *Корзухина Г. Ф.* Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 45, 46; *Гайдуков П. Г., Никитин А. Б.* Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского Городища // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 113—117; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. 1966. Вып. Е1—36. С. 82—83. № 80; *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. P. 33, 34; *Stalsberg A.* Scandinavian relations with Northwestern Russia during the Viking Age: the archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. Long Beach, 1982. Vol. XIII, № 3. P. 288.
- ⁴² *Янин В. Л.* Актовые печати. . . Т. 1 и 2.
- ⁴³ *Ершевский Б. Д.* 1) Об атрибуции новгородских печатей и plomb XII—начала XIII в. с изображением княжеских знаков // ВИД. 1978. X. С. 38—55; 2) Древнейшие печати новгородских посадников (1096—1117 гг.) // СА. 1978. № 2. С. 240—248; 3) Новгородские свинцовые plombы конца XI—первой трети XIII в. как источник для политической истории Новгорода: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1979.
- ⁴⁴ *Blankoff J.* A propos d'un plomb de Tournai trouvé à Novgorod // Société Royale d'Histoire et d'Archéologie de Tournai: Bulletin d'information. Tournai. 1978. P. 12; *Рыбина Е. А.* Товарные plombы из Турнэ в Новгороде // СА. 1981. № 1. С. 298—300.
- ⁴⁵ *Пахомов Н. П.* Следы ювелирного производства на территории «Рюрикова» городища // Новгород древний — Новгород социалистический. Археология, история, искусство : (Матер. научн. конф.). Новгород, 1977. С. 14, 15.
- ⁴⁶ *Верхорубова Т. Л., Шорин М. В.* Костяные изделия с Городища под Новгородом // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 51—56.
- ⁴⁷ *Каргер М. К.* 1) Новгород: Рюриково городище // Археол. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 18—22; 2) Новгород Великий. М., 1946. С. 10; 3) Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. 9. С. 145—148; 4) Новгород Великий. М.; Л., 1961. С. 10, 11 (2-е изд. М.; Л., 1966. С. 10—11; 3-е изд. М.; Л., 1970. С. 9, 10; 4-е изд. Л., 1980. С. 13).
- ⁴⁸ *Воронин Н. Н.* 1) Древнерусские города. М.; Л., 1945. С. 35; 2) Поселение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1951. Т. 1. С. 201.
- ⁴⁹ *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 99. С. 14; *Монгайт А. Л.* Археология в СССР. М., 1955. С. 364.
- ⁵⁰ *Арциховский А. В.* Археологическое изучение Новгорода // МИА. 1956. № 55. С. 42.
- ⁵¹ *Artsikhovskiy A. V.* The archaeological study of Novgorod // Novgorod the Great / Compiled and written by M. W. Thompson. New York; Washington. 1967. P. 12.
- ⁵² *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода : (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 35.
- ⁵³ Краткая информация о раскопках систематически публиковалась в сборниках «Археологические открытия» начиная с 1975 г. Материалы хранятся в Новгородском историко-архитектурном музее.
- ⁵⁴ *Шорин М. В.* Раскопки на Рюриковом городище // АО 1983. М., 1985. С. 38.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА

1901—1970 гг.

Раскопки М. И. Полянского 1901 г. М. И. Полянским при участии М. Е. Калинина и И. Д. Михайлова к северу от Сиверсова канала были заложены 3 траншеи и 3 шурфа для поиска вислых свинцовых печатей.¹ Шурфы площадью по 4 кв. м находились у западного края городищенского холма, соответственно в 43, 61 и 81 м к юго-западу от церкви Благовещенья. Они были выкопаны на глубину 2 м и соединены двумя траншеями (0.7×15 и 0.7×20 м) глубиной от 1.4 до 2 м «в зависимости от толщины культурного слоя». Третья траншея (0.7×10 м) была заложена на северном берегу канала, в 138 м к югу от церкви Благовещенья (рис. 4).

В шурфе, наиболее удаленном от церкви, на глубине 2 м был встречен «свод», сложенный, как отмечал М. И. Полянский, не ранее конца XVII в. Южнее свода зафиксированы следы каменной постройки (церкви или княжих палат) из древнего (топкого) кирпича и плитняка, причем на одной из плит заметны высечки иконы «Богоматери с Предвечным младенцем на руках». В конце 1960-х гг. для проверки наблюдений М. И. Полянского М. К. Каргер предпринял разведочные работы вблизи шурфов 1901 г., но никаких древних кладок не обнаружил.

В траншее на берегу канала М. И. Полянским был открыт «сплошной ряд в три, четыре яруса человеческих костяков». Инвентаря при погребенных не было. Автор раскопок отнес их к XII—XIII вв., основываясь на плохой сохранности костей. Более вероятно, что захоронения были совершены в достаточно поздний период, поскольку они находились непосредственно в культурном слое («в глубоком слое чернозема»), насыщенном позднесредневековыми находками. В траншее «до материка не докопались». Напомним, что именно здесь, в месте перехода от городищенского холма к мысу, культурный слой действительно имеет наибольшую толщину.

В отчете о раскопках М. И. Полянский указывает, что на Городище были сделаны 83 находки (в их число он включает и 24 фрагмента керамики). К отчету прилагаются опись находок и две фотографии вещей и керамики. Кроме того, имеется опись 30 предметов в Путеводителе по музею Псковского археологического общества, куда М. И. Полянский подарил часть своей коллекции.² Среди нескольких упомянутых Т. Арне находок с Рюрикова городища, хранящихся в музеях Новгорода и Пскова, некоторые, несомненно, принадлежали коллекции М. И. Полянского.³

Судя по описанию и фотографиям, большая часть найденной керамики и находок относится к древнерусскому времени и к позднему средневековью. Встречены также вислая свинцовая печать середины XIII в. новгородского князя Александра Ярославича,⁴ овальное железное кресало, цельный двусторонний костяной гребень, украшенный циркульным орнаментом, медная литая пряжка с овальной заостренной на конце рамкой, орнаментированной насечками, непосредственно переходящей в прямоугольное основание (в Новгороде подобные пряжки найдены в слоях конца XI—XII в.⁵), головка полой шумящей коньковой привески, 3 бронзовые шарообразные пуговицы с круглыми ушками, 8 обломков стеклянных браслетов, 4 янтарные бусины. Имеются также глиняные пряслица, стеклянные бусы, железный нож с костяной ручкой, украшенной орнаментом в виде плетенки, оселки, «отрубок от новгородского серебряного рубля», колоколовидная привеска, различные бляшки, железные штыри и т. д.

Крайне важная находка была сделана в траншее на берегу канала, где обнаружена «масса частиц серебряных куфических диргем X в.». В книге М. И. Полянского приведена дата чеканки лишь одной монеты — 905/906 г. «Конечно, по частицам найденных при просеивании земли диргем, — писал М. И. Полянский, — нельзя с точностью установить их правильную номенклатуру, но по некоторым частям арабских надписей возможно предположить, что диргеми эти разные: Тагеридские и Саманидские, чеканенные в Фарисе, Балхе, Нисабуре, Эндерабе и Шаше. Дальнейшее определение куфических монет по найденным частицам предоставляем ориенталистам».⁶ К сожалению, последующая судьба монет неизвестна, и мы не располагаем их квалифицированным определением. Тем не менее очевидно, что при раскопках был найден клад восточных монет, состоявший в основном из их частей и относящийся, скорее всего, к X в.

Раскопки Н. Е. Макаренко и Н. К. Рериха 1910 г. В делах Архива Археологической комиссии есть только краткие упоминания об этих раскопках, а сам отчет отсутствует. Некоторая информация о результатах работ содержится в хранящемся в архиве и опубликованном изложении доклада Н. Е. Макаренко, сделанном им в феврале 1911 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, и в выступлениях при обсуждении доклада.⁷ В очерке Н. К. Рериха «Подземная Русь» также коротко говорится о работах на Городище.⁸ В Фотоархиве ЛОИА АН СССР имеется фотография сосуда из раскопок 1910 г.⁹

К северу от Сиверсова канала, в разных местах городищенского холма, в частности за абсидой церкви Благовещенья, Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих заложили 5 траншей, а также сделали обрыв у обрыва северного берега канала. «Ни в траншеях за абсидой существующей церкви, ни в других местах массивного слоя не встречено, за исключением слоя у обрыва, подходящего под избы и дорогу».¹⁰ В траншеях найдены небольшое количество черепков с волнистым орнаментом, костяной свисток, обломки стеклянных браслетов, костяной гребень, украшенный кружками, и другие предметы. Наряду с гончарной была обнаружена и лепная керамика, «черепки очень древние, — отмечал А. А. Спицын, — подобные тем, какие Н. И. Репников нашел близ Ст. Ладоги».¹¹

К северо-востоку от Благовещенской церкви, на холмике «Никола», Н. Е. Макаренко и Н. К. Рерих раскопали основание деревянной сгоревшей церкви размером 7.8×8.6 м с выступающей на 4.3 м абсидой и частично сохранившимся

известковым полом (заливка лежала прямо на песке, как и основание стен). В северо-западной части церковки под полом найдены медная цепочка и глиняный сосудик, отнесенный Н. Е. Макаренко к XI—XII вв. В алтарной части зафиксированы уголь и зола и обнаружены шлаки перегоревших металлических предметов, в том числе медного литого образца. 2 траншеи, заложенные поперек церкви, показали, что она построена уже на культурном слое со значительным количеством зольных прослоек и ям.¹² При обследовании доклада план деревянной церкви В. К. Мясоедовым и Я. И. Смирновым «признаваем был весьма близким к каменным церквям домонгольского времени», а К. К. Романов «в остатках абсиды усматривал многогранность, свойственную и XVI, и XVII вв., среди которых встречаются и столь же близкие по плану к квадрату, как церковь, стоявшая на Городище».¹³ В письменных источниках, как мы уже отмечали, деревянная Никольская церковь упоминается как в домонгольское время, так и в XVI и XVII вв. Более вероятно, что при раскопках были открыты остатки позднейшей церкви.

Раскопки А. В. Арциховского 1929 г. На Городище были заложены 2 траншеи: первая (2×16 м) — на вершине холма, перпендикулярно его западному краю, приблизительно в 110 м к юго-западу от церкви Благовещения; вторая (2×6 м) — на самом городищенском мысу, южнее Сиверсова канала.¹⁴ Толщина культурного слоя в первой траншее составляла 0.9—1 м, во второй — 0.2—0.4 м. Слой всюду оказался сильно перемешанным, поэтому, как отметил А. В. Арциховский, «отдельные находки никакого датировочного значения не имеют, а следы древних сооружений стертые».¹⁵ Все же среди находок автор выделил древние предметы. Это 2 монеты — серебряная новгородка и медное новгородское пуло, вислая свинцовая печать начала XII в. князя Владимира Мономаха,¹⁶ около 140 стеклянных браслетов, хрустальная многогранная бузина, пирамидальная и листовидная железные стрелы, серебряный медальон с изображением всадника, поясные бляшки — розетки и пальметки, двусторонний костяной гребень с циркульным орнаментом, шиферное пряслице. «Среди найденных предметов, — заключил А. В. Арциховский в публикации, — нет ни одного, который определенно указывал на время, более древнее, чем XII век», а в траншеях обнаружена исключительно гончарная керамика и «совершенно не было керамики, сделанной от руки или даже не целиком на кругу».¹⁷

Именно такая оценка материала исследований 1929 г., как мы уже отмечали, на долгие годы определила негативное отношение А. В. Арциховского к наличию на Городище слоев IX—X вв. Однако эта оценка требует корректив. Дело в том, что в полевом дневнике и в отчете А. В. Арциховский сам прямо указывает на наличие лепной керамики как в траншее на вершине всхолмления (в квадратах 1, 4, 8), так и в траншее на мысу.¹⁸ Таким образом, состав керамического комплекса в раскопах 1929 г. был аналогичен составу найденной керамики при исследованиях на Городище всех других авторов, но при публикации материала А. В. Арциховский по непонятным причинам факт наличия лепной посуды при его раскопках опустил.

Одним из наиболее важных результатов работ А. В. Арциховского 1929 г. явилась фиксация на значительном протяжении двух расплывчатых земляных валов, шедших вокруг городищенского холма с востока и с севера (рис. 64).

Раскопки М. К. Каргера 1934 г. В различных частях Городища были заложены 3 небольших раскопа¹⁹ (рис. 4). Раскоп I (4×10 м) был вытянут по линии запад—восток и находился в самой юго-западной части поселения, на мысу.

Судя по архивному плану, он располагался приблизительно в 15 м к северу от Спасовского ручья, в 24 м к востоку от Волхова и, как отметил М. К. Каргер, в 10—12 м к югу от траншеи А. В. Арциховского 1929 г. На сводный план поселения места расположения раскопов 1934 и 1935 гг. и траншеи 1929 г. нанесены несколько приближенно, поскольку в свое время они не были топографически привязаны к какой-либо реперной точке, а соотносились лишь с береговой линией, которая не только изменилась за прошедшие десятилетия, но и постоянно меняется в зависимости от уровня Волхова.

М. К. Каргер установил, что культурный слой на данном участке имел значительную толщину. Непосредственно под дерном залегал перемешанный черный гумус, мощность которого увеличивалась по мере подъема мыса (от 0.15—0.20 м в западной части раскопа до 0.5 м и более — в восточной). Предметы из верхнего слоя, отмечал М. К. Каргер, «являются характерным признаком русских городищ XI—XIII вв. и отражают княжескую эпоху в истории Городища».²⁰ Среди них гончарная керамика, железные предметы (ножи, гвозди, дверные засовы, лодочные скобы, рыболовные принадлежности), бронзовая трубка, орнаментированная плетенкой, многочисленные фрагменты стеклянных браслетов, шиферные пряслица, глиняные грузила, медные поделки, в том числе два навершия каких-то орудий с орнаментом в виде концентрических линий. М. К. Каргер упоминает о находке деревянных гребней. Судя по фотографиям, речь идет о трех гребнях, причем они, конечно, костяные, поскольку 2 из них наборные, а новгородские гребни всегда были цельными.²¹ Наборные костяные двусторонние гребни бытовали в Новгороде в XII—XIII вв.²² Боковые накладки одного из гребней орнаментированы кружками и прочерченными крестиками. Третий гребень относится к типу цельных двусторонних гребней трапециевидной формы (тип Н, по Б. А. Колчину; начало XII—XIV в.²³). Он также украшен циркульным орнаментом. М. К. Каргер упоминает о находке каменной литейной формочки для отливки свинцовых грузиков (подобные грузики получили распространение в Новгороде с середины XIII до XV в.²⁴). В верхнем слое деревянных построек не обнаружено. М. К. Каргер полагал, что в древнерусское время данный участок поселения не был застроен, поскольку располагался слишком близко от реки.

Под верхним слоем гумуса лежит слой намывного песка. Его толщина уменьшается от Волхова в восточном направлении: от 0.5 до 0.24 м и меньше. В песке встречены находки, аналогичные происходящим из верхнего слоя. М. К. Каргер заключил, что песчаный слой относится к тому же историческому периоду, что и вышележащие отложения.

Ниже песка залегал слой плотной зеленовато-коричневой глины. Характерной для этого слоя явилась лепная керамика, датированная автором раскопок IX—X вв., наряду с которой встречалась и гончарная посуда, но более архаичных типов, чем в вышележащих отложениях. Обнаружены железные предметы и большое количество шлаков. Вскрыты очень плохо сохранившиеся остатки какого-то бревенчатого сооружения.

На глубине 1.24—1.3 м в западной части раскопа зеленовато-коричневая глина резко меняет свой цвет от значительной примеси частиц речных раковин (upio), отчего местами глина получает белесоватый оттенок. Этот слой уходит за пределы раскопа и не прослеживается только в восточном направлении. В нем найдена неолитическая керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом, кремневые и сланцевые орудия и отщепы, костяные изделия и кости животных. На глу-

бине около 1.7 м слой глины с раковинами подстиляется тонкой прослойкой песка, ниже которого залегает мощный стерильный слой глины.

Раскоп II (4×6 м) располагался в 200 м к северо-востоку от церкви Благовещенья, по линии между нею и холмиком «Никола». Верхний слой представлял собой черный гумус толщиной 0.3—0.5 м, насыщенный гончарной керамикой. Среди находок фрагменты стеклянных браслетов, металлические изделия, свинцовая печать с изображением всадника. В дневнике упомянуты 2 печати. В своде В. Л. Янина они не учтены, поскольку коллекция 1934 г. не сохранилась, а в свое время печати не были определены.

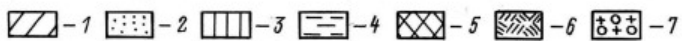
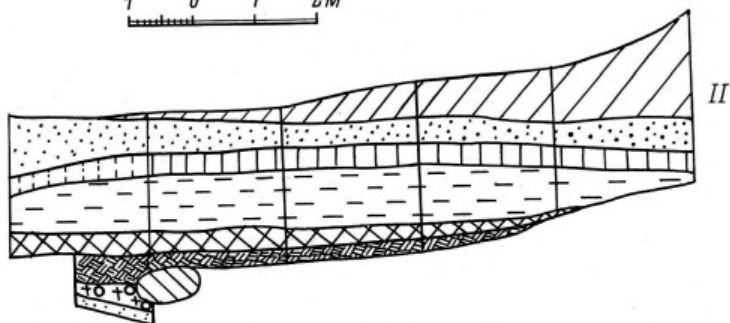
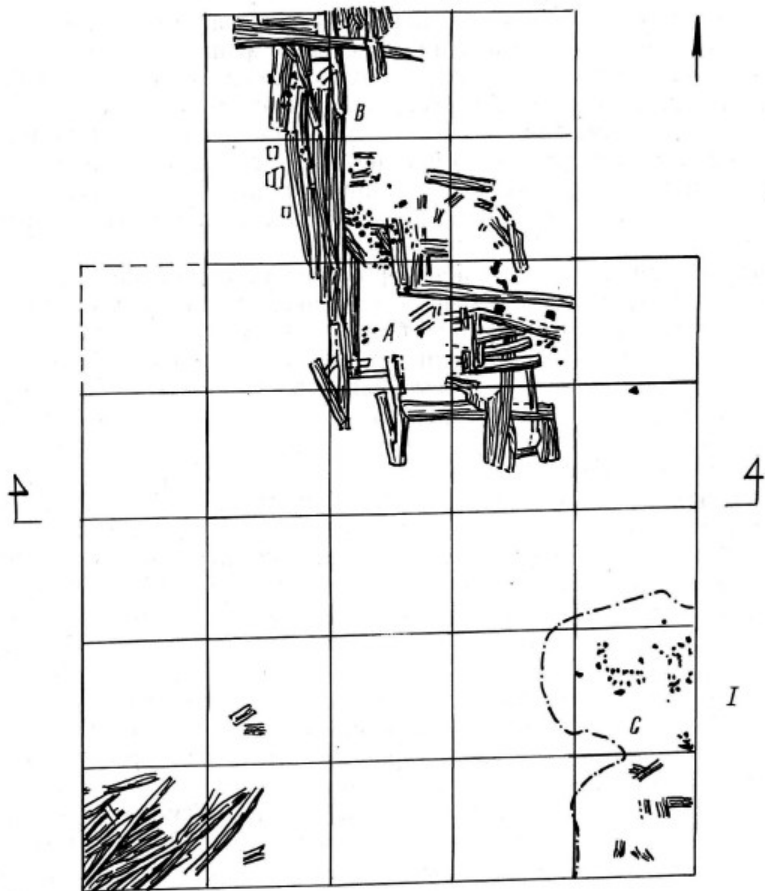
Ниже черного слоя зафиксирован серый песчаный слой с большим количеством щебня. Находки из него не отличались от находок из верхнего слоя (гончарная керамика, 2 стеклянных браслета). В центре раскопа в этом слое расширен развал глинобитной печи, стоявшей непосредственно на материке. Развал был окружен толстым слоем угля и золы.

Раскоп III был заложен у северной стены церкви Благовещенья 1343 г. для поисков остатков храма 1103 г. М. К. Каргер полагал, что «находка древнейшего памятника княжеского строительства на Городище даст надежду найти поблизости от него и остатки княжеского двора новгородских князей, перебравшихся на Городище с потерей власти над Детинцем».²⁵ На глубине 1.25 м был обнаружен завал больших тесаных камней и плоского кирпича, под которым, как первоначально считал М. К. Каргер, были вскрыты остатки стены здания начала XII в. В дальнейшем выяснилось, что это лишь развал церкви 1103 г., но не сама ее стена.²⁶ В 1966 г. М. К. Каргер вернулся к раскопкам храма.

Раскопки Г. П. Гроздилова 1935 г. продолжили исследования мысовой части Городища.²⁷ Раскоп площадью 124 кв. м был несколько вытянут с севера на юг и непосредственно примыкал с севера к раскопу М. К. Каргера, а с юга подходил к траншее А. В. Арциховского 1929 г. (рис. 4).

Верхний слой представлял собой аморфный черный гумус, постепенно выклинивавшийся к Волхову: у восточной стенки раскопа его мощность 1.8 м, у западной — 0.1—0.2 м (рис. 5, II). Ближе к центру мыса над ним прослеживался слой глины и строительного мусора толщиной до 0.35 м — выброс из русла Сиверсова канала времен его сооружения. В черном гумусе никаких построек не обнаружено. Г. П. Гроздилов полагал, что этот слой, как и залегающий под ним слой светлого речного песка с находками великокняжеского периода, находится во вторичном залегании. Находки из черного слоя многочисленны и разнообразны, относятся к XII—XV вв. и к более позднему времени.²⁸

В слое встречены огромное количество гончарной керамики, множество стеклянных браслетов, бус, бронзовая копоушка, колечки, обломки провололочной гладкой гривны, «проволочная серьга с напущенной бусой», шиферные пряслица, каменные и глиняные грузила, небольшое число поделок из кости, украшенных геометрическим орнаментом, костяные проколки, бронзовые пуговки, крестики, а также неопределенные железные и бронзовые предметы. Г. П. Гроздилов упоминает о находке костяных гребней. Единственный гребень, помещенный на таблице в отчете, относится к типу двусторонних наборных гребней XII—XIII вв.²⁹ Интересен обломок каменной литейной формочки (сохранившаяся часть 6.5×7.4 см) для отливки сразу трех пластинчатых широкосерединых орнаментированных перстней (рис. 6). В числе находок Г. П. Гроздилов называет «сравнительно небольшое количество» свинцовых печатей.

Печати остались неопределенными, о чем приходится лишь сожалеть. В слое встречены также единичные фрагменты неолитической керамики и обломок каменного полированного топора фатьяновского типа.

Под слоем черного гумуса залегал светлый речной песок с тонкими гумусными прослойками (рис. 5, II). Если мощность верхнего слоя значительно увеличивалась от Волхова вверх по склону мыса, то слой песка, наоборот, становился толще в направлении Волхова (от 0.2—0.25 до 0.6—0.7 м). «По-видимому, уровень Волхова, — предположил Г. П. Гроздилов, — был значительно выше современного, в результате чего в сравнительно короткий промежуток времени рекой был намыт мощный слой однородного песка».³⁰ В песке встречены обломки кирпича, кости и находки, не отличающиеся от находок вышележащего слоя, среди них фрагменты гончарной керамики, стеклянные браслеты.

Ниже прослежен слой глины, толщина которого увеличивается в сторону Волхова (от 0.4—0.5 м у восточной стенки раскопа до 1 м — у западной). Для верхней части этого слоя, по наблюдениям М. К. Каргера, была характерна гончарная и лепная керамика IX—X вв., а для нижней, меняющей свой цвет из-за присутствия раковин *unio*, — неолитическая посуда. Г. П. Гроздилов внес коррективы в наблюдения М. К. Каргера. Он установил, что на всей раскопанной площади слой глины под намытым песком (слой III) подвергся сильному размыванию рекой, причем если ближе к центру мыса были размывы лишь верхние горизонты глины, то на остальной части произошла существенная деформация слоев.

В северо-восточной части раскопа верхний горизонт III слоя представлял собой глину темной окраски с большим количеством речного песка и мелкой древесины в виде щепы. Здесь найдены лепная керамика в сочетании с преобладающей над ней гончарной посудой, сходной с керамикой вышележащих слоев, и небольшое количество стеклянных браслетов. Нижние горизонты III слоя состоят из более однородной красной глины, в которой преобладает профилированная лепная неорнаментированная керамика, а также найдено небольшое число стеклянных и сердоликовых призматических бус, несколько кольцевых застежек из круглой в сечении бронзовой проволоки, железные гвозди и болты, нож, оселок, глиняные грузила, кости животных и рыб.

В глине на наименее размывтых участках выявлены древесные остатки, скопления обожженных камней и костей (табл. 5, I). По мнению Г. П. Гроздилова, в северо-восточной части раскопа было открыто основание жилого

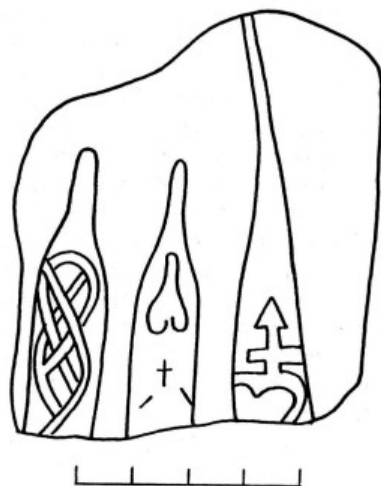

Рис. 6. Городище. Литейная формочка. Раскопки Г. П. Гроздилова 1935 г.

Рис. 5. Городище. Раскоп Г. П. Гроздилова 1935 г. (I — план и II — разрез).

I — черный гумус с находками великокняжеского времени; 2 — светлый песок с находками великокняжеского времени; 3 — слой глины с находками IX—X вв.; 4 — слой глины без находок; 5 — слой с неолитическими находками; 6 — слой глинистой супеси; 7 — слой красной глины.

сруба (5×5 м), располагавшееся в небольшой западине, заполненной намытой в нее щепой и кусками дерева. Следы бревен сохранились в виде тонких прослоек древесины и темно-бурой массы. Зафиксированы небольшие скопления обожженных камней. Г. П. Гроздилов даже счел возможным заключить, что очаг в постройке был сооружен на специальном деревянном помосте, перед которым находилась «выгребная яма для отбросов после сжигания на очаге» (размеры ямы 1×2 м, глубина 0.4 м). При расчистке древесных остатков и камней найдены преимущественно лепная керамика, фрагменты гончарного горшка, украшенного волнистым орнаментом, поделки из кости, железные предметы, грузила, куски шлака и глиняной обмазки. К описанному жилищу (А), по мнению Г. П. Гроздилова, с северо-запада примыкало еще одно жилище (В), лишь частично попавшее в пределы раскопа. Его характеристики автор не дал. У восточной стенки раскопа Г. П. Гроздилов отмечал очажные скопления (комплекс С), где среди камней зафиксированы основания вертикально вбитых кольев.

На юго-западном участке раскопа, примыкающем к раскопу М. К. Каргера, слой глины подвергся наиболее сильному размыву. Вещественный материал разнороден: наряду с лепной профилированной керамикой встречены находки великокняжеской эпохи, неолитическая посуда и кремневые орудия. Именно этот слой М. К. Каргер принял за несдвинутый слой неолитического периода. В юго-восточном углу раскопа 1935 г. открыто скопление бревен, частично уходящее на площадь раскопа М. К. Каргера.

В архивном отчете остатки жилищ и очаги были отнесены Г. П. Гроздиловым к X—XI вв. Так же датировал жилище В. И. Равдоникас, приведя его в качестве аналогии ладожских построек X в.³¹ В публикации Г. П. Гроздилов отнес слой глины с находками лепной керамики и деревянных построек к IX—X вв., тем самым присоединившись к датировке этого слоя М. К. Каргером.³²

В юго-западном углу раскопа, под слоем глины с разновременными находками, залегал слой намытого светлого речного песка, содержащий аналогичный материал. Ниже в этом месте, а на остальной части раскопа непосредственно под слоем глины с находками IX—X вв. зафиксирована красно-бурая глина мощностью 0.4—0.9 м, почти без находок, за исключением десяти обломков сетчатой керамики (рис. 5, II). В нижней части этого слоя залежала темная гумусированная глина с раковинами *upio* — культурные отложения неолитического времени (толщина 0.15—0.4 м). Глубже прослежены различные горизонты древних озерно-аллювиальных отложений.

Остатки неолитического поселения открыты на площади 60 кв. м. Собранный коллекция включает 930 фрагментов керамики, среди которой преобладает посуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, 200 кремневых и сланцевых отщепов и орудий, обломки двух янтарных подвесок.³³

Исследования Г. П. Гроздилова выявили сложную стратиграфию мысовой части Городища, образованной Волховом и Волховцом. Мыс постоянно размывался, слои оползали, неоднократно намывались вторичные отложения. Этот процесс проходил и в позднем средневековье, поскольку слои с соответствующими находками оказались перекрытыми отложениями с неолитическим материалом. Особенно сильно была нарушена территория мыса, ближайшая к Волхову и наиболее низкая. Бревна, расчищенные здесь в слое IX—X вв. на площади раскопа 1934 г., никаких конструкций не образовывали. Аналогичный

характер имеет скопление дерева в юго-западной части раскопа Г. П. Гроздилова. Здесь бревна явно лежат по склону мыса в месте наиболее интенсивного размыва.

Г. П. Гроздилов, однако, полагал, что на более возвышенных участках мыса древние комплексы сохранились, в частности уже упомянутое выше жилище с очагом. Этот факт вошел в археологическую литературу.³⁴ Но критическое обращение к плану раскопа 1935 г. показывает отсутствие на мысу Городища каких-либо построек. «Жилище», о котором писали Г. П. Гроздилов, а за ним В. И. Равдоникас и П. А. Раппопорт, не имеет ни одного угла, ни одной четко выраженной стены. Это хаотичное скопление дерева, смытого или сдвинутого на данный участок поселка. Ни о каких определенных конструкциях очагов, а тем более печей-каменок в пределах раскопа также не может быть и речи (рис. 5, 1).

Прояснить вопрос о характере открытых остатков дерева в отложениях IX—X вв. позволяет анализ структуры самого слоя, где они были найдены. Слой представлял собой глину, частично гумусированную, с включениями песка, дерева, угля, камней, костей и древних предметов. В отличие от него культурный слой с органическими остатками, накапливающийся в обычных условиях, как мы хорошо знаем по раскопкам в Новгороде и Старой Ладогe, имеет совсем иную структуру. И здесь же на Городище, только дальше от края мыса, где копали М. К. Каргер и Г. П. Гроздилов, отложения представляют собой плотные слои черного гумуса, щепы, навоза и соломы, а не гумусированные включения в пласты глины.

В этой связи укажем, что если на городищенском раскопе 1977—1979 г. верхняя часть отложений имела обычную структуру (слои гумуса, щепы, навоза), то напластования над самым материком представляли собой чередование гумусированных включений и отдельных бревен и перемешанной глины. Подобный характер слоя объясняется тем, что здесь находилась низина, которая периодически затоплялась, и слои оползшей глины смешивались с гумусом. Очевидно, в результате именно таких затоплений образовался глинистый слой и на городищенском мысу.

Обитатели Городища, безусловно, использовали мысовую оконечность всхолмления в своей деятельности. Об этом, в частности, свидетельствуют углубленные в материк на 0.4 м основание овальной постройки (1×2 м), открытое Г. П. Гроздиловым, и обнаруженные вертикально вбитые колы, но жилые срубы здесь не располагались.

В свете результатов работ 1934—1935 гг. непонятными оставались отсутствие слоев IX—X вв. в раскопе А. В. Арциховского и малая мощность культурного слоя (0.2—0.4 м), зафиксированная им на мысу Городища. Попытаемся разобраться в этом вопросе. Как отмечал М. К. Каргер, раскоп 1934 г. находился в 10—12 м к югу от места работ 1929 г.³⁵ Г. П. Гроздилов заложил раскоп между этими участками, и тем самым северная стенка раскопа 1935 г. вплотную подошла к траншее А. В. Арциховского, вытянутой по линии запад—восток. Если в траншее толщина культурного слоя не превышала 0.4 м, то в раскопе она составляла 2—2.5 м. Такого резкого перепада на смежных участках быть не могло. Все объясняет стратиграфия. Судя по разрезу северной стенки раскопа Г. П. Гроздилова, верхний слой представлял собой черный гумус с находками великокняжеского времени, мощность которого у восточного края северной стенки раскопа около 1.5 м, через 2 м к западу — 0.8 м, через 4 м — 0.5 м,

через 6 м — 0.25 м, через 8 м — 0.1 м, у западного края этот слой вообще отсутствует. Под ним залегал слой речного наносного песка мощностью до 0.6—0.7 м с редкими аналогичными находками, ниже — слой глины с лепной и раннегончарной керамикой, неолитические отложения и т. д. (рис. 5, *II*). В траншее же А. В. Арциховского обнаружен лишь слой великокняжеского времени толщиной 0.2—0.4 м.³⁶ Совершенно очевидно, что в 1929 г. А. В. Арциховский исследовал только самый верхний горизонт мысовых отложений и, дойдя до слоя речного песка, прекратил раскопки, приняв его за материк.

Археологические обследования С. Н. Орлова начала 1960-х гг. (рис. 4). В 1961, 1963, 1965 гг. охранные осмотры Городища, результаты которых опубликованы, проводил С. Н. Орлов.³⁷ В 1963 г. им были сделаны небольшие зачистки и разобраны останцы смытого культурного слоя на берегах Сиверсова канала. Они показали, что здесь сохраняются культурные отложения с органическими остатками толщиной до 0.4 м, содержащие лепную и раннегончарную или только лепную керамику. Это позволило С. Н. Орлову сделать заключение о наличии на Рюриковом городище слоев, предшествующих по времени возникновению Новгорода.

Раскопки М. Д. Полубояриновой 1965 г. (рис. 4). Отрядом Новгородской археологической экспедиции на берегах Сиверсова канала было заложено 6 шурфов, из которых 4 находились южнее канала, 2 — севернее. Сделаны интересные наблюдения о стратиграфии мысовой части Городища. Древнейшие отложения на южном берегу канала, по мнению М. Д. Полубояриновой, относятся к X в., не исключено — к рубежу IX—X вв. Севернее канала зафиксированы перемешанные напластования. Материалы раскопок были детально опубликованы в 1972 г.³⁸

Раскопки М. К. Каргера 1966, 1968—1970 гг. В 1966 г. к исследованиям на Городище вернулся М. К. Каргер. В 1966 г. к северу и к западу от церкви Благовещенья было заложено несколько значительных раскопов. В 1968 г. разбирались завалы притвора XIX в. В 1969 и 1970 гг. была продолжена расчистка остатков церкви XII в., при этом к северу и к югу от храма М. К. Каргер заложил ряд шурфов, траншей и небольшой раскоп (рис. 4).

В Архиве ИА АН СССР имеются отчеты М. К. Каргера о работах только за 1966 и 1969 гг. В Фотоархиве ЛОИА АН СССР хранятся негативы полевых фотографий раскопок и чертежей. Результаты исследований церкви Благовещенья опубликованы.³⁹ По этим данным можно составить полное представление об итогах раскопок городищенского собора. К сожалению, исследование собственно культурного слоя поселения было проведено М. К. Каргером без должного внимания и тщательности. Слой был вскрыт в поисках архитектурных объектов на значительной площади и во многих местах, но необходимая археологическая документация (планы, разрезы, описания, фотографии, описи находок) отсутствует. Информация о шурфе и траншее 1969 г. в отчет не включена, отчета за 1970 г. вообще нет, судьба коллекции находок неизвестна.⁴⁰ Все это особенно обидно, поскольку в 1966 г. М. К. Каргером был раскопан участок перед церковью Благовещенья, который в верхней части Городища имел наилучшую сохранность культурного слоя. Дело в том, что на берегу Волхова перед собором, начиная с XII в. и вплоть до наших дней, не возводилось никаких не связанных с храмом строений и, кроме того, нижняя часть отложений была законсервирована здесь слоем развала церкви 1103 г., образовавшимся в XIV в.

Церковь Благовещенья на Городище, заложенная в 1103 г., являлась вторым по времени после Софии крупным каменным храмом Новгорода. М. К. Каргером была целиком раскопана западная половина церкви, вся южная стена, западная пара подкуполных столбов и участок центральной абсиды. От памятника частично сохранились фундаменты, а местами небольшие участки стен. Оказалось, что это большой шестистолпный храм с лестничной башней у северо-западного угла. Его длина 22.8 м, ширина (без башни) 15.1 м. Храм был сложен из волховской плиты с нерегулярными прослойками плинфы. Обнаружены многочисленные фрагменты фресковой росписи, надписи-граффити, значительное количество майоликовых плиток древнего пола. «Церковь Благовещенья 1103 г., — как отмечал М. К. Каргер, — по своему плану, по строительнотехническим и художественным особенностям представляла собою как бы протооригинал собора Георгия 1119 г., однако по пропорциям плана и абсолютным размерам она была ближе к собору Николы на Ярославовом Дворище, отличавшемуся от церкви Благовещенья отсутствием лестничной башни, ведущей на хоры».⁴¹

Раскоп I 1966 г. (4×20 м) был заложен в 28 м к западу от церкви Благовещенья, вдоль обрыва берега Волхова. Позже в продольном направлении он был продолжен на 10 м к северу при ширине здесь 2.4 м. Общая площадь раскопа составила 104 кв. м. Лишь в северном конце он был нарушен поздними ямами, а на остальной площади имел четкую стратиграфию. Общая мощность культурного слоя составляла 1—1.6 м (до 2.5 м на месте ям). Под дерном залегал аморфный слой серого цвета, в котором найдена керамика XII—XV вв. На глубине 0.4—0.6 м этот слой прорезала линза строительного щебня, образовавшегося при разборке в XIV в. церкви 1103 г. Вся поверхность материка, отметил М. К. Каргер в отчете, была «изрыта ямами. На дне ям нередко попадает обожженный песок, иногда — камни, зола и обломки обуглившегося дерева. В некоторых ямах и углублениях попадаются обломки лепной керамики».⁴² Кроме волнистой линии материка на общем разрезе и краткого, мало что говорящего описания, никакой документации открытой раскопками карты нет. Мы не знаем, какие были найдены древние предметы. Лишь у О. В. Овсянникова, участвовавшего в раскопках, сохранился схематический рисунок одной из двух найденных шпор (тип неясен) и ромбического плоского железного наконечника стрелы.

После наших исследований Городища очевидно, что М. К. Каргером были обнаружены хозяйственные и столбовые ямы и углубленные в материк нижние части построек. Здесь встречена лепная керамика, что указывает на безусловную датировку по крайней мере части комплексов ранним периодом существования поселения.

Раскоп II был заложен перпендикулярно северной части раскопа I на восток, в направлении на ось северной стены церкви Благовещенья XIV в. Первоначальные размеры раскопа 4×16 м. В дальнейшем он был расширен в восточной части. Общий характер стратиграфии западной части раскопа II повторял стратиграфию раскопа I, однако четко прослеживалось постепенное увеличение в восточном направлении толщины линзы со строительными остатками церкви 1103 г. (до 1 м). Мощность культурного слоя составляла 1.3—1.9 м. Отчетливо наблюдался подъем уровня материка от Волхова к церкви Благовещенья — на 0.6—0.7 м на протяжении 11 м. Ни о каких находках и комплексах в отчете М. К. Каргер не упомянул. В восточной части раскопа были открыты

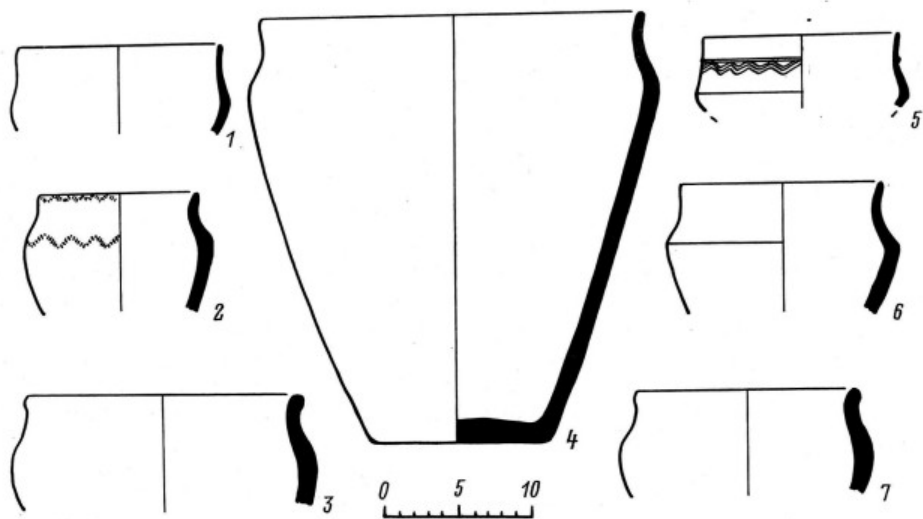

Рис. 7. Городище. Лепная керамика (1—7). Раскопки М. К. Каргера 1966 и 1970 гг.

2 поздних захоронения. Раскоп вплотную подошел к развалу церкви 1103 г., и здесь удалось расчистить северо-западную лестничную башню храма.

Раскоп III 1966 г. (4×12 м) находился к северо-востоку от башни. Юго-западным углом он соприкасался с раскопом II и шел параллельно северной стене храма XIV в., в 6 м от нее. На глубине от 0.5 до 0.75 м обнаружены плотно слежавшиеся остатки разобранной церкви XII в., под которыми встречены обломки керамики XI—начала XII в. (определение М. К. Каргера).

В 1969 г. М. К. Каргер продолжил исследование западной части церкви Благовещения, что и было отражено в отчете. Кроме того, на поле, в 58 м к юго-западу от церкви, был заложен шурф (2×4 м), а в 77 м — траншея (2×10 м), вытянутая с запада на восток и впоследствии расширенная с запада на 4 кв. м. Результаты раскопок неизвестны.

В 1970 г. археологические зондажи были проведены в пяти местах. В 15 м к северо-западу от церкви находился раскоп площадью 36 кв. м. Шурф (2×2 м) был заложен в 36 м к югу от храма, 2 шурфа (2×4 м) — в 19 и 68 м к юго-западу от него. В 53 м к юго-западу от собора располагалась траншея (2×9 м), вытянутая с севера на юг. Результаты раскопок неизвестны. Среди находок была лепная керамика.

Сохранившаяся в ЛОИА АН СССР коллекция лепной посуды из раскопок 1966 и 1970 гг. насчитывает несколько десятков фрагментов.⁴³ По общему облику она не выделяется среди остальной керамики Городища (рис. 7). Преобладают горшки с четко выраженным плечиком, иногда ребром при переходе от венчика к тулову. Орнамент встречен дважды: ложноребенчатые отпечатки в виде елочки по плечу и краю венчика на одном сосуде и ногтевые вдавления по тулову на другом. Особое внимание привлекает обломок тонкостенной чернолощеной ребристой миски диаметром по венчику 13 см. Тесто ее очень плотное, с примесью песка. Верхняя часть миски украшена горизонтальным валиком, под которым нанесен прочерченный орнамент из трех идущих параллельно и образующих углы линий.

Раскопки Н. П. Пахомова 1967—1969 гг. (рис. 4).⁴⁴ В 1967 г. на северном берегу Сиверсова канала, в 150 м к востоку от его впадения в Волхов, уже за пределами собственно городищенского всхолмления, на пойме, был заложен шурф размерами 2×4 м. Древнейшая керамика из шурфа относится к XIV в.

Раскоп (исследования 1967—1968 гг.) находился на южном берегу канала, при его впадении в Волхов, и имел размеры 4×8 м. Он отстоял метров на 10 к северо-востоку от раскопа 1934—1935 гг. Мощность культурных отложений, разбиравшихся пластами по 0.2 м, составляла 1.6 м. Под дерном залегал слой углистого песка толщиной 0.5—1 м, под ним — слой песка толщиной 0.5—0.8 м, а на материке — слой углистой супеси толщиной 0.26—0.45 м. В пласте 8 зафиксированы остатки нескольких разрозненных, плохо сохранившихся плаха и бревен. До глубины 1.2 м встречались исключительно гончарная керамика и многочисленные предметы великокняжеского периода. В пласте 7 из общего числа фрагментов посуды (1144) лепная керамика составляет 21 %, гончарная — 79 %, в пласте 8 — из 594 фрагментов на долю лепной посуды приходится 50.7 %. Кроме керамики, из 7-го пласта происходят 84 находки, из пласта 8 — 51. В их числе обломок жернова и 3 фрагмента костяных односторонних наборных гребней. В предматериковом песке попадались кремневые отщепы и неолитическая керамика.

В 1969 г. к раскопу 1967—1968 гг. с севера была сделана прирезка (4×4 м). Общая мощность культурного слоя составляла около 1.5 м. Основная часть напластований — разнородные слои темно-серого песка с углистыми включениями. В их нижней части сохранились органические остатки. Лепная керамика появилась на глубине 0.6—0.8 м, но до глубины 1 м гончарная посуда все еще господствовала. На глубине 1—1.2 м оба типа керамики широко сочетались, а на глубине 1.2—1.4 м лепная керамика стала основным типом посуды. Наряду с керамикой в пластах 1—6 встречено 87 предметов. По мнению Н. П. Пахомова, представленный на раскопе материал относится к X—XVI вв.

Н. П. Пахомов отмечал, что «в нижнем слое были вскрыты остатки горелого сруба плохой сохранности, со следами лаг и пола из плах. Сохранился каменный очаг в виде скопления обожженных камней. Размеры сруба 3×4.2 м. Внутри сруба найдено много костей крупных животных, роговых спилов костяных пластин — следы местного костерезного производства».⁴⁵ Впоследствии эта постройка была включена П. А. Раппопортом в свод древнерусских жилищ VIII—первой половины X в.⁴⁶ Обращение непосредственно к документации раскопок показывает, что фактически зафиксированы лишь остатки настила или настилов, но остатков собственно срубной постройки нет. Кстати, на плане не показаны и никакие развалы камней. Кроме 146 фрагментов лепной посуды, встречено 5 находок, в числе которых роговой спил и медная многогранная гирилка.

Под настилом расчищена вытянутая яма размерами 0.5—0.9×2.3 м и глубиной 0.15—0.3 м. Ее дно было выложено берестой, а сама она оказалась заполненной костями крупных животных. В яме найдены в основном лепная керамика и 2 фрагмента раннегончарной посуды, а также роговой спил, трубчатая кость со сквозным поперечным отверстием, медная многогранная гирилка и точильный сланцевый брусок. Н. П. Пахомов полагал, что яма — это «склад сырья», относящийся ко времени «не позднее X в.».⁴⁷

При общей оценке характера культурного слоя в раскопе 1967—1969 гг. нельзя не обратить внимания на то, что он представляет собой чередование

различных прослоек гумусированного и углистого песка, чем отличается от слоя нормального накопления (гумуса). В то же время этот песок не переотложен, поскольку наблюдается закономерное статистическое соотношение различных типов керамики по пластам. Очевидно, песчаный слой накапливался при периодических затоплениях в древности мысовой части Городища.

Раскоп II 1969 г. (4×4 м) был заложен на южном берегу Сиверсова канала, в 35 м к востоку от раскопа 1967—1968 гг., и врезан в толщу глины — выброса, образовавшегося при сооружении канала. Под слоем глины мощностью 1.2 м разобран плотный темно-серый гумус толщиной 0.4 м с керамикой и находками (34 экз.) древнерусского времени и позднего средневековья. Ниже шли напластования с органическими остатками мощностью 0.7—0.8 м. Верхняя часть этого слоя (толщина 0.4 м) представляла собой темную супесь с остатками дерева в виде тонких бурых прослоек, углями, развалами камней. Если на уровне 3-го пласта среди керамики наряду с гончарной ранних типов было довольно много лепной, то в 4-м пласте лепная посуда уже составляла подавляющее большинство. Найдены остатки какого-то деревянного сооружения, состоявшего из шести продольных плах, перекрытых поперечной плахой длиной 1.9 м. Над сооружением и вблизи него расчищено скопление камней, среди которых были кусочки обожженной глины. Эти факты, по моему мнению, недостаточны, чтобы подтвердить мнение Н. П. Пахомова, что в раскопе открыта жилища постройки (сруб) с очагом.⁴⁸

Над материком залегал слой мощностью 0.3—0.4 м, состоявший из щепы, навоза, древесной коры и соломы, в котором обнаружена только лепная посуда. В нем зафиксированы различного рода настилы. Лучше всего сохранилось сооружение на материке. Оно состояло «из трех толстых (до 35 см) бревен со сплошным жердевым березовым настилом».⁴⁹ Наряду с керамикой в слое найдено 13 отдельных предметов (точильные бруски, пряслице, деталь бронзовой фибулы и т. д.).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полянский М. И. 1) Отчет о раскопках, произведенных 15-го и 16-го июня 1901 года в селе Городище Новгородского уезда // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1885, д. № 54; 2) Новгородская памятка для туристов. 2-е изд. Новгород, 1908. С. 2—6, 259, 403. См. также: Путеводитель по музею Псковского археологического общества. Псков, 1908. С. 52—53. № 1—30. (Год раскопок М. И. Полянского в путеводителе указан ошибочно).

² Очень общее описание вещей, переданных М. И. Полянским в Псков, позволяет идентифицировать лишь часть из них с предметами описи архивного отчета. Между описями имеются и явные расхождения. Так, в числе переданных вещей значатся 2 металлических нательных крестика, которых в описи отчета нет (Путеводитель... С. 53. № 28, 29). Не исключено, что при передаче части коллекции М. И. Полянский добавил к ней несколько

случайных находок, сделанных на Городище.
³ Arne T. J. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. P. 33, 34.

⁴ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 2. С. 157. № 372—2.

⁵ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 144. Рис. 56, 5.

⁶ Полянский М. И. Новгородская памятка... С. 6.

⁷ О раскопках Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко в гор. Новгороде и его уездах // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, 1910, д. № 62, л. 1—4; Протоколы Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества за 1908—1914 гг. // Там же, ф. 3, д. № 415, л. 124—126; Годовые отчеты Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества за 1908—1915 гг. // Там же, д. № 416, л. 13;

- О доставлении в Министерство народного просвещения ежегодных отчетов о деятельности Русского археологического общества за 1905—1917 гг. // Там же, д. № 302, л. 59; Изложение и обсуждение доклада Н. Е. Макаренко о раскопках в Новгороде летом 1910 г. // ЗОРСА. СПб., 1913. Т. X. С. 354—356.
- ⁸ *Рерих Н. К.* Подземная Русь // Сочинения. М., 1914. Книга первая. С. 209—211.
- ⁹ Фотоархив ЛОИА АН СССР: II 14683.
- ¹⁰ Изложение и обсуждение доклада Н. Е. Макаренко. . . С. 354.
- ¹¹ Там же. С. 355; ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913. С. 165.
- ¹² Протоколы Отделения. . . Л. 124 об.
- ¹³ Изложение и обсуждение доклада Н. Е. Макаренко. . . С. 355—356.
- ¹⁴ *Арциховский А. В.* 1) Раскопки 1929 г. в Новгородской округе // Материалы и исследование (Новгородский гос. музей). Новгород, 1930. Вып. 1. С. 28; 2) Отчет о раскопках Рюрикова городища близ Новгорода в 1929 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1929, д. № 273, л. 1—19. Полевой дневник раскопок сохранился в личном архиве А. В. Арциховского. Я искренне благодарен А. С. Хорошеву за предоставленную возможность ознакомиться с дневником.
- На плане в отчете о раскопках показаны 3 траншеи 1929 г. Кроме названных двух, третья траншея нанесена на план южнее канала, на огородах, однако о ней нет никаких упоминаний в дневнике и в отчете. Не исключено, что на плане отмечено лишь предполагавшееся место работ.
- ¹⁵ *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 г. . . С. 28.
- ¹⁶ *Янин В. Л.* Актовые печати. . . Т. 1. С. 70, 189, № 111.
- ¹⁷ *Арциховский А. В.* Раскопки 1929 г. . . С. 29—30.
- ¹⁸ *Арциховский А. В.* Отчет о раскопках Рюрикова городища. . . Л. 1, 2, 6, 11, 16.
- ¹⁹ Документация и различные сведения о раскопках М. К. Каргера хранятся в Архиве ЛОИА АН СССР: *Каргер М. К.* 1) Дневник Новгородской археологической экспедиции 1934 г. // Ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. № 399, л. 9—29, 32, 43 и др.; 2) Раскопки в Новгороде в 1934 г. // Ф. 2, оп. 2, 1934 г., д. № 574, л. 2—14; О работах Новгородской экспедиции 1934 г. // Ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. № 155; Отчеты об археологических раскопках в 1934 г. // Ф. 2, оп. 1, 1934 г., № 268, л. 148—151; О работе бригад по проверке работ экспедиций Академии в 1934 г. // Ф. 2, оп. 1, 1934 г., д. № 126, л. 27; Полевые чертежи // Арх. 1161; Чистовые чертежи // Ф. 2, 1934 г., № 400, л. 1—3. В Фотоархиве ЛОИА АН СССР имеются 2 полевых снимка разрезов стенок раскопа I и 10 фотографий вещей и ке-
- рамики (шифр 0.1084). Информация о результатах раскопок и таблица находок опубликованы: *Каргер М. К.* 1) Новгород: Рюриково городище // Археол. исслед. в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 18—22. Табл. V; 2) Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. 9. С. 145—148.
- ²⁰ *Каргер М. К.* Новгород: Рюриково городище. С. 20.
- ²¹ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. М., 1968. Вып. E1—55. С. 83, 84. Рис. 73. Табл. 79.
- ²² *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 165, 166. Рис. 5.
- ²³ Там же.
- ²⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 156—158. Рис. 62, 23—27. Формочка происходит не с раскопа, а входит в коллекцию подъемного материала, собранного в 1934 г., поскольку шифр находок из раскопа I на Городище — Г—I и номер, а на фотографии формочки виден иной шифр — ПМ и номер, что, конечно, раскрывается как «подъемный материал».
- ²⁵ *Каргер М. К.* Основные итоги. . . С. 148.
- ²⁶ *Каргер М. К.* Памятники древнерусского зодчества: (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // Вестн. АН СССР. 1970. № 9. С. 82.
- ²⁷ Архив ЛОИА АН СССР: *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Новгороде в 1935 г. // Ф. 2, оп. 1, 1935 г., д. № 276, л. 1—23; д. № 363, л. 1—23. Чертежи раскопок 1935 г. // Ф. 2, арх. 1155, л. 1—3, Фотоархив ЛОИА АН СССР: шифр 0.1220 1—10; *Гроздилов Г. П.* 1) Новгородская археологическая экспедиция 1935 г. // СА. 1936. Т. 1. С. 279, 280; 2) Неолитическая стоянка у с. Городище на р. Волхове // БКИЧП. 1940. № 6—7. С. 36—38.
- ²⁸ К сожалению, о находках мы можем судить лишь по их перечислению в архивном отчете и имеющейся там небольшой таблице, поскольку сама коллекция пропала во время войны.
- ²⁹ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 165, 166. Рис. 5.
- ³⁰ *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Новгороде. . . Л. 5.
- ³¹ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога: (Из итогов археологических исследований 1938—1947 гг.) // СА. 1949. Т. XI С. 27.
- ³² *Гроздилов Г. П.* 1) Новгородская археологическая экспедиция. . . С. 279, 280; 2) Неолитическая стоянка. . . С. 36, 37.
- ³³ *Гроздилов Г. П.* Неолитическая стоянка. . . С. 37, 38. Рис. 2, 3.
- ³⁴ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. С. 27, 28; *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. E1—32. С. 67. № 171.

- ³⁵ Каргер М. К. Новгород : Рюриково городище. С. 20.
- ³⁶ Арциховский А. В. Раскопки 1929 г. . . . С. 28.
- ³⁷ Орлов С. Н. Археологические исследования на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1973. № 135. С. 77—79. Рис. 26.
- ³⁸ Полубояринова М. Д. Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М., 1972. С. 217—223.
- ³⁹ Архив ИА АН СССР: Каргер М. К. 1) Отчет Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и ЛГУ о раскопках руин ц. Благовещенья на Городище в Новгороде в 1966 г. Р-1. № 3609; 2) Отчет о раскопках Архитектурно-археологической экспедиции ЛОИА АН СССР и ЛГУ в Новгороде в 1969 г. Р-1. № 4360; Фотоархив ЛОИА АН СССР: шифр 0.2950 (1—78); 0.2834 (1—76); Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества. . . С. 79—85; Раппопорт П. А. Русская архитектура X—XIII вв. // САИ 1982. Вып. Е1—47. С. 74. № 114; С. 130. Табл. 14.
- ⁴⁰ Сотрудник экспедиции В. А. Назаренко любезно передал мне схему расположения раскопов М. К. Каргера в 1969 и 1970 гг. и свои краткие записи о траншеях тех лет и некоторых находках. В ЛОИА АН СССР сохранилась лишь коробка с лепной керамикой из раскопок 1966 и 1970 гг. Эта керамика передана в Новгородский музей и опубликована. См.: Носов Е. Н. Лепная керамика из раскопок на Рюриковом городище под Новгородом // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 95—98.
- ⁴¹ Каргер М. К. Памятники древнерусского зодчества. . . С. 85.
- ⁴² Каргер М. К. Отчет. . . 1966 г. Л. 6.
- ⁴³ Носов Е. Н. Лепная керамика. . . С. 95—98.
- ⁴⁴ Пахомов Н. П. 1) Отчет о раскопках 1967—1968 гг. на Новгородском (Рюриковом) городище // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 4217, л. 1—55; № 4217^a, л. 1—40; 2) Археологические исследования 1969 г. в южной части «Рюрикова» (Новгородского) городища: Отчет Новгородской экспедиции за 1969 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. Д. № 3996, л. 117—141; 3) Раскопки Рюрикова городища // АО 1969 г. М., 1970. С. 24, 25.
- ⁴⁵ Пахомов Н. П. Раскопки. . . С. 24, 25.
- ⁴⁶ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище. . . С. 49, № 112.
- ⁴⁷ Пахомов Н. П. Раскопки. . . С. 25.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.

ИЗУЧЕНИЕ МЫСОВОЙ ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ. СТРАТИГРАФИЯ,
ПОСТРОЙКИ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Раскопки на южном берегу Сиверсова канала проводились для уточнения стратиграфии мысовой части Городища и в охранных целях, в связи с размытием культурных отложений на берегах канала. Вдоль обрыва южного берега канала были заложены 3 траншеи, врезанные в толщу выбросов из канала на 2—3 м, а между каналом и Спасовским ручьем — 3 шурфа. Траншея 1975 г. длиной 20 м находилась в 100 м от Волхова, в 20 м к востоку от шурфа № 3 М. Д. Полубояриновой и раскопа II

1969 г. Н. П. Пахомова. В 8 м к западу от нее располагалась траншея 1980 г. длиной 20 м, в свою очередь примыкавшая с востока к десятиметровой траншее 1979 г. Таким образом, за три года был получен срез культурных отложений мысовой части Городища на протяжении 50 м (рис. 4).

На всем исследованном участке культурные напластования перекрыты плотной коричневой глиной толщиной от 0.6 до 2.2 м, появившейся здесь при сооружении Сиверсова канала. Общая мощность культурного слоя под глиной на участке раскопов 1979—1980 гг. составляет в среднем 1.2—1.3 м и уменьшается к востоку до 0.8—0.9 м на площади раскопа 1975 г. Его верхняя часть — плотный серый гумус с включениями битого кирпича, щебня и разрозненных прослоек древесного тлена. Толщина этого слоя также уменьшается по мере удаления от Волхова с 0.7 до 0.5 м и даже 0.15—0.2 м на раскопе 1975 г. Однородный по структуре серый гумус несколько различается по цвету. Сверху, на глубину 0.2—0.4 м, он имеет темно-серую окраску, ниже — более светлую (рис. 9, IV).

В слое никаких комплексов не прослежено. Найдены многочисленные обломки гончарной керамики XII—XV вв. и более редкие фрагменты посуды XVI—XVIII вв. Большинство находок также датируется XII—XV вв. Обнаружено 55 обломков стеклянных браслетов, часть костяного двухстороннего гребня, подобного бытовавшим в Новгороде со второй четверти XII до первой четверти XIV в. (тип К, по Б. А. Колчину),¹ калачевидное кресало без язычка (конец XI—середина XIII в.),² овальное короткое кресало (начало XIII—первая четверть XV в.),³ 2 железных ключа от навесных замков, получивших наибольшее распространение в Новгороде в XIII—XIV вв.,⁴ броневой (граненый) наконечник стрелы пирамидальной формы и квадратного сечения (XII—XIV вв. — тип 87, по А. Ф. Медведеву).⁵ Назову также вислую свинцовую печать Великого Новгорода, тверское пуло XV в. и шведскую серебряную монету Карла XI (1660 г.). Среди прочих находок имеются предметы из бронзы

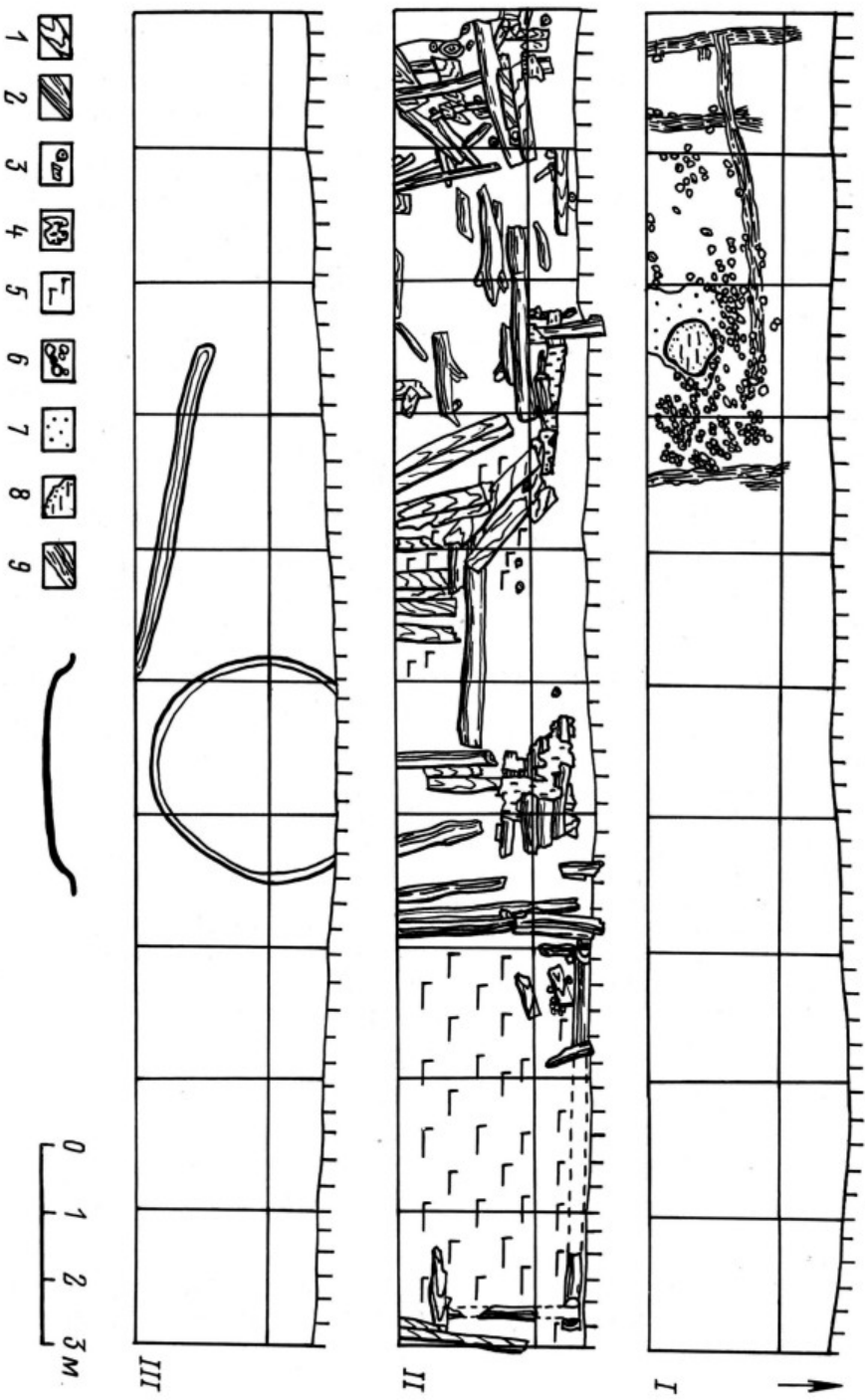

Рис. 8. Городище. Планы раскопа 1975 г. (I — на уровне черного гумуса; II — на уровне коричневого гумуса; III — на уровне материка).

1 — доски; 2 — бревна; 3 — колышки; 4 — береста; 5 — синяя глина; 6 — камни; 7 — песок; 8 — зола; 9 — древесный тлен.

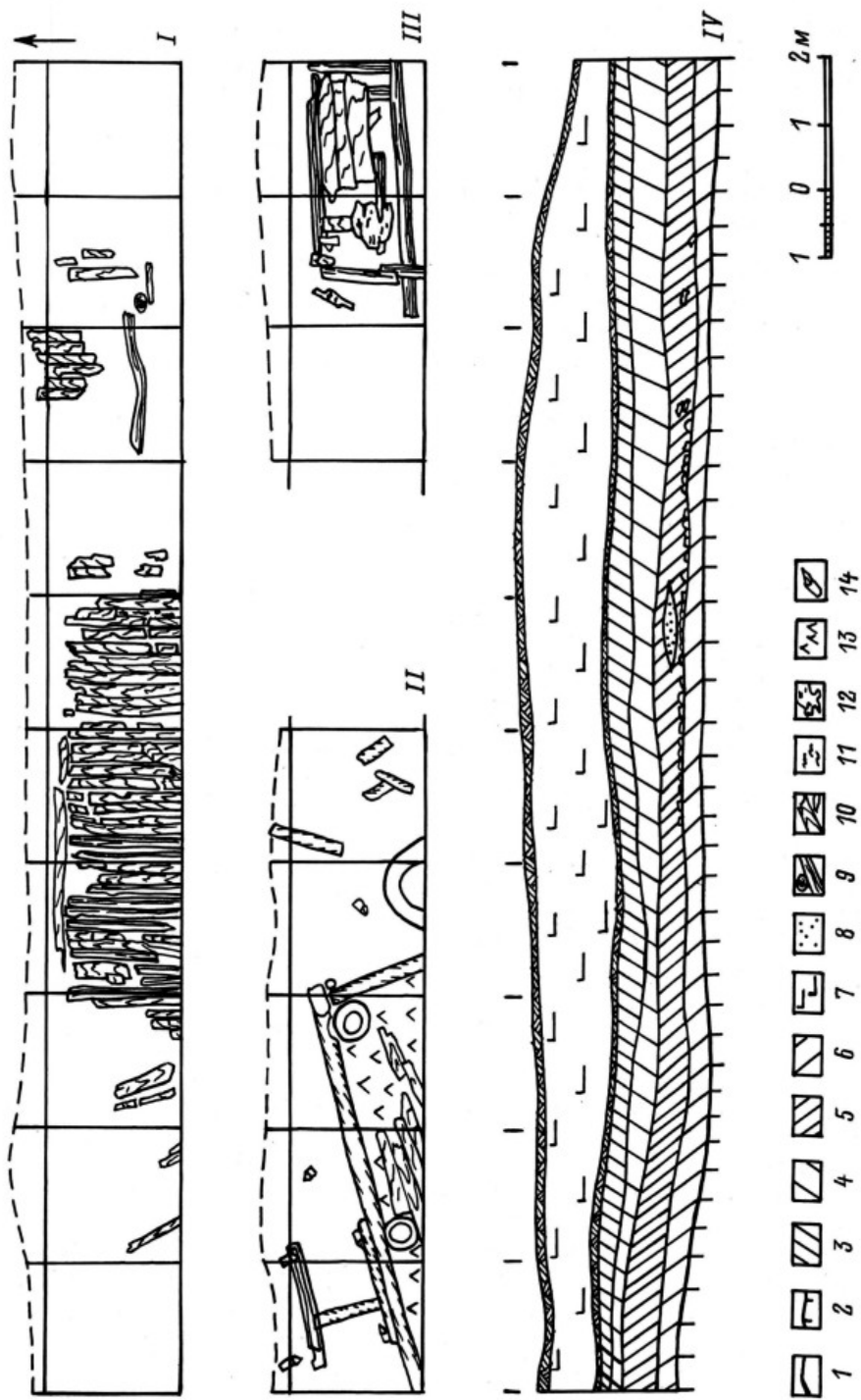

Рис. 9. Городище. Планы раскопов 1979 (II — на уровне коричневого гумуса) и 1980 гг. (I — на уровне черного гумуса; III — на уровне коричневого гумуса). Разрез раскола 1980 г. (IV).
 1 — дерн; 2 — материк; 3 — темно-серый гумус; 4 — светло-серый гумус; 5 — черный гумус; 6 — коричневый гумус; 7 — коричневая глина; 8 — песок; 9 — бревна; 10 — доски; 11 — древесный тлен; 12 — береста; 13 — желтый суглинок; 14 — колья.

(обломок трехпроволочного витого браслета XI—XIV вв.,⁶ игла от фибулы, крестик, трапециевидная накладка, пряжка), глины (3 пряслица, грузило от сети), камня (2 пряслица, в том числе шиферное, 2 обломка оселков, грузило от сети), железа (6 ножей и их обломков, часть шарнирных ножиц, ледоходный шип, пряжка, кольцо, пластина и дверной пробой), стекла (обломки двух сосудиков и 4 бусины — зеленая и желтая бисерины, синяя лимонка и голубая зонная бусина),⁷ кроме того, половинка янтарной бусины и конусовидный свинцовый грузик, подобный известным в Новгороде на протяжении всего средневековья.⁸

Культурные отложения под слоем серого гумуса имеют мощность 0.5—0.7 м (местами до 0.9 м). На западных квадратах раскопа 1975 г. они отделялись от вышележащих горизонтов прослойкой коричневой глины толщиной 0.1—0.25 м. По структуре нижние горизонты отложений делятся на две части: идущий сверху черный гумус, в котором остатки деревянных построек сохраняются в виде трухи и тлена, и лежащий на материке темно-коричневый слой с органическими остатками (дерево, навоз, солома) мощностью 0.2—0.3 м (местами до 0.5 м). Только этот нижний слой по сохранности органических остатков сопоставим с культурным слоем Новгорода (рис. 4).

Остановимся прежде всего на находках из слоя черного гумуса. На площади раскопа 1975 г. была обнаружена северная часть сруба, ушедшего своей южной частью под стенку раскопа (рис. 8, 1). В его северо-восточном углу находилась развал печи-каменки. Размеры вскрытой части сруба 1.8×5.5 м. С запада к срубу примыкал небольшой тамбур шириной 1.1 м, где, видимо, и был вход в постройку. Если это так, то печь в доме располагалась напротив входа, в левом заднем углу.

При расчистке постройки найдены обломки лепной и гончарной керамики ранних типов, часть костяного одностороннего гребня, украшенного орнаментом из прочерченных линий (рис. 10, 4), подобного бытовавшим в Восточной и Западной Европе в IX—XI вв.,⁹ литая позолоченная бронзовая бляшка-накладка с плетеным орнаментом (рис. 10, 2), 2 спиральки из бронзы, половинка костяного разделителя с тремя отверстиями (рис. 11, 1), 2 сланцевых оселка, один из которых с отверстием для подвешивания (рис. 11, 12, 13), костяная проколка (рис. 11, 6), обломок рогового пулевидного наконечника стрелы-тамара (рис. 11, 4), имеющего очень широкие хронологические и территориальные рамки бытования,¹⁰ предметы из железа: рыболовный крючок (рис. 11, 15) и 2 стержня с загнутыми концами (рис. 11, 16), а также 4 бусины: многогранная сердоликовая, желтая бисерина, серебростеклянная лимонка и бусина бочонковидной формы из заглушенного печеночно-красного стекла.

В 16 м к западу от описанного жилого дома в 1980 г. раскрыт деревянный настил (рис. 9, 1). Размеры раскопанной части настила 1.9×6.2 м. Настил состоял из плах и досок шириной 15—20 см, уложенных вплотную на 2 ряда дощатых подкладок, находившихся на расстоянии 2 м друг от друга. В 3 м к востоку от настила зафиксировано еще 6 лежавших вплотную дощечек длиной 0.7—0.9 м.

Общее количество обломков посуды на вскрытых участках в слое черного гумуса резко различается. На раскопе 1979 г. на площади 40 кв. м найдено 216 фрагментов лепной керамики и 11 — гончарной; на 80 кв. м площади раскопа 1980 г. — соответственно 64 и 16, а на раскопе 1975 г., где были открыты остатки жилого дома, собрано около 2 тыс. фрагментов посуды. В западной

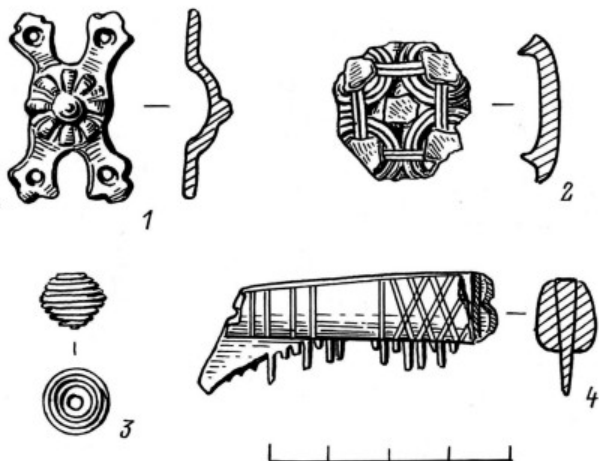

Рис. 10. Городище. Южный берег Сиверсова канала.
Находки (1—4) из слоя черного гумуса.

части раскопа 1975 г. слой черного гумуса оказался четко стратиграфически отделенным прослойкой глины от вышележащих напластований. Здесь на площади 36 кв. м найдено 1423 обломка керамики (лепной — 63.5 %, раннегончарной — 36.5 %). При разборке слоя пластинами толщиной по 0.1—0.12 м было установлено, как постепенно менялось соотношение керамики:

	Всего фрагментов	Лепная керамика (в %)	Раннегончарная керамика (в %)
1-й пласт	311	40	60
2-й пласт	365	71.5	28.5
3-й пласт	334	92	8

Кроме керамики, в черном слое обнаружено 80 других находок, причем большинство из них сделано в районе жилого дома, что повторяет общую закономерность их месторасположения, выявленную по керамике. Среди находок, помимо уже названных при описании сруба, имеются предметы из бронзы (фигурная накладка с выпуклой розеткой в центре (рис. 10, 1) и колечко), железа (2 ножа (рис. 11, 9), ледоходный шип (рис. 11, 14), кольцо (рис. 11, 17)), кости (рукоять (рис. 11, 2), проколка (рис. 11, 5), плоский предмет с заостренным концом и фигурной верхней частью (рис. 11, 3), подчетыреугольная пластина — заготовка, часть рога со следами спилов), 2 сланцевых оселка с отверстием для подвешивания (рис. 11, 10, 11) и 3 крупных сланцевых точила, 2 глиняных пряслица, из которых одно плоское, а второе более конической формы (рис. 11, 7, 8), сердоликовая плоская овальная вставка, видимо от перстня.

Из 50 бусин 6 каменных, 43 стеклянных и одна биконическая, свитая из бронзовой проволоки (рис. 10, 3) (при описании бус мы учитываем и 4 уже упомянутые ранее бусины из жилого сруба). Среди каменных бус 5 хрустальных (2 многогранные, шестигранная, овальная, призматическая и круглая) и многогранная сердоликовая бусина. Все стеклянные бусы Городища находят ближайšie аналоги среди бус Старой Ладogi, а поэтому при их характеристике

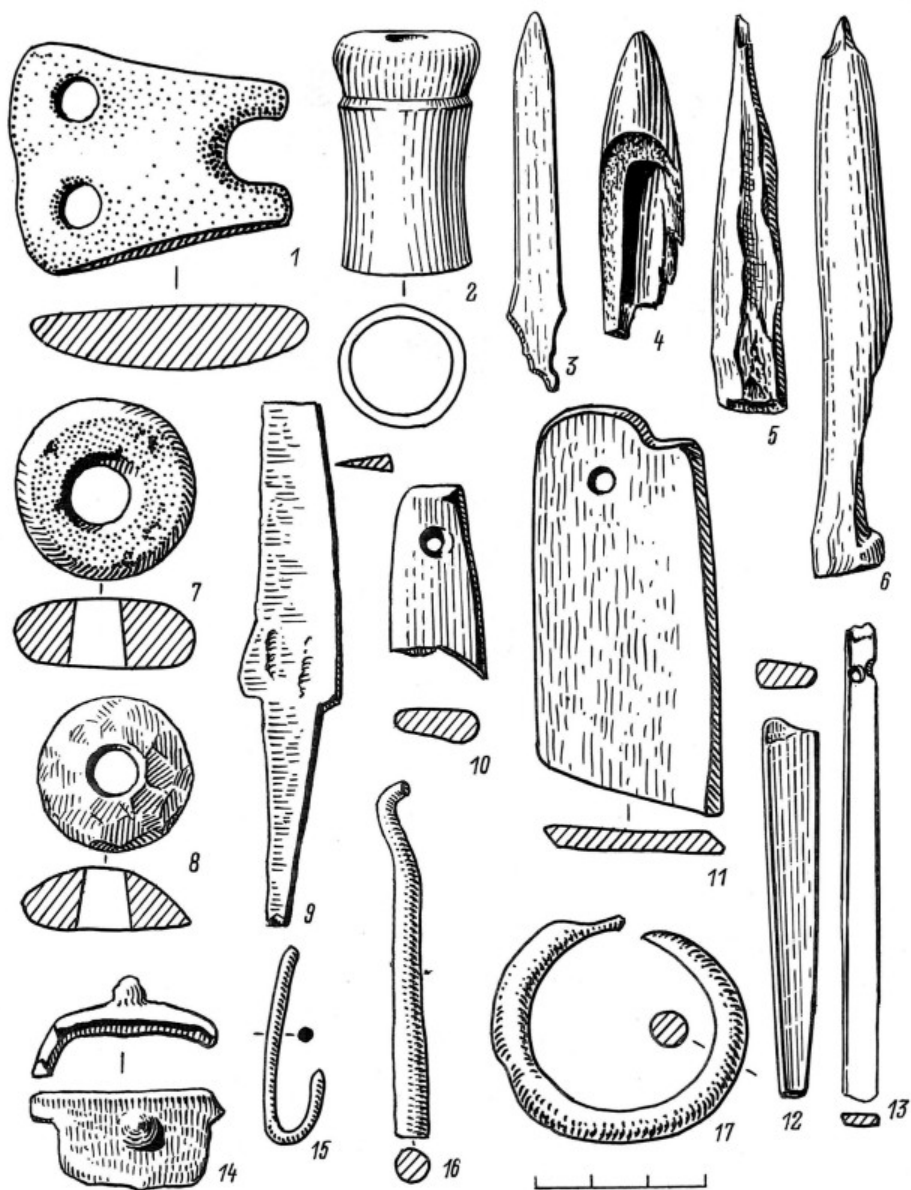

Рис. 11. Городище. Южный берег Сиверсова канала. Находки (1—17) из слоя черного гумуса.

мы исходим из детальной классификации ладожских бус З. А. Львовой и некоторых дополнений, сделанных Е. А. Рябининым на основании раскопок последних лет.¹¹ На новгородские материалы приходится опираться в меньшей степени, поскольку они в основном датируются более поздним временем, чем древнейшие напластования Городища.¹²

Наиболее многочисленную группу составляют бусы, сделанные из тянутых стеклянных трубочек (VIII группа, по классификации З. А. Львовой). В нее входят бисер и различные пронизки. Найдено 28 бисерин, которые по цвету распределяются следующим образом: синие — 15, желтые — 5, белые — 5, зеленые — 3. Еще одну категорию бус составляют серебряные и золоченые лимонно-образные бусы и многочастные пронизки. Насчитывается 7 таких бусин (одна семичастная золоченая пронизка, 4 двухчастные пронизки — 3 золоченые и одна серебряная — и 2 серебряные лимонки). Найдены также синяя лимонка и синяя двухчастная пронизка.

Среди других бус плоская подчетыреугольная мозаичная бусина с полосатой зеленой поверхностью и двумя глазками, представляющими собой синее ядро в белом, красном и желтом концентрических кругах (I группа, по З. А. Львовой), бусина бочонковидной формы из заглушенного стекла печеночно-красного цвета (III группа, по З. А. Львовой), крученая рубчатая бусина светло-бежевого заглушенного стекла (IV группа, по З. А. Львовой), молочно-белая бусина кольцеобразной формы (IV группа, I подгруппа, по З. А. Львовой). Среди крученых бус Ладоги, относимых З. А. Львовой к I подгруппе IV группы, имеют аналогии также бусина кольцеобразной формы, голубоватого стекла с молочно-белой волнистой полоской и желтоватая зонная бусина, украшенная печеночно-красными полосками и мозаичными глазками. Весь комплекс бус из черного слоя мысовой части Городища по своему характеру ближе всего комплексу ладожских бус горизонта Е₁ и уровня построек горизонта Д, т. е. бусам второй половины IX—первой половины X в. Части бус Городища можно найти аналогии и в Новгороде, но в целом здесь такие бусы представлены в гораздо меньшем числе, чем в Ладоге.

Обратимся теперь к материалам из слоя темно-коричневого гумуса, лежащего непосредственно на материке. В восточной части раскопа 1975 г. была обнаружена северная часть основания постройки, представлявшей собой рубленный в обло сруб со стенами, ориентированными по странам света (рис. 8, II). Длина полностью расширенного северного бревна сруба 5.9 м, ширина исследованной части комплекса 2.8 м. Бревна стен имели толщину 0.18—0.24 м, чашка устраивалась в нижнем бревне, выпуск концов северного бревна окладного венца составлял 0.1—0.16 м. Под северное бревно были положены деревянные чурки-подкладки (сохранились 2 из них длиной 0.5—0.7 м), которые в свою очередь лежали на глиняной подсыпке толщиной до 0.25 м, сделанной здесь для гидроизоляции и выравнивания участка перед возведением постройки. Параллельно восточному бревну первого венца сруба, отступая от него на 0.2—0.3 м и на 0.2 м ниже, находилось бревно, ограничивавшее подсыпку под сруб. Видимо, одно из бревен, параллельных бревну западной стены сруба, выполняло такие же функции. Описанный конструктивный прием предохранения домов от сырости (строительство их на специальной подсыпке) широко использовался жителями древней Ладоги,¹³ а близкие по принципиальной схеме «фундаментные площадки» отмечены и для части построек Новгорода.¹⁴ Такие же площадки открыты в Киеве при раскопках

на Подоле.¹⁵ Тщательность, с которой было подготовлено фундаментное основание для городищенской постройки, и толщина бревен стен, обычная в древнем Новгороде при возведении домов, свидетельствуют о том, что перед нами остатки жилого строения.

В одном метре к западу от дома зафиксирован дворовый настил из четырех положенных рядом бревнышек длиной 1.5—1.7 м, перекрытых кусками березовой коры. Расположение настила именно здесь оказалось неслучайным. Выяснилось, что под ним был не плотный материк, а заполнение огромной хозяйственной ямы диаметром 3.4 м и глубиной 0.4 м, что и обусловило особую увлажненность участка (рис. 8, III). При расчистке в яме найдены фрагменты лепной керамики. На остальной части раскопа 1975 г. обнаружены беспорядочно набросанные бревна, жерди и доски, часть их могла служить в качестве отдельных мостков. В материке на протяжении 4.6 м прослежена грунтовая канавка шириной 0.2 м и глубиной 0.15 м, уходящая за пределы раскопа — основание стоявшего здесь частокола.

На раскопе 1980 г. в слое темно-коричневого гумуса остатки деревянного сооружения были найдены лишь у восточного края (рис. 9, III). Конструкция состояла из нескольких бревен, положенных как бы по периметру прямоугольника, концами вплотную друг к другу или одно на другое (длина северного бревна 2.75 м, южного — 4 м, восточного — 1.4 м, двух западных — 1.2 и 0.6 м — вскрыто частично). Внутреннее пространство было выложено досками параллельно длинным сторонам сооружения.

На раскопе 1979 г. открыты остатки постройки, уходящей под южную стенку раскопа (рис. 9, II). Северо-западное бревно диаметром 14—18 см расчищено на длину 6.25 м. Сверху его северо-восточный конец стесан. Впритык к нему лежит бревно, ограничивавшее постройку с северо-востока (диаметр 14 см, вскрыто на длину 1.5 м). Северо-восточный угол строения с внешней стороны был закреплен вбитым вплотную к нему колом. Бревна ограничивали слой желтого суглинка толщиной 0.15—0.26 м, явившийся подсыпкой, сделанной перед строительством для гидроизоляции и выравнивания участка. Не исключено, что расчищенные бревна служили подкладками под стены сооружения. Видимо, в несущих конструкциях постройки использовались массивные вертикальные столбы. Так, в северо-восточном углу находилась столбовая яма диаметром 0.5—0.58 м и глубиной 0.29 м. Там, где она вплотную примыкала к северо-западному бревну, в последнем сбоку была сделана врубка. У северо-западного бревна, в 2.8 м от этой ямы, есть вторая яма еще от одного столба (диаметр 0.45 м, глубина 0.31 м). На слое суглинка зафиксировано несколько досок, скорее всего от пола. Постройку возвели в самом начале освоения данного участка, поскольку подсыпка сделана непосредственно на материке и лишь в одном месте — на прослойке культурных отложений толщиной 0.1 м.

Вплотную к северо-западной стенке постройки примыкала отмостка. Она представляла собой 2 бревнышка длиной 1.7 и 1.8 м и диаметром 14—16 см, положенных параллельно на расстоянии 1 м друг от друга и закрепленных на месте кольями. Одно из них сверху подтесано. На бревнышках сохранилась плаха длиной 1.1 м, а раньше плахи, конечно, лежали по всей их длине. К востоку от описанных сооружений расчищена вырытая в материковой глине хозяйственная яма диаметром 1.2 м, глубиной 0.28 м с уплощенным дном.

На площади раскопа 1979 г. в слое темно-коричневого гумуса найдено 48 обломков лепных сосудов и фрагмент донца гончарного горшка. На раскопе

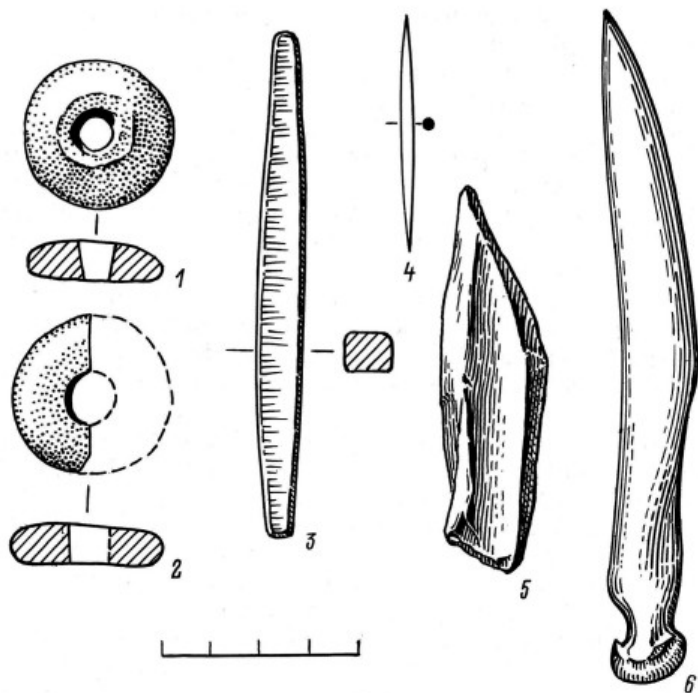

Рис. 12. Городище. Южный берег Сиверсова канала. Находки (1—6) из слоя коричневого гумуса.

1980 г. находки также крайне малочисленны: 31 фрагмент лепной керамики, половинка плоского глиняного пряслица (рис. 12, 2) и часть четырнадцатигранной хрустальной бусины. Количество находок в предматериковом слое, как и в слое черного гумуса, возрастает на раскопе 1975 г., где зафиксированы остатки жилого дома. В слое здесь встречены исключительно лепная керамика (67 обломков), сланцевый оселок (рис. 12, 3), предметы из кости (игла (рис. 12, 4), проколка (рис. 12, 5), кочедык (рис. 12, 6)), плоское глиняное пряслице (рис. 12, 1), берестяное донце, кремневый скребок и 11 бусин. Среди последних 5 желтых бисерин и одна белая, зеленая призматическая бусина, часть бусины бочонковидной формы из заглушенного стекла печеночно-красного цвета (III группа, по классификации З. А. Львовой), цилиндрическая бусина печеночно-красного стекла (IV группа, I подгруппа, по З. А. Львовой) и 2 четырнадцатигранные сердоликовые бусины.

Шурф № 1 1975 г. (1×1 м) находится в 21 м к югу от раскопа 1980 г. (рис. 4). В нем под пахотным слоем залегал слой серого гумуса мощностью 0.7—0.8 м с включениями древесного тлена, глины, битого кирпича, щебня и обломков позднесредневековой гончарной посуды. Ниже шел слой черного гумуса толщиной 0.1—0.2 м с аналогичными находками, который сменился слоем желтого песка. В песке найдены фрагменты керамики XII—XVIII вв., битый кирпич и щебень. Песок был прокопан на глубину 0.45 м, а шурф доведен до отметки 1.6 м от поверхности. Таким образом, вся верхняя часть культурных напластований в этой части Городища переотложена. Помимо керамики,

обнаружены 3 обломка стеклянных браслетов, обломок стеклянного перстня и часть костяной точеной ручки.

Шурф № 2 1975 г. (1×2 м) располагается в 11 м к югу от раскопа 1980 г. Общая мощность культурного слоя достигала 1.85—2.2 м. Ниже пахотного слоя залегал слой серого гумуса (1—1.3 м) с гончарной керамикой XII—XIII вв. Здесь обнаружены обломки трех стеклянных браслетов и глиняное грузило от рыбацкой сети. Этот слой полностью переотложен и образовался в результате вывозки сюда грунта при строительстве Сиверсова канала. Под ним зафиксирован гораздо более плотный слой серого гумуса (0.4—0.5 м) с фрагментами гончарной посуды в основном XII—XIV вв., битого кирпича, щебня и включениями песка. Далее залегал слой черного гумуса (0.15—0.2 м) с лепной и раннегончарной керамикой, а затем — прослойка темно-коричневого гумуса толщиной 5 см с включениями щепы, навоза и нескольких фрагментов лепной посуды. Все 3 нижних слоя аналогичны соответствующим слоям на раскопах на берегу Сиверсова канала.

Шурф № 3 1975 г. (1×3 м) был заложен в 6 м к югу от раскопа 1975 г. на слое глиняного выброса из канала. Его глубина 2.5—2.6 м. Под слоем дерна и слоем коричневой глины (0.3—0.5 м) залегал переотложенный слой серого гумуса с керамикой XII—XVIII вв. (1.5—1.6 м). Кроме того, найдены 2 обломка стеклянных браслетов, сланцевый оселок с отверстием, шиферное биконическое пряслище и овальное глиняное грузило. Под этим слоем прослежен слой более плотного серого гумуса с гончарной посудой в основном XII—XIV вв., битым кирпичом и щебнем (0.3—0.4 м), аналогичный соответствующему слою раскопа 1975 г., а еще ниже — слой черного гумуса (0.15—0.25 м) с раннегончарной и лепной посудой. На границе этих слоев найден плетеный браслет из четырех проволочек оловянисто-свинцового сплава, к проволочному основанию которого припаян литой орнаментированный щиток (в Новгороде подобные браслеты найдены в горизонтах второй половины XII—начала XIII в.).¹⁶

Шурфовка показала, что к югу от раскопов 1975, 1979, 1980 гг., в сторону древнего русла Волховца, культурный слой начального периода существования поселения резко выклинивается (по существу это самая окраина поселка), а основная часть напластований появилась здесь при перемещении грунта во время строительства Сиверсова канала.

В 1983 г. эти наблюдения подтвердились. Тогда — в рамках работ нашей экспедиции — в 70 м к востоку от Волхова, перпендикулярно каналу и в 8 м к югу от него, М. В. Шориным была заложена траншея 2×8 м.¹⁷ Здесь также был зафиксирован слой выброса из русла канала мощностью до 1.7 м (его верхняя часть — 0.3—0.6 м — коричневая глина, нижняя — серый гумус), из которого происходят разновременные керамика и предметы (обломки стеклянных браслетов, бусы, грузила из глины и камня, 2 цилиндрических замка, точильные бруски, каменный крестик и т. д.).

Под этим слоем прослежена дневная поверхность времени строительства канала, а ниже — слой мощностью 0.3—0.4 м с многочисленными обломками посуды XII—XVII вв., большим количеством железных шлаков, обломками стеклянных браслетов, ножами, бусами и грузилами. Над материком зафиксирован слой черного гумуса (0.25—0.3 м), в котором встречена раннегончарная и лепная керамика, а среди находок имеются пастовая бусина и спилы лосиного рога. В материке обнаружены несколько ям и 5 параллельных друг другу узких

канавок, шедших вдоль Спасовского ручья перпендикулярно Волхову.¹⁸ Две канавки на основании находок исключительно лепной и раннегончарной керамики относятся к начальному периоду существования поселения, другие — датируются поздним средневековьем.

В археологической литературе подобные канавки однозначно рассматриваются как основания деревянных частоколов. В древнем Новгороде в такие канавки вплотную ставился ряд столбов, основания которых укреплялись забитыми на дно канавок обрубками бревен. Нижние концы столбов не заострялись, а имели тупой обруб. Обычный диаметр столбов частокола 12—14 см, длина, как считает П. И. Засурцев, — 2.5—2.6 м. По его мнению, верхние концы частоколов также имели крепления. В Новгороде частоколы ограждали усадьбы со стороны улиц и разделяли их между собой.¹⁹ Такое же устройство частоколов (тына) было распространено и в других средневековых русских городах. М. Г. Рабинович полагал, что тын делался выше человеческого роста и его наземная часть должна была достигать примерно 2 м.²⁰ Важно подчеркнуть, что расположение пяти разновременных частоколов на одном и том же месте — на южной окраине поселения на Городище — свидетельствует о достаточно стабильной его границе на данном участке. Нет данных для того, чтобы решить вопрос о том, ограничивал ли сплошной частокол все поселение или же отдельные усадьбы, выходявшие здесь к Волхову (ныне Спасовскому ручью).

В 8 м к северу от траншеи 1983 г., на самом берегу канала, М. В. Шорин провел зачистку обреза берега и на площади 2×2 м разобрал частично размытые культурные отложения. Стратиграфия оказалась идентичной зафиксированной нами на берегу канала. Под переотложенными слоями залегал слой толщиной 0.3—0.6 м со средневековой гончарной керамикой, ниже — слой черного гумуса (0.15—0.32 м), в котором найдены 8 фрагментов позднесредневековой посуды, 30 — раннегончарной и 181 — лепной, а также костяная проколка, кусок обработанного рога, золотостеклянная лимонка, 2 желтые и зеленая бисерины. Еще ниже расчищена дощатая вымостка, уходившая под стенки шурфа. Она состояла из 9 досок шириной 0.15—0.3 м, положенных на лаги — жердь и бревнышко диаметром 14 см. Под вымосткой зафиксирован слой коричневого гумуса толщиной 0.18—0.25 м с органическими остатками хорошей сохранности. В этом слое рядом с вымосткой (непосредственно под ней слой не разбирали, как и саму вымостку) найдены 3 фрагмента лепной керамики, костяная проколка и бронзовая кольцевидная фибула в стиле Борре (рис. 44, 1). Дендрохронологический анализ спила с бревнышка-лаги под настилом показал, что оно было срублено в 900 г.²¹ Поскольку настил был сооружен уже на культурном слое, то, учитывая темпы накопления последнего в аналогичных условиях Новгорода (20—25 см за двадцать—двадцать пять лет²²), можно достаточно уверенно полагать, что самая южная окраина Городища была заселена в последние десятилетия IX в. Это полностью совпадает с выводами, сделанными нами ранее при анализе комплекса бус с данной части памятника.

Раскопки на северном берегу Сиверсова канала. В 1977 г. на северном берегу канала, в 50 м к востоку от Волхова, был заложен раскоп площадью 50 кв. м (5×10 м), вытянутый вдоль канала. В последующие два года он был расширен в северном и восточном направлениях, а исследованная площадь составила 160 кв. м (рис. 4). Выбранное место оказалось чрезвычайно интересным для изучения. Именно здесь в древности находилась ложбина, разделявшая соб-

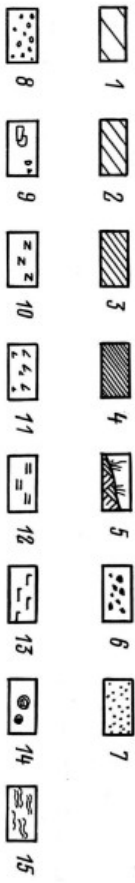
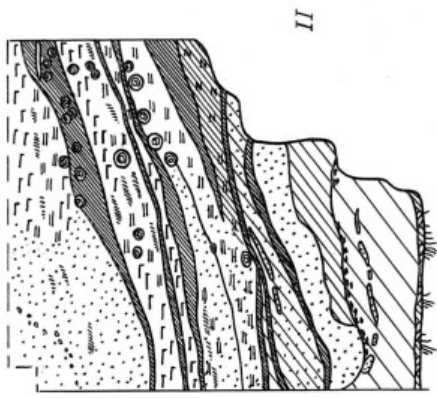
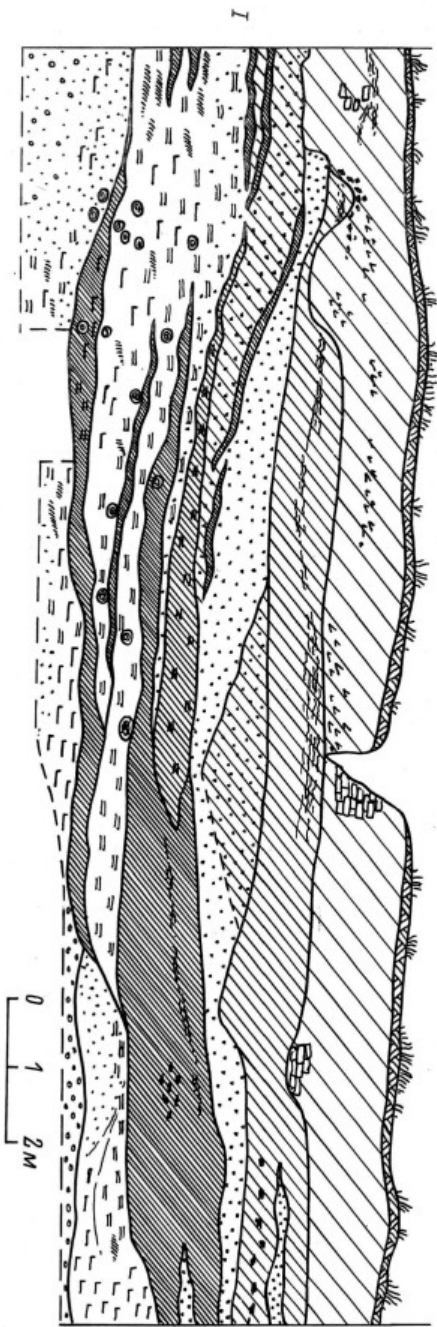

Рис. 13. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Разрезы северной (I) и западной (II) стенок раскопа 1978—1979 гг.

1 — темно-серый гумус; 2 — серый гумус; 3 — коричневый гумус; 4 — черный гумус; 5 — дерн; 6 — уголь; 7 — песок; 8 — крупнозернистый песок; 9 — кирпич; 10 — шпала; 11 — обожженная глина; 12 — серая глина; 13 — коричневая глина; 14 — дерево; 15 — древесный тлен.

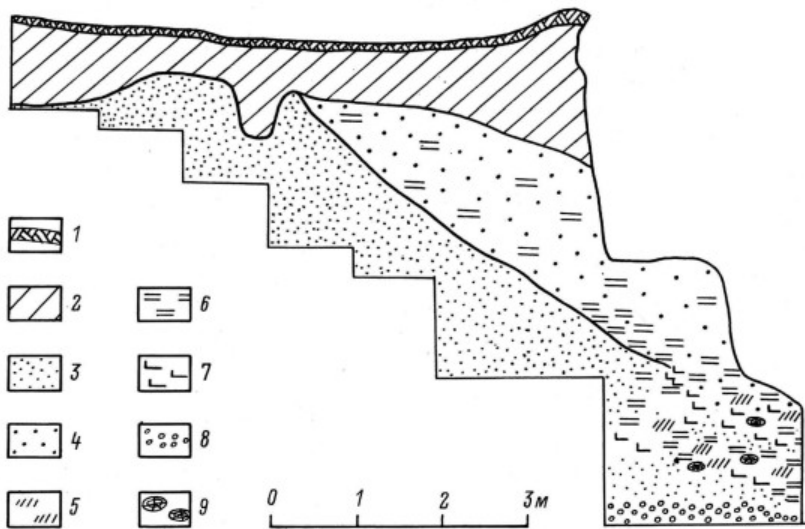

Рис. 14. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Разрез восточной стенки траншеи 1980 г. в месте перехода от городищенского холма к мысу.

1 — дерн; 2 — темно-серый гумус; 3 — песок; 4 — плотный серый суглинок; 5 — черный гумус; 6 — серая глина; 7 — коричневая глина; 8 — крупнозернистый песок; 9 — дерево.

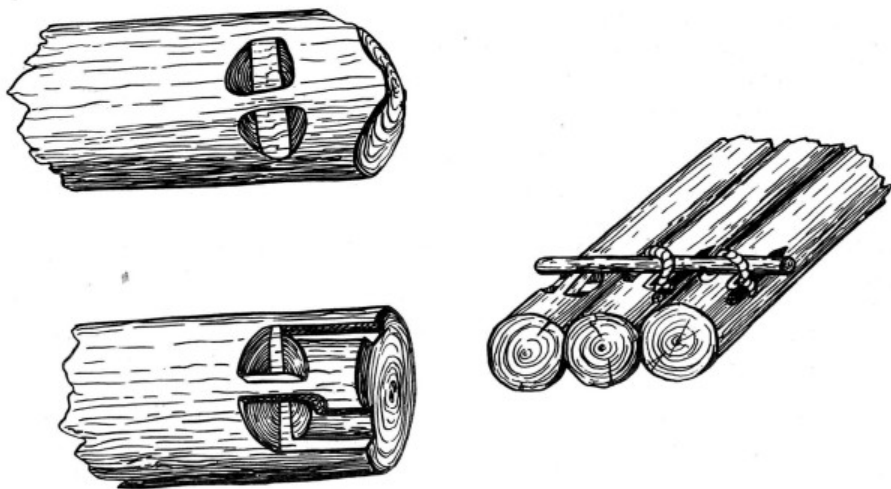

Рис. 15. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Дубовые бревна с врубками для скрепления в плоты и схема их использования.

ственно городищенский холм и низменный мыс. В ложбине накопился самый мощный на всем Городище культурный слой, достигавший толщины 6 м, причем вся его нижняя половина (2.9 м) содержала органические остатки и относилась к начальному периоду жизни поселения.

В 1980 г. вплотную к северной стенке раскопа была заложена траншея (3×9 м), вытянутая по линии север—юг. Было установлено, что высота холма

над дном ложбины достигала 5—6.5 м, при этом крутизна его склона составляла 45°. Видимо, в древности он был эскарпирован (рис. 14).

Культурный слой, накопившийся на дне ложбины, имел аморфную структуру и представлял собой перемешанную коричневую и серую глину с включениями гумуса, песка, древесных остатков и редких находок (рис. 13). Он отложился во время постоянных затоплений ложбины (напомню, что ее дно на 0.5 м ниже современного летнего уровня Волхова), размывания и оползания ее склонов, а по своему характеру аналогичен напластованиям на самом мысу Городища в раскопе 1934—1935 гг.

В перемешанных слоях расчищены дубовые бревна, чурки и колья, многие из которых обработаны. Диаметр большинства из них 10—15 см. Выделяется значительное количество дубовых (часто неошкуренных) колов длиной 1.5—2 м, один конец которых заострен, а на противоположном, в 0.15—0.25 м от конца, сделаны врубки-чашки длиной 0.15—0.22 м и глубиной 4—5 см (у некоторых колов на месте врубок имеется стес). На ряде жердей, концы которых не заострены, также вырублено по одной, а иногда и по две чашки в разных местах.

Все эти остатки дерева лежат в беспорядке в западной части раскопа на различной глубине. Можно лишь отметить для большинства из них общий наклон, соответствующий падению склона холма с северо-запада на юго-восток, а для меньшей части — наклон, соответствующий понижению дна ложбины с северо-востока на юго-запад, к Волхову. Для каждого отдельного бревна или кола длиной около 2 м разница между уровнями залегания его концов составляла 0.2—0.3 м, а для более длинных — даже 0.5—0.7 м. Эти дубовые колы были сброшены вниз по склону холма, причем не одновременно, так как часто их разделяли слои глины и гумуса. Вероятнее всего, колы являлись частями каких-то ограждений на самом холме. Специально отметим использование в данном случае исключительно колов из дуба. Дело в том, что, как мы хорошо знаем по широкому раскопкам в Новгороде, использование дуба в строительстве, начиная с основания города, было весьма ограниченным ввиду сравнительно небольших его запасов в новгородских лесах. Не случайно дуб очень ценили даже при изготовлении бытовых вещей.²³

Обращают на себя внимание обнаруженные в нижней части заполнения ложбины 2 огромных дубовых бревна диаметром 0.4 и 0.43 м (длина одного из них, вскрытого полностью, 3 м). На концах бревен, в 0.2—0.3 м от краев, имеются поперечные сквозные прорезы-выемки диаметром 8—11 см, по одну сторону которых остаются две трети бревна, по другую — горизонтальная перемычка шириной 5—10 см и толщиной 5—8 см (рис. 15).

В 1937 г. при раскопках на Славне в Новгороде в слоях XIII—начала XIV в. было найдено 5 стоявших вертикально массивных сосновых столбов, на которых в нижней части имелись подобные же сквозные прорезы. А. В. Арциховский полагал, что это — составные части маслобойных жомов.²⁴ В дальнейшем такие бревна были обнаружены в Пскове, Старой Ладогге, Риге.²⁵ А. В. Цауне, посвятивший анализу бревен с прорезами специальную статью, поставил под сомнение их интерпретацию А. В. Арциховским. Обратившись к этнографическим данным о сплаве леса по р. Даугаве, он собрал материалы о том, что при вязании бревен в плоты на концах бревен выдалбливались специальные отверстия — «глицы», через которые просовывался шест, или меньшие отверстия — «глаза», через которые пропускались прутья, скреплявшие бревна с положенным сверху поперек них шестом. Прорезы на бревнах из Риги, Новгорода и Пскова, по мне-

нию А. В. Цауне, и представляют собой подобные «глицы» и «глаза».²⁶ Точка зрения автора представляется убедительной. О том, что выемки на бревнах из Новгорода делались для связи их в плоты, в 1982 г. писали Б. А. Колчин и В. Л. Янин, указавшие также, что в Новгороде подобные бревна находили и после раскопок 1937 г.²⁷ Таким образом, сквозные выемки на бревнах с Городища свидетельствуют о сплаве дубовых бревен в Приильменье уже в начальный период существования поселения.

Наконец, упомяну, что в ложбине на разной глубине (перепад высоты 0.65 м) было обнаружено 7 лошадиных черепов, также сброшенных вниз по склону холма. Однозначной интерпретации этого факта у нас нет.

Охарактеризованный выше рельеф данного участка Городища был отчетливо выражен лишь в начальный период существования поселения. Стратиграфия показывает, что вскоре ложбина, разделявшая холм и мысовую часть возвышенности, стала постепенно заплывать, в ней начали накапливаться однородные напластования гумуса, щепы и навоза. Эти слои залегают в соответствии с падением склона холма, причем по мере падения ко дну низины они становятся толще и однороднее по структуре.

Здесь, у подножия холма, в слоях над перемешанной глиной с остатками сооружений из дуба, были открыты однотипные хозяйственные комплексы — глинобитные печи. Они были вынесены в сырую ложбину, несомненно, в противопожарных целях, хотя их расположение на участке с влажным грунтом влекло за собой массу неудобств: части конструкций проседали, расползались и требовали постоянного ремонта. Печи на данном месте функционировали несколько десятков лет, неоднократно подновлялись и строились заново. К моменту сооружения первой печи в ложбине уже накопился культурный слой толщиной около одного метра.

Самая ранняя печь находилась внутри небольшого сооружения из бревен, располагавшегося поперек ложбины и имевшего 3 стены, связанные в углах рубкой в обло (чашки вырубались в нижнем бревне) (рис. 16, 1). Бревенчатые венцы вплотную подходили к основанию печи и укрепляли его. Северо-западная стенка конструкции имела высоту в 4 бревна, северо-восточная и юго-западная — в 3. Более высоким сооружение никогда не было: на верхнем венце врубков нет. Подход к печи был с юго-востока.

Под и соответственно сама печь имели округлую в плане форму. Размеры пода 1.1×1.3 м. Он состоял из плотно уложенных в один слой небольших валунов диаметром около 10 см. Камни были промазаны глиной (рис. 17). Мощность слоя обожженной глины над камнями 6—10 см. Камни, накаляясь при разведении огня, обеспечивали более длительное сохранение тепла подом и всей печью.²⁸ Вокруг пода вплотную к камням были наклонно вбиты 25 дубовых и главным образом березовых колов, которых нет лишь с юго-восточной стороны печи, где находилось ее устье. Длина колов 0.4—0.6 м, диаметр — 6—10 см. Они были подтесаны с двух-трех сторон и этими сторонами обращены к поду. На противоположных сторонах у некоторых колов сохранилась кора. Верхние части колов обуглены, но их вершины, и на это обращаю особое внимание, плоские и находятся приблизительно на одном уровне — уровне пода и основания печи. Таким образом, перед нами целиком сохранившиеся детали конструкции, обуглившиеся под воздействием высокой температуры, а не остатки выгоревшего деревянного каркаса печи (в этом случае вершины кольев никак не могут быть ровными и плоскими). Следовательно, наклонно вбитые

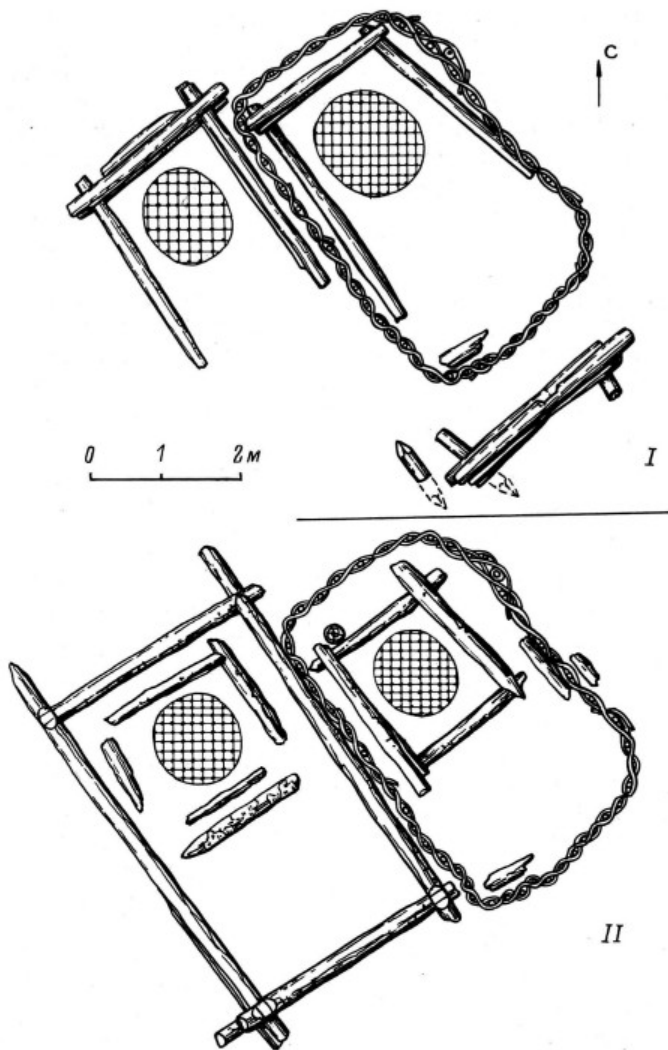

Рис. 16. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Планы наружных хлебных печей двух основных этапов строительства.

I — около 910 г.; *II* — вторая четверть—середина X в.

массивные колы служили основой для глинобитных стен и свода печи и укрепляли ее под (рис. 20, *II*). Подобный конструктивный прием устройства печи известен. Так, в Риге основу свода целого ряда глинобитных печей XII—XIV вв. составляли сложенные полукругом доломитовые камни или, как на Городище, вбитые колышки.²⁹ В археологической литературе колья в основании глинобитных печей почти всегда однозначно трактуются как остатки их выгоревшего каркаса. Судя по раскопкам на Городище, к решению этого вопроса надо подходить дифференцированно. От верхней части печи сохранилось лишь скопление коричневой глины толщиной 0.1—0.4 м и над подом, и по его сторонам.

Рис. 17. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Западная печь (около 910 г.).

При исследовании было выяснено, что бревенчатая обноска вокруг основания печи была сделана не сразу, а в два этапа. Первоначально она состояла из двух бревнышек с северо-западной стороны и по одному — с двух других сторон. Длина бревнышек достигала 2.5 м, диаметр — 11—15 см. Под печи был приподнят над обноской на 0.2—0.3 м. Установлены даты рубки бревнышек — 889, 896 и 897 гг. Таким образом, сооружение первой печи в ложбине относится к самому рубежу IX—X вв.

Через некоторое время, когда вокруг печи накопился культурный слой, обноску нарастили на 2 венца. При этом использовались более длинные бревна — до 3—3.5 м, диаметром 13—22 см. Под печи после наращивания обноска оказалась на ее уровне. Была ли в это время подновлена и сама печь, никаких данных нет. Зафиксировано значительное проседание бревен обноски из-за неплотности грунта. Деформация юго-западной стенки оказалась столь велика, что бревна второго и третьего венцов даже переломились. Это смещение обитатели поселения пытались приостановить, укрепляя бревна вбитыми вплотную к ним кольями. Для четырех бревен верхних венцов определены даты рубки — 905 г. Сооружена конструкция была несколько позже, поскольку для строительства использовались бревна, уже бывшие в употреблении.

Печь была заброшена, возможно, из-за отмеченной деформации, и некоторое время это место пустовало. Здесь успел накопиться культурный слой толщиной 6—20 см. Однако вскоре тут же был возведен новый комплекс с печью, аналогичной по конструкции более ранней. Теперь она была устроена внутри небольшого сруба, при этом бревна предшествовавшего сооружения были использованы как своеобразное основание для новой постройки (рис. 16, II; 20, I). Сруб сохранился на высоту в три венца и имел размеры 3×5 м. Он был возведен очень небрежно из бревен диаметром 12—16 см, часто вторичного использования. В трех случаях на концах бревен даже отсутствовали чашки, и бревна верхних венцов были положены без всякого крепления. С внутренней стороны, в углах и у стен, сруб дополнительно был укреплен кольями. Сразу под южной частью сруба открыт скелет небольшой коровы — строительная жертва (отсутствовал череп и кости ног).

Сруб находился над центром ложбины, уже заполненным полутораметровым культурным слоем. Его стены осели. Особенно пострадала юго-западная стена, бревна которой и верхняя подкладка переломились, несмотря на дополнительное укрепление кольями. В северной половине постройки находился огромный массив глины, возвышавшийся над бревнами третьего венца на 0.4—0.8 м. Он состоял из чередующихся слоев глины, в том числе обожженной, и серого песка. При разборке были выявлены остатки печи, сходной с печью, стоявшей на этом месте до строительства сруба. Под печи имел округлую в плане форму и диаметр 1.2—1.4 м. Он состоял из слоя камней, промазанных глиной. С северо-восточной стороны вокруг него были наклонно вбиты 8 березовых кольев длиной около 0.5 м и диаметром 7—20 см. Колы были стесаны с одной-двух сторон и этими сторонами обращены к поду. Вершины их, плоские и обожженные, находились на уровне камней пода. С других сторон печи зафиксирован лишь один кол. Основание печи укрепляли положенные параллельно стенам постройки 4 коротких бревнышка и плахи, некоторые из которых были закреплены на месте кольями. Эта обноска отстояла от прилегающих стен сруба на 0.4 м и находилась на уровне пода печи, ограничивая площадь 1.5×1.9 м. Пространство между основанием печи и стенами сруба было заполнено серой глиной.

Скопление глины в постройке свидетельствует о том, что печь неоднократно подновлялась, а оставшуюся глину разравнивали в пределах северной части сруба. Вход в сруб находился с южной стороны на высоте не ниже третьего венца. Остатков деревянного пола не зафиксировано, видимо, его не было вообще. Дендрохронологические даты рубки деревьев, использованных для строительства, следующие — бревна стен: 902 г. — 1, 904 г. — 2, 905 г. — 3, 906 г. — 1, 911 г. — 2; бревно-подкладка: 905 г.; столб у северо-западной стены внутри сруба: 910 г.; бревнышко обноска печи: 905 г.; отдельное бревно под массивом глины: 905 г. Все бревна со следами вторичного использования имеют даты рубки между 902 и 905 гг. Таким образом, сруб был возведен после 911 г., скорее всего во втором десятилетии X в. Погибла постройка во время пожара.

Заполнение южной половины постройки представляло собой черный гумус с включениями органических остатков. Здесь найдена исключительно лепная керамика: 33 венчика, 143 стенки и 18 донцев. В северной половине сруба, в верхней части заполнения, встречены обломок донца лепного горшка и фрагмент гончарного сосуда. Концентрация керамики в постройке несколько больше,

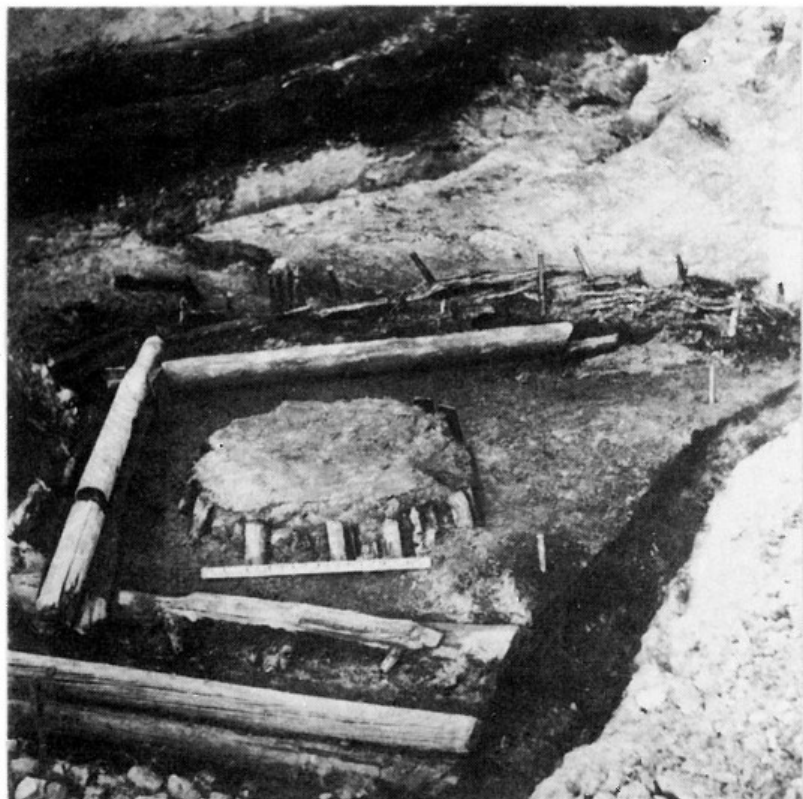

Рис. 18. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Восточная печь (около 910 г.).

чем в целом на раскопе. Среди прочих находок привлекают внимание круглая литая привеска диаметром 2.5 см из оловянисто-свинцового сплава с краем, оформленным ложносканной нитью и гнездом с сердоликовой вставкой (рис. 32, 5), костяной односторонний гребень с дугообразными накладками, имеющими верхние выступы на концах (рис. 28, 3), шиферное пряслице с черточками и буквами. В срубке обнаружены также 5 предметов из дерева: обломок рукоятки ковша с вырезанной стилизованной головой дракона (рис. 28, 4), часть плоского блюда, обломок ложки, заостренный стерженек длиной 7.5 см и цилиндрический предмет диаметром 5.6 см и высотой 4.5 см с процарапанными знаками в виде коротких пересекающихся линий. Интересно роговое навершие с двумя зубцами, украшенное тонким резным орнаментом. На навершии линиями было выделено несколько опоясывавших его зон, в которых нанесена мелкая штриховка (рис. 29, 4). Кроме того, встречены половинка пряслица из глины, обломок латунной иглы от фибулы (рис. 32, 8), точило из песчаника, часть глиняного предмета (ножка сосудика?) с округлыми вдавлениями снизу, обрывок лыковой плетеной веревки, дисковидная сердоликовая бусина, зеленая бисерина и синяя стеклянная зонная бусина, украшенная желтой волнистой полосой.

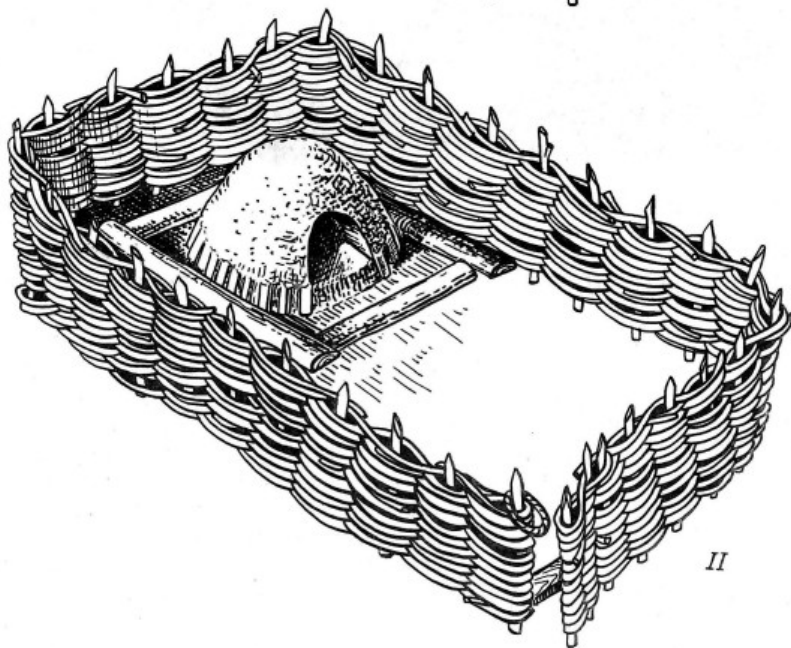
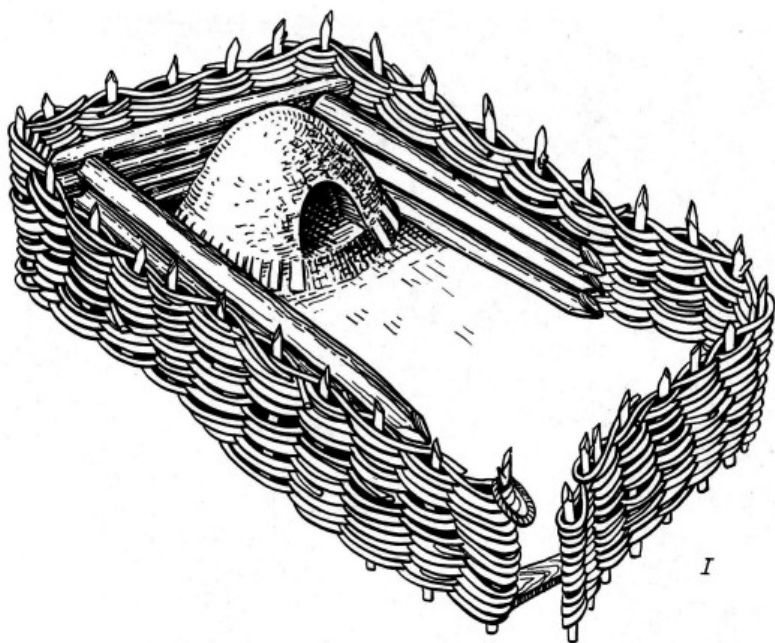
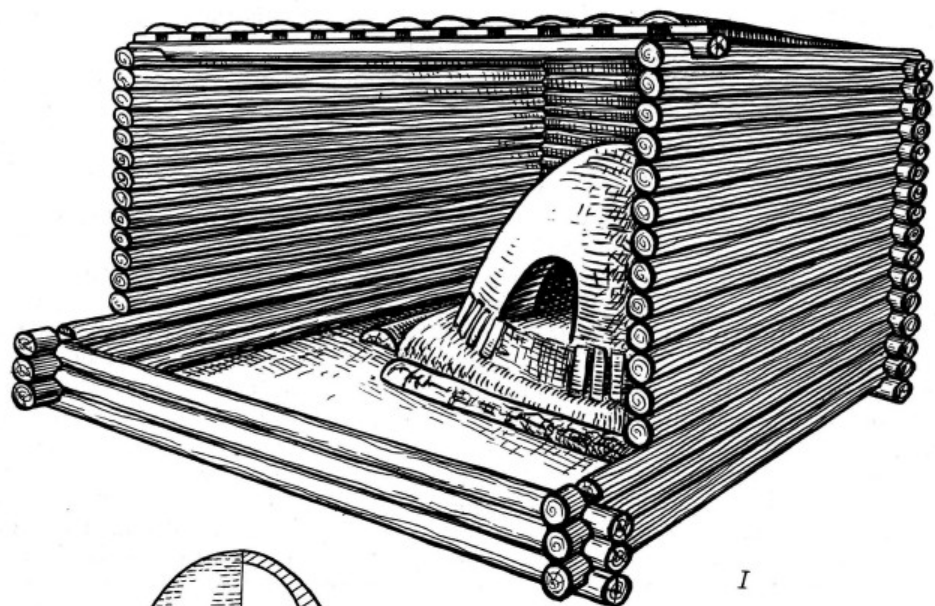
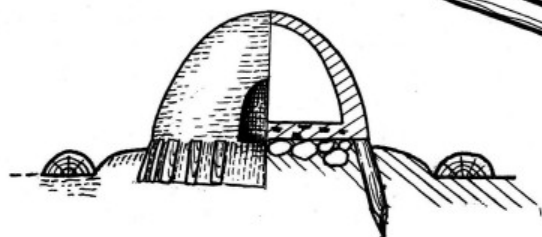

Рис. 19. Городище. Северный берег Сиверсова канала. Реконструкция хлебных печей в плетневом дворике.

I — около 910 г.; *II* — вторая четверть—середина X в.

I

II

Рис. 20. Городище.
Северный берег Сиверсова канала.

I — реконструкция сруба с хлебной печью (20-е годы X в.); II — схема устройства печи.

В ложбине, рядом с рассмотренными комплексами с глинобитными печами, также на одном месте, сменяя друг друга, в X в. функционировало несколько аналогичных печей. Древнейшая из них была построена на культурном слое толщиной около метра. Она находилась в небольшом бревенчатом сооружении с тремя стенами, которые почти вплотную подходили к печи (рис. 16, I; 18; 19, I). Стены были связаны рубкой в обло. Все сооружение имело высоту в три венца, а общая его высота не превышала 0.4—0.5 м. Длина северо-западной стенки обноси 2 м, двух других — 2.9—3 м.

Сооружение располагалось в небольшом дворике с плетневыми стенами размерами 2.8—3×4.8—4.9 м. Стенки обноси печи отстояли от плетневых стен на 0.1—0.3 м. Не исключено, что столб в ряду плетня был связан с конструкцией какого-то навеса над печью. Под печи имел размеры 1.3×1.5 м. Он состоял из плотного слоя валунов, промазанных глиной, и его центр был прогнут на 5—8 см по отношению к краям. Вокруг пода были вбиты 24 кола, аналогичные кольям других печей. Их плоские, обугленные вершины находились на одном уровне — уровне пода. Даты рубки бревен, использованных в обноске, следующие: 900 г. — 2; 904 г. — 1; 905 г. — 1; 907 г. — 1. Таким образом, комплекс, вероятнее всего, был сооружен в конце первого десятиле-

тия X в. Ранее на этом участке располагалась хозяйственная яма округлой формы размерами 0.85×1.23 м и глубиной 0.33 м.

Через некоторое время в плетневом дворике на месте старой печи была сооружена новая печь (рис. 16, II; 19, II). В плане ее основание имело овальную форму и размеры $1-1.1 \times 1.4-1.5$ м. Под ее представлял собой плотный слой валунов, промазанных глиной, укрепленный по окружности 20 березовыми и дубовыми колами с плоскими вершинами. Печь по основанию была окружена рамой размерами 2×2 м, образованной двумя бревнышками, на которых находились 2 плахи. Углы были закреплены колами.

О времени сооружения печи можно судить по датам рубки бревен и плах рамы: 944 г. — 2 и 947 г. — 1. Таким образом, печь была возведена в середине X в. За время функционирования печей внутри дворика накопился культурный слой мощностью $0.2-0.3$ м, представлявший собой коричневый и черный углистый гумус. В нем обнаружено 16 обломков лепных и 8 обломков гончарных сосудов. Кроме того, найден костяной односторонний наборный гребень с широкой накладкой (рис. 29, I). Интересен обломок серебряного украшения, судя по всему, являющийся ремесленным браком (рис. 32, 9). Предмет представляет собой проволоку с раскованной узкой пластинкой на конце шириной 0.7 см и длиной 2.5 см. По этому щитку в два ряда нанесены пуансонные кружки. Видимо, это часть неоконченного пластинчатого перстня. В погребальных памятниках Восточной Европы пластинчатые перстни появляются в комплексах со второй половины X в.³⁰ В Новгороде древнейший пластинчатый перстень найден в слоях середины X в.³¹ Отметим также бочонковидную бусину из заглушенного печеночно-красного стекла, подобную бусам III группы, по З. А. Львовой,³² донце диаметром 39 см от коробья или лукошка, состоящее из двух слоев бересты, и дощечку длиной около 0.7 м (сохранилась в обломках), шириной 5.5 см и толщиной 2—2.3 см, на обоих концах которой имеются по 2 симметричные выемки для крепления.

На месте описанных печей через некоторое время, когда плетневого дворика уже не было, в очередной раз была сооружена новая печь. Расчищены массивный развал глины и под размерами 1×1.2 м, состоявший из валунов, промазанных глиной. Основание печи укрепляла бревенчатая рама, от которой сохранилось неошкуренное бревно длиной 2.1 м с чашками по краям. Печь использовалась в первые десятилетия после середины X в.

В полуметре к юго-востоку от входа в плетневый дворик были компактно сложены для каких-то хозяйственных нужд 5 бревен длиной от 1.5 до 3.15 м. Бревна были закреплены толстыми колами, срубленными в 910 и 912 гг. В западной части раскопа зафиксирована группа бревнышек, вероятно служивших мостками на сыром месте. Для трех из них установлены даты рубки: 931 г. — 2; 944 г. — 1.

Раскопки не дали прямых свидетельств функциональной принадлежности городищенских глинобитных печей. Подчеркнем здесь лишь некоторые моменты, которые важны для правильной интерпретации раскопанных сооружений. Прежде всего жители Городища придавали большое значение длительному сохранению печами тепла, о чем свидетельствует особенно тщательное устройство пода. Кроме того, печи были явно обособлены от жилой зоны поселения, располагаясь в сырой низине. И наконец, печи в жилых постройках Городища были не глинобитными, а каменными.

Полная аналогия печам Городища и по конструкции, и по времени имеется

в Старой Ладогe. Во время исследований В. П. Петренко в слоях второй-третьей четвертей X в. в северной половине Ладоги была открыта отдельно стоявшая печь с каменным промазанным глиной подом диаметром 1.8×1.9 м, глинобитными стенками и сводом, окруженная по основанию бревенчатой рамой размерами 2.1×2.4 м. По краю пода были наклонно забиты колы из расколотых бревен. Печь функционировала сравнительно долгое время, и ее неоднократно подновляли, о чем свидетельствуют 3 сменивших друг друга пода и многоярусность кольев вокруг него. В Ладогe печь также была обособлена от жилых домов, находясь на незастроенной периферийной части двора, у ограды, кроме того, она отличалась по конструкции от печей-каменок жилых построек.³³

Ключ к правильному пониманию отдельно стоявших глинобитных печей с Юрикова городища и из Ладоги дает этнография. Печи, вынесенные за пределы жилищ, часто расположенные во дворе или на огороде, известны у многих народов. Их строили специально для выпечки хлеба, хотя использовали и для иных нужд. Среди славянских народов наружные хлебные печи широко распространены у великорусов южных областей, у украинцев, словаков, сербов, болгар.³⁴ «В большей части Польши, — как отмечают исследователи, — соединение открытого очага, находящегося внутри дома, с хлебной печью, строившейся на открытом воздухе, произошло, по-видимому, в раннем средневековье».³⁵ Среди неславянских народов наружные печи зафиксированы у молдаван, венгров, башкир, западносибирских татар, западных бурят, обских угров (ханты и манси), селькупов, саамов, финнов и др.³⁶ Часто над печами делались легкие навесы, вокруг них строились ограждения от скота. Печами пользовались и в летнее, и в зимнее время, иногда члены нескольких семей. Большинство печей было глинобитными.

Достаточно детально наружные хлебные печи изучены на территории Финляндии. По материалам, собранным К. Вилкуна и Н. Валоненом, такие печи сохранились в Лапландии и особенно широко — в западной Финляндии, где еще в XVII в. они были обычны. Перед нами следы уходящей этнографической традиции. Печи устраивались под легкими навесами, иногда просто обкладывались сверху наклонно поставленными досками или помещались в небрежно сделанные срубы, напоминающие сруб, открытый на Юриковом городище. В Финляндии печи, описанные этнографами, делались из камня, реже — из кирпича, но, как считает К. Вилкуна, раньше они были глинобитными. Он указал на глинобитную печь, открытую в Мярттеля, в приходе Русско, и датированную X—первой половиной XI в.³⁷

Есть основания полагать, что в средние века печи на улице были нередки и у русского населения лесной зоны Восточной Европы, но мы о них знаем мало из-за скудости источников. Во всяком случае в писцовых книгах XVI в. упоминаются хлебни и поварни, т. е. обособленные помещения для выпечки хлеба и приготовления пищи.³⁸ Позднее, как отмечает Г. Г. Громов, хлебни и поварни вообще исчезают у крестьян.³⁹ При описании новгородских дворов 1612—1613 гг. в 6 из 11 упомянутых усадеб указаны печи с «припередком»⁴⁰ (видимо, каким-то легким навесом⁴¹). В XVII в. общим местом воеводских наказов было предписание, «чтобы в летнее время в городе, и на посаде, и в слободах» изб не топили, а «есть бы варили и хлебы пекли в поварнях и на огородах в печах».⁴²

Глинобитные наружные печи X в. Юрикова городища и Ладоги служили для выпечки хлеба. Летом, когда дома старались не топить, функциональное

использование печей могло быть шире. Обратим внимание на то, что в Финляндии наружные печи иногда располагались близ навесов для скота, в Эстонии же в XIX в. летние кухни (хлебные печи здесь неизвестны) всегда находились у воды, в стороне от домов, а рядом с ними обычно стояли корыта, поскольку в летних кухнях наряду с пищей готовили и корм скоту.⁴³ В свете этих данных представляется не случайным, что на Рюриковом городище к срубам с глинобитной печью было прислонено долбленое корыто для кормления телят или поросят. В таком случае рассмотренные печи с Рюрикова городища и из Ладоги — это функциональные предшественники различных средневековых хлебен, поварен или летних кухонь.

Из археологических материалов я знаю лишь небольшую группу печей аналогичной конструкции. Прежде всего это печи, открытые в слоях XII—XIII вв. в Гданьске в Польше, располагавшиеся вне жилищ. Каждая из них сохранилась в виде глинобитного пода, окруженного двумя рядами наклонно вбитых колов и бревенчатой прямоугольной обкладкой основания. Размеры сооружений достигали 1.7×2.2 м. Печи стояли на незастроенной территории, в одном случае — на перекрестке улиц. Как отмечают исследователи, печи функционировали приблизительно по 70 лет и переносились в связи с изменением застройки. Наличие двойных рядов кольев вокруг пода свидетельствует о неоднократном подновлении печей. В Гданьске открыто стоявшие печи, как считают польские исследователи, обслуживали около 10 домов и являлись печами коллективного пользования. Печи из Гданьска, в отличие от печей Рюрикова городища и Ладоги, были схожи по конструкции с частью печей жилых построек города, только их размеры были несколько больше.⁴⁴

Очень интересное сооружение было открыто в Щецине в слоях второй-третьей четверти IX в. Оно представляло собой трехстенную конструкцию размерами $1.4—1.5 \times 2.35$ м из неошкуренных тонких бревнышек диаметром $0.1—0.12$ м, укрепленных вбитыми рядом с ними колами. Отсутствие врубок на концах бревен длинных стен свидетельствует, что четвертой стенки никогда и не было. Внутри конструкции найдены пласти глины с песком и камнями, носящими следы пребывания в огне. Исследователи Щецина предположили, что это было хозяйственное сооружение.⁴⁵ Однако, учитывая полное тождество щецинской деревянной конструкции, окружавшей скопление глины и пережженных камней, с трехстенными обносками глинобитных печей Рюрикова городища, вряд ли можно сомневаться, что перед нами совершенно аналогичные наружные печи. Отдельно стоявшие печи в X—XI вв. обнаружены в Польше еще в двух пунктах — Санток и Бискупин, но последние не похожи на печи Поволховья.⁴⁶

В польской литературе подобные отдельно стоящие печи обычно рассматриваются, исходя из данных этнографии, в качестве специальных печей для выпечки хлеба.⁴⁷ Впрочем, некоторые исследователи допускают, что в Гданьске они могли использоваться артелью рыбаков для копчения рыбы.⁴⁸ Последнее предположение, однако, осталось не подтвержденным фактическим материалом.

Открытие на Рюриковом городище и в Ладоге наружных хлебных печей и их сходство с печами из Гданьска и Щецина имеют большое значение. Это прежде всего первые достоверно зафиксированные отдельно стоящие хлебные печи на севере Руси, кроме того, прямое археологическое свидетельство культурных связей поморских славян и населения Новгородской земли — связей, о которых неоднократно писали лингвисты и историки. И последнее. Уличные хлебные печи, безусловно, являлись объектами коллективного пользования и восходят

к архаическим традициям общинного быта, независимо от причин появления их на том или ином поселении.

В свете имеющихся материалов представляется перспективным выявление наружных хлебных печей и на других поселениях Северной Руси. Так, на Нередицком раскопе Новгорода, на усадьбе Д, в слое первой половины XI в. была найдена отдельно стоявшая печь.⁴⁹ П. И. Засурцев в специальной работе о постройках Новгорода никак не комментирует данный факт. Однако важно подчеркнуть, что печь была глинобитной, помимо того, примечательно ее расположение — в стороне от построек, на самом углу Великой и Кузьмодемьянской улиц. Тем самым соблюдаются принцип вынесения наружной печи в наименее пожароопасное место поселения, как это было на Рюриковом городище и в Ладоге, и принцип размещения печей на перекрестке улиц, как в Гданьске. Все это говорит за то, что перед нами уличная хлебная печь, возможно, коллективного пользования.

Вернемся снова к материалам Рюрикова городища. К моменту разрушения последней хлебной печи сырая ложбина между холмом и мысом уже была полностью заполнена культурным слоем и практически перестала существовать. Это дало возможность перепланировать данный участок поселения и вместо печей выстроить здесь жилой дом. Он представлял собой квадратный в плане сруб (бревна стен прослеживались в виде тлена; в северо-западном углу зафиксирована врубка) размерами 4.1 × 4.3 м (рис. 21). В северной части постройки, ближе к ее северо-восточному углу, расчищен развал печи-каменки. Заполнение сруба — черный углистый гумус. В нем найдены 58 гончарных и 11 фрагментов лепных горшков, 2 сланцевых оселка, обломок бронзового складного коромысла весов, получивших широкое распространение в Восточной Европе с середины X в.⁵⁰ (рис. 32, 4), железный стерженек и ладейная заклепка, круглая сердоликовая бусина, серебростеклянная двухчастная бусина, 3 бисерины (голубая, белая и светло-зеленая) и многогранная бусина прозрачного стекла, внешне очень похожая на хрустальную.

Слои с органическими остатками, в верхней части которых находился описанный сруб, были отделены от вышележавших напластований метровым слоем грязно-серого и желтого песка, и тем самым на данном участке Городища они сохранили значительную стратиграфическую чистоту (рис. 13).

Прежде чем перейти к характеристике находок из нижней части культурного слоя, еще раз уточним опорные хронологические точки отсчета. Древнейшая печь в ложбине была сооружена на самом рубеже IX—X вв. (после 897 г.). До этого здесь накопился культурный слой мощностью около одного метра. Свообразие данного участка поселения — сырая затоплявшаяся низина с оползавшими склонами и характер самого слоя — позволяет думать, что этот метровый слой отложился достаточно быстро — за два-три десятилетия. В начале X в. (после 905 г.) упомянутая печь была подправлена, а рядом с ней во дворике с плетневыми стенами выстроили вторую печь (после 907 г.). После 911 г. возвели сруб с глинобитной печью. Новую печь в середине X в. (после 947 г.) соорудили и во дворике. Через некоторое время на ее месте построили еще одну печь, которую сменил уже жилой дом. Этот дом, вероятнее всего, относится уже к последней четверти X в.

Упомянутые датированные комплексы и наблюдения над стратиграфией слоев позволяют достаточно четко разделить все сделанные находки на три хронологические группы: 1) последние десятилетия IX в. (до возведения в лож-

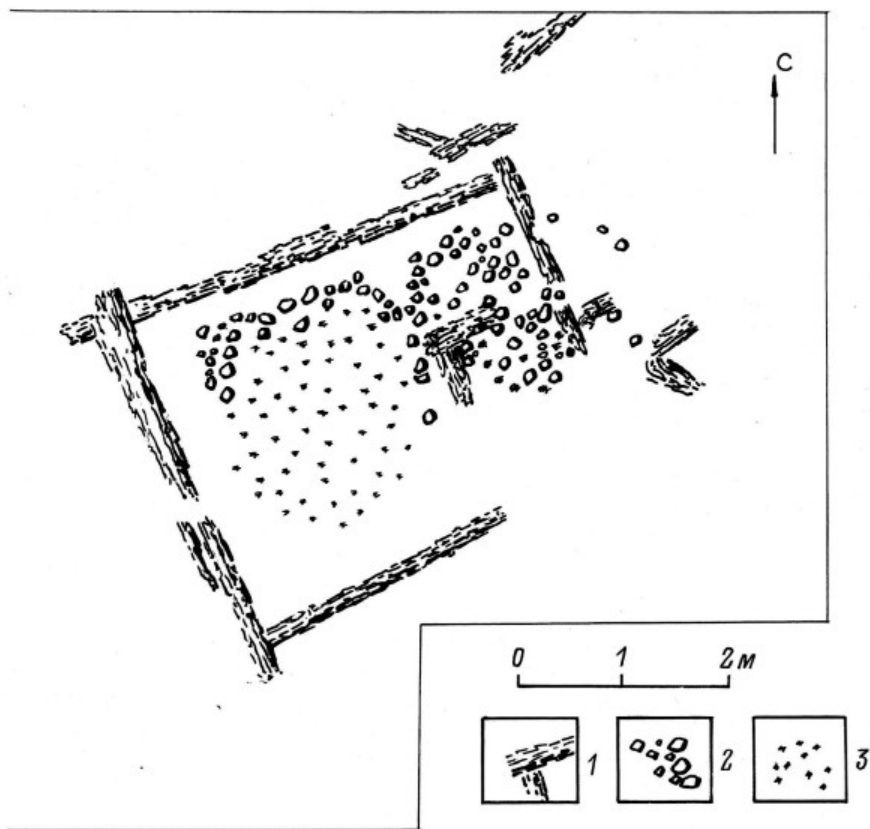

Рис. 21. Городище. Северный берег Сиверсова канала. План жилого дома последней четверти X в.

1 — древесный тлен; 2 — камни; 3 — уголь.

бине первой печи); 2) первая половина X в. (до постройки печи во двореке в середине X в.); 3) вторая половина X в. Для более подробного хронологического членения материала объективных оснований нет.

Наиболее массовой категорией находок являются фрагменты глиняной посуды. Всего встречено более 3200 обломков керамики, среди которых 506 венчиков. В перемытых слоях конца IX в. обнаружены единичные фрагменты лепных горшков. Почти вся посуда относится к X в. Гончарная керамика появилась на рубеже IX—X вв., но ее количество в первой половине X в. крайне невелико — около 4 %. В середине X в. она резко вытесняет лепную посуду, причем эта смена совпадает со значительным ростом общего числа найденных обломков керамики (из слоев второй половины X в. происходят две трети керамики, зафиксированной на раскопе). Учитывая хозяйственную специализацию построек данной части поселения, полагаем, что эти факты отражают не только, а возможно и не столько общий процесс смены типов посуды на Городище, связанный с внедрением гончарного круга, сколько предпринятую во второй половине X в. перепланировку данного участка, в результате которой на месте бывшей здесь долгое время хозяйственной зоны с наружными хлебными печа-

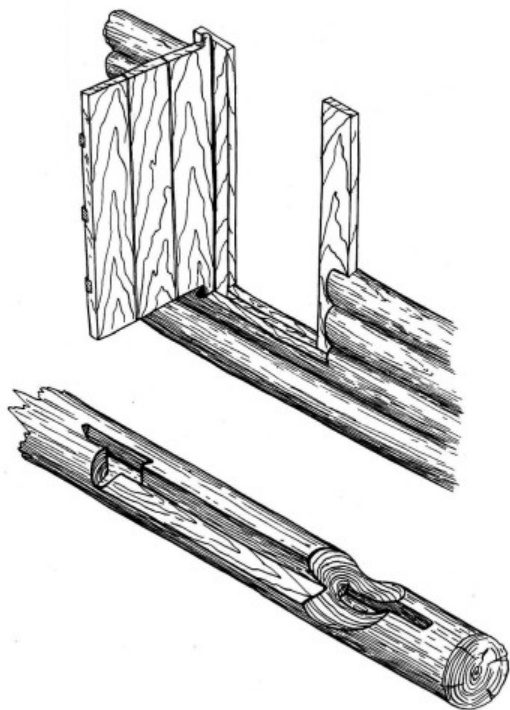

Рис. 22. Городище. Бревно с врубкой для дверного проема и реконструкция входа в постройку.

брана четверть для притвора двери. По обоим концам проема находились прямоугольные пазы глубиной 7—7,5 см, в которых закреплялись ободверины, соединявшие бревна, разъединенные дверным проемом. Судя по размерам пазов, для ободверин были использованы доски толщиной 3,5 см и шириной 18 и 22 см. Ободверины входили в специальные шпунты, вынутые в торцах бревен стен. В бревне имеется также гнездо (диаметр 6 см) для вставки дверного шипа. Ширина дверного проема между ободверинами составляла 43 см, ширина двери должна была равняться 60 см. В обнаруженном бревне на месте одного из пазов для ободверины есть также сквозная врубка диаметром 16 см для крепления поперечного бревна, но она не имеет отношения к конструкции дверного проема.

Подобный рассмотренному характер устройства дверных проемов известен по материалам раскопок древнерусских городов.⁵¹ Судя по данным об устройстве входов в новгородских постройках, собранным П. И. Засурцевым, дверных проемов при раскопках Новгорода, за исключением одного неотчетливого случая, обнаружено не было, хотя открыты двери с пяточными шипами.⁵²

Интересной находкой в слое второй половины X в. является копыл с сучком-вязом — деревянная часть саней, служившая для прикрепления к полозу их верхней части (рис. 23, 9). Наибольшая ширина копыла 8 см, высота от низа полоза до низа кузова 31 см; высота верхней части копыла — стойка кузова — 11 см. Для того чтобы в пазу полоза копыл не проскакивал, в нем снизу сделана опорная полочка (ее высота 5 см). В коллекции имеется обломок еще одного

ми были возведены жилые дома, что сказалось на ассортименте используемой посуды. Показательно, что среди лепной керамики, найденной на раскопе, совершенно нет столовой посуды — мисок, в то время как на других участках поселения она встречается.

В слоях конца IX—первой половины X в. хорошо сохраняются органические остатки, в том числе дерево, тогда как в слоях второй половины X в. последнее зафиксировано в основном лишь в виде тлена. При исследовании в нижней толще культурных отложений найдены многочисленные чурки, жерди, дощечки, колья и палки со следами обработки, части досок от обшивки судов с отверстиями для нагелей и железными заклепками, а также предметы из дерева и бересты, различные деревянные детали и т. д.

На одном из бревен вторичного использования, входившем в конструкцию обноски печи 905 г., имеется врубка для дверного проема (рис. 22). В бревне диаметром 16 см была вы-

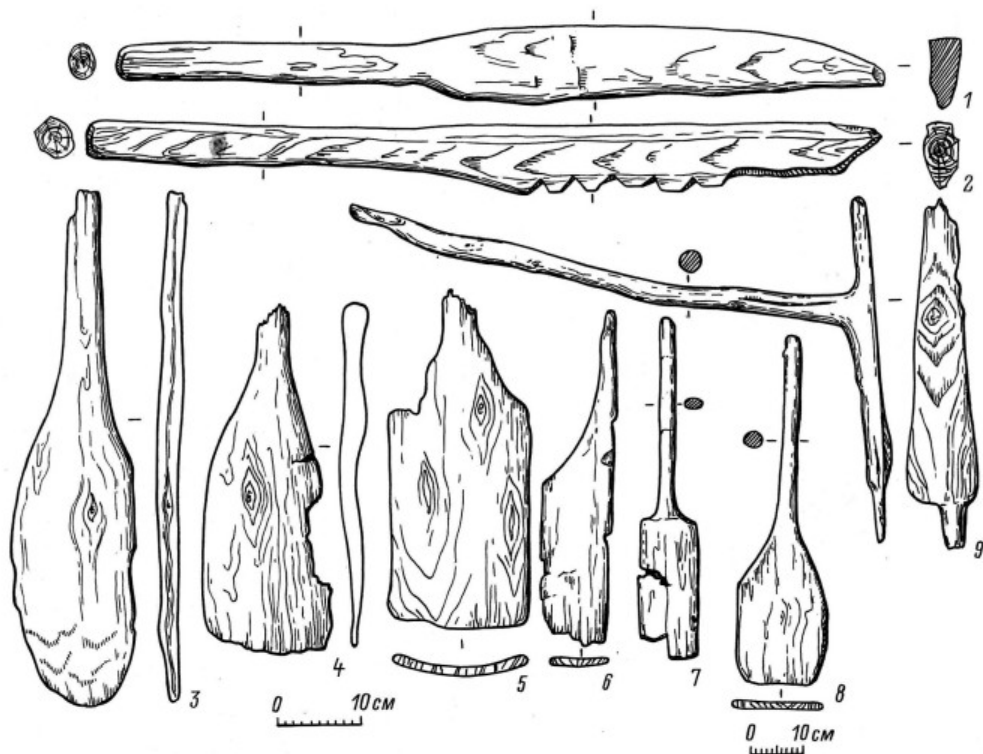

Рис. 23. Городище. Деревянные предметы (1—9) из слоя IX—X вв.

копыла, но нестандартного типа: у него отсутствует верхняя часть, образующая стояк кузова. Ширина копыла около 7 см, высота от низа полоза до низа кузова более 23 см (конец обломан). Копылы с Городища принадлежат к наиболее массовому типу находок деталей саней, известному по раскопкам Новгорода.⁵³

В напластованиях конца IX—первой половины X в. обнаружены обломки двух небольших весел для гребли на челноке (рис. 23, 3, 4). Лопasti весел несколько вогнутые, имеют длину 35 и 39 см, ширину 15 и 14,5 см, толщину 1—2 см; ручки уплощенные, в сечении 2—2,5 × 3,5—4 см. Подобные весла открыты при раскопках сопки IX—X вв. близ урочища Плакун в Старой Ладогe.⁵⁴

В коллекции представлены части шести лопат, 4 из них предназначались для сыпучих материалов (рис. 23, 5, 6, 8). Их лопасти имели прямоугольную форму, ширину 18—20 см и длину 27—35 см. По своему типу эти лопаты аналогичны подобным орудиям из древнего Новгорода.⁵⁵ Два обломка принадлежали лопатам с овальной лопастью. В Новгороде лопаты подобной формы обычно предназначались для хлебопечения.⁵⁶ Не исключено, что и на Городище встречены обломки именно таких лопат, тем более что на исследованном участке располагались хлебные печи. Правда, лопаты для хлебопечения из Новгорода по размерам лопастей значительно больше обнаруженных нами. Отметим также находку лопаточки с лопастью длиной 16 см (край обломан) и шириной 7 см (рис. 23, 7).

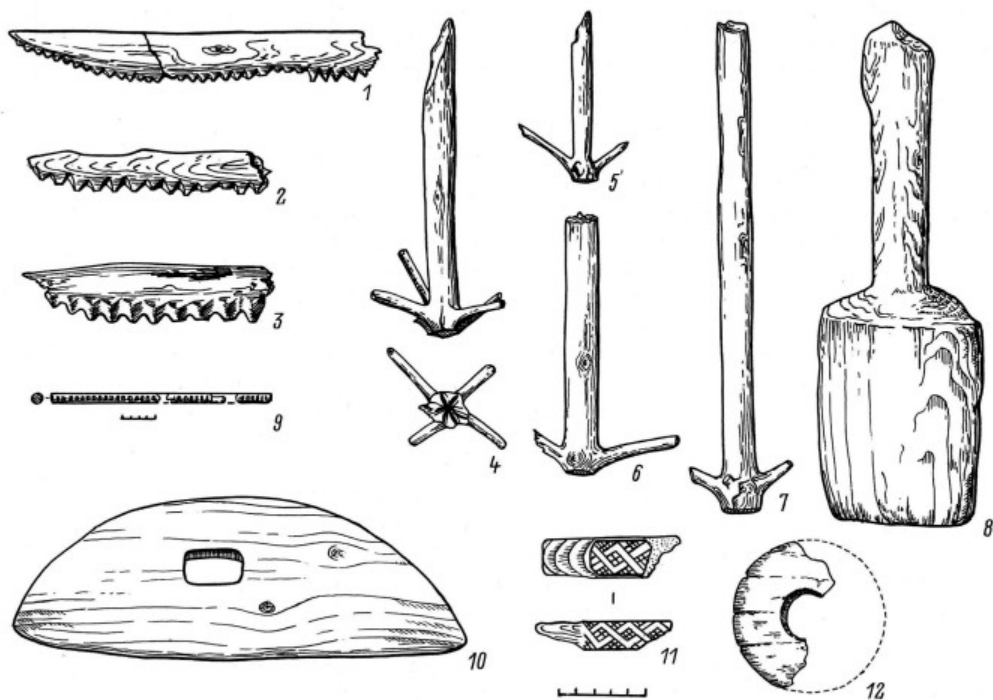

Рис. 24. Городище. Деревянные предметы (1—11) из слоя IX—X вв.

Свидетельствами обработки на Городище льна являются находки двух трепал — длинных массивных орудий ножевидной формы, служивших для освобождения волокон льна от кострики и от мелких грубых частиц. Трепала принадлежали двум разным типам. Трепало из слоя конца IX в. имело общую длину 96 см, длину рукоятки 44 см, высоту клиновидного лезвия 7.5—8 см, ширину его у обуха 4 см, диаметр ручки 4—4.5 см (рис. 23, 2). По рабочему краю орудия шли крупные зубья, которых было не более 10 (крайние сломаны). Расстояние между зубьями 2.5—3 см, высота 2 см, вершины их плоские. Второе трепало, найденное в слое начала X в., зубьев по рабочему краю не имело. Его размеры: общая длина 93.5 см, длина рукоятки 37 см, высота клиновидного лезвия 7.5—9 см, ширина его у обуха 4 см, диаметр ручки 3.5—4 см (рис. 23, 1).

Городищенские трепала относятся к группе очень крупных орудий этого типа. Напомним, что в Новгороде из 33 трепал, обнаруженных во время раскопок, самое большое имело в длину лишь 84 см.⁵⁷ Касаясь хронологических различий новгородских трепал, Б. А. Колчин отметил, что более ранние трепала имели прямолинейное лезвие и криволинейный обух.⁵⁸ Именно такие лезвие и обух были у трепала начала X в. с Рюрикова городища. В Новгороде бытовали трепала только с гладким рабочим краем, а трепал с зубчатыми лезвиями не было.⁵⁹ В то же время такие трепала обнаружены в Ладоге, причем зубцы иногда имелись на двух сторонах орудий. Здесь, как отметил С. Н. Орлов, зубчатые трепала встречались в самых нижних горизонтах поселения и являлись древнейшей формой этого вида орудий. Позднее они сменились трепалами

с гладким рабочим краем.⁶⁰ Имеется еще одно сходство трепал Ладоги и Рюрикова городища — плавный переход от рукояти к рабочей части, в то время как у новгородских трепал рукоять обычно четко отделялась от рабочей части уступом.

Еще одним типом орудий для обработки льна являются чесала. Они использовались для окончательной очистки волокна и выравнивания отдельных волокон в одном направлении. Чесала имели форму удлиненных ножей с зубчатыми лезвиями. В раскопе найдены обломки трех чесал (рис. 24, 1—3). Высота лезвий орудий 2.5—3.5 см, толщина у обушной части 1—1.3 см. По обушку одного из чесал идет продольный желобок. Высота зубьев 1—1.4 см, шаг зубьев 0.6—1.3 см. На большем обломке чесала сохранились 33 зуба (в Новгороде чесала обычно имели от 35 до 50 зубьев). Чесала с Городища были менее массивны, чем найденные здесь трепала, но об их общих размерах ввиду фрагментарности находок судить трудно. Видимо, они были близки размерам чесал из Новгорода, где эти орудия найдены в значительном числе и имеют длину вместе с рукоятью 45—55 см, иногда 70 см.⁶¹ Отметим, что у подавляющей части новгородских чесал зубья были немного направлены в сторону рукояти, а на всех трех чесалах с Городища зубья были прямыми.

Из слоя первой половины X в. происходит деревянная колотушка — валец (рис. 24, 8). Ее общая длина 29 см, длина рабочей части — болвана — 13.5 см, диаметр 7.5—8 см. С двух сторон болван был плоским. Колотушка почти таких же размеров встречена в нижнем слое Ладоги.⁶² В Новгороде находки вальков многочисленны, но рабочая часть у них обычно больше и ее длина 23—25 см.⁶³ С. Н. Орлов считал, что ладожская колотушка использовалась для выколачивания семян льна. По мнению Б. А. Колчина, применение вальков в хозяйстве новгородцев было широким — при обмолаоте льна, при стирке, белении холстов и т. д.⁶⁴

На раскопе найдено 6 мутовок — еловых палок — диаметром 1—2.4 см с коротко срезанными на одном конце разветвлениями нескольких сучков (рис. 24, 4—7). Длина целиком сохранившейся мутовки 27 см. Мутовки широко использовались в домашнем хозяйстве для вымешивания теста, смешивания жидкостей, мытья крупы и т. д.

Из слоя первой половины X в. происходит дубовый угольный совок, предназначенный для выгребания золы и задвигания в печь дров (рис. 24, 10). Он представляет собой небольшую деревянную колодку с одной прямой и одной полукруглой стороной, в центре которой имеется небольшое отверстие для насадки колодки на длинную палку. Длина колодки совка 26 см, толщина 2.2 см. В Новгороде в напластованиях X—XIII вв. найдено 13 подобных совков.⁶⁵

Из слоя начала X в. происходит деталь подъемного механизма — часть деревянного блочного колеса (рис. 24, 12). Его диаметр 8.5 см, толщина 2.5 см, диаметр внутреннего отверстия 2.5 см, глубина внешнего желоба до 0.5 см. В Новгороде встречено 10 деревянных блоков, но в более поздних слоях — XI—XV вв. По размерам многие из них аналогичны блоку с Городища.⁶⁶

Второй половиной X в. датируется счетная бирка — круглая деревянная палочка диаметром 0.6 см, длиной более 12 см (конец обломан) с 35 нарезками (рис. 24, 9). Еще одна счетная бирка — четырехугольная палочка длиной 9.5 см (обломана) с нарезками на гранях — обнаружена в слое первой половины X в. Из этого же слоя происходит прямоугольная в сечении палочка (1.5 × 2.4 см)

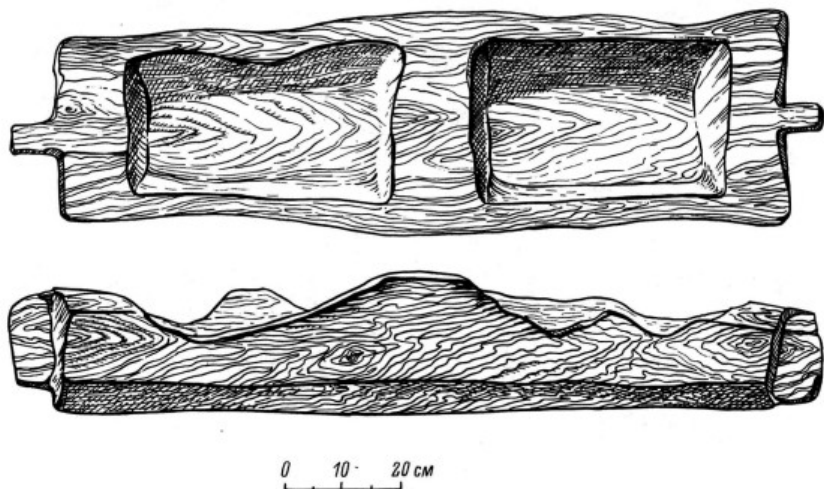

Рис. 25. Городище. Деревянное корыто из слоя X в.

с утонченным концом, сохранившаяся на длину 8 см, стороны которой покрыты резным контурным орнаментом в виде плетенки (рис. 24, 11).

К стене сруба с глинобитной печью, построенному после 911 г., было прислонено деревянное долбленое корыто для кормления телят или поросят (рис. 25). Его длина 123 см, ширина 30—37 см, высота 20 см. На торцовых сторонах корыта были оставлены выступающие шипы для крепления его на козлах. Корыто было разделено поперечной перегородкой на две половины, в каждой из которых на краях были вырублены по четыре овальных углубления, т. е. оно могло служить кормушкой сразу для восьми животных. Если сравнить корыто с Городища с новгородскими находками, то оно по своим пропорциям должно быть отнесено к группе больших изделий этого типа.⁶⁷

На раскопе встречена разнообразная деревянная, по преимуществу резная, посуда. Среди нее обломки трех ложек: двух с размерами лопастей 7.3—7.5 × 9—10 см и одной с размерами лопасти 4 × 6 см (рис. 26, 1, 2). Кроме того, обнаружена сломанная заготовка для изготовления ложки (рис. 26, 3).

Из слоя конца IX в. происходит уполовник (разливательная ложка). Его общая длина 25 см, длина уплощенной ручки 10 см, размеры лопасти 8.6 × 15 см (рис. 26, 6). Уполовники аналогичного типа известны по новгородским материалам.⁶⁸

Первой половиной X в. датируется ковш, изогнутая ручка которого украшена на конце стилизованной мордой дракона (рис. 26, 5). Общая длина ковша 32 см, длина рукоятки 17.5 см. Рукоять треснула еще в древности, поэтому ее тщательно перетянули узкой полосой бересты. Как мы уже упоминали, в срубе с хлебной печью была найдена вторая рукоять, также украшенная мордой дракона, но выполненной более реалистично, чем на целом ковше (рис. 28, 4). В Новгороде ковши с мордами драконов на ручках широко бытовали в X и XI вв. и исчезли в начале XII в.⁶⁹

Интересна половинка одноручной резной чаши для питья из слоев рубежа IX—X вв. Ее диаметр 13.5 см, глубина 3.5 см; ручка обломана (рис. 26, 4). Судя по грубости обработки поверхности, чаша раскололась на две части еще

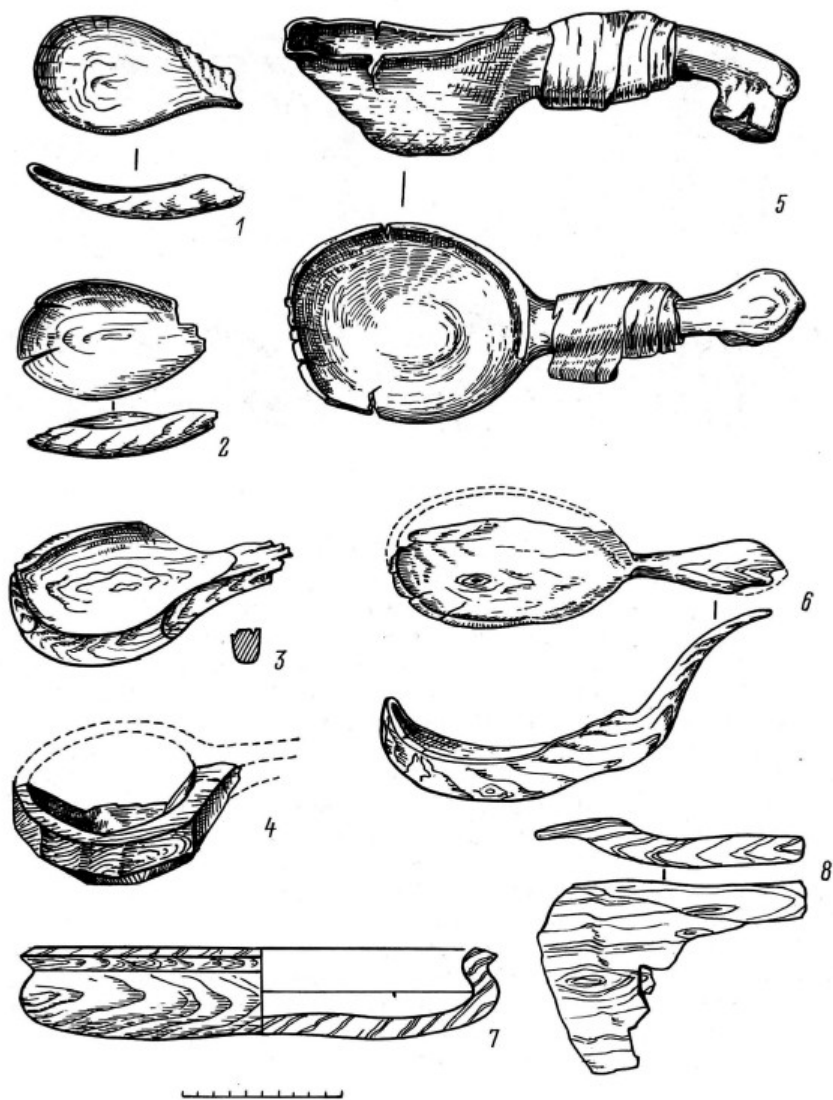

Рис. 26. Городище. Деревянная посуда (1—8) из слоя IX—X вв.

до завершения ее изготовления мастером. По своим размерам она аналогична чашам из раскопок Новгорода, где резные чаши для напитков использовались только в X и в начале XI в.⁷⁰

В заполнении сруба с хлебной печью найдена часть резного блюда с плавно раскнутыми стенками, переходящими в горизонтальный широкий бортик. Диаметр блюда около 40 см, общая высота 3.2 см, глубина 1.5 см, толщина дна равна толщине массивных стенок и составляет 1.7 см (рис. 26, 8).

В слое первой половины X в. обнаружен сосуд, выточенный на токарном

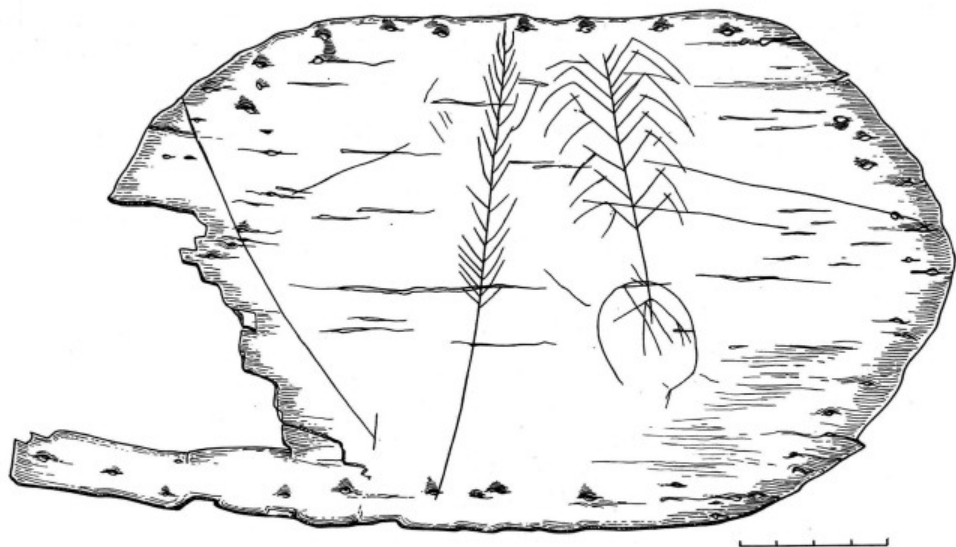

Рис. 27. Городище. Берестяное донце с процарапанными знаками из слоя X в.

станке. Его диаметр 30 см, высота 5.5 см, глубина 4.3—4.6 см, толщина стенок и дна 1—1.2 см, стенки выпуклые, округлый венчик отогнут наружу (рис. 26, 7). Если сравнить данный сосуд с посудой из Новгорода, то он будет аналогичен по размерам и профилю верхним частям (собственно емкостям) целого ряда мис.⁷¹ Большие массивные профилированные мисы диаметром 25—40 см были распространены в городе в X—XI вв.⁷² Новгородские мисы отличаются от сосуда с Городища, имеющего лишь слегка вогнутое дно, наличием выраженного поддона.

В коллекции представлен обломок сильно деформированного плоскодонного сосуда диаметром 21 см, высотой 2 см, стенки которого имеют толщину 0.5 см. Местами под венчиком с внешней стороны заметен слабовыраженный валик. находка сделана в слоях рубежа IX—X вв. Из отложений середины X в. происходит массивная округлая деревянная ручка, вероятно от крышки. Ее диаметр 8.5 см, высота 5—5.5 см.

В обиходе жителей Городища было и большое количество разнообразных сосудов из бересты. На раскопе встречено значительное число берестяных днищ и их частей — всего 44 (из них в напластованиях второй половины X в. — 25). Берестяные днища сшивались со стенками лыковыми шнурами разными системами швов. Обычно днища состояли из нескольких слоев бересты и иногда луба. Одно днище сплетено из полосок бересты. По форме днища были округлыми, а в двух других случаях овальными.

Донцев маленьких берестяных сосудов-туесов диаметром 7—15 см найдено 4. Остальные днища принадлежали более крупным сосудам — коробьям и лукошкам. Их диаметры варьируют в пределах от 16 до 60 см: диаметры от 16 до 22 см — 5 днищ; от 23 до 30 см — 5; от 31 до 40 см — 17; от 41 до 50 см — 5; от 51 до 60 см — 5. В Новгороде, по подсчетам Б. А. Колчина, наиболее распространенными были сосуды с диаметрами днищ от 23 до 30 см (36 % от общего числа находок).⁷³ На нашем раскопе днища такого размера немногочисленны,

а преобладают крупные днища диаметром более 30 см. Особый интерес представляет овальное днище размерами 14 × 23 см из слоя середины X в., на котором процарапаны знаки в виде двух расположенных рядом «елочек» (рис. 27).

Среди находок из органических материалов упомянем обрывки лыковых веревок, обрезки кожи и куски тканей. Последние представлены 6 фрагментами шерстяных тканей. Выделяются 2 типа переплетений — полотняное (1 экз.) и саржевое (5 экз.). Среди последней группы 3 фрагмента относятся к тканям с диагональным рубчиком, а 2 — к тканям, изготовленным в технике так называемой «ломаной саржи», в одном случае с узором «в елочку», а в другом — с ромбовидным. Все фрагменты тканей имеют незначительные размеры, и у них отсутствуют кромки (характеристика выполнена Н. В. Хвоцинской):

Шифр	Характер переплетения	Количество нитей на 1 кв. см		Направление скручивания	
		основа	уток	основа	уток
1977 — № 117	Полотняное 1/1	12	9	Z	Z
1977 — № 104	Саржевое 2/2 «в елочку»	18	15	Z	Z
1977 — № 105—106	Саржевое 2/2	9	7	Z	Z
1978 — № 144	Саржевое 2/1	18	15	Z	Z
1979 — № 193	Саржевое 2/2 «ромбиками»	16	11	Z	S
1979 — № 198	Саржевое 2/2	18	14	Z	S

Примечание. Z — крутка вправо; S — крутка влево.

Помимо фрагментов тканей, найдена толстая шерстяная нить, скрученная влево из двух более тонких нитей, каждая из которых была скручена вправо. Подобные городищенским шерстяные ткани имели широкое распространение в древности. В частности, в Поволжье они встречены при раскопках Ладоги и Новгорода.⁷⁴

Наиболее яркую категорию предметов из кости и рога представляют односторонние составные гребни и их обломки — всего 5 экз. В слое первой половины X в., внутри плетневого дворика с печью, найдены части большой гребенки с широкой, слегка выпуклой, полуовальной в сечении накладкой, оконтуренной по краю двойной линией (рис. 29, 1). В центре накладки нанесен узор из двух параллельных вертикальных линий, по сторонам которых расположено по 2 кружка. Длина гребня была около 19.5 см (конец обломан), ширина 5 см, ширина накладки 2.6—2.7 см. Гребень относится к типу I в, по классификации О. И. Давидан. В Ладоге подобные гребни появились в горизонте E₁ (вторая половина IX в.), датируются в основном IX—X вв.⁷⁵ На Волхове еще 2 таких гребня известны на поселении Новые Дубовики у волховских порогов.⁷⁶ В коллекции подъемного материала с Городища есть 9 гребенок 1-го типа.⁷⁷

Три обломка гребней принадлежат гребням II группы, по О. И. Давидан. Почти целый такой гребень встречен в заполнении сруба с хлебной печью (вторая четверть X в.). Его длина около 11 см (конец обломан), ширина 2.9 см, ширина накладки 1.1 см (рис. 28, 3). Гребень имеет дугообразную накладку с верхними выступами на концах. Резной геометрический орнамент заполняет всю поверхность накладок: на концах это поперечные линии, в центре — ромбы, выполненные двойными линиями. По классификации О. И. Давидан, гребень относится ко 2-му типу II группы.⁷⁸

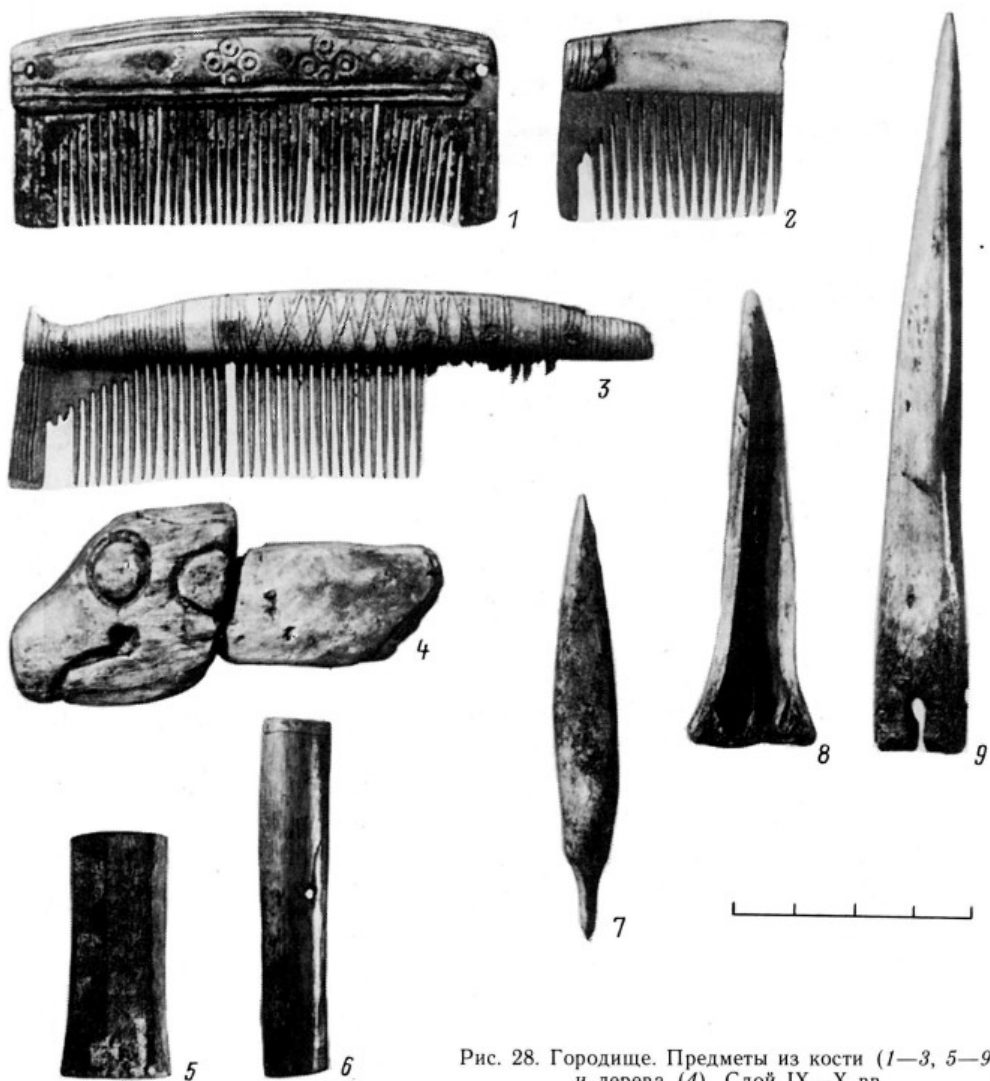

Рис. 28. Городище. Предметы из кости (1—3, 5—9) и дерева (4). Слой IX—X вв.

Аналогичный гребень найден и в слое второй половины—конца X в. (рис. 29, 2). У него лишь несколько бóльшие размеры: длина около 13—13,5 см (конец обломан), ширина 3,6 см, ширина накладки 1,3 см. На гребне имеется отверстие для его подвешивания. Концом IX в. датируется обломок еще одного гребня II группы, но 1-го типа, по О. И. Давидан: на нем отсутствуют выступы на концах⁷⁹ (рис. 28, 2).

Гребни обоих типов II группы в Ладоге найдены в горизонтах Д и датируются концом IX—началом XI в.⁸⁰ Подобные же гребни представлены в коллекции подъемного материала с Городища (12 экз.)⁸¹ и в массовом количестве встречены в Новгороде в слоях X—первой половины XI в.⁸²

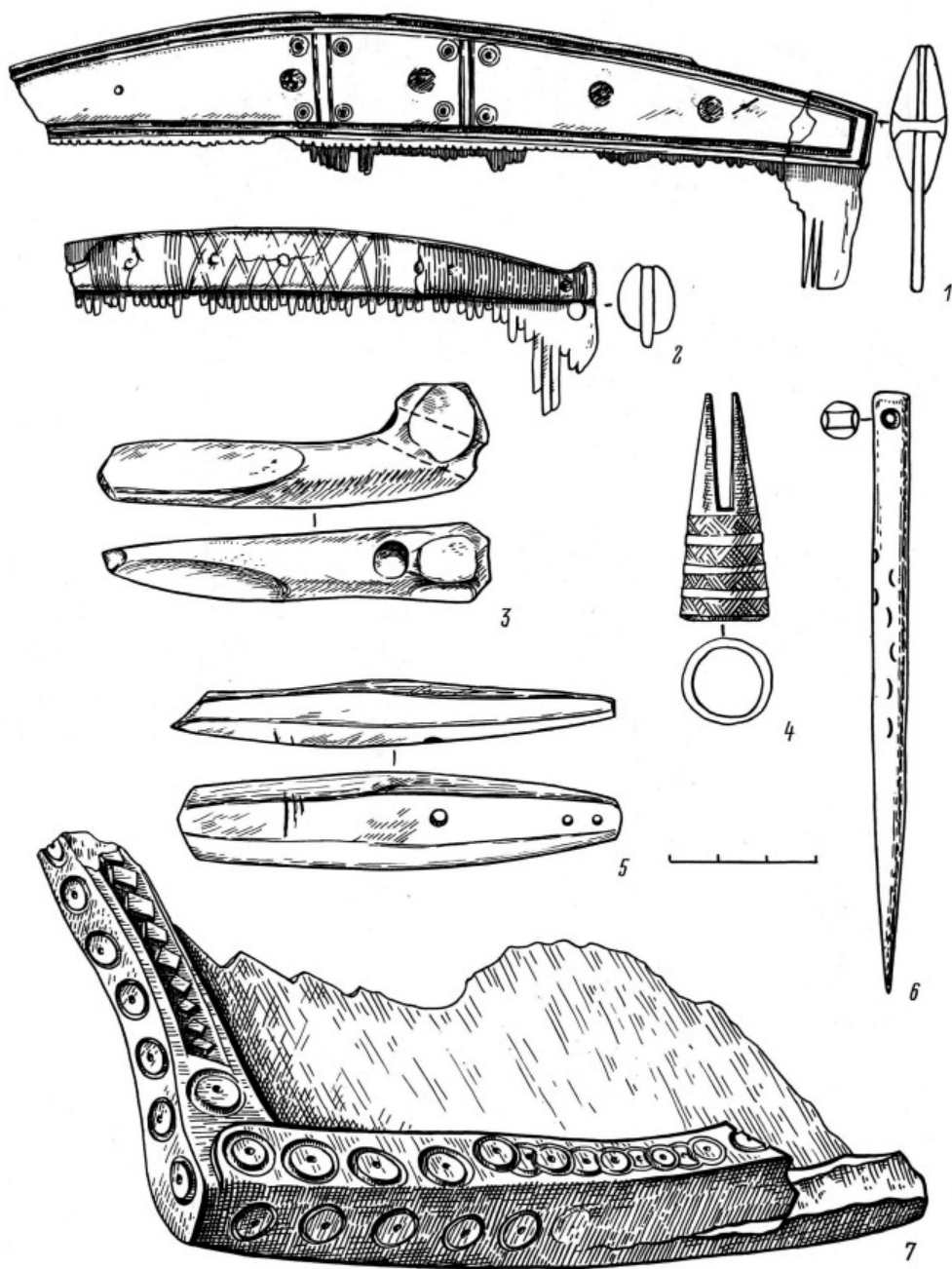

Рис. 29. Городище. Костяные предметы (1—7) из слоя IX—X вв.

Стоит несколько особняком и не соответствует формальным пропорциям, принятым при разделении односторонних гребней на 2 группы, маленький гребень из слоя конца IX в. (рис. 28, 1). Его длина 8.2 см, ширина 3.6 см, ширина накладки 1.5 см. Накладка по краю оконтурена двойной линией, в ее центре нанесен орнамент из двух групп кружков. По характеру орнаментации гребешок близок гребням I группы.

В слоях X в. найдено 7 проколов и шильев (первая половина X в. — 3, вторая половина X в. — 4), изготовленных из трубчатых и грифельных костей и рога (рис. 28, 8, 9). Их длина от 7 до 13.5 см. В Ладоге основная масса проколов и шильев встречена в горизонте Д и в более поздних слоях, лишь несколько экземпляров обнаружено в горизонте Е₁, их совсем нет в древнейших отложениях.⁸³

Из слоев второй половины X в. происходят следующие находки из кости и рога: булавка длиной 12.3 см, с отверстием в верхней части, украшенная рядами насечек (рис. 29, 6); маленький (длина 7.2 см) плоский ланцетовидный наконечник стрелы (рис. 28, 7); половинка округлой обоймы, вероятно часть рукояти какого-то орудия; так называемый «конек»;⁸⁴ 2 поделки неясного назначения со сквозными отверстиями (рис. 29, 3, 5); 2 основания лосиных рогов со следами спилов.

Особый интерес представляет изделие из крупной лопаточной кости. Оно имело подчетыреугольную форму, размеры 9 × 16 см, а по двум сторонам — вырезанный прямоугольный бортик высотой 2 см и шириной 0.8—1.5 см (рис. 29, 7). По верху бортика на длинной стороне предмета нанесен циркульный орнамент в виде ряда крупных (диаметром около 1 см) кружков, частично заходящих один на другой, по короткой стороне — ряд рельефных ромбов. Местами по бортику сохранились следы посеребления. Перед нами часть какого-то роскошного изделия, точное назначение которого неясно. Можно предположить, что это накладка, оформлявшая угол деревянной игровой доски.⁸⁵

В слоях первой половины X в. найдена семигранная рукоять орудия с сохранившимися внутри нее остатками дерева (рис. 28, 5); 2 трубочки, одна из которых с поперечным сквозным отверстием — игольник (рис. 28, 6), и уже упоминавшееся фигурное навершие из заполнения сруба с хлебной печью (рис. 29, 4). Концом IX в. датируется кость (ребро) с нарезкой на крае.

Разнообразны предметы из железа. В слоях конца IX—второй половины X в. найдены части двух железных гривен из перекрученного в нескольких местах тонкого четырехгранного стержня (рис. 30, 3, 5). В отечественной литературе утвердилось положение о скандинавском происхождении подобных находок, однако вопросы хронологии железных гривен, в том числе с «молоточками Тора», на территории Восточной Европы стали предметом широкой дискуссии. В Скандинавии время бытования железных гривен определяется серединой VIII—началом XI в. Можно ли переносить эту датировку на материалы Восточной Европы, или же здесь гривны были распространены лишь в конце X—начале XI в.? К этому сводится суть споров.⁸⁶ Не решая проблемы в целом, укажем, что у населения Поволховья железные гривны бытовали одновременно с подобными предметами в Скандинавии. Так, в Ладоге часть железной гривны найдена в самом нижнем слое при зачистке древней почвы, т. е. датируется началом второй половины VIII в. В горизонте Е₂ (середина IX в.) обнаружен миниатюрный топорик-подвеска от железной гривны. Подобный топорик происходит и из горизонта Д.⁸⁷ Находка железной гривны на Городище в слое

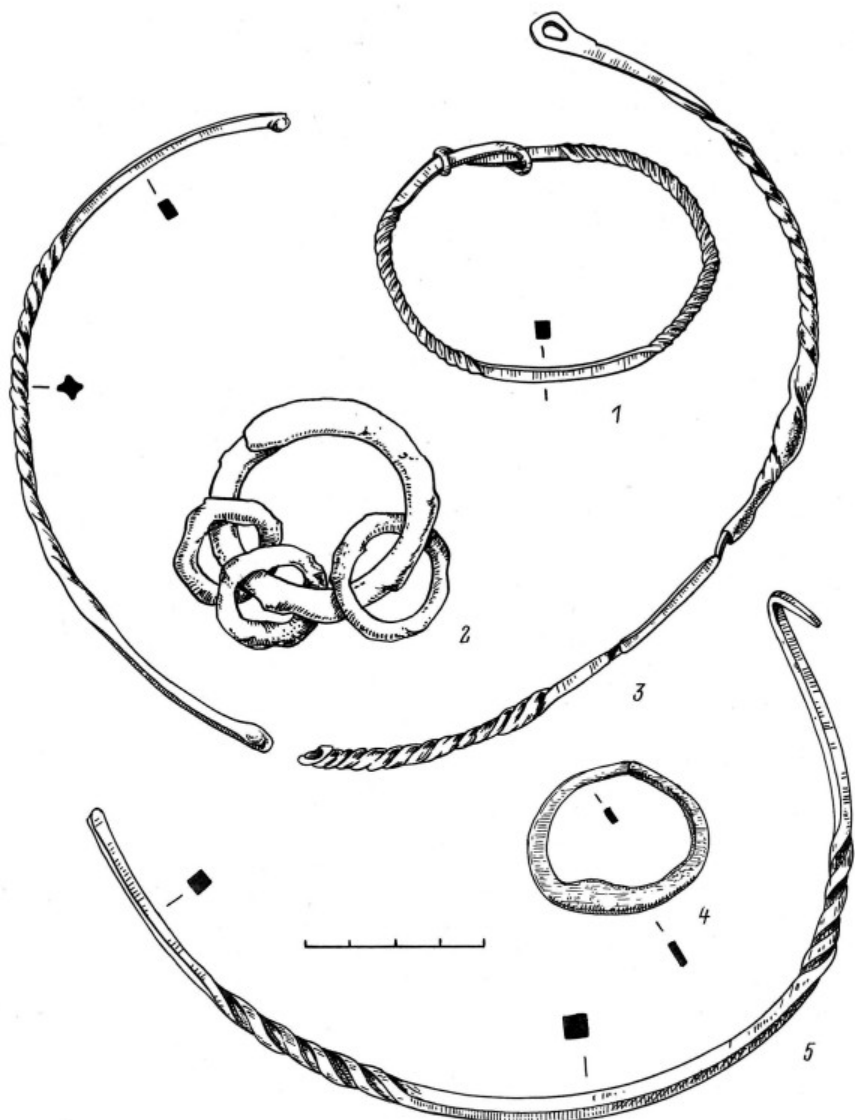

Рис. 30. Городище. Железные предметы (1—5) из слоя IX—X вв.

конца IX в. подтверждает мнение о раннем появлении таких украшений в Поволховье.

В слое первой половины X в. найден браслет с завязанными концами, сделанный из перекрученного в двух местах железного стержня (рис. 30, 1). По технике изготовления он аналогичен железным гривнам. Второй половиной X в. датируется железная кресаловидная или ладьевидная подвеска (рис. 30, 4). На Городище встречено еще несколько подвесок этого типа (рис. 35, 2). Подобные подвески, чаще серебряные и бронзовые, орнаментированные, известны на

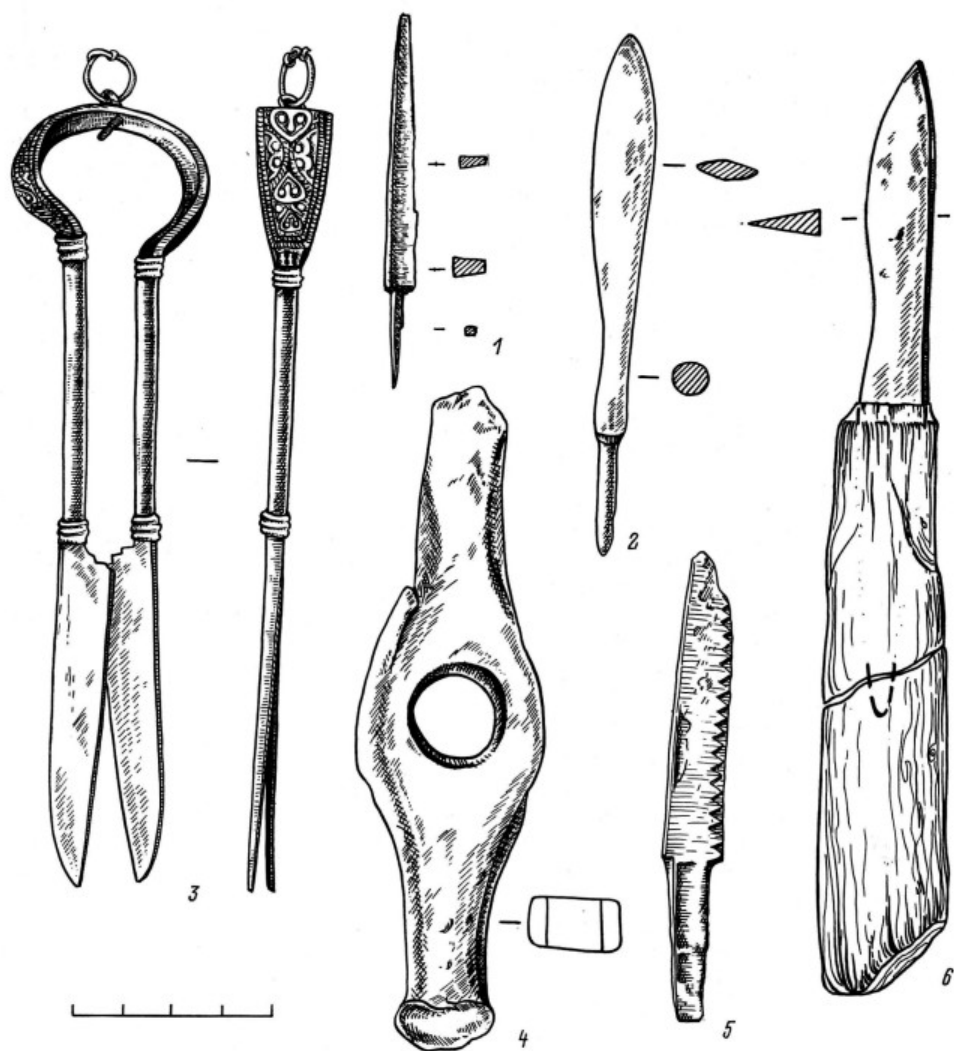

Рис. 31. Городище. Железные предметы (1—6) из слоя IX—X вв.

широкой территории в памятниках IX—XI вв.: в Старой Ладогe, в Пскове, на гнездовском поселении и в курганах, во Владимирских курганах, на Сарском городище, в кладе Скадино в Псковской области, в Скандинавии.⁸⁸

Ко второй половине X в. относится ланцетовидный наконечник стрелы с выделенным черешком (рис. 31, 2). Его длина 10,5 см. При раскопках в Новгороде встречены 3 подобных наконечника в слоях второй половины X—первой половины XI в.⁸⁹ В литературе распространено мнение о скандинавском происхождении таких наконечников стрел, хотя ряд исследователей, в частности А. Ф. Медведев в вышеупомянутой работе, эту точку зрения ставят под сомнение.⁹⁰

Интересна находка в слое первой половины X в. пружинных ножниц длиной 15.5 см, с узкими режущими полотнами (наибольшая ширина 1.1 см) и шириной пружины 3.8 см (рис. 31, 3). На стержнях у лезвия и у пружины имеются по 2 орнаментальных ободка с двумя полосками из оловянисто-свинцового сплава. Сама пружина украшена орнаментированной накладкой с выдавленными пуансонными и сердцевидными выпуклинами. Здесь же находится маленькое медное колечко для подвешивания ножниц. Пружинные ножницы были широко распространены, в том числе в X в., у населения Восточной Европы, известны и их многочисленные находки в Новгороде.⁹¹

В число орудий труда входит плоский железный молоток (вторая половина X в.) с головкой длиной 13 см, толщиной 1 см, диаметром округлого бойка 1.8 см, шириной остряка 1.7 см и круглым отверстием для рукояти диаметром 2 см (рис. 31, 4). В слое второй половины X в. встречен шиловидный предмет длиной 7.5 см (рис. 31, 1).

На раскопе найдены 2 целых ножа и обломок. Нож из напластований первой половины X в. сохранился вместе с деревянной рукоятью (рис. 31, 6). Длина ножа 13.3 см, черенка — 6 см, ширина лезвия 1.3 см, толщина спинки 0.3 см. При переходе от черенка к лезвию на лезвии и на спинке имеются плавные уступы. Длина рукоятки 12 см. По форме нож ближе всего к ножам I группы, выделенным Р. С. Минасяном для памятников раннего средневековья Восточной Европы.⁹² Из этого же слоя происходит обломок ножа. Нож из слоя второй половины X в. имеет длину 9.3 см, длину черенка 3 см, ширину лезвия 1 см и толщину спинки 0.4 см (рис. 31, 5). Спинка прямая, при переходе к черенку явно выражен уступ. У ножа четко прослеживается трехслойность. На центральную полосу были наварены две боковые, причем последние имели зубчатые края. Спинка ножа и боковые накладки инкрустированы латунными вставками.

К первой половине X в. относится плоское, прямоугольное в сечении железное кольцо диаметром 5 см, с надетыми на него тремя меньшими колечками диаметром 2.4—2.9 см (рис. 30, 2). Еще одно такое кольцо найдено на Городище на вершине холма (рис. 46, 5). Аналогии им известны. Так, во время раскопок 1954—1964 гг. поселения Хельго на оз. Меларен в Швеции встречено 15 подобных колец (в пяти случаях с двумя, а в десяти случаях с тремя меньшими колечками). Исследователи Хельго опубликовали их в числе амулетов, определяя как «кольца-амулеты или трещотки».⁹³ В могильнике Бирка в Швеции железные кольца (в трех случаях с тремя, а в одном — с двумя меньшими колечками) встречены в четырех погребениях, причем их назначение Х. Арбман никак не уточняет.⁹⁴ Нам также известна аналогия этим предметам среди инвентаря воинского погребения VIII—X вв. могильника салтовской культуры у с. Пятницкого в Харьковской области в бассейне Северского Донца.⁹⁵

Кроме перечисленных находок из железа, на раскопе обнаружены ладейные заклепки, гвозди, различные штыри, стерженьки и петли, ледоходный шип, обрывок цепи, накладки.

Предметы из цветных металлов происходят главным образом из слоев второй половины X в. Одна из наиболее интересных находок — круглая литая привеска диаметром 2.6 см из оловянисто-свинцового сплава (рис. 32, 6). Обратная сторона привески плоская, лицевая — выпуклая, с гнездом, куда вставлен кусочек зеленоватого стекла. Вокруг гнезда имеется орнамент, оформленный ложносканной нитью. Точно такая же привеска, только с сердоликовой вставкой, найдена на данном раскопе в заполнении сруба с хлебной печью (рис. 32, 5).

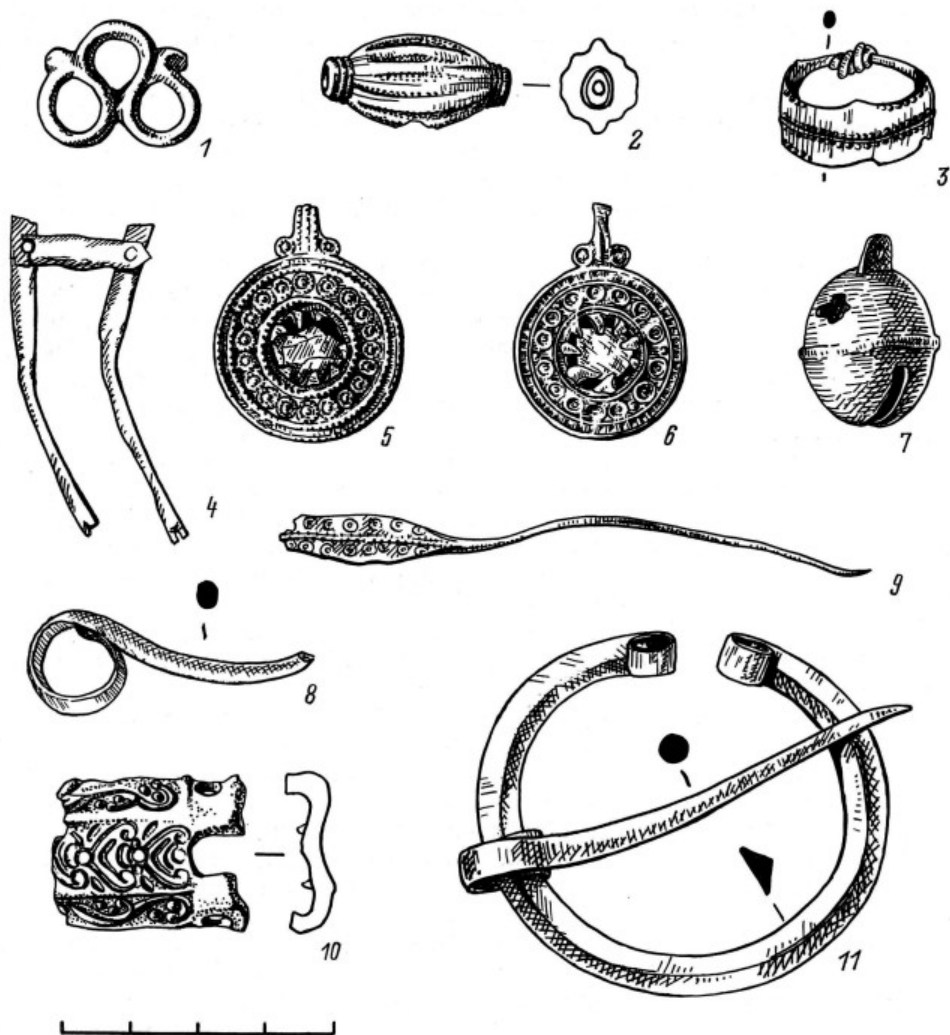

Рис. 32. Городище. Предметы из цветных металлов (1—11). Слой IX—X вв.

Стратиграфически для серебряного пластинчатого широкосрединного перстня с завязанными концами дату можно сузить до последней четверти X в. (рис. 32, 3). На нем нанесен чеканный узор из рядов точек, идущих по контуру перстня и по его середине. По материалам гнездовского могильника аналогичные перстни (6 экз.) датируются второй половиной X—началом XI в.⁹⁶ Подобные перстни Н. Г. Недошивина относит к концу X—началу XII в.⁹⁷ В Новгороде в слоях XI в. найдены 3 таких перстня (один также с чеканным орнаментом). М. В. Седова отметила, что широкосрединные перстни с завязанными концами на территории Восточной Европы в основном датируются XI в., а в Швеции и Финляндии они появились в конце X в.⁹⁸

Среди находок представлен бронзовый бубенчик, овальный в сечении, размерами 1.9×2.3 см, со щелевидной прорезью и рельефным пояском в середине (рис. 32, 7). Из слоя последней четверти X в. происходит часть литого орнаментированного предмета из оловянисто-свинцового сплава, по-видимому наконечника ремня (рис. 32, 10). На нем имеются 2 сквозных отверстия, куда пропускался штифт, соединявший наконечник с основой, на которую он крепился. В этом же горизонте найдена треугольная в сечении спиралеконечная фибула (рис. 32, 11). В Новгороде из 18 известных фибул такого облика 15 встречены в слоях X—XI вв.⁹⁹

В слое первой половины X в. найдено бронзовое петлевидное украшение (рис. 32, 1). Последнее есть точная аналогия на городище Олинькалнс в Латвии. Э. С. Мугуревич считал украшение петлевидной подвеской и рассматривал как импорт в Латвию из Поднепровья.¹⁰⁰ Действительно, находки с Рюрикова городища и городища Олинькалнс имеют сходство по форме с петлевидными подвесками, считающимися племенными украшениями радимичей,¹⁰¹ однако есть между ними и различия. У радимичей это в прямом смысле слова подвески, в большинстве случаев имеющие ушки-петельки, в то время как украшения с городищ их не имеют. Кроме того, подвески радимичей, как отмечал Б. А. Рыбаков, плоские, сделанные из металлических, часто орнаментированных полосок,¹⁰² а рассматриваемые украшения литые и в сечении полусферические. Наконец, находка с Рюрикова городища датируется более ранним временем, чем подвески из курганных могильников XI—XII вв.

В слое первой половины X в. обнаружена серебряная монета с приклепанным ушком для подвешивания. По определению И. Г. Добровольского, монета представляет собой подражание аббасидскому дирхему IX в.

Коллекция оселков насчитывает 16 экз. Все они сланцевые, за исключением одного, сделанного из песчаника. Выделяется группа стандартных изделий длиной около 6.5 см, прямоугольных или квадратных в сечении (6×12 или 11×12 мм), с отверстиями для подвешивания (рис. 33, 3, 4). Видимо, именно они в первую очередь носились прикреплёнными к поясу вместе с ножами. Есть крупные широкие оселки для заточки больших орудий, оселки для заточки игл и шильев и т. д. Оселки изготовлялись непосредственно на самом поселении: встречены куски сланца, на одном из изделий имеется недосверленное отверстие.

Среди изделий из камня отметим обломок прямоугольной плиты из известняка размерами 22.5×25 см, толщиной 4 см, со следами растирания на ней каких-то материалов или продуктов и терочный камень диаметром 6 см и высотой 3.5 см (рис. 33, 5). Из слоя первой половины X в. происходит блоковидное огниво — кварцитовый овальной формы шлифованный утюжок длиной 9.8 см, с выдолбленной с боков канавкой, внутри которой закреплялась железная или бронзовая обойма с ушком для подвешивания (в данном случае она не сохранилась). На плоской поверхности огнива имеется вытянутое углубление — следы высекания огня (рис. 33, 6).

Блоковидные огнива появились в начале I тыс. н. э. и получили широкое распространение в регионе, примыкающем к Балтийскому морю. В Восточной Прибалтике они были в употреблении преимущественно в V—VII вв.¹⁰³ В. В. Седов прямо указывает, что «VII столетие было последним в бытовании блоковидных кресал», и на этом основании, в частности, определяет нижнюю дату возникновения поселения в Изборске рубежом VII и VIII вв.¹⁰⁴ Вместе с тем исследователи допускают бытование блоковидных огнив и в более позднее

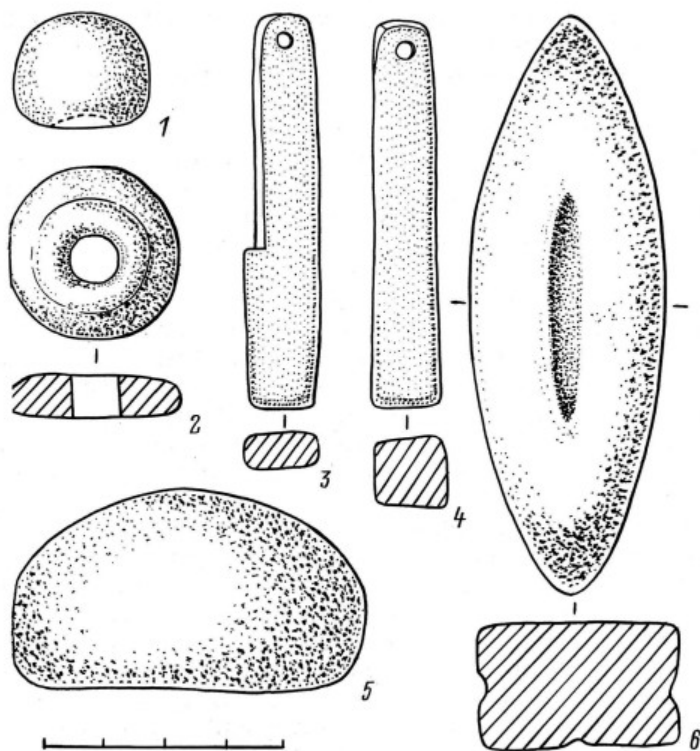

Рис. 33. Городище. Глиняные (1—2) и каменные (3—6) предметы из слоя IX—X вв.

время.¹⁰⁵ Периодом не ранее X в. датируется огниво из раскопок Г. П. Гроздилова в Пскове.¹⁰⁶ Блоковидное огниво с Рюрикова городища, датируемое первой половиной X в., является самым восточным из известных нам по территории распространения и одним из наиболее поздних по времени предметом этого типа.

Мы уже упоминали о шиферном пряслице из заполнения сруба с хлебной печью. Его можно датировать в пределах второй четверти X в., но не позднее середины столетия. Пряслице из розового шифера имеет биконическую форму, диаметр 2 см, высоту 1,2 см, диаметр внутреннего канала 7,5 мм. В Новгороде шиферные пряслица появились вместе с первыми поселенцами.¹⁰⁷ На Неревском раскопе в слое 28-го яруса (953—972 гг.) их найдено 38.¹⁰⁸ Первой половиной X в. датируются 2 шиферных пряслица из Белоозера.¹⁰⁹ Таким образом, наша находка вполне соответствует времени появления рассматриваемой группы изделий в Северной Руси. На пряслице имеются различные решеткообразные изображения и знаки. Интерпретация последних достаточно сложна. Дело в том, что знаки на предметах материальной культуры X в. отражают тот этап в освоении письменности на восточнославянской территории, для которого была характерна нестабильность графических систем. В данном случае, по мнению Т. В. Рождественской, на пряслице в верхней части читаются две буквы — Н и Ж, написанные кириллицей, а сразу под ними, в явном противопоставлении,

буква Ж, написанная глаголицей (напомним, что звук «ж» свойствен именно славянской речи, в отличие от греческой).¹¹⁰

Второй половиной X в. датируется глиняная шашка черного цвета с тщательно залощенной поверхностью, диаметром 2,2 см и высотой 2 см (рис. 33, 1). На территории Древней Руси шашки происходят с памятников преимущественно X в., расположенных либо на трассе водного пути «из варяг в греки», либо из некрополей при крупных городах, где сосредоточивались русские и наемные княжеские дружины. По мнению Г. Ф. Корзухиной, игра в шашки была занесена на Русь с севера, а в XI в., когда исчезают варяжские наемники, исчезает и игра в шашки.¹¹¹ На Руси глиняная шашка встречена на Шестовицком поселении, и их находки часты в Норвегии.¹¹²

Ко второй половине X в. относятся обломки трех глиняных дисков, которые, как полагают, играли роль грузил вертикальных ткацких станков. Подобные грузила были широко распространены в регионе Балтийского моря в основном именно в X в.¹¹³ Среди прочих изделий из глины упомянем 3 пряслица (рис. 33, 2) и обломок предмета неясного назначения с отверстием.

О бронзолитейном производстве свидетельствуют встреченные обломки глиняной льячки и тигелька. Из различных слоев происходит большое количество железных шлаков. Но особенно важны находки отходов работы ремесленников-ювелиров, изготовлявших изделия из золота. Это происходящие из слоев второй половины X в. несколько обрывков тончайших перекрученных золотых нитей, смятых в комки, и кусочков проволоки. Длина одной из нитей 30,5 см. Один комочек отходов представляет собой плотно свернутые древним мастером полоски золотой фольги. Интересен обрывок золотой плетенки из восьми провололок. Четыре пары провололок были сплетены между собой, образовав косичку длиной 6 см. Предметы из золота на поселениях X в. в Древней Руси очень редки. Наличие следов производства золотых изделий на Городище, служивших для удовлетворения вкуса самых знатных заказчиков, — важнейшая черта к характеристике поселения и его места среди прочих памятников Приильменья.

В слое конца IX в. обнаружена скорлупа грецкого ореха — предмет южного импорта. В Новгороде в напластованиях X в. найдено всего 3 грецких ореха.¹¹⁴

На раскопе обнаружено 185 бусин (включая уже описанные при характеристике построек), из которых большинство стеклянные, 13 — каменные и одна — серебряная. Серебряная реберчатая бусина (рис. 32, 2) датируется второй половиной X в., что соответствует времени бытования подобных бус на Руси.¹¹⁵ К концу IX в. относятся 6 бусин (из них одна каменная), к первой половине X в. — 18 (4 каменных), ко второй половине X в. — 163 (8 каменных). Такое увеличение количества бус к концу X в., противоречащее общей тенденции уменьшения их числа на поселениях в конце I тыс. н. э.,¹¹⁶ напрямую связано с отмеченным ранее изменением застройки данного участка поселения, когда на месте хлебных печей в последней четверти X в. был построен жилой дом. Кроме того, в слое конца X в. была найдена россыпь из 73 бисерин (видимо, часть одной низки), что существенно сказалось на общем количественном соотношении бус.

Из слоя конца IX в. происходят четырнадцатигранная сердоликовая бусина, многочастная серебряная пронизка (VIII группа, I подгруппа, по З. А. Львовой), 3 бисерины — две желтые и одна мутновато-белесого цвета (VIII группа, III подгруппа, по З. А. Львовой) — и обломок синей бусины (лимонообразной?).

Бусы первой половины X в. В числе четырех каменных бусин имеются 2 сердоликовые — призматическая и дисковидная, хрустальная дисковидная и плоская известняковая в виде маленького колесика (последнюю можно рассматривать и как привеску). Среди стеклянных бус преобладает рубленый бисер — 10 экз. (желтый — 5, синий — 4, зеленый — 1). Кроме того, представлены 2 зонные бусины — желтая и синяя с желтой полоской (IV группа, по З. А. Львовой) и 2 бусины из тянутых стеклянных трубочек — зеленая в виде очень грубого с неясными гранями куба и синяя бочонковидная (обе относятся к IX группе, по З. А. Львовой).

Бусы второй половины X в. В их числе 8 каменных бус: хрустальные (2 круглые, 3 многогранные) и сердоликовые (2 круглые и одна цилиндрическая). Среди бус из стекла доминирует бисер. В коллекции насчитывается 111 бисерин, из них 73 найдены в одной россыпи (среди последних 40 желтых бисерин, 28 — зеленых и 5 — мутновато-белесых). Общее распределение бисера по цвету следующее: зеленый — 46, желтый — 43, мутновато-белесый — 8, синий — 7, черный — 7.

При рассмотрении ладожских бус З. А. Львова отметила, что весь бисер VIII—X вв. по технологии своего изготовления распадается на 2 группы. Бисер «классической» формы — сильно закругленные с одной стороны, ровные отрезки трубочек из стекла ярких, чистых цветов. Такая форма и цвет бусин достигались путем сложной обработки изделия с последующим оплавлением его в «барабане». Бисер этого типа прослеживается в Старой Ладоге с самого нижнего слоя — горизонта E₃, и его количество увеличивается в горизонте E₂. Качество бисера в горизонтах E₁ и D резко ухудшается. Здесь преобладает бисер, неоплавленный в «барабане», более грубых и неопределенных форм, поверхность которого не блестит, а цвет стекла характеризуется тусклыми тонами. З. А. Львова показала, что в Старой Ладоге в VIII—X вв. существовали 2 производства рубленого бисера. «Первое функционировало в течение VIII—IX вв. и прекратилось где-то в конце IX в. Второе восприняло традиции первого... однако носило более массовый характер и качество его продукции было гораздо ниже. Второе производство возникло в начале IX в. и прекратило свое существование в начале XI в., достигнув наивысшего расцвета в X в.»¹¹⁷

Рассмотрение бисера, найденного на данном раскопе Городища в слоях конца IX—X в., показывает, что из 124 бусин почти все по своей форме являются аналогичными бисеру, господствующему в горизонтах E₁ и D Старой Ладоги, т. е. получившему наибольшее распространение в конце IX—X в., и только 4 экз. сохраняют более раннюю форму «классического» бисера. По оттенкам цветов бисер Городища также тождествен более поздней группе бисера Старой Ладоги. Все это подтверждает справедливость общих наблюдений о характере древнего бисера, сделанных З. А. Львовой на ладожских материалах.

По данным раскопок Ладоги 1973—1975 гг., в ее самых древних горизонтах численно преобладал синий бисер, в слоях IX в. господствовал желтый бисер, а позднее стал доминировать зеленый.¹¹⁸ Общая тенденция в изменении цвета бисера по времени на Городище такая же. Здесь в слое конца IX—первой половины X в. найдено 7 желтых бисерин, 4 синих, одна белая и лишь одна зеленая, а в слоях второй половины X в. зеленый бисер стал преобладающим.

Еще одну категорию бус составляют серебряные и золоченые лимонообразные бусы, изготовленные из перехваченной в нескольких местах щипцами и разделенной таким образом на круглые дольки трехслойной трубочки

(14 экз.). В коллекции преобладают одночастные «лимонки». Их насчитывается 10 — 5 серебряных и 5 золоченых. Наряду с ними встречены 3 двухчастные бусины (2 серебряные и одна золоченая) и серебряная многочастная пронизка.

В Новгороде подобные бусы среди материалов, учтенных Ю. Л. Шаповой, встречены в слоях X—XI вв. в количестве 28 экз., из которых в слоях второй половины X в. найдено 8, а в слое ниже 28-го яруса (953 г.) — 9.¹¹⁹ В отличие от Новгорода в Старой Ладогe, где раскопанная площадь поселения во много раз меньше исследованной в Новгороде, но имеются более ранние культурные отложения, при раскопках В. И. Равдоникаса найдено 557 экз. рассматриваемых бус (VIII группа, I подгруппа, по З. А. Львовой). Из них в горизонтах E₃ и E₂ зафиксирована 261 бусина, а в горизонте E₁ и на уровне построек горизонта Д — 225.¹²⁰ З. А. Львова отметила, что если для нижних горизонтов Старой Ладоги (E₃ и E₂) типичны многочастные пронизки, то в горизонтах E₁ и Д им на смену приходят одночастные, а также двух- и трехчастные экземпляры.¹²¹ Как мы видим, в слоях второй половины X в. на Городище господствовали именно одночастные и двухчастные бусы, что вполне соответствует картине, прослеженной З. А. Львовой для Ладоги.

Кроме бисера и золоченых, и серебряных бус, из тянутых стеклянных трубочек изготовлялись также одноцветные пронизки и одночастные лимонобразные бусы (группа VIII, подгруппа IV, по З. А. Львовой). Найдены 10 лимонков (6 — желтого стекла, 3 — красновато-фиолетового, одна — синего), 4 двухчастные пронизки (3 — красновато-фиолетового стекла, одна — желтого) и одна трехчастная синяя пронизка.

В Старой Ладогe такие бусы встречены в основном в горизонтах E₃—Д (VIII—X вв.), причем в стратиграфическом распределении этих бус наблюдается та же тенденция, что и для золоченых, и серебряных бус, а именно: в нижних горизонтах преобладают многочастные пронизки, которые преимущественно на уровне построек горизонта Д сменяются одно- и двухчастными лимонобразными бусами.¹²² Набор бус с Городища вполне соответствует данному выводу.

Двумя экземплярами представлены бусы из заглушенного стекла печеночно-красного цвета бочонковидной формы (III группа, по З. А. Львовой). Найдены также 2 синие глазчатые бусины с синими глазками в белых ободках и темно-бурая бусина подтреугольной формы с тремя зелеными глазками в желтых ободках (II группа, по З. А. Львовой). 2 бусины относятся к I подгруппе IV группы, по З. А. Львовой: это зонная бусина печеночно-красного стекла и зонная бусина из заглушенного молочно-белого стекла, украшенная двумя мозаичными глазками в виде печеночно-красных лепестков, отходящих от темного ядрышка. Интересна продольно-рифленая бочонковидная бусина бесцветного стекла (VIII группа, по З. А. Львовой). В Скандинавии, по Ю. Кальмеру, подобные бусы появляются начиная с 950—960 гг.¹²³

В Ладогe крайне малочисленную группу (13 экз.) образовали резные бусы (VII группа, по З. А. Львовой). Они вырезались холодным способом из кусков застывшего стекла. Как отмечает З. А. Львова, по технике исполнения и форме эти бусы сближаются с вырезанными и отшлифованными бусами из горного хрусталя и сердолика и датируются в основном X в. (горизонт Д).¹²⁴ На Городище в нашем раскопе найдены 2 подобные бусины. Одна из них многогранная прозрачного стекла, почти не отличимая от хрустальной, вторая — восьмигран-

ная синяя призматической формы. По Ю. Кальмеру, бусы последнего типа в Скандинавии не встречаются ранее 915—950 гг.¹²⁵

Кроме упомянутых бус, в раскопе встречены обломок голубой бусины и круглая бусина из бесцветного стекла.

В целом бусы Рюрикова городища полностью аналогичны бусам из нижних слоев Старой Ладogi и повторяют тенденции изменения общего состава бус, установленные по ладожским материалам. Много параллелей имеется с бусами из древнейших горизонтов Новгорода и с памятников Скандинавии.

Горизонты с органическими остатками IX—X вв. на раскопе на северном берегу Сиверсова канала были отделены от вышележащих слоями грязно-серого и желтого песка, общая толщина которых достигала в северо-западном углу раскопа 1,45 м (рис. 13). Мощность слоев песка уменьшалась в юго-восточном направлении, и еще в пределах раскопа они выклинивались. То, что подобные слои песка зафиксированы только на данном участке Городища, общее их падение, соответствующее понижению склона городищенского холма к мысу, структура и сопоставление уровня залегания песка с уровнями залегания культурных отложений в мысовой части поселения не оставляют сомнения в их искусственном происхождении.¹²⁶ Появление этих слоев песка связано с нивелировочными работами в месте перехода от городищенского холма к мысу, которые завершили естественный процесс сглаживания и заплывания существовавшей здесь первоначально низины. Когда же это произошло?

Верхняя дата отложения культурных слоев с органическими остатками надежно определяется по типологии находок и с учетом дендрохронологических дат временем не позднее рубежа X—XI вв. Керамики XI в., судя по керамической шкале Новгорода, и предметов, которые можно было бы датировать временем не ранее XI в., здесь нет.¹²⁷ Следовательно, именно на рубеже X—XI вв. или в самом начале XI в. в данной части Городища и были проведены нивелировочные работы. В самих слоях песка встречены лишь кости животных и несколько невыразительных обломков гончарных сосудов.

В культурном слое непосредственно над песком найдено небольшое число фрагментов сосудов, типичных для XI в., но они не дают полного комплекса форм, характерных для керамики этого времени Новгорода. Данный факт скорее всего подтверждает случайность появления обломков посуды XI в. на этом участке поселения и отсутствие здесь постоянной застройки в течение некоторого времени после перепланировки. Помимо керамики, XI в. можно датировать еще несколько находок. Среди них костяное навершие плети, на котором вырезан княжеский знак багровидной формы с отдельным зубцом, изогнутым влево, и с дополнительным отрогом внутрь (рис. 34, 9). Подобный знак обнаружен при раскопках в Новгороде дважды: на палочке из твердой древесины в Неревском раскопе и на деревянном цилиндре в Михайловском раскопе.¹²⁸ В. Л. Янин атрибутировал его как знак новгородского князя Глеба Святославича, княжившего в Новгороде в 1067—1078 гг., что находится в соответствии со стратиграфией залегания цилиндра — в слое 1059—1083 гг.¹²⁹

Сразу над песком встречены 4 маленьких костяных двусторонних гребня с частым и редким зубом (рис. 34, 1—3, 5). Гребни орнаментированы врезными линиями. Они принадлежат к типам гребней, распространенным в Новгороде в XI в. и начинающим исчезать в первой половине XII в. (типы Д, Л, М, по Б. А. Колчину).¹³⁰ Из этого же слоя происходит круглая сердоликовая бусина, верхняя дата бытования которой обычно определяется XI в.¹³¹ В Новго-

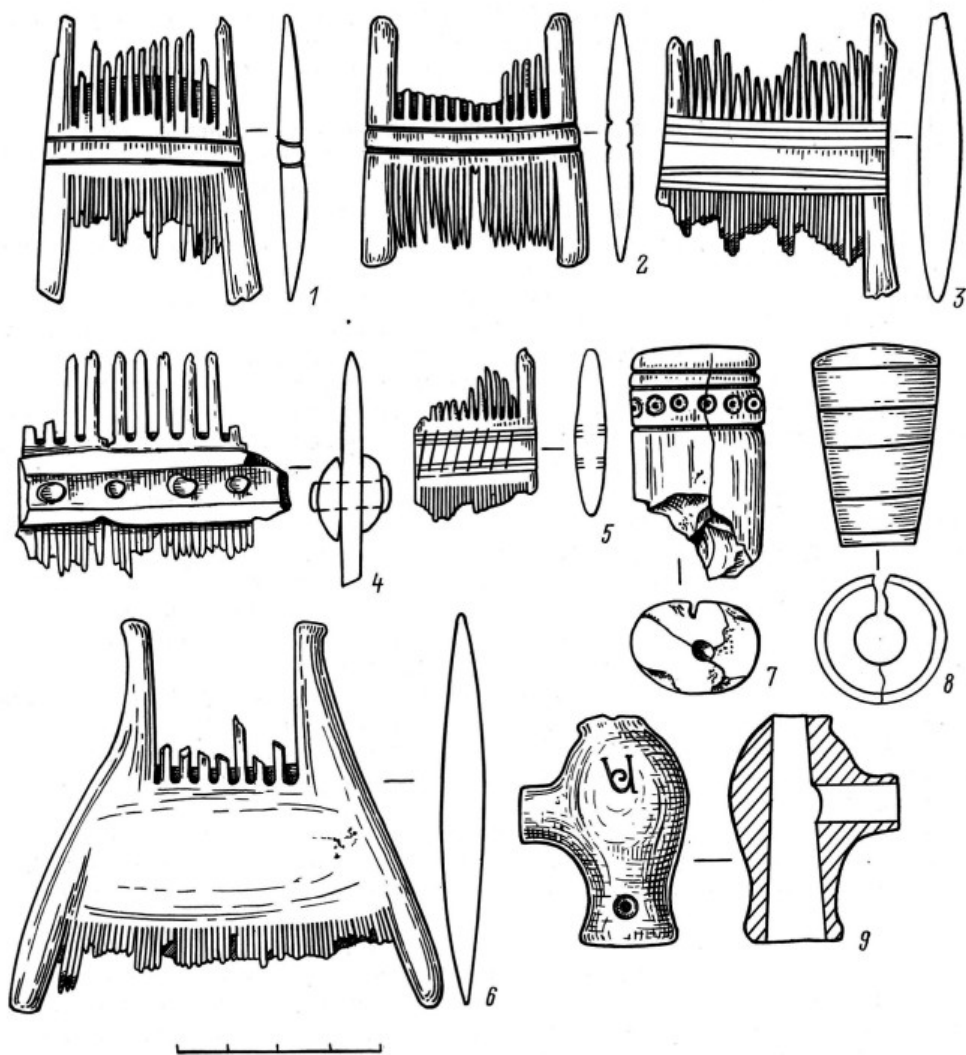

Рис. 34. Городище. Костяные предметы (1—9) древнерусского времени.

роде найдено 35 таких бусин: в слоях X в. — 22, в слоях первой половины XI в. — 13.¹³²

Таким образом, в XI в. после перепланировки участок на месте бывшего склона городищенского холма не был застроен и находки здесь вещей и керамики этого времени редки. В XII в. картина меняется: на песчаной подсыпке возводятся постройки, интенсивно накапливаются культурные отложения.

В слое песка в западной части раскопа выявлены контуры постройки, углубленной в грунт на 0.48 м (частично разрушена при обвалах берега Сиверсова канала). Длина вскрытой целиком северной стенки 3.6 м, ширина

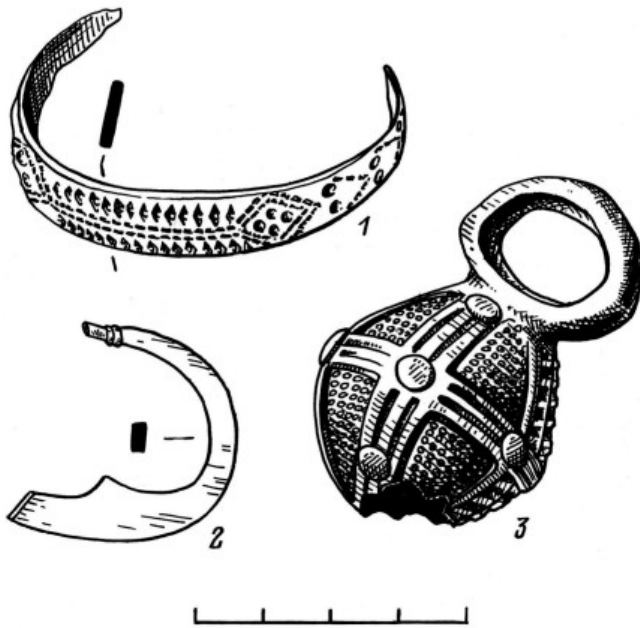

Рис. 35. Городище. Бронзовые предметы (1—3) из слоев древнерусского времени.

сооружения около 3 м, о чем можно судить достаточно определенно, поскольку постройка фиксировалась на разрезах берега в разные годы. На полу расчищено скопление валунов со следами пребывания в огне, а на стенке — пласт обожженной глины толщиной 7—10 см. Видимо, это остатки печи. В заполнении найдена гончарная керамика XII в. с небольшой примесью посуды типов XI в.

В северо-восточном углу раскопа, над слоями песка, обнаружены остатки сгоревшей наземной постройки с печью-каменкой, представлявшие собой слой угля толщиной 15—20 см на площади 6 кв. м, перегоревшие валуны на участке 1.2—1.4×2 м, обожженную глину. Судя по керамике, постройка относится к XII—XIII вв.

Среди находок из культурного слоя отметим вислую свинцовую печать князя Ярослава Владимировича, занимавшего новгородский стол в конце XII в. (определение печати В. Л. Янина),¹³³ двусторонний цельный трапециевидный гребень XII—XIV вв. типа Н, по Б. А. Колчину (рис. 34, 6),¹³⁴ обломок двустороннего наборного гребня, которые бытовали в Новгороде в XII—XIV вв. (рис. 34, 4),¹³⁵ 3 костяные орнаментированные рукоятки (рис. 34, 7, 8), бронзовую гирию от кистеня XII—XIII вв., шаровидной формы, с выпуклостями, типа II А, по А. Н. Кирпичникову (рис. 35, 3).¹³⁶ Интересен обломок бронзовой кресаловидной или ладьевидной подвески (рис. 35, 2). Кроме того, найдены 62 обломка стеклянных браслетов, бронзовый пластинчатый браслет (рис. 35, 1), шиферные пряслица и их обломки (всего 6), пряслица из глины (11), глиняные грузила от рыбацких сетей (10), оселки (5), ножи (2), железная пряжка, свинцовый грузик, несколько стеклянных бусин.

- ¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 166. Рис. 5.
- ² Там же. С. 163. Рис. 4.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 162. Рис. 3.
- ⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. Е1—36. С. 82.
- ⁶ Колчин Б. А. Хронология. . . С. 173. Рис. 8; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 94—96.
- ⁷ В Новгороде бисер был распространен в X—XI вв., бусы лимонки вышли из употребления к середине XI в., а синие зонные бусины появились в начале XII в. и исчезли в середине XIV в. (Колчин Б. А. Хронология. . . С. 167—169. Рис. 6).
- ⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 156—158.
- ⁹ Давидан О. И. 1) Гребни Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 101; 2) Изделия из рога и кости Старой Ладogi как исторический источник: Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1974. С. 6, 7; Колчин Б. А. Хронология. . . С. 164, 165. Рис. 5.
- ¹⁰ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . С. 87. Тип. 1.
- ¹¹ Львова З. А. 1) Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. I // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 64—94; 2) Стекланные бусы Старой Ладogi. Ч. II // АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 89—111; Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладogi: (по материалам раскопок 1973—1975 гг.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 165—173.
- ¹² Шапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55. С. 164—179; Колчин Б. А. Хронология. . . С. 165 и сл.
- ¹³ Спегальский Ю. П. Жилище Северо-Западной Руси IX—XIII вв. Л., 1972. С. 23—25; Носов Е. Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi // КСИА. 1977. Вып. 150. С. 12, 13. Рис. 1.
- ¹⁴ Засурцев П. И. 1) Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 128. С. 15—16; 2) Постройки древнего Новгорода: (Предварительная характеристика по материалам Неревского раскопа 1951—1955 гг.) // МИА. 1959. № 65. С. 265.
- ¹⁵ Новое в археологии Киева. Киев. 1982. С. 98.
- ¹⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 102.
- ¹⁷ Шорин М. В. Раскопки на Рюриковом городище // АО 1983 г. М., 1985. С. 38.
- ¹⁸ Шорин М. В. Отчет о работе отряда Новгородского государственного объединенного музея-заповедника на Рюриковом городище в 1983 г. // Архив Археологического отдела Новгородского музея, ф—1, 1983, № 115, л. 4—5, рис. 2, 3.
- ¹⁹ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки. . . С. 45.
- ²⁰ Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 201, 202. Рис. 3—1; Седова М. В. Ярополч Залесский. М., 1978. С. 49. Рис. 15, 17; Загорулский Э. М. Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 187.
- ²¹ Шорин М. В. Отчет. . . Л. 5—7. Рис. 8.
- ²² Янин В. Л. Я послал тебе бересту. . . 2-е изд. М., 1975. С. 15.
- ²³ Колчин Б. А. Новгородские древности: Деревянные изделия // САИ. 1968. Вып. Е1—55. С. 13.
- ²⁴ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. 1949. № 11. С. 127, 129, 130. Рис. 6, 7.
- ²⁵ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 15—17. Рис. 5—4; Доклад С. Н. Орлова «Деревянные изделия Старой Ладogi» на заседании Отдела славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР 12.04.1984; Сауне А. Arheoloģiskās liecības par koku pludināšanu pa Daugavu // Изв. АН ЛатвССР. Рига, 1974. № 6. С. 52—62.
- ²⁶ Сауне А. Arheoloģiskās liecības. . . S. 52—62.
- ²⁷ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 12.
- ²⁸ Раппопорт П. А. Древнерусское жилище // САИ. 1975. Вып. Е1—32. С. 154.
- ²⁹ Цауне А. В. Жилища Риги XII—XIV вв.: По данным археологических раскопок. Рига, 1984. С. 67—68.
- ³⁰ Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 255, 256. (Труды ГИМ. Вып. 13).
- ³¹ Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 129.
- ³² Львова З. А. Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 72, 73.
- ³³ Петренко В. П. Планировка и постройки Ладogi X в. // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в северо-западной части СССР: Тез. докл. межреспубликан. симпозиума. Рига, 1983. С. 35. Рис. 3; Носов Е. Н., Петренко В. П. Об одном типе средневековых печей Поволжья // КСИА. 1986. Вып. 187. С. 9, 10. Рис. 1.
- ³⁴ Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 263—265. Рис. 55; Русские // Историко-этнографический атлас. М., 1967. С. 164. Карты 31, 32; Народы зарубежной Европы. М., 1964. Т. 1. С. 335.
- ³⁵ Народы зарубежной Европы. М., 1964. Т. 1. С. 122.

- ³⁶ *Бломквист Е. Э.* Крестьянские постройки. С. 265, 451; *Хынку И. Г.* Жилища на территории Молдавии в X—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 102, 103; *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1955. С. 127. Рис. 86, 87; Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 480, 585, 586, 675; *Соколова З. П.* Селькупы // ВИ. 1973. № 3. С. 218; *Vilkuna K.* Leivinuunin historiaa Suomessa // Kalevalaseuran Vuosikirja. Porvo; Helsinki, 1946. № 25—26. S. 250—275; *Valonen N.* Zur Geschichte der finnischen Wohnstuben // Soumalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1963. T. 133. S. 308—318.
- ³⁷ *Vilkuna K.* Leivinuunin historiaa Suomessa. S. 267—269.
- ³⁸ *Чечулин Н. Д.* Русские деревянные жилые постройки в XVI в. // ЗРАО. 1893. Новая серия. Т. VI. С. 300.
- ³⁹ *Громов Г. Г.* Русское крестьянское жилище XV—XVII вв. по письменным источникам // Вестн. МГУ. Серия 9. История. 1965. № 6. С. 47.
- ⁴⁰ АЮБ. 1964. Т. II. № 148—II. С. 386; № 148—VI. С. 389; № 148—IX. С. 391; № 148—X. С. 392; № 148—XII. С. 394; № 148—XIII. С. 395.
- ⁴¹ *Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 571.
- ⁴² *Рабинович М. Г.* Русское жилище в XIII—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975. С. 212.
- ⁴³ *Valonen N.* Zur Geschichte... S. 309; *Хабихт Т. М.* Постройки юго-восточной Эстонии во второй половине XIX в. // Вопросы этнической истории народов Прибалтики: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. М., 1959. Т. 1. С. 382.
- ⁴⁴ *Byrska E.* Budownictwo w gdańskiej dzielnicy rybackiej w XII—XIII wieku // Studia wczesnośredniowieczne. Warszawa, 1955. T. III. S. 217—232. Tab. 30 a, b, c; *Barnycz-Gupieniec R.* Drewniane budownictwo mieszkalne w Gdańsku w X—XIII wieku. Gdańsk, 1974. S. 76—78.
- ⁴⁵ Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórza zamkowe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983. S. 19, 20, 23—25. Ryc. 14, 15 (Budynek 7).
- ⁴⁶ *Szafrański W.* Wczesnohistoryczny piec chlebowy ze stanowiska 6 w Biskupinie // Sprawozdania Państwowego Muzeum Archeologiczne. Warszawa, 1949. T. II. Z. 1—4. S. 117—122. Ryc. 1—6; *Hensel W.* Słowiańcyczna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1956. S. 374.
- ⁴⁷ *Szafrański W.* Wczesnohistoryczny piec chlebowy... S. 118.
- ⁴⁸ *Barnycz-Gupieniec R.* Drewniane budownictwo... S. 82.
- ⁴⁹ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки... С. 112. Рис. 41.
- ⁵⁰ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 140; *Недошивина Н. Г.* Торговый инвентарь // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 71.
- ⁵¹ *Спегальский Ю. П.* Жилища Северо-Западной Руси... С. 79, 80. Рис. 35; Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 130, 132. Рис. 50; *Загорюльский Э. М.* Возникновение Минска. С. 169, 173, 174.
- ⁵² *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки... С. 40—42.
- ⁵³ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 52, 53. Табл. XXX. С. 138, 139. Табл. 41, 42.
- ⁵⁴ *Носов Е. Н.* Солповидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладоге // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 150.
- ⁵⁵ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 17. Рис. 5. С. 98. Табл. 1.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. С. 65.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. С. 65, 158, 159. Рис. 61, 62.
- ⁶⁰ *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря VII—X вв. из Старой Ладоги // СА. 1954. Т. 21. С. 349—351. Рис. 6, 7.
- ⁶¹ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 65, 158, 159. Табл. 62, 61.
- ⁶² *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря... С. 347, 349. Рис. 3.
- ⁶³ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 19, 101. Табл. 4.
- ⁶⁴ Там же. С. 19; *Орлов С. Н.* Остатки сельскохозяйственного инвентаря... С. 349.
- ⁶⁵ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 81, 101. Табл. 4.
- ⁶⁶ Там же. С. 77, 78, 169. Табл. 72.
- ⁶⁷ Там же. С. 48.
- ⁶⁸ Там же. С. 47, 129. Табл. 32—4.
- ⁶⁹ Там же. С. 46; *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Резное дерево // САИ. 1971. Вып. Е1—55. С. 35 и сл.
- ⁷⁰ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Деревянные изделия. С. 44.
- ⁷¹ Там же. С. 114. Табл. 17, 2, 4.
- ⁷² Там же. С. 34.
- ⁷³ Там же. С. 50.
- ⁷⁴ *Давидан О. И.* Ткани Старой Ладоги // АСГЭ. 1981. Вып. 22. С. 100—113; *Нахлик А.* Ткани Новгорода // МИА. 1963. № 123. С. 128 и сл.
- ⁷⁵ *Давидан О. И.* 1) К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенков Старой Ладоги // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 56—61. 2) Изделия из рога и кости... С. 4.

- ⁷⁶ Носов Е. Н. Поселение у волховских порогов // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 78.
- ⁷⁷ Верхорубова Т. Л., Шорин М. В. Костяные изделия с Городища под Новгородом // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 52, 53.
- ⁷⁸ Давидан О. И. 1) Гребни Старой Ладogi. С. 100 и сл.; 2) Изделия из рога и кости. . . С. 6.
- ⁷⁹ Давидан О. И. Изделия из рога и кости. . . С. 6.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Верхорубова Т. Л., Шорин М. В. Костяные изделия. . . С. 53.
- ⁸² Колчин Б. А. Хронология. . . С. 164, 166. Рис. 5.
- ⁸³ Давидан О. И. Староладожские изделия из кости и рога // АСГЭ. 1966. Вып. 8. С. 103, 104.
- ⁸⁴ Давидан О. И. Изделия из рога и кости. . . С. 10.
- ⁸⁵ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 93 и сл.
- ⁸⁶ Фехнер М. В. 1) О происхождении и датировке железных гривен // Труды ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. 101—104; 2) Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 40; 3) Шейные гривны // Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 62—64; Авдусин Д. А. 1) О датировке гнездовского кургана с мечом из раскопок М. Ф. Кусдинского // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 21—25; 2) Об изучении археологических источников по варяжскому вопросу // Скандинавский сборник. Таллинн, 1975. Т. XX. С. 154; Дубов И. В. 1) О датировке железных шейных гривен с привесками в виде «молоточков Тора» // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. С. 262—268; 2) Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 134; Булкин В. А., Назаренко В. А. О нижней дате гнездовского могильника // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 15; Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. Таллинн, 1981. Т. XXVI. С. 142.
- ⁸⁷ Давидан О. И. 1) К вопросу о контактах древней Ладogi со Скандинавией // Скандинавский сборник. Таллинн, 1971. Т. XVI. С. 137; 2) Стратиграфия нижнего слоя староладожского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 112, 113, 116. Рис. 7—9.
- ⁸⁸ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 100. Табл. XXV—11; Спицын А. А. 1) Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 45, 55. Рис. 17; 2) Владимирские курганы // Там же. С. 107, 129. Рис. 16; Леонтьев А. Е. Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. Таллинн, 1981. Т. XXVI. С. 143, 144. Рис. 1; Пушкина Т. А. Скандинавские вещи из гнездовского поселения // СА. 1981. № 3. С. 286, 287. Рис. 1—10; Гроздилов Г. П. Отчет о раскопках в Старой Ладoge в 1948 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1948, № 83, рис. 24; Arbman H. Birka 1: Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. Taf. 103 : 5; Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Stockholm, 1947. T. II. Abb. 161.
- ⁸⁹ Медведев А. Ф. 1) Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 164. Тип 2; 2) Ручное метательное оружие. . . С. 73.
- ⁹⁰ Арциховский А. В. Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 37; Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. С. 239.
- ⁹¹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 58 и сл.
- ⁹² Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы раннего средневековья : (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 69. Рис. 1—5, 6.
- ⁹³ Excavations at Helgö. Stockholm, 1961. T. I. P. 148. Pl. 46: 7—8; Stockholm, 1964. T. II. P. 85. Fig. 32: 1, 7; Stockholm, 1970. T. III. P. 65. Pl. 17: 1—6.
- ⁹⁴ Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Taf. 108: 1, 2, 4, 5; Text. Stockholm, 1943. S. 90, 182, 204, 459 (№ 309, 562, 618, 1099).
- ⁹⁵ Шрамко Б. А. Погребения VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983. С. 49. Рис. 11, 11.
- ⁹⁶ Подвигина Н. Л. Перстни из Гнездова // Археологический сборник. М., 1961. С. 53.
- ⁹⁷ Недошивина Н. Г. Перстни. С. 256, 269, 270. Рис. 31—2, 4.
- ⁹⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 129, 130. Рис. 45—24, 25; 46—12, 14.
- ⁹⁹ Там же. С. 84, 86, 87. Рис. 31—1.
- ¹⁰⁰ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965. С. 88. Табл. XXXII, 5; Mugurevics E. Olinkalna un Lokstenes pilsnovadi 3—15. gs. archeologiskie pieminekli. Riga, 1977. Lpp. 38. Tab. IX—5. Автор ошибочно называет подвеску «пятилистником», неточно переводя термин из статьи Б. А. Рыбакова на белорусском языке.
- ¹⁰¹ Рыбакову Б. А. Радзімічы // Працы сэкцыі археалогіі. Менск, 1932. Т. III. С. 92. Табл. VI—30. С. 94, 99. Карта № 2. Ляудан-

- ски А. Н. Археологичныя досьледы у Сма-
леншчыне // Там же. С. 16. Табл. V—15;
Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв.
М., 1982. С. 156, 219. Табл. XLV; С. 220.
Табл. XLVI—13.
- ¹⁰² Рыбакоу Б. А. Радзімічы. С. 94. Правда,
есть и литые подвески этого типа. См.: *Ляу-
данскі А. Н.* Археологичныя досьледы. . .
С. 61. Табл. V—15.
- ¹⁰³ Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa
500 n. Chr. Tartu, 1938. Т. II. S. 569—574;
Schmiedehelm M. Kääbaskalmistud Lindoras
ja mujal Kagu-Eestis // *Slaavi-Läänemere-
soome suhete ajaloo*. Tallinn, 1965. S. 43;
Urtāns V. Latvijas 5—9 gs. depoziti // *Ar-
cheologija un etnografija*. Rīga, 1964. Т. VI.
S. 53—60.
- ¹⁰⁴ Седов В. В. Раскопки в Изборске в 1971 и
1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 144. С. 69.
- ¹⁰⁵ Минасян Р. С. Раннеславянский хозяй-
ственно-бытовой инвентарь и его появление
в лесной зоне Восточной Европы // Автореф.
дис. . . канд. ист. наук. Л., 1980. С. 15;
Аун М. Курганные могильники Восточной
Эстонии во второй половине I тысячелетия
нашей эры. Таллинн, 1980. С. 80.
- ¹⁰⁶ Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пско-
ва // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 64. Рис. 50—3.
- ¹⁰⁷ Колчин Б. А. Хронология. . . С. 174.
- ¹⁰⁸ Рыбина Е. А. Археологические очерки исто-
рии новгородской торговли. М., 1978. С. 26.
Рис. 2. С. 160.
- ¹⁰⁹ Голубева Л. А. Вель и славяне на Белом
озере X—XIII вв. М., 1973. С. 179.
- ¹¹⁰ Подробнее см.: *Носов Е. Н., Рождествен-
ская Т. В.* Буквенные знаки на пряслице
середины X в. с «Рюрикова» городища (во-
просы интерпретации) // ВИД. 1987. XVIII.
С. 45—55. Рис. 1—4.
- ¹¹¹ Корзухина Г. Ф. Из истории игр на Руси.
С. 89, 100.
- ¹¹² Там же. С. 88, 89.
- ¹¹³ Штакельберг Ю. И. Глиняные диски из Ста-
рой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 109—
115.
- ¹¹⁴ Рыбина Е. А. Археологические очерки. . .
С. 160.
- ¹¹⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX—XIII вв.
М.; Л., 1954. С. 84. № 15. Табл. VII—6.
- ¹¹⁶ Рыбина Е. А. Археологические очерки. . .
С. 32. Рис. 3; *Львова З. А.* Стекланные
бусы. . . Ч. I. С. 65.
- ¹¹⁷ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I.
С. 86—87. Ч. II. С. 96, 97.
- ¹¹⁸ *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладоги. С. 169.
- ¹¹⁹ *Щапов Ю. Л.* Стекланные бусы. . . С. 174.
- ¹²⁰ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I.
С. 82—84. Табл. II.
- ¹²¹ *Львова З. А.* Бусы I Поломского могиль-
ника // АСГЭ. Л., 1973. Вып. 15. С. 85—86.
- ¹²² *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 88,
89.
- ¹²³ *Calmer J.* Trade beads and bead trade in
Scandinavia ca. 800—1000 A. D. // *Acta
archaeologica Lundensia. Series in 4°.* Lund.,
1977. Nr. 11. P. 89. Pl. III.
- ¹²⁴ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 82.
- ¹²⁵ *Calmer J.* Trade beads. . . P. 90. Pl. 20; IV.
- ¹²⁶ В. Л. Янин ошибается, предполагая, что
образование песчаных слоев на данном участке
Городища связано с подъемом воды в Иль-
мене (*Янин В. Л.* Социально-политическая
структура Новгорода в свете археологиче-
ских исследований // НИС. 1982. Вып. 1
(11). С. 86).
- ¹²⁷ Здесь и далее при датировке гончарной ке-
рамике с Городища автор пользовался лю-
безными консультациями В. М. Горюновой и
В. И. Кильдюшевского.
- ¹²⁸ *Колчин Б. А.* Новгородские древности: Де-
ревянные изделия. С. 22. Рис. 12—7;
Янин В. Л. Археологический комментарий
к Русской Правде // Новгородский сборник:
50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 140.
Рис. 3.
- ¹²⁹ *Янин В. Л.* Археологический комментарий. . .
С. 149—151. Рис. 9. Ранее, анализируя знак
на деревянной палочке, А. А. Молчанов и
Б. Д. Ершевский высказывали иные сужде-
ния, чем В. Л. Янин, по поводу атрибуции
знака и относили его к более позднему
времени — к концу XI—XII в. (*Молча-
нов А. А.* Новгородские посадничьи печати
с изображением княжеских знаков // *Про-
блемы истории СССР.* М., 1974. Сб. 4.
С. 27—28; *Ершевский Б. Д.* Об атрибуции
новгородских печатей и пломб XII—начала
XIII в. с изображением княжеских знаков //
ВИД. 1978. X. С. 43 и сл.).
- ¹³⁰ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 164, 166.
Рис. 5.
- ¹³¹ *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических
связях древнерусской деревни // *Труды
ГИМ.* 1959. Вып. 33. С. 152.
- ¹³² *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 170.
- ¹³³ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси
X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 204.
- ¹³⁴ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 164—166.
Рис. 5.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие.
Вып. 2 // САИ. 1966. Вып. E1—36. С. 59, 60.
Рис. 12. Отметим, что среди 12 кистеней,
учтенных А. Н. Кирпичниковым для Новго-
рода, нет ни одного, подобного городищен-
скому. Выделяя формы кистеней, свойствен-
ные южной и юго-западной Руси, А. Н. Кир-
пичников отметил, что «отчасти» это касается
и кистеней типа II А. (Там же. С. 63).

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА.
СТРАТИГРАФИЯ, ПОСТРОЙКИ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Центральный раскоп 1980—1983 гг. Раскоп площадью 650 кв. м находился на поле, в высокой части Городища, в 28 м к югу от церкви Благовещения и в 7—9 м к востоку от края городищенского холма, выходящего к Волхову (рис. 4 и 36). Общая мощность культурного слоя составляла от 1 до 1.4 м, а в местах углубленных в материк сооружений — до 2.4 м. Слой представлял собой в основном однородный серый, сильно перемешанный гумус, в котором не прослеживались ни отдельные комплексы, ни четкая стратиграфия напластований.

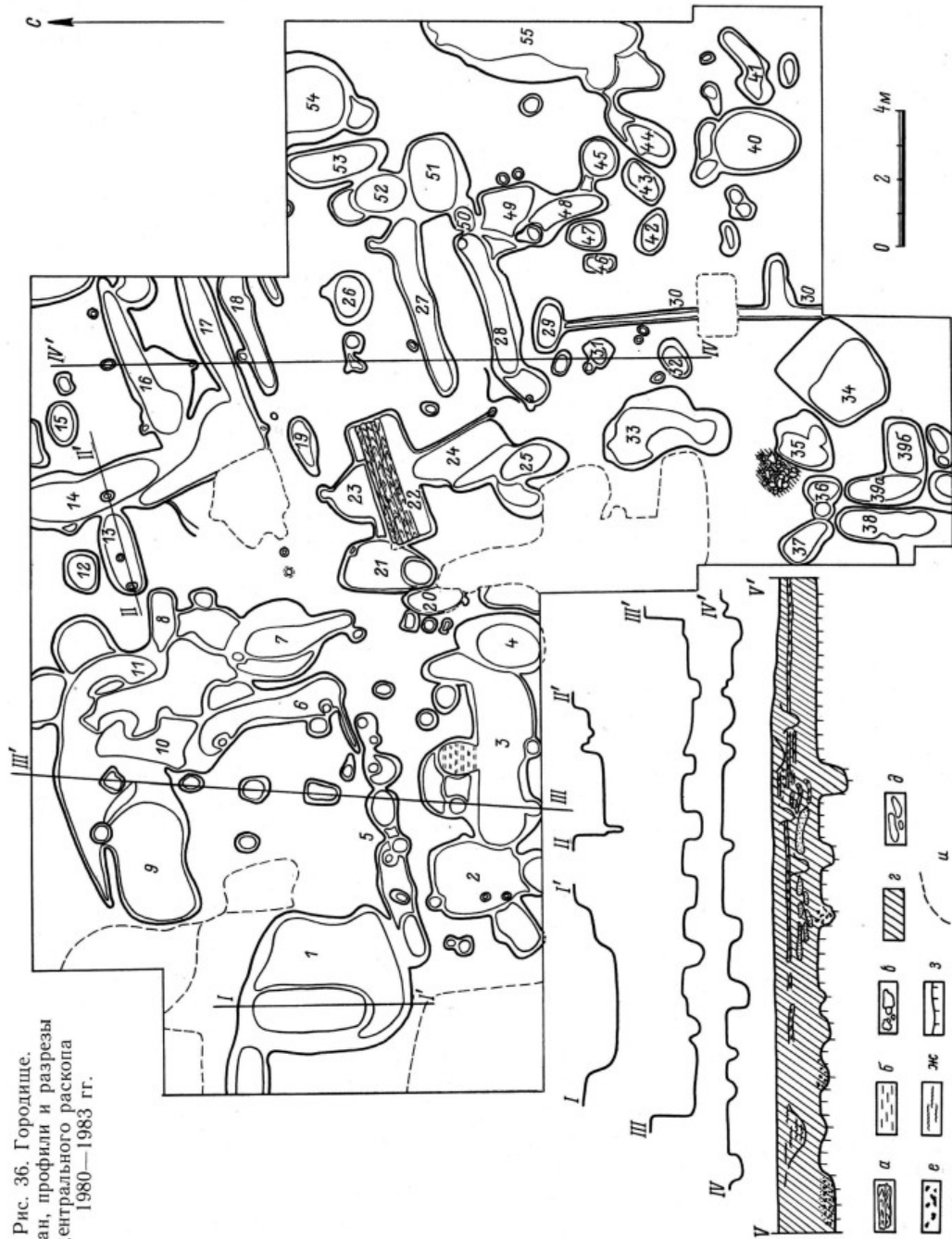
В слое встречены обломки кирпича, оконное стекло, позднесредневековая и современная посуда и вещи, а наряду с ними собрана богатая коллекция находок конца I—начала II тыс. н. э.

После снятия культурного слоя проводилась общая зачистка по материк (желтый песок), на фоне которого выявлялись пятна темного гумуса, фиксирующие основания углубленных в материк сооружений и ямы. Об интенсивности жизни на данном участке Городища свидетельствуют как большое количество открытых комплексов, так и то, что многие из них перекрывали друг друга. В большинстве случаев ни стратиграфически, ни по характеру заполнения невозможно определить относительную хронологию сооружений и ям, а по материалу, прежде всего по керамике, они в основном очень близки между собой и относятся к IX—X вв. Наземные деревянные части построек не сохранились, и, как правило, нет достаточных данных для их реконструкции.

Комплекс № 1. Основание постройки подчетыреугольной формы размерами 4.1—4.5×5.4 м, состоящей из углубленной в материк на 0.9—1 м корытообразной части (2.2×4.2 м) с крутыми стенками и уплощенным полом и примыкающей к ней с юга и востока более мелкой части, углубленной на 0.4 м и также имеющей уплощенный пол. Сверху комплекс был нарушен поздним строением деревни. В непо потревоженной части его заполнение представляло собой серый гумус с песчанистыми включениями и прослойками угля, мелкими камнями, костями животных, керамикой и древними предметами. В 15 см выше пола, в корытообразной части комплекса и непосредственно на полу в его восточной половине, прослежен углистый слой толщиной 5—10 см, фиксирующий следы сгоревших и рухнувших наземных конструкций сооружения.

Под этим слоем в северо-западном углу корытообразной части постройки найден кладок серебряных дирхемов, состоящий из четырех целых, одной

Рис. 36. Городище.
План, профили и разрезы
центрального раскопа
1980—1983 гг.

а — дерево; б — глина; в — камни; г — темно-серый гумус; д — песок; е — уголь; ж — древесный тлен; з — материк; и — границы поздних перекопов.

половинки и двух четвертинок монет. Дирхемы лежали одной кучкой в слое серого гумуса. Сохранность монет плохая, оттого что они побывали в огне. По заключению А. В. Фомина, клад относится к концу 860-х гг. и по своему составу типичен для этого времени. Все дирхемы из клада аббасидские, чеканились: 1) при ал-Махди (775—785) в Мединат ас-Саламе в 774/5—775/6 гг.; 2) при ал-Мамуне (813—833) в Мединат ас-Саламе в 812/3—814/5 гг.; 3) при ал-Мутасиме (833—842) в Мухаммадии в 837/8 гг.; 4) при ал-Мутаваккиле (847—861) в Арминии в 853/4 гг.; 5) при ал-Мустанине (862—866) в 865 г.; 6) при ал-Мутаззе (866—869) в Самарканде в 867 г.; 7) слепой дирхем, вероятно, второй четверти—середины IX в. Стратиграфия залегания клада свидетельствует о том, что рассматриваемая постройка существовала ранее конца 860-х гг., что согласуется с находками ниже слоя пожара исключительно фрагментов лепной посуды (более 20), в то время как в верхней части сооружения наряду с преобладавшей лепной встречена и раннегончарная керамика.

Кроме того, при разборке заполнения основания постройки обнаружены стеклянные бусы (2 желтые бисерины и синяя лимонка), шарообразная сердоликовая бусина, 3 сланцевых оселка (рис. 37, 17, 19, 20), пряслице из глины (рис. 37, 12), кремневый скребок, маленький обломок серебряного украшения неясного характера, изделия из железа: плоское орудие типа зубильца длиной 4 см (рис. 37, 18), игла, ладейная заклепка, различные пластины и обломки предметов.

Среди находок, сделанных из бронзы, имеется обломок кольца (рис. 37, 1), брусочек, проволочный предмет в виде восьмерки, а также проволочное височное кольцо диаметром 2,8 см с завитком на конце (рис. 37, 6). Подобные височные кольца, на Волхове найденные в нижних слоях Старой Ладogi, А. Н. Кирпичников считает характерным этническим индикатором славянской культуры.¹ Из заполнения происходит четырнадцатигранная бронзовая весовая гирька высотой 0,8 см с шестью точками на ромбических гранях (рис. 37, 5). Обычно в археологической литературе появление таких гирек в Восточной Европе относится к X в., преимущественно к его второй половине². В Ладогe все 8 гирек, для которых установлена стратиграфия залегания, встречены в горизонте Д, т. е. датируются X в.³

Особого внимания заслуживает предмет, сделанный из железа и бронзы. Он представляет собой изогнутый под углом железный стержень, к сожалению, очень сильно коррозированный, на котором закреплены 3 орнаментированные бронзовые накладки-обоймы (рис. 44, 4). Длина предмета 11—11,3 см. На одном его конце в накладке имеется отверстие, в которое продето колечко цепочки из трех сохранившихся звеньев. На противоположном конце в бронзовой накладке закреплен поперечный железный стерженок. Точные аналогии находке нам неизвестны. По общему облику предмет несколько напоминает скобчатые фибулы Бирки (Bügelfibeln),⁴ однако более вероятно, что он является частью оковки какого-то деревянного сундучка или ларца. К северо-западному углу комплекса № 1 примыкало материковое углубление (глубина 0,4 м) с плоским дном, уходящее под стенку раскопа. Его ширина 1,1—1,35 м, длина вскрытой части 1,7 м. При разборке найдены 2 фрагмента лепной керамики.

Комплекс № 2. Основание четырехугольной в плане постройки (2,6×2,8 м), углубленное в материк на 0,25—0,3 м. У северной стенки расширена столбовая ямка, а в полу — еще 2. В заполнении встречены 16 фрагментов лепной и 18

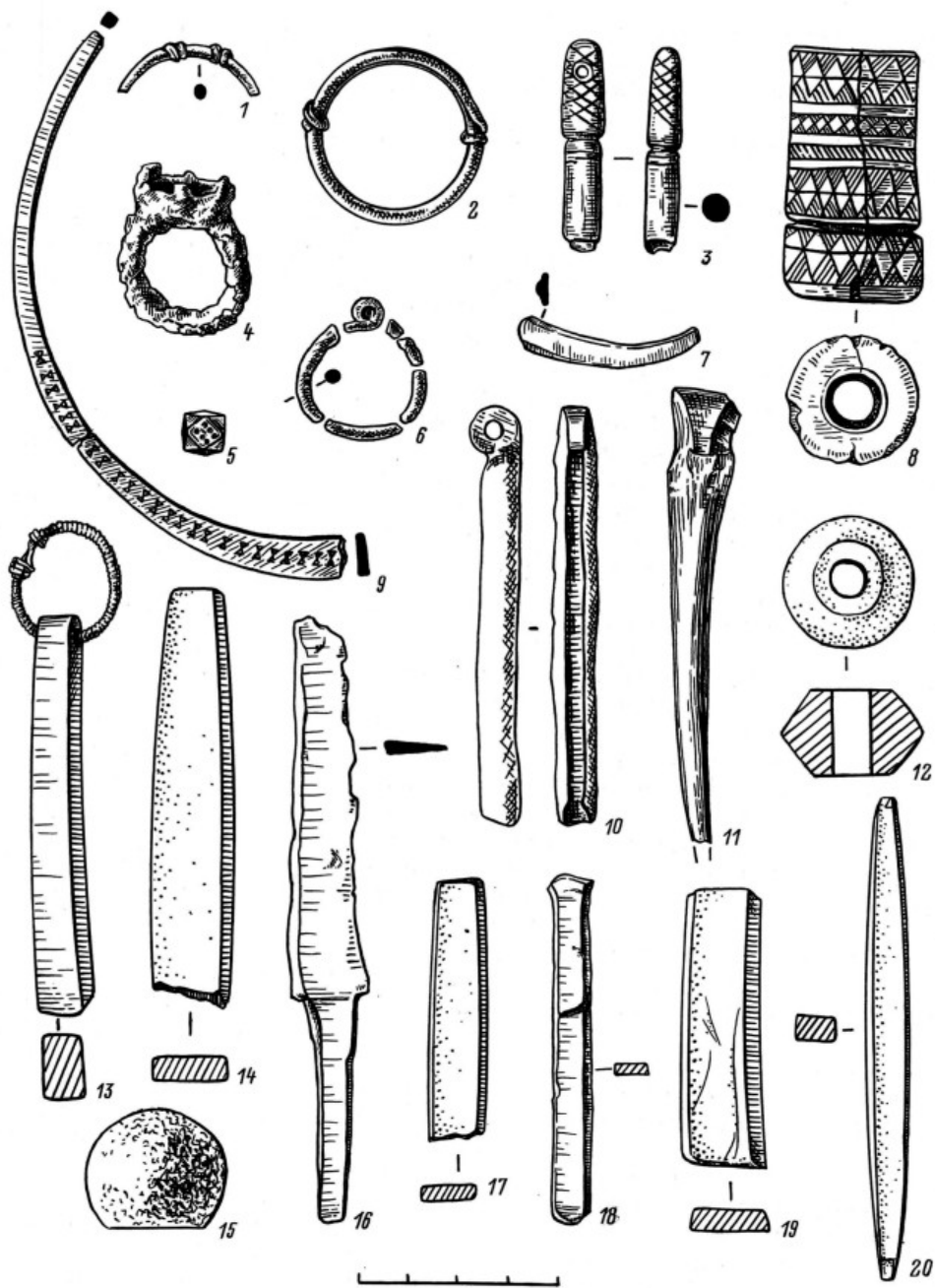

Рис. 37. Городище. Находки из заполнения комплексов IX—X вв. (1—12, 14—20) и культурного слоя (13).

обломков раннегончарной керамики, бронзовая четырехугольная накладка с отверстиями по углам, кусок бронзовой проволоки и крупная шарообразная бусина черного стекла. В Ладогe подобные бусы обнаружены на уровне построек горизонта Д и выше; как отмечает З. А. Львова, они известны во многих центрах, в том числе в Гнездове, Киеве, Новгороде, где считаются датирующим признаком X в.⁵

С юго-запада к постройке примыкало прямоугольное в плане углубление (1.16—1.3×1.7 м, глубина 0.1—0.2 м), которое, возможно, являлось основанием входа в нее. При расчистке найдены 3 лепных и 25 обломков раннегончарных сосудов. С юга комплекс смыкается с основанием сооружения, ушедшего под южную стенку раскопа (размеры вскрытой части 0.7×1.4 м, глубина 0.3 м). В заполнении найдено несколько фрагментов лепной и раннегончарной керамики. В 0.6 м к западу от комплекса расчищены 2 слившиеся столбовые ямки.

Комплекс № 3. Углубленное в материк на 0.2—0.4 м основание постройки с печью. С запада сооружение соприкасалось с комплексом № 2, а с востока — с комплексом № 4. Стратиграфически их расчленить не удалось, а по характеру керамики они хронологически близки (комплекс № 4, видимо, несколько древнее комплекса № 3, поскольку у его пола встречена исключительно лепная керамика). Размеры основания постройки № 3, вытянутой с запада на восток, 2×6 м. Вход в нее, видимо, находился у северо-восточного угла, где расчищено углубление размерами 0.7—1×1.4 м и глубиной 0.2 м. С конструкцией наземной части постройки, несомненно, связаны ямы от трех массивных столбов (диаметр 0.6—0.7 м, глубина 0.3—0.47 м), зафиксированные у стенок ее основания. У южной стенки первая яма расположена в метре к востоку от западного конца сооружения, от нее в 1.4 м к востоку — вторая яма, а третья — напротив первой ямы, у северной стенки комплекса. Возможно, с постройкой связаны и некоторые другие столбовые ямы, находящиеся рядом с ней.

На середине длины северной стенки основания постройки располагалась печь, врезанная в материк и выходящая за пределы углубленной части комплекса. Она представляла собой округлое в плане углубление (глубина 0.25—0.3 м) диаметром 1.3 м с несколько вогнутым к центру дном и крутыми стенками. Под печи и стенки были обмазаны глиной. Толщина пода (слой обожженной глины) 2—4 см. Заполнение печи — гумусированный углистый слой, зола, мелкие кальцинированные косточки, рыба чешуя, более трех десятков костей животных. С севера к печи подходила углубленная в материк на 0.2 м дугообразная канавка (0.7—0.8×1.5 м) с плоским дном, соединявшаяся со столбовой ямкой у северной стенки постройки. Канавка связана с конструкцией печи. Раскопанное сооружение, безусловно, не являлось жилым, а использовалось в хозяйственных или производственных целях.

Заполнение основания комплекса № 3 представляет собой темно-серый гумус с включениями отдельных угольков, а местами на полу зафиксирован тонкий слой угля. Найдены огромное количество мелких костей животных (более 800), 102 фрагмента лепной керамики, 151 — раннегончарной, а в верхней части — и позднесредневековая посуда, попавшая из вышележащих слоев. Среди находок в основной части сооружения имеются серебростеклянная одночастная бусина, сланцевый точильный брусок, обломок тигелька. Отметим также определенную В. Л. Яниным серебряную византийскую монету императора Василия I (867—886 гг.). Монета имеет ушко для подвешивания и сильно потерта, т. е. какое-то время она носилась как подвеска.

Безусловный интерес представляет и находка каменной шашки в виде шара со стесанной плоской площадкой (рис. 37, 15). Диаметр шашки 2,6 см, высота 2,3 см. Это вторая находка шашки на Рюриковом городище. Первая шашка из глины встречена в раскопе на северном берегу Сиверсова канала, в слое второй половины X в. (рис. 33, 1). Г. Ф. Корзухина указывала, что каменные шашки обнаружены при раскопках курганов в Гнездове и Седневе, а в Северной Европе, по ее данным, они неизвестны.⁶ В число изделий из железа входят ледоходный шип, стерженек, обломок предмета неясного назначения и ключ от навесного замка с продольной ключевой щелью. Подобные замки (тип А, по классификации Б. А. Колчина) известны на Руси уже в IX—X вв., а в Новгороде появились в X в. вместе с первыми поселенцами.⁷ Наконец, упомянем обнаруженное в заполнении донце стеклянного сосуда.

В углублении, которое являлось основанием входа в постройку, наряду с керамикой найдена часть костяного предмета с отверстием для подвешивания и геометрическим орнаментом из прочерченных линий (рис. 37, 3), изделия из железа — нож, кольцо, стержень и 3 обломка предметов неясного характера. При расчистке печи встречена исключительно лепная керамика (26 обломков), круглая бронзовая пластина диаметром 14,5—15 см (скорее всего, днище какой-либо емкости) со следами ремонта (дополнительными накладками), 2 обломка железного предмета, бронзовая четырехугольная пластиночка и бронзовая накладка с двумя отверстиями. Из заполнения канавки за печью происходят 4 обломка лепных сосудов и 11 — раннегончарных.

С углубленным входом в постройку смыкалась округлая в плане яма (0,8×0,9 м) глубиной 0,3 м, в заполнении которой встречено 5 фрагментов лепной и 2 фрагмента раннегончарной керамики и часть железного ключа от навесного замка типа А, по Б. А. Колчину, которые были распространены в IX—X вв.⁸ К северо-западу от этой ямы расчищена столбовая ямка.

Комплекс № 4. Овальное в плане сооружение (1,62—2×2,8 м) глубиной 1,28—1,41 м, с вогнутым дном и круглыми стенками. В верхней части его заполнения до глубины 0,2—0,3 м встречен перемешанный материал (102 обломка позднесредневековой и современной керамики, 130 — раннегончарной, 22 — лепной, кроме того, железные гвозди и плоский свинцовый грузик). В средней части заполнения до глубины 0,9—1,1 м зафиксировано значительное число разрозненных камней, многие из которых побывали в огне, раннегончарная и лепная керамика (соответственно 193 и 40 фрагментов), а также часть глиняного диска от вертикального ткацкого станка, обломок железного сверла, часть железной дужки от ведра и обломок железного предмета неясного назначения. Обращает на себя внимание находка изогнутого железного стержня диаметром 4 мм, перевитого в двух местах. По всей вероятности, это часть железной гривны. Серый гумус толщиной 0,2—0,3 м у дна комплекса содержал песчаные и углистые включения и исключительно лепную керамику (10 фрагментов).

К востоку, рядом с комплексом № 4, расчищена часть углубленного в материк на 0,2—0,3 м основания постройки, уходящего под южную стенку раскопа, а с востока разрушенного поздними перекопами. Размеры вскрытой части сооружения 0,6—0,9×2 м.

Комплекс № 5 представляет собой ряд ям от мощных столбов, шедших от юго-восточного конца комплекса № 1 к северо-востоку на протяжении 8 м и входивших в какую-то единую конструкцию. Верхние части глубоких

столбовых ям (глубина 0.5—0.8 м, диаметр в среднем 0.5 м) слились между собой, образовав канаву с неровными краями, глубина которой 0.1—0.25 м, ширина около 1 м. В юго-западном конце канавы расчищена яма размерами 0.6×1.3 м, глубиной 0.61—0.84 м. В заполнении канавы и ям найдена лепная и раннегончарная керамика. В 1 м к северу от канавы разобрана прямоугольная в плане яма (0.6—0.7×1.1 м) глубиной 0.32—0.43 м с крутыми стенками. В ее заполнении встречены 4 обломка керамики (один лепной и 3 раннегончарных). В 1 м к северу от этой ямы находилась округлая в плане яма диаметром 0.9—1 м и глубиной 0.6 м, в заполнении которой найдено по фрагменту лепной и раннегончарной посуды.

Комплекс № 6. Углубленное в материк основание постройки, вытянутой с юго-востока на северо-запад. Наиболее углубленная часть сооружения имела корытообразную форму, крутые стенки и уплощенный пол. Ее длина 5 м, ширина 1.2—1.4 м, глубина, постепенно возрастающая к северному краю, 0.35—0.57 м. В северной части постройка расширялась. Здесь с востока к корытообразному углублению примыкал плоский уступ, имевший в плане форму полуовала. Его размеры 1×1.8 м, глубина 0.35 м (уступ выше пола корытообразной части комплекса на 0.2 м). В северном и южном концах постройки, у ее западной стены, в полу находятся 2 глубокие столбовые ямки. Диаметр южной из них по верху 0.4 м, северной — 0.5 м, глубина от пола сооружения соответственно 0.83 и 0.96 м. Расположение и большая глубина столбовых ям, явно выделяющаяся их среди прочих, свидетельствуют, что столбы образовывали одну пару и удерживали какие-то соответствующие части наземной конструкции строения. К западной стенке постройки, снаружи, примыкала яма диаметром 0.6—0.7 м и глубиной 0.25 м, а от южного конца постройки отходила узкая канавка длиной 1.7 м (ширина 0.2—0.3 м, глубина 0.22—0.3 м). Это явное основание частокола.

В заполнении комплекса найдены обломки лепной и раннегончарной керамики, представленные примерно равным числом. Кроме того, в наиболее углубленной части сооружения обнаружены зонная пастовая белая бусина с орнаментом в виде полоски печеночно-красного стекла и желтых линий (IV группа, I подгруппа, по З. А. Львовой⁹), гвоздь и 5 обломков неопределенных железных предметов, а при разборке заполнения уступа — обломок сланцевого оселка, часть глиняного диска — грузила от вертикального ткацкого станка, бронзовая пластинка и железный ланцетовидный наконечник стрелы с упором на черешке.

Комплекс № 7. Овальное в плане сооружение с сужающейся южной частью, вытянутое по линии юго-восток—северо-запад. Его длина 4.16 м, ширина в центральной части 2.6 м, в южной — 0.6 м, глубина 0.62—0.7 м, пол уплощенный. Стенки в южной части крутые, а в центральной — пологие, причем на западной стенке имеется уплощенный уступ. На северной стенке, по центральной оси комплекса, расположена столбовая яма диаметром 0.25 м и глубиной 0.71 м, а с юга к сооружению примыкает еще одна ямка от столба. Столбы, находившиеся здесь, поддерживали наземные конструкции постройки. В верхней части заполнения комплекса обнаружено несколько обломков позднесредневековой посуды, попавшей из вышележавших культурных напластований. К этому же времени относится и железный наконечник стрелы с обломанным концом, вероятнее всего срезень в виде узкой вытянутой лопаточки (подобные наконечники были принесены на Русь монголами¹⁰).

Кроме того, в заполнении найдены 3 стенки раннегончарных сосудов с линейным орнаментом и 13 фрагментов лепной керамики, обломок железного предмета и обломок квадратного в сечении наконечника стрелы из железа (видимо, тип 90, по А. Ф. Медведеву). Подобные наконечники были широко распространены с рубежа нашей эры до XIV в. и позднее.¹¹

Комплекс № 8. Основание сооружения (размеры 0.85×2.2 м) вытянуто с запада на восток. Его глубина $0.33—0.46$ м, стенки крутые, пол уплощенный. Комплексы № 7 и 8 были соединены углублением размерами $0.9—1.5 \times 1.8$ м, глубиной $0.17—0.2$ м, с пологими стенками и плоским полом. При раскопках не удалось установить, являлось ли данное углубление частью одного из комплексов или представляло собой самостоятельный объект. К углублению с востока примыкала округлая в плане яма диаметром 0.8 м и глубиной 0.21 м. В ее заполнении найдено 38 фрагментов лепной керамики, железный стерженек и сланцевый оселок.

Комплекс № 9. Углубленное в материк на $0.2—0.4$ м основание подпрямоугольной в плане постройки ($2.2—2.4 \times 4$ м) с плоским полом, вытянутое с запада на восток. В заполнении найдены 74 обломка лепных горшков и 196 раннегончарных, кусочек серебра, маленькая железная пластинка, 2 сланцевых оселка, один из которых с вырезанным перехватом для удобства привязывания, и обломок крупного точила. Отметим также железную трубочку с петлей на конце (рис. 37, 10). Подобные предметы в археологической литературе определяются как «футляры для фитиля» («футляры для трута»)¹². Однако точное их назначение неясно. Н. Г. Недошивина обратила внимание на то, что такие предметы известны достаточно широко (владимирские, приладожские, ярославские курганы, Бирка), как правило, не встречаются вместе с кресалами, а поэтому «название этого предмета остается пока чисто условным».¹³ Интересно, что все подобные трубочки, найденные в ярославских курганах (9 комплексов), происходят исключительно из мужских погребений X в., совершенных по обряду трупосожжения.¹⁴

Непосредственно над комплексом № 9 в культурном слое на площади 1.8×3 м расчищен развал печи-каменки. Она не имеет отношения к рассмотренной углубленной постройке и относится к сооружению следующего этапа. Плотное скопление камней состояло из валунов размерами от 5 до 25 см. Основание печи (1.2×2 м) составляли крупные камни размерами $15—25$ см, окружавшие группу более мелких валунов. Остатков самой наземной постройки, в которой располагалась печь, не сохранилось. При расчистке печи найдены 3 фрагмента раннегончарных горшков с линейным и волнистым орнаментом и 15 обломков лепных сосудов.

Комплекс № 10. Основание сооружения размерами $0.8—1.6 \times 3$ м, вытянутое с севера на юг и углубленное в материк на 0.5 м. Пол его плоский. Западная и северная границы комплекса выявлены лишь в своей нижней части из-за того, что здесь несколько древних сооружений слились. В заполнении найдены лепная и раннегончарная керамика (соответственно 23 и 22 фрагмента), предметы из железа: стерженек, ладейная заклепка, кольцо с частью обернутого вокруг него стерженька, обрзок ($1/8$) аббасидского дирхема конца VIII в. и половина саманидского дирхема, чеканенного при Ахмеди б. Исмаиле (907—914 гг.) в 908/9 г. (определение А. В. Фомина).

Между комплексами № 9 и 10 и к северу от них зафиксировано материковое углубление неопределенной формы, образовавшееся в резуль-

тате того, что здесь несколько древних сооружений слились. Детально их расчленить не удалось. Заполнение углубления довольно однородно: серый гумус, в котором встречены лепная и раннегончарная посуда, несколько обломков поздней средневековой керамики, попавшей сюда из вышележащих напластований, а также железный гвоздь и 2 обломка неопределенных предметов из железа.

Комплекс № 11. Корытообразное основание углубленного в материк на 0.3—0.5 м сооружения, вытянутого с юго-востока на северо-запад и в северной части все более отклоняющегося к западу. Его ширина 1—1.2 м, длина около 4 м (с северо-западного конца сооружение не имеет четкой границы, смыкаясь с большим материковым углублением, образовавшимся здесь в результате многократных перекопов). В южной части комплекс примыкает к комплексу № 8. В полу, у западной стенки рассматриваемого сооружения, зафиксирована вытянутая яма (0.5×1.3 м) глубиной 0.64 м.

С северо-востока к комплексу № 11 примыкает яма (1.6×1.9 м), имеющая в плане форму полуовала. Глубина ямы 0.28—0.36 м, дно плоское. В заполнении обнаружены 50 обломков лепной керамики и один — раннегончарной, гвоздь и 4 фрагмента позднесредневековой посуды, попавшей из верхних напластований. Хотя стратиграфически комплекс и яма не различались, полное отсутствие в заполнении сооружения керамики и насыщенность ею ямы говорят о том, что они одновременны. С севера к комплексу № 11 примыкала яма, ухидившая под северную стенку раскопа. Размеры ее вскрытой части 0.9×1.7 м, глубина 0.13—0.18 м. В заполнении встречено 13 фрагментов лепных горшков и 6 — позднесредневековых.

Комплекс № 12. Округлая яма (1.2×1.3 м) глубиной 0.55 м. В заполнении найдено 20 фрагментов лепной керамики.

Комплекс № 13. Овальное в плане основание постройки, вытянутой по линии юго-запад—северо-восток. Его размеры 1.15×2.8 м, глубина 1 м, пол плоский, стенки крутые. В полу постройки по центральной ее оси у юго-западной стенки и в центре имеются 2 столбовые ямки. С этой же постройкой, видимо, связана ямка от столба в полу соседнего комплекса № 14, что подтверждается, во-первых, тем, что все 3 столба расположены по одной линии, во-вторых, что ямка в комплексе № 14 углублена в пол всего лишь на 0.12 м, т. е., скорее всего, была вырыта в заполнении комплекса № 14, который действительно древнее комплекса № 13. Тем самым в рассматриваемом случае перед нами остатки несущей конструкции с тремя опорными столбами по центральной оси постройки, поддерживавшими продольную балку, от которой спускалась коническая крыша. Расстояние между крайними столбами равнялось 3 м. По краям и стенкам комплекса № 13 прослежен слой угля толщиной до 5 см, фиксирующий остатки сгоревших и рухнувших перекрытий. Заполнение комплекса, прежде всего сгоревшие остатки конструкции по северо-восточному краю, отчетливо выделялось на фоне заполнения комплекса № 14, что свидетельствует о более раннем времени существования последнего.

В заполнении комплекса № 13 найдены большое количество обломков исключительно лепной керамики (94), миниатюрная железная перевитая в трех местах гривна-амулет диаметром 5.4 см, с привеской в виде «молоточка Тора» (рис. 46, 4), синяя бисерина, половина янтарной бусины, часть небольшого сланцевого оселка, 3 обломка глиняных дисков от вертикальных ткацких станков, а также обломки двух аббасидских дирхемов: $\frac{1}{4}$ часть монеты третьей

четверти IX в. и половина монеты, дату чеканки которой можно ограничить временем от конца VIII в. до 820 г. (определение А. В. Фомина).

Комплекс № 14. Углубленное в материк основание большой корытообразной постройки, вытянутой по линии север—юг. Постройка вскрыта частично, так как уходит под северную стенку раскопа. Ее южный край установлен по нижней границе, а верхняя — смыкается здесь с другими комплексами и точно не восстанавливается. Размеры расчищенной части сооружения 1.35—1.7×4.2 м, глубина 0.35—0.5 м, стенки крутые, пол плоский. На западной стенке имеется небольшой уступ. В заполнении найдены 38 обломков исключительно лепной керамики, а также 3 бисерины (2 желтые и зеленая), зонная бусина молочно-белого стекла с коричневыми глазками (IV группа, I подгруппа, по З. А. Львовой¹⁵), сланцевый оселок, бронзовая пластинка и предметы из железа: стерженек с концом, загнутым в кольцо диаметром 3 см, кольцо и костылек длиной 6.6 см. Интересна находка обломка бронзового неорнаментированного браслета с расширяющимися концами (рис. 37, 7). Обычно браслеты подобного типа, характерные, в частности, для культуры длинных курганов, в том числе и ее псковско-новгородской группы, датируются серединой—третьей четвертью I тыс. н. э.¹⁶, однако, судя по находке такого браслета в сопке у пос. Деревяницы близ Новгорода, они бытовали в Поволховье и в конце I тыс. н. э.¹⁷ В этой связи важно подчеркнуть, что в Новгороде, где имеются культурные отложения начиная с 30-х гг. X в., подобные браслеты не найдены.¹⁸

Комплекс № 15. Яма овальной формы (0.9×1.4 м), глубиной 0.2 м. В заполнении найдено 45 обломков лепной керамики. К северу от ямы вскрыта часть углубленного в материк на 0.12—0.2 м сооружения (0.35—0.55×1.5 м), уходящего под стенку раскопа. В заполнении встречено много небольших валунов и несколько фрагментов лепной керамики. В 0.3 м к востоку от комплекса расчищена овальная яма (0.45×0.7 м) глубиной 0.2 м.

Комплекс № 16. Канавообразное основание постройки, вытянутое по линии юго-запад—северо-восток. Границы сооружения прослеживались четко, и лишь верхняя часть юго-западного края была нарушена соседними комплексами. Длина постройки 5.6 м, ширина от 0.8—0.9 м в ее северо-восточной половине до 2 м — в юго-западной за счет примыкающего с юго-востока более мелкого углубления. Глубина постройки 0.5—0.6 м, пол плоский, стенки крутые. Глубина более мелкой части 0.3 м. Конструкции наземных перекрытий поддерживали столбы, места расположения которых фиксируют 3 ямки вдоль северного края сооружения и ямка в южной, менее углубленной части комплекса. В заполнении найдены исключительно лепная керамика (83 фрагмента), четырехгранный железный стержень, бронзовая пластинка, нож с уступчиком на спинке при переходе к черенку и обломок ножа, а также 3 обломка глиняных дисков — грузил от вертикальных ткацких станков. Один из дисков был орнаментирован глубокими ямками, на поверхности другого имеются следы взаимопересекающихся линий.

С юго-востока к комплексу примыкает округлая яма (1.1×1.2 м) глубиной до 0.15 м, в заполнении которой найдено 30 фрагментов лепной керамики. Севернее комплекса расчищена часть сооружения (0.9×2 м), углубленного в материк на 0.45 м и уходящего под стенки раскопа. В его заполнении встречены 17 обломков лепной и 2 фрагмента гончарной керамики.

Комплекс № 17. Канавообразное основание постройки, вытянутое по линии юго-запад—северо-восток и параллельное комплексу № 16. Постройка вскрыта частично, так как уходит под стенку раскопа. Ее юго-западный край нарушен поздними перекопами. Ширина основания постройки 0.8—1.2 м, длина более 4 м, глубина 0.35—0.45 м, стенки пологие, пол уплощенный. Заполнение оказалось насыщенным находками.

Наибольшее значение для датировки комплекса имеет кладик серебряных дирхемов, состоящий из одной целой, половинки и четырех более мелких частей монет (все монеты находились в одной стопке, которую удалось расчленить лишь при расчистке). По заключению А. В. Фомина, кладик относится к середине IX в. и по своему составу типичен для этого времени. Все дирхемы аббасидские, чеканились: 1) при Харуне ар-Рашиде (786—809) в Мединат Арране в 806/7 г.; 2) при ал-Мамуне (813—833) в Самарканде в 816/7 г.; 3) при ал-Мамуне (813—833) в Самарканде до 820 г.; 4) при ал-Мутаваккиле (847—861) в 855—861 гг.; 5) при ал-Мутаваккиле (847—861) в 855—861 гг.; 6) в период от конца VIII в. до 820 г. Стратиграфия залегания клада — «во взвешенном состоянии» в заполнении постройки — показывает, что последняя перестала существовать, вероятно сгорела, до того времени, как монеты попали в землю в середине IX в.

При расчистке комплекса обнаружено 158 обломков исключительно лепной керамики, в том числе 27 венчиков. Среди других находок представлены костяная рукоять с резным геометрическим орнаментом, расположенным несколькими поясками (рис. 37, 8), 4 небольшие пластинки: 2 железные и 2 бронзовые, шляпка ладейной заклепки, обломок крупного сланцевого оселка, обрывок бронзовой цепочки, состоящий из трех колечек, проволочное бронзовое кольцо диаметром 3.5 см с завязанными концами (рис. 37, 2), калачевидное кресало и часть изогнутого предмета из железа. Обнаружены также 3 бисерины (2 желтые и молочно-белая) и часть бочонковидной бусины из заглашенного стекла печеночно-красного цвета (III группа, по З. А. Львовой¹⁹).

К западу от комплексов № 16 и 17 и к югу от комплекса № 14 расчищено довольно большое углубление в материке, расположенное в месте, где сходились описанные выше древние постройки и было разобрано основание современного погребя. Установить границы отдельных комплексов здесь не удалось. Слой оказался перемешанным. В нем встречены разновременные находки: современная и позднесредневековая посуда, несколько фрагментов раннегончарных сосудов, а также сланцевый оселок, кусочки янтаря, 2 зеленые бисерины и одноцветная зонная бусина молочно-белого стекла (IV группа, I подгруппа, по З. А. Львовой²⁰), предметы из железа. Среди последних имеются втульчатый двушипный наконечник стрелы (рис. 38, 6), кусок проволоки, кольцо диаметром 7.6 см, шило, часть гривны из перекрученного в нескольких местах четырехгранного стержня (рис. 46, 3). На поселениях Поволжья подобные гривны (см. главу третью) встречались начиная с середины VIII в.

Комплекс № 18. Канавообразное основание постройки, вытянутое по линии юго-запад—северо-восток и параллельное комплексам № 16, 17. Сооружение частично уходит под стенку раскопа. Размеры вскрытой части 0.6—1×4 м, глубина 0.35—0.4 м, пол уплощенный. К северной стенке примыкает ямка от столба. В заполнении найдены мелкие угольки, камни, 30 фрагментов лепных горшков и обломок гончарного сосуда, 2 желтые бисерины и ладейная

заклепка. В 0.5 м к югу от этого комплекса расчищена часть ямы (0.45×1 м) глубиной 0.25 м, уходящей под стенку раскопа.

Комплекс № 19. Овальная в плане яма (0.8×2 м) глубиной 0.25 м.

Комплекс № 20. Углубленное в материк на 0.2—0.3 м основание овальной в плане постройки (1×2 м), примыкающее к комплексу № 21 и в своей юго-восточной части разрушенное поздним перекопом. В заполнении встречены углистые прослойки и большое количество костей животных (138). В его верхней части обнаружено несколько фрагментов позднесредневековой посуды, но постройка относится к более раннему времени, когда широко сосуществовала лепная и раннегончарная керамика (найлены 43 обломка лепной посуды и 193 — раннегончарной). Кроме того, из заполнения происходят двухчастная желтая стеклянная пронизка, обломок сланцевого оселка, ладейная заклепка и обломки неопределенных железных предметов. С юга к сооружению примыкает столбовая ямка, а рядом, у западной стенки, находятся еще 2 ямки от столбов и прямоугольная в плане яма (0.45×0.6 м) глубиной 0.27 м. При разборке столбовых ямок найдены обломки лепного и раннегончарного сосудов, а в прямоугольной ямке — двухчастная серебростеклянная пронизка и небольшая железная пластинка.

Комплекс № 21. Углубленное в материк на 0.4 м основание большого, овального в плане сооружения, вытянутого по линии север—юг. Его размеры 1.7×3 м, пол плоский, стенки крутые. В южной части имеется округлая яма (0.85×1 м) глубиной 0.5 м. Заполнение комплекса: серый гумус, который у пола имеет более темную окраску и включает уголь. Найлены 44 обломка исключительно лепной керамики, часть дирхема (неопределим), обломок тигелька, 3 маленькие бронзовые пластинки, 2 ладейные заклепки, 2 обломка глиняных дисков — грузил от вертикальных ткацких станков и предметы из железа: кольцо диаметром 5.5—6 см с разомкнутыми концами, штырь и изогнутый предмет неясного назначения.

Комплекс № 22. Остатки наземной прямоугольной в плане постройки, погибшей во время пожара. Постройка была вытянута с юго-запада на северо-восток и имела размеры 1.8×4.2 м. Ее основание было углублено в материк на 5—10 см, и сюда были уложены доски пола. После пожара остатки постройки, видимо, разобрали, но часть их оставили на месте. Сохранилось 7 досок шириной 12—15 см, настланных вплотную по длинной оси сооружения. На досках расчищено несколько камней. При разборке найдены 14 обломков раннегончарной керамики и 7 лепной.

Комплекс № 23. Данный комплекс был нарушен более поздним комплексом № 22, а поэтому от него сохранилось лишь полуовальное в плане углубление размерами 1.2×2 м и глубиной около 0.1 м с плоским полом. В его северной части зафиксировано основание столба опорной конструкции. В заполнении обнаружены 38 обломков исключительно лепной керамики, бронзовая византийская монета, отчеканенная, по определению В. Л. Янина, при императоре Феофиле (829—842 гг.), сланцевый оселок, обломки тигелька, часть неопределенного железного предмета и несколько кусков глиняной обмазки.

Комплекс № 24. Углубленное в материк основание постройки, вытянутой с юга-востока на северо-запад. Оно имело подчетыреугольную в плане форму (1.9×3.2 м) и состояло из двух частей: более значительной части подчетыреугольной формы (размеры 1.3×3.2 м, глубина 0.3 м) с плоским, полого поднимающимся к юго-восточной стенке полом и примыкающей к ней с юго-

запада более глубокой узкой части (глубина 0.6 м, размеры 0.5—0.6××2.4 м). В юго-восточной части комплекса зафиксировано скопление рыбьей чешуи. В заполнении сооружения найдено 32 обломка исключительно лепной керамики, 2 бронзовые прямоугольные пластинки с парными отверстиями, железное шило, обломок ножа и 2 стеклянные бусины: желтая лимонка и одночастная золотостеклянная бусина.

Комплекс № 25. Две слившиеся большие овальные ямы, примыкающие с юго-запада к комплексу № 24 и нарушившие его. Размеры восточной ямы: 1.3×2.4 м, глубина 0.5—0.7 м; западной — 1×1.5 м, глубина 0.4 м. Последняя яма частично была разрушена поздним сооружением. В заполнении ям найдены несколько фрагментов древнерусской гончарной керамики (в верхней части), 3 обломка раннегончарных и 16 обломков лепных сосудов, часть глиняного диска — грузила от вертикального ткацкого станка и обломок железного предмета неясного назначения.

Завершая описание расположенных рядом и взаимно перекрывающих друг друга комплексов № 20—25, необходимо сделать несколько замечаний об их соотношении. Комплекс № 22 (наземная сгоревшая постройка) позднее комплексов № 21, 23, 24, поскольку его четкие контуры ясно выделялись на фоне заполнения остальных сооружений. Это подтверждает и состав керамики: в комплексе № 22 сочетается лепная и раннегончарная посуда, а в остальных трех представлены обломки исключительно лепных сосудов. В то же время комплекс № 20 позднее комплекса № 21, а комплекс № 25 — комплекса № 24, что видно по стратиграфии и по составу керамики (в комплексах № 21 и 24 имеется лишь лепная посуда, а в комплексах № 20 и 25 — лепная и раннегончарная).

Комплекс № 26. Округлая в плане яма (1.4×1.7 м) глубиной 0.5 м. В заполнении найдены 7 фрагментов лепной керамики конца I тыс. н. э. и обломок стенки лепного сосуда с ямочным орнаментом, относящегося к периоду раннего металла.

В 0.25 м к западу от этой ямы обнаружена глубокая яма от мощного столба (диаметр 0.6—0.65 м, глубина 1.4 м). В ней найдены древнерусская гончарная керамика и фрагмент лепного сосуда. К яме с запада примыкает небольшая ямка неправильной формы.

Комплекс № 27. Канавообразное основание постройки, вытянутое с юго-запада на северо-восток и смыкающееся с комплексами № 51 и 52. Размеры сооружения 0.8—1×6 м, глубина 0.4—0.6 м, пол уплощенный, стенки крутые. В северо-восточном конце постройка несколько расширяется, и здесь в ее стенке имеется округлая выемка диаметром 0.45—0.5 м, в которой, видимо, находилось основание опорного столба наземной конструкции. У северной стенки и у юго-западного конца комплекса расположены еще 2 столбовые ямки. В заполнении найдены 21 фрагмент исключительно лепной керамики, 2 ладейные заклепки, обломок железного предмета и железной ланцетовидный наконечник стрелы (рис. 38, 2).

Комплекс № 28. Канавообразное основание постройки, вытянутое с юго-запада на северо-восток и смыкающееся с комплексами № 49 и 50. Длина сооружения 6 м, ширина 0.9—1.1 м. Оно состоит из двух частей: основной — длиной 4.9 м и глубиной 0.7—0.9 м, с крутыми стенками и плоским полом и примыкающей к ней с юго-запада более мелкой части (глубина 0.3 м) размерами 1×1.3 м. У юго-западной и северо-восточной стенок постройки

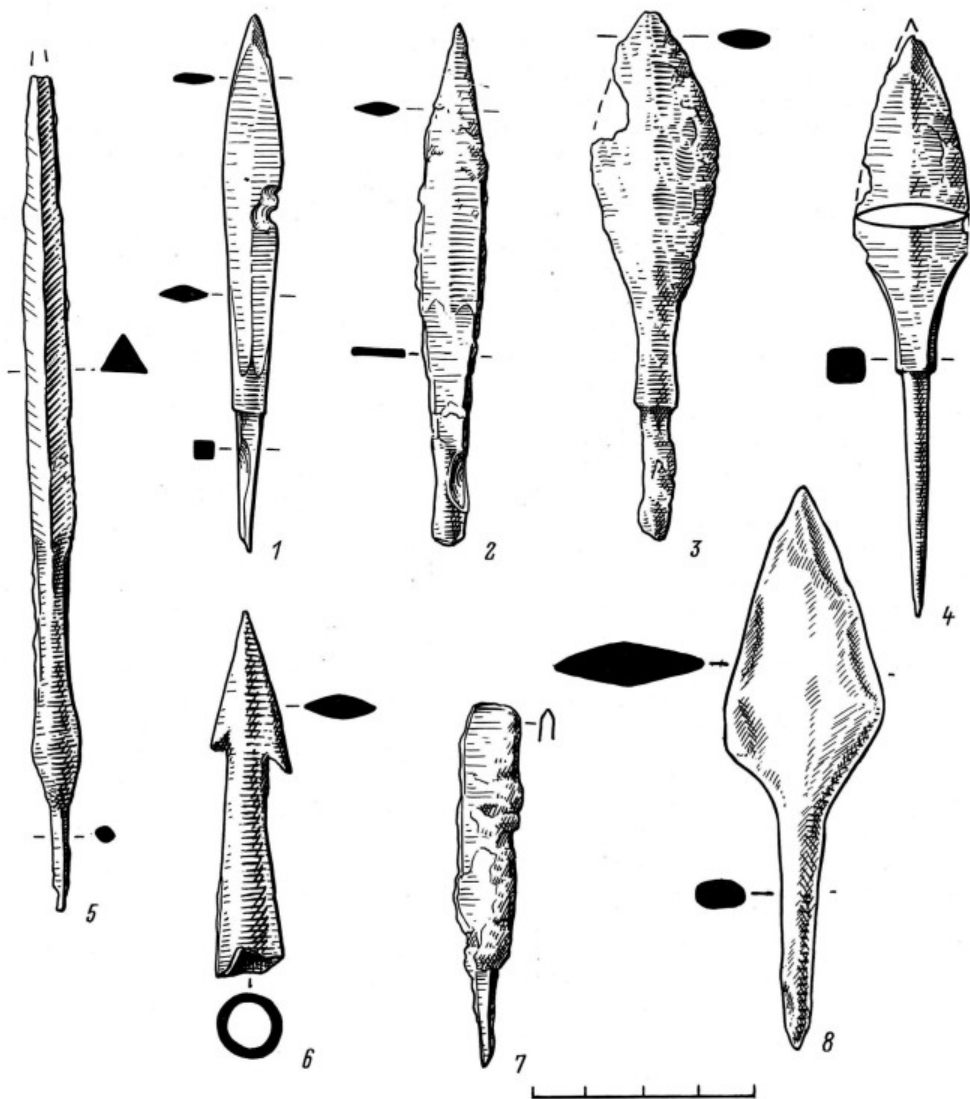

Рис. 38. Городище. Железные наконечники стрел (1—8) из заполнения комплексов IX—X вв.

имеются столбовые ямки от опорных столбов. В верхней части заполнения найдено 38 обломков лепной и 7 фрагментов раннегончарной посуды, в нижней — исключительно лепная керамика (154 фрагмента). Кроме того, встречены четырнадцатигранная сердоликовая бусина, зеленая бисерина и предметы из железа: пластинка, 2 кольца диаметром 6.7 и 7 см и небольшое кольцо диаметром 4 см со стерженьком.

Комплекс № 29. Овальная яма (1×1.75 м) глубиной 0.4—0.45 м. В заполнении найдены венчик лепного горшка, ладейная заклепка и зонная бусина с мозаичной поверхностью из голубого и коричневого стекла (I группа, по

З. А. Львовой²¹). В 0.15 м к юго-западу от этой ямы располагается небольшая овальная яма (0.55×0.8 м) глубиной 0.4 м, в заполнении которой найдены фрагмент лепного сосуда и 5 обломков древнерусских гончарных горшков.

Комплекс № 30. Канавка шириной 0.25—0.4 м, глубиной 0.2—0.5 м и длиной 8.2 м, примыкающая с юга к комплексу № 29 и уходящая под стенку раскопа. В южной части к канавке с востока подходит еще одна перпендикулярная ей канавка длиной 1.8 м, глубиной 0.4—0.5 м и шириной по основанию 0.35—0.45 м, по верху — 0.6—0.9 м. В заполнении южной части канавки найдена исключительно лепная керамика (15 обломков), в северной — 3 фрагмента лепных горшков и 2 — раннегончарных. Рядом с канавкой, к западу от нее, находятся 2 столбовые ямки. Канавки представляют собой основания деревянного частокола, проходившего с севера на юг по площади поселения и имевшего наиболее ответвление к востоку.

Комплекс № 31. Округлая яма (0.85×0.95 м) глубиной 0.3 м. В заполнении найдены обломок лепного и 2 фрагмента раннегончарных горшков. С северо-запада к яме примыкает столбовая ямка.

Комплекс № 32. Овальная яма (0.88×1.43 м) глубиной 0.4 м. В заполнении найдены обломок раннегончарного сосуда и 12 фрагментов лепной керамики. С северо-запада рядом с ямой находится ямка от столба.

Комплекс № 33. Углубленное в материк на 0.25—0.5 м основание постройки, вытянутой с севера на юг (1.5—2×4 м) и несколько сужающейся в южной части, где, видимо, находился вход. В верхней части заполнения встречена разновременная керамика: несколько фрагментов позднесредневековой посуды, раннегончарная и лепная; в нижней части — исключительно лепная посуда. Всего обнаружены 68 обломков лепных горшков и 22 раннегончарных, кроме того, плоская железная спираль и треугольная железная пластина.

Комплекс № 34. Углубленная в материк нижняя часть подпрямоугольной в плане постройки (2.8×3.2 м), ориентированной углами по странам света. Глубина сооружения увеличивалась от 0.2 м в его северо-восточной части до 0.4 м в юго-западной. Пол постройки уплощенный, а при переходе от более мелкой к более углубленной части имеется небольшой уступ. Заполнение было насыщено мелкими камнями, отдельными углями, костями животных. Среди керамики преобладали фрагменты раннегончарной посуды, кроме того, найдено несколько обломков лепной и гончарной керамики XII—XIII вв. Встречены также янтарная бусина, обломок стеклянного предмета и 2 фрагмента предметов из железа.

Комплекс № 35. Яма неправильной в плане формы, размерами 1.8×2.2 м и глубиной 0.2—0.4 м. Стенки ее в западной части крутые, в восточной — пологие. Заполнение оказалось насыщенным мелкими камнями и керамикой, как раннегончарной, так и позднесредневековой.

С северо-запада, рядом с ямой, на площади 1.2×1.3 м расчищены остатки печи-каменки — груда побывавших в огне валунов. Среди камней имеются как крупные (до 20—30 см в поперечнике), так и диаметром по 10 см. Осталось неясным, образовывали яма и печь единый комплекс или же печь относилась к какой-то наземной постройке, контуры которой не были прослежены в гумусированном слое.

Комплекс № 36. Округлая яма диаметром 1—1.3 м и глубиной 0.45 м. В заполнении встречены разнородная керамика — позднесредневековая и ран-

негончарная посуда, фрагменты лепных горшков. С запада к яме примыкает меньшая яма диаметром 0.6—0.65 м и глубиной 0.6 м.

Комплекс № 37. Овальная яма (0.9—1.1×1.8 м) глубиной 0.5 м. В заполнении найдена разнородная керамика — лепная, раннегончарная, позднесредневековая.

Комплекс № 38. Углубленная в материк на 0.2—0.4 м нижняя часть постройки овальной в плане формы (1.1×3.2 м), вытянутая с севера на юг. В заполнении обнаружены мелкие камни, разнородная гончарная посуда (раннегончарная и позднесредневековая) и лепная керамика.

Комплекс № 39а. Основание углубленной в материк на 0.2 м постройки овальной в плане формы (1×3.4 м), вытянутой с севера на юг. В заполнении найдены мелкие камни, лепная и раннегончарная керамика, а также бронзовая накладка, сланцевый оселок (рис. 37, 14), железный нож (рис. 37, 16) и монетовидная литая бронзовая орнаментированная бляшка.

К комплексу с востока примыкало углубленное в материк на 0.25 м основание подчетыреугольной постройки размерами 1.3×2 м (*комплекс № 39б*). В его заполнении найдены обломки лепной и раннегончарной керамики, предмет из железа, бронзовая скобочка и бронзовая пластина с колечком для подвешивания (возможно, фрагмент ножен). Неясно, образовывали ли 2 описанные постройки единый комплекс или же являлись двумя отдельными хронологически близкими сооружениями.

К югу от последних располагались яма (диаметр 1 м, глубина 0.45 м), уходящая под стенку раскопа, и еще 2 смыкающиеся между собой мелкие ямы (глубина 0.1 м) размерами 0.7×1 м и диаметром 0.45—0.5 м, также выходящие за пределы раскопа.

Комплекс № 40. Углубленная в материк нижняя часть постройки (2.2×3.4 м), вытянутая с севера на юг. Ее центральная часть углублена на 1 м, имеет овальную форму (2.2×2.8 м), плоский пол и крутые стенки. С севера к ней примыкает уступ (0.6—0.8×2.1 м), углубленный в материк на 0.6 м. Видимо, здесь находился вход в постройку. В заполнении (серый гумус) встречены лепная и разновременная гончарная керамика, кроме того, обломок стеклянного сосуда, кусок шлака и предметы из железа — стержневой ключ от внутреннего замка, которые появились в Новгороде в конце XI в. и бытовали до середины XIV в.,²² дверной крюк с отверстием для крепления и ромбовидный наконечник стрелы (рис. 38, 8). Как отмечает А. Ф. Медведев, подобные наконечники были распространены в X—XI вв. и особенно характерны для XI в. В Новгороде они принадлежат к наиболее многочисленному типу наконечников стрел (тип 7, по А. Ф. Медведеву).²³ В слое серого гумуса на глубине 0.55 м зафиксирована прослойка песка толщиной 5—8 см. По полу постройки шел слой черного углистого гумуса мощностью 0.1—0.2 м, который к краям сооружения поднимался на поверхность. Это следы рухнувших перекрытий. В нем найдены фрагменты лепной и раннегончарной керамики.

К западу от комплекса находятся 2 слившиеся ямы округлой в плане формы, диаметром 0.7—0.8 и 0.5 м и глубиной 0.15—0.2 м. Рядом с ними расположена овальная яма (0.5—0.55×1.15 м) глубиной 0.2 м. В ее заполнении встречены мелкие камни и 2 обломка гончарных сосудов.

Комплекс № 41. Углубленное в материк на 0.1—0.2 м основание постройки, вытянутое с юго-запада на северо-восток и состоящее из двух соприкасающихся частей подпрямоугольной в плане формы. Длина сооружения 2.65 м, ширина

0.6—0.75 м. Пол уплощенный. В заполнении встречены мелкие камни, вкрапления угля и 15 фрагментов исключительно лепной керамики.

К югу от описанного сооружения расположена небольшая, овальная в плане яма (0.6×1.05 м, глубина 0.18 м), в заполнении которой найден обломок лепного горшка. К северу от комплекса находятся 2 столбовые ямки, при расчистке которых встречено 4 фрагмента лепной керамики.

Комплекс № 42. Овальная яма (0.9×1.5 м) глубиной 0.15—0.25 м. В заполнении найдены 6 стенок лепных сосудов и венчик раннегончарного горшка.

Комплекс № 43. Подпрямоугольная яма (1×1.5 м) глубиной 0.2 м. В заполнении встречены 10 фрагментов лепных и 3 фрагмента раннегончарных сосудов.

Комплекс № 44. Основание сооружения (0.8—1.25×2.7 м), вытянутое с юго-запада на северо-восток и сужающееся к северо-восточному краю. Комплекс состоит из овальной ямы (1.25×1.9 м) глубиной 0.45 м и примыкающей к ней более мелкой части глубиной 0.12—0.2 м. В заполнении найдены 2 обломка неудачной отливки какого-то бронзового украшения с плетеным орнаментом, возможно кольцевидной фибулы (рис. 45, 4), подобной фибуле из ярославских курганов.²⁴

Комплекс № 45. Округлая яма диаметром 1.2—1.4 м, глубиной 0.5 м. В заполнении найдены многочисленные кости животных, 64 фрагмента раннегончарной керамики и 3 обломка лепной, железный ледоходный шип и бронзовая пластинка (амулет) с отверстием для подвешивания. Подвеска имеет трапециевидную форму с закругленным верхним краем, где пробито отверстие диаметром 2 мм, в которое продето проволочное колечко (диаметр 1.2 см) с завязанными концами. Ширина подвески от 1.6 см в верхней части до 2.15 см — в нижней, длина 5.8 см. Подвеска согнута в середине. На наружной стороне ясно различимы 12 рунических знаков, процарапанных острым предметом (рис. 47, 1), на внутренней также просматриваются несколько знаков. Вторая подвеска с руническими знаками, почти идентичная данной находке, происходит из культурного слоя Рюрикова городища (рис. 47, 2).²⁵

Комплекс № 46. Остатки очага, представляющие собой прямоугольное в плане углубление (0.6×1 м, глубина 0.1 м), заполненное серым гумусом, насыщенным углем и кусками обожженной глины. При разборке найдены 12 фрагментов лепной и 3 обломка раннегончарной посуды.

Комплекс № 47. Овальная яма (1.05×1.25 м) глубиной 0.6 м. В заполнении найдены 16 фрагментов лепной и 13 обломков раннегончарной керамики.

Комплекс № 48. Корытообразное основание постройки (0.9—1×3.2 м), углубленное в материк на 0.4 м и вытянутое по линии юго-восток—северо-запад. В его северной части имеется овальная яма (0.55×0.9 м), дно которой находится ниже пола на 0.37 м. К ней в свою очередь с севера примыкает более мелкая (0.15 м ниже пола) полукруглая выемка диаметром 0.35 м, являвшаяся основанием опорного столба. В заполнении найдены 28 фрагментов лепной и 2 обломка раннегончарной керамики, бочонковидная золотостеклянная бусина, подобная известным на Руси в X—XIII вв.,²⁶ и 3 обломка глиняных дисков.

Комплекс № 49. Основание постройки, углубленное в материк на 0.3 м. Его западный край смыкается с комплексами № 28 и 48 и не может быть точно определен. Размеры сооружения: 2.2 м (по линии север—юг), около 2 м (по линии запад—восток). Постройка имела плоский пол и, судя по нераз-

рушенной его части, прямые углы. Рядом с ее восточной стенкой, с внешней стороны, зафиксированы 2 столбовые ямки. В заполнении комплекса найдены 60 фрагментов лепной керамики, 6 раннегончарной и 10 обломков позднесредневековых горшков, попавших из вышележащих культурных отложений. Кроме того, среди находок представлены нож, обломок ключа от цельнодеревянного замка с «желудями», применявшегося в Новгороде с X до начала XII в.,²⁷ 2 железных наконечника стрел: ланцетовидный уплощенный с упором (тип 62, по А. Ф. Медведеву), бытовавший в лесной зоне Восточной Европы в IX—первой половине XI в. (рис. 38, 1),²⁸ и ланцетовидный трехгранный (тип 75, по А. Ф. Медведеву), подобный тем, которые были распространены только в X в. (рис. 38, 5).²⁹

Комплекс № 50. Овальная яма диаметром 0.7—0.9 м, глубиной 0.5 м. В заполнении найдены 3 обломка лепной керамики.

Комплекс № 51. Основание углубленного в материк на 0.8—0.95 м сооружения размерами 2×2.6 м, вытянутого по линии запад—восток и в плане близкого к овалу. Стенки сооружения очень крутые, пол плоский. При разборке найдены 105 фрагментов лепной и 9 обломков раннегончарной керамики, причем последняя обнаружена в верхней части заполнения. Из заполнения также происходят 2 обломка глиняных дисков, желтая стеклянная бисерина, обломок железного ножа, костяная проколка (рис. 37, 11) и часть бронзового предмета, видимо неудачная отливка какого-то украшения. Интересен обломок бронзовой пластинчатой шейной гривны, украшенной чеканным орнаментом в виде пар треугольников, сходящихся вершинами (рис. 37, 9). Данная находка относится к числу ранних экземпляров украшений такого типа.³⁰ Среди трех железных наконечников стрел представлены лавролистный наконечник (тип 63, по А. Ф. Медведеву — рис. 38, 3), имевший широкие хронологические рамки бытования,³¹ ромбовидный наконечник с расширением в середине пера (рис. 38, 4), относящийся к типу 43, по А. Ф. Медведеву (время распространения IX—середина XIII в.),³² и, наконец, маленький срезень в виде узкой прямоугольной лопаточки (рис. 38, 7 — тип 57, по А. Ф. Медведеву) (время бытования VIII—X вв.).³³

Комплекс № 52. Овальная яма (1.2×1.8 м) глубиной 0.6—0.7 м, к которой с севера примыкает более мелкая яма (глубина 0.23 м), имеющая в плане форму полуовала и размеры 0.7×1.3 м. Возможно, меньшая яма являлась приступочкой перед основной частью сооружения. В заполнении найдены 7 фрагментов лепной керамики, желтая стеклянная бисерина, бронзовый перстень салтовского типа с крестообразно расположенными лапками, относящийся к I типу, по классификации С. А. Плетневой, и датируемый концом VIII—первой половиной IX в. (рис. 37, 4).³⁴ На Волхове подобный перстень найден в Старой Ладоге, в слоях второй половины IX в. (горизонт Е₁).³⁵ Безусловный интерес представляет скорлупообразная фибула, относящаяся, по классификации Я. Петерсена,³⁶ к типу 37₁₁ (рис. 45, 1).³⁷ По заключению И. Янссона, автора последнего специального исследования о скорлупообразных фибулах, фибулы типа 37 являлись наиболее обычными для выделяемого скандинавскими археологами так называемого «периода ранней Бирки», т. е. для IX в., а застёжки варианта 37₁₁, относящиеся к более поздней стадии данного периода, продолжали использоваться в какой-то части и в «период поздней Бирки», т. е. и в X в.³⁸ На территории Руси фибулы такого типа редки.³⁹ В курганах Тимеровского могильника М. В. Фехнер датировала их концом IX—началом X в.⁴⁰

Комплекс № 53. Корытообразное основание постройки, вытянутое с юго-востока на северо-запад (1—1.3×3.3 м), углубленное в материк на 0.45—0.55 м. В заполнении найдены 105 фрагментов лепной керамики, а в его верхней части — 9 обломков раннегончарной. Среди находок имеются также железный предмет с отверстием, обломок глиняного диска, желтая бисерина и крупная стеклянная желтая зонная бусина.

Комплекс № 54. Углубленное в материк на 0.7 м сооружение, уходящее под стенку раскопа. Размеры вскрытой части 2.4×3 м. С юга к ней примыкает полуовальное в плане углубление (0.8×1 м, глубина 0.28 м). В заполнении найдены 7 обломков лепных горшков и 7 — раннегончарных.

Комплекс № 55. Углубленное в материк сооружение, вытянутое с севера на юг и уходящее под стенку раскопа. Размеры вскрытой части комплекса 1.95×7 м, глубина от 0.5—0.6 м в его центральной и северной частях до 0.3 м — в южной. С юго-запада к сооружению примыкает углубление неправильной формы размерами 0.8—1.2—1.8×0.4—1.6 м, глубиной до 0.15 м. К востоку от комплекса расчищена яма от массивного столба (диаметр ямы 0.7 м, глубина 1.2 м). При разборке заполнения комплекса найдены редкая лепная керамика (19 фрагментов), обломок сланцевого оселка и пирамидальный железный наконечник стрелы с круглой шейкой без упора типа 85, по А. Ф. Медведеву (рис. 42, 5). Подобные наконечники на Руси были распространены с середины XI в. до первой четверти XIII в.⁴¹ В заполнение данного комплекса наконечник попал, несомненно, случайно.

Итак, в центральной части городищенского холма, несмотря на значительную нарушенность культурного слоя, в 1980—1983 гг. удалось выявить углубленные в материк древние сооружения и ямы, основание частокола и линию столбовых ям от какой-то единой конструкции. Почти все исследованные комплексы датируются IX—X вв. (детально вопросы хронологии рассматриваются в четвертой главе). Комплексы № 54 и 55, как показали раскопки 1985 г., относятся к эпохе раннего металла.⁴² То, что на изученном участке поселения не было открыто построек древнерусского времени, объясняется тем, что к первым векам II тыс. н. э. здесь уже накопился культурный слой и наземные постройки не оставили следов в аморфном гумусе.

Решение вопросов определения функционального назначения большинства открытых построек и их реконструкции затруднены, поскольку не обеспечены необходимым исходным материалом. Дело в том, что остатки наземных частей построек, составлявших основной объем сооружений, не сохранились, а что касается зафиксированных материковых углублений — оснований комплексов, то у нас нет объективных данных для того, чтобы судить, в какой степени и как они отражают характер строений в целом. Кроме того, следует учитывать, что жизнь поселения была интенсивной, сооружения и ямы сменяли и перерезали друг друга, а в результате при раскопках выявилась картина множества расположенных рядом или примыкающих друг к другу комплексов. В такой ситуации, учитывая, что хронологические различия в два-три десятилетия между сооружениями установить почти невозможно, зачастую нет оснований связывать однозначно те или иные столбовые ямки только с каким-то одним сооружением, а при реконструкции это крайне важно. Исходя из сказанного, считаю, что сопоставлять комплексы можно пока только по формальным признакам, прежде всего сравнивая планы сооружений, максимально опираясь на наиболее достоверные детали и избегая реконструкций и допущений.

Итак, значительную группу сооружений образуют округлые и овальные в плане ямы с плоским или слегка вогнутым дном. Их размеры самые разнообразные, но в среднем от 1 до 1.5 м в диаметре при глубине 0.2—0.7 м. Как и на других поселениях конца I тыс. н. э. Восточной Европы, ямы такого типа использовались в качестве погребов и имели, вероятно, легкие конические или трехскатные жердевые перекрытия.⁴³ Именно легкостью деревянных наземных конструкций объясняется то, что рядом с ямами никаких ямок от кольев, как правило, не сохранилось.

Прочие комплексы, открытые на Городище, можно предварительно разделить, исходя из их плановой схемы, на несколько основных групп, которые в дальнейшем будут дифференцироваться при накоплении нового материала.

I. Длинные канавообразные сооружения (№ 16, 17, 18, 27, 28). Судя по трем комплексам, вскрытым полностью, их длина составляла 5.6—6 м, ширина 0.8—1.2 м, глубина от 0.35—0.45 (№ 17) до 0.7—0.9 м (№ 28). К постройке № 16 и 28 примыкали более мелкие углубления. Рядом с сооружениями и в них зафиксированы ямки от столбов. Необходимо отметить, что все 5 комплексов располагались параллельно, на одном участке поселения, образуя как бы определенную хозяйственную зону. Этот факт, на мой взгляд, свидетельствует и о близком функциональном назначении рассматриваемых сооружений.

II. Вытянутые корытообразные сооружения, образующие наиболее многочисленную группу открытых комплексов (№ 6, 8, 10, 11, 13, 14, 37, 38, 39а, 39б, 41, 44, 48, 53). Среди них есть довольно значительные по размерам: 1.2—1.4×5 м (№ 6), но основная группа имеет ширину 0.8—1.2 м при длине 2—3 м. Глубина сооружений 0.2—0.5 м. С конструкциями некоторых построек были бесспорно, связаны столбы.

III. Большие сооружения, в плане близкие к овалу или несколько неправильной формы, значительно углубленные в материк (№ 4, 7, 21, 33, 40, 51). Их ширина от 1.5 до 2.6 м, длина от 2.8 до 4.16 м, глубина от 0.5 до 1.4 м. У двух сооружений (№ 7, 33) прослежены сужения к одному из концов, у сооружения № 40 — уступ — ступенька на краю. С конструкцией сооружения № 7 были связаны вертикальные столбы.

IV. Три небольшие постройки (№ 2, 34, 49), в плане близкие к квадрату (2.6×2.8 м; 2.6×3.2 м; 2×2.2 м), и одна прямоугольная (№ 9) размерами 2.2—2.4×4 м, углубленные в материк на 0.2—0.4 м. В стенке постройки № 2 зафиксирована ямка от столба, видимо входившего в систему несущих конструкций.

V. Две четырехугольные в плане двухчастные постройки, состоящие из углубленной и более мелкой частей, идущих параллельно друг другу по длине сооружений. Одна постройка (№ 1) имела размеры 4.1—4.5×5.4 м, другая (№ 24) — 1.9×3.2 м. Наибольшая глубина комплексов составляла соответственно 1 и 0.6 м.

VI. Вытянутая постройка (№ 3) размерами 2×6 м, глубиной 0.2—0.4 м, с печью, врезанной в середину стены ее основания. В состав несущих конструкций, безусловно, входили столбы.

VII. Наземное сооружение (№ 22) размерами 1.8×4.2 м, от которого сохранились доски пола.

Очевидно, что стены и кровля большинства сооружений имели столбовую и жердевую конструкции. Ямки от столбов располагались вблизи многих

строений, а связь их с рядом комплексов не вызывает сомнений. Наиболее вероятно столбовая конструкция несущих перекрытий для сооружений I, II, III групп, и она бесспорна для постройки VI группы. В то же время для конкретной реконструкции верхних частей построек достаточных объективных данных почти нет. Лишь для сооружения № 13 можно уверенно говорить о том, что здесь продольная коньковая балка над постройкой поддерживалась тремя опорными столбами по центральной оси комплекса и от балки спускалась двухскатная крыша. Столбы в концах сооружения № 7 на расстоянии 4 м друг от друга также могли поддерживать подобную коньковую балку. А вот у сооружения № 6 столбы, явно образующие одну пару (расстояние между ними 3,5 м), находились вплотную к одной из длинных стен. Если эти столбы поддерживали продольную балку, то в данном случае будет более вероятно реконструкция односкатной крыши.

Для части построек можно предполагать и срубную конструкцию стен. Прежде всего это относится к четырехугольным в плане сооружениям IV и V групп и наземной постройке VII группы, вокруг которых не было зафиксировано систем столбовых ямок.

Материалы из заполнения рассмотренных комплексов не дают однозначных указаний на назначение сооружений. Искать среди них жилища не позволяю не только их размеры, форма и отсутствие печей, но и известный по раскопкам в Ладоге, Новгороде и здесь же на Городище, в местах, где сохранилось дерево, определенный тип поволховского домостроительства IX—X вв. — полное господство срубных наземных жилищ разных форм при применении столбовых конструкций почти исключительно в хозяйственных сооружениях.⁴⁴ В связи с этим полагаю, что перед нами остатки построек хозяйственного назначения — погреба различных типов, кладовые для хранения хозяйственного и бытового инвентаря, рабочие помещения, помещения, где содержался скот, и т. д. Для более детального определения функций отдельных построек есть только косвенные данные.

Возможно, при выяснении назначения постройки с врезанной в одну из стенок ее основания печью (комплекс № 3) следует принять во внимание огромное количество мелких костей животных (более 800), найденных при ее расчистке. Интересное наблюдение было сделано при анализе распределения по площади раскопа глиняных дисков — грузил от вертикальных ткацких станков. Оказалось, что они размещены очень неравномерно и концентрируются рядом с комплексами № 48, 51 и 53: комплекс № 48 — в заполнении найдены 3 обломка глиняных дисков, рядом с ним в предметных отложениях — 17; комплекс № 51 — соответственно 2 и 16; комплекс № 53 — соответственно 1 и 13. Всего в зоне этих построек на площади 68 кв. м обнаружены 66 обломков дисков, а вместе с найденными в заполнении комплексов — 72. На остальных почти 600 кв. м площади раскопа 1980—1983 гг. зафиксировано в культурном слое всего лишь 7 обломков дисков, а в заполнении шести комплексов — еще 11 (№ 4 — 1 обломок; № 6 — 1; № 13 — 3; № 21 — 2; № 16 — 3; № 25 — 1). Подобная значительная концентрация глиняных дисков на Городище вокруг нескольких комплексов на небольшом участке определенно свидетельствует о специализации находившихся здесь построек и размещении в них рабочих помещений для ткацких станков. Точно такая же картина наблюдалась при раскопках в Старой Ладоге, где глиняные диски встречались отдельными крупными скоплениями, связанными с определенными постройками.⁴⁵

Пролить дополнительный свет на вопросы интерпретации открытых на Городище углубленных в материк сооружений могут материалы поселений, близких хронологически и территориально Городищу, на которых сохраняются органические остатки и есть подобные комплексы. Таким поселением в первую очередь является Старая Ладога. Здесь при раскопках В. И. Равдоникаса в 1950 и 1959 гг. было открыто несколько сооружений, аналогичных городищенским. Эти материалы не изданы, а характеристика объектов, исследованных в 1950 г., даже не попала в отчет о раскопках. Лишь в 1976 г. О. И. Давидан, рассматривая стратиграфию ладожского поселения, на опубликованных планах схематично отметила места расположения ям и дала их краткое описание, подчиненное целям ее статьи.⁴⁶

Остановимся на рассмотрении ладожских комплексов подробнее. Самое значительное углубленное в материк сооружение было открыто в 1950 г. в северо-восточной части исследованной площади.⁴⁷ Оно имело в плане неправильную трапециевидную форму и размеры по верху — 4.2×6.3 м, по полу — 2×4.4 м и глубину около 1 м. Вдоль северной стенки сооружения шел уступ, а на полу лежал большой валун. Крайне важно, что имеются данные для реконструкции наземной части постройки. Вдоль северной стенки на длину 3.6 м сохранился плетень, который раньше стоял на краю (in situ зафиксированы вбитые колья) и окружал сооружение. Если стены были плетневыми, то крыша, видимо, жердевой, поскольку в углублении найдены наклонно упавшие жерди и куски бревен разной длины, вероятно от перекрытий. В заполнении обнаружены различные бытовые предметы (керамика, нож, деревянные поделки и т. д.), среди них целиком сохранившаяся лыжа. Это была хозяйственная постройка, возможно кладовая.

Не столь важной для изучения характера перекрытий, но интересной для определения функционального назначения является постройка, открытая в 1959 г. Это было углубленное сооружение, имеющее в плане форму неправильного овала, длину 4.5 м, ширину до 2.5 м и глубину 0.3—0.5 м.⁴⁸ В ее полу, вдоль одной из длинных стен, в свою очередь было небольшое вытянутое углубление. В заполнении найдены пласты рыбьей чешуи и скопления зерен (просо, ячмень, овес), а на полу обнаружены 4 берестяных поддона, причем 3 от крупных емкостей — коробьев. Это, безусловно, хозяйственное помещение для хранения продуктов (зерна, рыбы и т. д.). От перекрытий никаких остатков не сохранилось, но именно этот факт говорит о том, что они, видимо, были легкими, скорее всего жердевыми.

В 1959 г. обнаружена и большая корытообразная постройка длиной 5.7 м, шириной до 2 м и глубиной 0.7—1 м (рис. 39).⁴⁹ С узкой стороны у постройки есть ступенька, углубленная на 0.3 м. В середине сооружения находились, как отмечается в отчете, «по-видимому, умышленно сваленные туда два крупных валунных камня». Два провалившихся в сооружение бревна, одно из которых было закреплено на месте кольями, вбитыми в стенку постройки, показывают, что комплекс был перекрыт и конструкция основывалась на бревнах и жердях. Заполнение комплекса — навоз, в котором встречены редкие находки (обломок деревянной чаши, берестяной поддон, обрезки кожи, фрагмент керамики, деревянный клин). Сооружение имело хозяйственное назначение.

В 1959 г. была раскопана также длинная узкая постройка (длина 4.8 м, ширина 0.7—0.95 м), углубленная в материк на 0.5 м.⁵⁰ В сооружение было

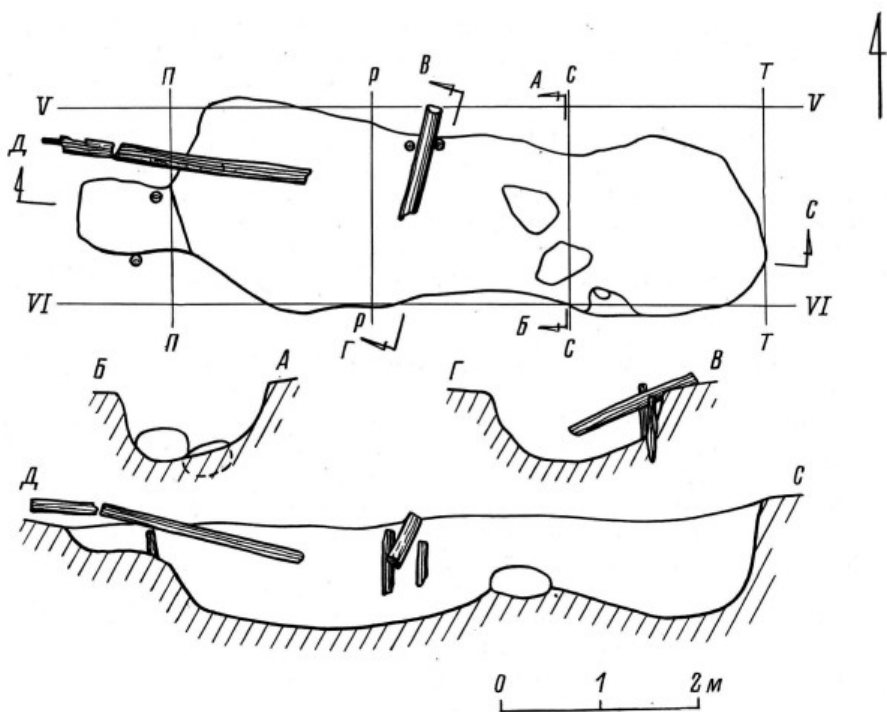

Рис. 39. Старая Ладога. Углубленная в материк хозяйственная постройка из горизонта Ез.

сброшено несколько камней. Заполнение состояло из навоза со щепой, в котором найдены обломки деревянной чаши. Еще одно сооружение имело вытянутую неправильную форму (2×3.8 м) и было углублено в материк на 0.25—0.3 м.⁵¹ Его заполнение — щепа с навозом. Определенной системы перекрытий этих сооружений не зафиксировано. В отчете без всяких оснований они названы «осушительными канавами».

Наконец, любопытный комплекс был исследован в 1950 г. в центральной части раскопа. Это был дворик размерами приблизительно 4×5 м, выгороженный бревнами, не соединенными рубкой в углах.⁵² Внутри дворика зафиксировано множество вбитых колышков и несколько столбиков. В. И. Равдоникас в отчете назвал данный комплекс «частью двора», примыкающей к скотному двору.⁵³ О. И. Давидан определила его как скотный двор.⁵⁴ В этом дворике была вырыта яма размерами 1×1.3×1.4 м и глубиной 0.4 м. У ее края лежали широкая тесаная доска (приступок перед ямой?) и упавший плетень (длина сохранившейся части 2.1 м, высота до 0.83 м). Скорее плетень образовывал одну из стен дворика, чем входил в состав наземной конструкции над ямой. Примечателен состав находок из ямы. В ней обнаружены санный полоз с копылами, другие детали саней, деревянная лопаточка длиной 0.54 м, дно деревянного ящичка (прямо на полу) и ряд прочих находок. Перед нами, конечно, хозяйственный дворик. Здесь мы видим пример еще одной ситуации, когда в состав комплекса входит углубленное в материк сооружение.

Итак, в Ладоге углубленные сооружения являлись частями различного

рода хозяйственных построек. У одной из них зафиксированы плетневые стены, у других — следы легких жердевых и бревенчатых (не срубных) перекрытий. Важно, что эти хозяйственные комплексы располагались рядом со срубными домами, наземными клетями, помещениями, где содержался скот, огороженными дворами и загонами.

Материалы раскопок Новгорода дают близкую картину. Если мы обратимся к плану древнейшего 28-го яруса (середина X в.) Неревского раскопа, то увидим множество открытых во время археологических исследований углубленных в материк ям и сооружений. Они имеют овальную, подчетыреугольную, корытообразную или неправильную в плане форму, размеры от 1 до 4 м, глубину в среднем 0.6—1 м. Иногда эти комплексы располагаются очень тесной группой (например, в южной части усадьбы И), часто небольшими группами по два-три (на усадьбах Е и Е₁), иногда по отдельности. П. И. Засурцев считал, что они существовали не одновременно, а сменяли друг друга на протяжении небольшого отрезка времени, поскольку почти все относится к первому строительному периоду.⁵⁵

П. И. Засурцев рассматривал ямы в основном как хозяйственные сооружения, допуская, что некоторые могли использоваться для добычи глины. «Они служили какими-то хранилищами, — отмечал он, — только у самых первых поселенцев были на усадьбах ямы, использовавшиеся, очевидно, для хранения продовольственных запасов (овощей)».⁵⁶

Для ряда ям зафиксированы следы их деревянных перекрытий, и такие комплексы П. И. Засурцев твердо определяет как погребца. На усадьбе Е (26-й ярус) на дне ямы (1.8×2 м, глубина 1 м) открыт дощатый пол, состоявший из четырех досок. Сверху на эти доски был положен деревянный брус с отверстием в середине. Через отверстие в дно погребца был забит кол, удерживавший пол от всплывания, когда в погребце стояла вода. В двух случаях отмечена облицовка жердями стенок небольших ям — погребов (размеры ям 1×1 м, глубина 1.2—1.4 м): столбики облицовки диаметром 12—13 см были забиты в дно ям. На Троицком раскопе в слоях X в. открыты ямы, стенки которых были оплетены прутьями. Известны в Новгороде и погребца срубной конструкции.

На усадьбе Д в 25-м ярусе раскопан погреб (Д 25 У), который представлял собой круглую яму диаметром около 1.5 м и глубиной 0.8 м, стенки ямы были облицованы досками. Над погребом был сооружен навес, который сменялся дважды — был столбовым (частокольным) и срубным (последовательность не выяснена). Яма-погреб (1.2×1.3 м и глубиной около 1 м) зафиксирована внутри постройки Б 21 Б, которая имела размеры 3.5×4 м и стены частокольной конструкции. Еще несколько подобных ям-погребов открыты в столбовых хозяйственных постройках или рядом с ними. В хозяйственной пристройке шириной 3.5 м к жилому дому (Е 28 А) обнаружены 2 ямы: одна размерами 1.8×2.2 м и вторая — 2×3.5 м и глубиной 0.7—0.8 м. Погреб находился и в пристройке шириной 2.5 м к жилому срубам В 23 Ф.⁵⁷

Наконец, выгнутые материковые углубления, аналогичные городищенским и имевшие размеры 0.8—1.4×3.4 м, 0.3—1.3×3.3 м, 0.7—1.5×2.8 м и т. д., были открыты в 1937 г. при исследованиях на Ярославовом Дворище, но ошибочно приняты авторами раскопок за остатки грунтового могильника языческого времени.⁵⁸

Таким образом, в Новгороде X—XI вв. наблюдается картина застройки, близкая ладожской. Углубленные сооружения представляли собой в основном

различные ямы-погребя. В их конструкциях использовалось дерево. Когда углубленные сооружения располагались в постройках, последние всегда были столбовыми, лишь в редких случаях это были пристройки к жилым домам. Рядом с рассмотренными хозяйственными комплексами с углубленными частями располагались деревянные жилые срубы, клетки, производственные постройки, конюшни, загоны для скота и т. д. Полагаю, что эта общая картина застройки древнего поселения на Волхове, как мы ее представляем по материалам Ладоги и Новгорода, в полной мере должна проецироваться и на Городище. На холме в истоке Волхова также стояли наземные жилые срубы и иные типы построек, остатки которых убедительно зафиксировать в предматериковых, сильно перемешанных слоях гумуса пока не удается (отметим лишь открытие развалов двух печей-каменок).

Может возникнуть вопрос: почему на Городище обнаружено гораздо больше углубленных сооружений, чем в Ладоге и Новгороде? Здесь следует иметь в виду два момента. Во-первых, для устройства углубленных хранилищ-погребов и кладовок условия песчаного городищенского холма были несравнимо благоприятнее, чем сырая глина низменного участка, где стояла Ладога и находился Неревский конец Новгорода. Во-вторых, сыграл свою роль различный характер накопления культурного слоя на памятниках: в Ладоге и Новгороде органические остатки не перегнивали, быстро нараставший, насыщенный влагой слой становился непригодным для устройства хозяйственных ям и углубленных построек, а на Городище слой накапливался медленно, органические остатки перегнивали, ямы и углубленные сооружения устраивались на одних и тех же местах в течение десятилетий. Конечно, при этом было бы неправильно совсем сбрасывать со счета возможную специфику ряда построек Городища.

Помимо Ладоги и Новгорода, аналогии сооружениям Городища, если даже ограничиться территорией лесной зоны Восточной Европы, можно найти на многих поселениях конца I тыс. н. э. В Поволхье подобные комплексы обнаружены на поселении Новые Дубовики у гостинопольских порогов,⁵⁹ на Мсте — на селище Золотое Колено, где наряду с углубленными сооружениями открыты наземные срубные дома,⁶⁰ известны аналогии в Гнездове,⁶¹ наконец, отметим недавнее подробное издание углубленных комплексов из раскопок тимерева селища IX—X вв. под Ярославлем.⁶²

Многие комплексы Городища и Тимерева имеют прямые соответствия. По существу 2 синхронных и близких по своим социально-экономическим характеристикам памятника дали аналогичный материал о существовавших строениях. Соответственно полагаю, что все замечания о застройке городищенского холма справедливы и в отношении тимерева селища. В Тимерево жилые дома, видимо, были наземными срубными, их остатки в распаханном гумусе четко уловить было невозможно, сохранились лишь углубленные части построек главным образом хозяйственного назначения. Реконструкции тимерева селища С. В. Томсинским основываются на многих допущениях.⁶³

Находки из культурных отложений на площади центрального раскопа Городища многочисленны и разнообразны. Однако значительная нарушенность культурного слоя поселения не дает оснований, в отличие от раскопов на берегах Сиверсова канала, датировать вещи и керамику на основе стратиграфии их залегания, что снижает информативность материала, особенно массового, такого, например, как керамика, стеклянные браслеты и т. д. Именно поэтому

приходится ограничиваться датировками находок по аналогиям, опираясь при этом прежде всего на стратиграфическую шкалу близлежащего Новгорода.

Нумизматические и сфрагистические находки. В слое найдено 6 восточных дирхемов (определены А. В. Фоминым), из которых 4 аббасидских, один саманидский и четвертинка дирхема, не поддающаяся определению. Аббасидские дирхемы чеканены при Харуне ар-Рашиде (786—809) в 797/8 г. в Мединат ас-Саламе, при ал-Мутаваккиле (847—861) после 854 г., при ал-Мутамиде (870—892) в 883/4 г. и сильно стертая монета периода конца VIII в. — до 820 г. Саманидский дирхем чеканен при Ахмеде ибн-Исмаиле (907—914) в 908/9 г. в аш-Шаше.

Заслуживает самого пристального внимания тот факт, что в слое встречено 6 западноевропейских монет. Дело в том, что «потеря денария, достаточно крупного для того времени номинала, — как отмечает В. М. Потин, — случилась далеко не каждодневный».⁶⁴ Если учесть, что в Новгороде на площади Неревского раскопа, почти в 14 раз превосходящей площадь раскопа наверху Городища, найдена всего лишь 21 западноевропейская монета, то количество монет с Городища — 6 — следует признать очень большим.⁶⁵ По заключению А. Н. Молвыгина, все западноевропейские денарии оказались фризскими, относящимися ко второй половине XI в. — времени интенсивного распространения западных монет на Руси, по своему династическому происхождению очень близкими новгородским и аналогичными общему составу русских кладов второй половины XI в. (определения А. Н. Молвыгина: 1, 2 — герцог Ордульф (1059—1071) или Герман (1086); 3, 4 — граф Экберт (1068—1090); 5 — подражание Кельну, XI в.; 6 — Германия (?), полностью стертая монета).

Сфрагистические материалы представлены тремя заготовками вислых свинцовых печатей и тремя печатями: 1) Святополка-Михаила Изяславича (1093—1113 гг.); 2) печатью XII—начала XIII в. с изображением княжеского знака; 3) Ивана III (определения В. Л. Янина). Весьма скромное число печатей на площади раскопа по сравнению с более чем тысячной их коллекцией, происходящей с Городища, показывает, что слоев с остатками княжеского архива в данной части поселения нет.

Оружие и предметы снаряжения всадника и коня. Значительное место среди находок Городища занимают предметы вооружения. Наиболее массовыми среди них являются железные наконечники стрел. Всего из слоя происходят 66 наконечников. Для небольшой площади раскопа (650 кв. м) это очень высокая концентрация находок (с учетом находок из комплексов их общее число составляет 77 экз.). Для сравнения укажем, что при раскопках Новгорода 1947—1948, 1951—1956 гг. обнаружено 136 железных наконечников стрел,⁶⁶ в Белоозере на площади раскопа около 7000 кв. м — 41 наконечник,⁶⁷ в Яропольце Залесском на такой же площади — 72.⁶⁸

Перейдем к описанию найденных наконечников стрел на основе их типологии, разработанной А. Ф. Медведевым. Из 66 наконечников стрел 21 принадлежит к втульчатым, а 45 — к черешковым.

1. Втульчатые двушипные наконечники стрел (тип 2, по А. Ф. Медведеву) — 20 экз. (рис. 40, 1—3; 42, 1—4). Являются наиболее массовым типом наконечников стрел на Городище. По заключению А. Ф. Медведева, такие наконечники употреблялись с VIII до середины XIII в. вдоль западных границ Древней Руси, а в центральных областях они встречаются единицами.⁶⁹ В последние годы получены материалы о появлении втульчатых двушипных наконечников на

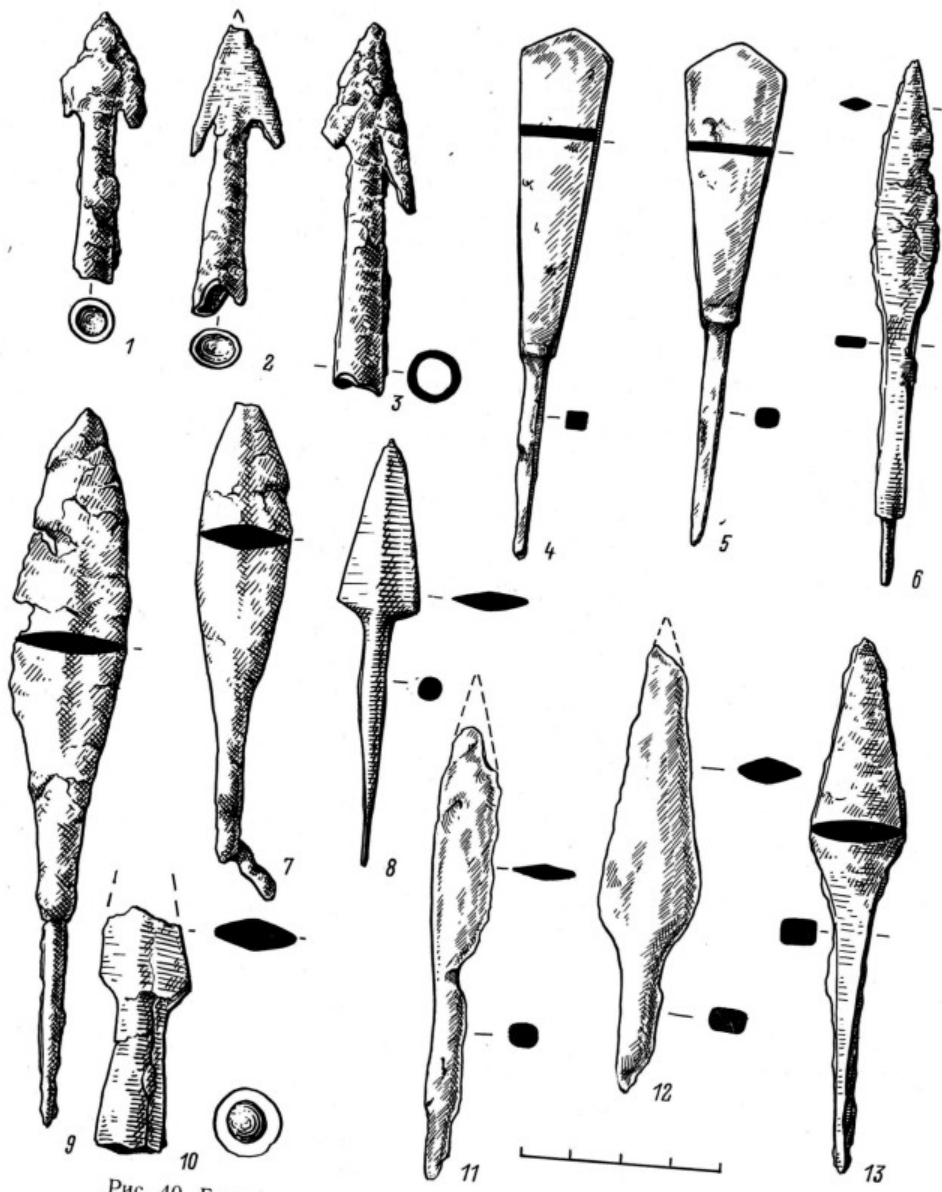

Рис. 40. Городище. Железные наконечники стрел (1—13).

территории Восточной Европы (на Правобережье Днепра) еще в VI—VII вв.⁷⁰ В Новгороде найдено 6 подобных наконечников стрел, причем здесь они были распространены только в X и XI вв., выйдя из употребления на рубеже XI—XII вв.⁷¹

2. Ромбовидный втульчатый наконечник (тип 3, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 40, 10). Такие наконечники имели широкую дату бытования — от VII—VIII до XIV в. По заключению А. Ф. Медведева, они не были характерны для Руси, изредка встречались вдоль ее западных границ и широко употреблялись финно-угорскими народами.⁷²

3. Ромбовидные наконечники новгородского типа (тип 46, по А. Ф. Медведеву) — 9 экз. (рис. 40, 12, 13; 42, 7, 8). Их характерной особенностью является отсутствие упора для древка стрелы. Такие наконечники широко применялись в северной полосе Восточной Европы начиная с рубежа нашей эры и до конца XIII в. В Новгороде встречено более 20 подобных наконечников в слоях X—XIII вв.⁷³

4. Треугольные плоские наконечники без упора (тип 37, по А. Ф. Медведеву) — 3 экз. (рис. 40, 8; 42, 9). Были распространены с VIII до XIV в. на широкой территории.⁷⁴

5. Двухшипный наконечник без упора (тип 29, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 42, 6). Были распространены с I в. до н. э. до XIV в. н. э. исключительно в северной половине европейской части СССР. В Новгороде найдены 2 таких наконечника в слоях конца XI и середины XII в.⁷⁵

6. Ланцетовидные наконечники (тип 62, по А. Ф. Медведеву) — 3 экз. (рис. 40, 6, 11). Были широко распространены в IX—первой половине XI в. В Новгороде найдены 3 экз. в слоях второй половины X—первой половины XI в.⁷⁶ В литературе высказано мнение о скандинавском происхождении подобных наконечников стрел, однако другими исследователями, в частности А. Ф. Медведевым, это оспаривается (см. с. 75).

7. Лавролистные наконечники (тип 63, по А. Ф. Медведеву) — 2 экз. (рис. 40, 7, 9). Были распространены на широкой территории от рубежа нашей эры до позднего средневековья.⁷⁷

8. Двурогий срезень (тип 60, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 42, 10). В Новгороде подобные наконечники встречены в слоях X—XIII вв. в количестве 9 экз.⁷⁸

9. Срезни в виде узкой вытянутой лопаточки (тип 67, по А. Ф. Медведеву) — 2 экз. (рис. 40, 4, 5). Относятся к разновидности с тупоугольным острием. Это типичные монгольские наконечники. В Восточной Европе они появились вместе с ордами Батые в первой половине XIII в. На севере Руси встречаются редко. В Новгороде найдены 2 подобных срезня в слоях второй половины XIII в. По мнению А. Ф. Медведева, в Новгород наконечники рассматриваемого типа попали после нашествия монголов в результате политических и торгово-экономических связей: Новгород посещали золотоордынские чиновники и сборщики налогов, а новгородцы бывали в Орде.⁷⁹

10. Килевидный сплюснутый наконечник с шейкой (тип 82, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 41, 1). Были широко распространены в X в. В Новгороде найден один такой наконечник в слое второй половины X в.⁸⁰

11. Пирамидальные трехгранные наконечники с узким острием и круглой шейкой (тип 76, по А. Ф. Медведеву) — 2 экз. (рис. 41, 6, 7). Аналогичны наконечникам первого варианта данного типа, датируемым X в.⁸¹

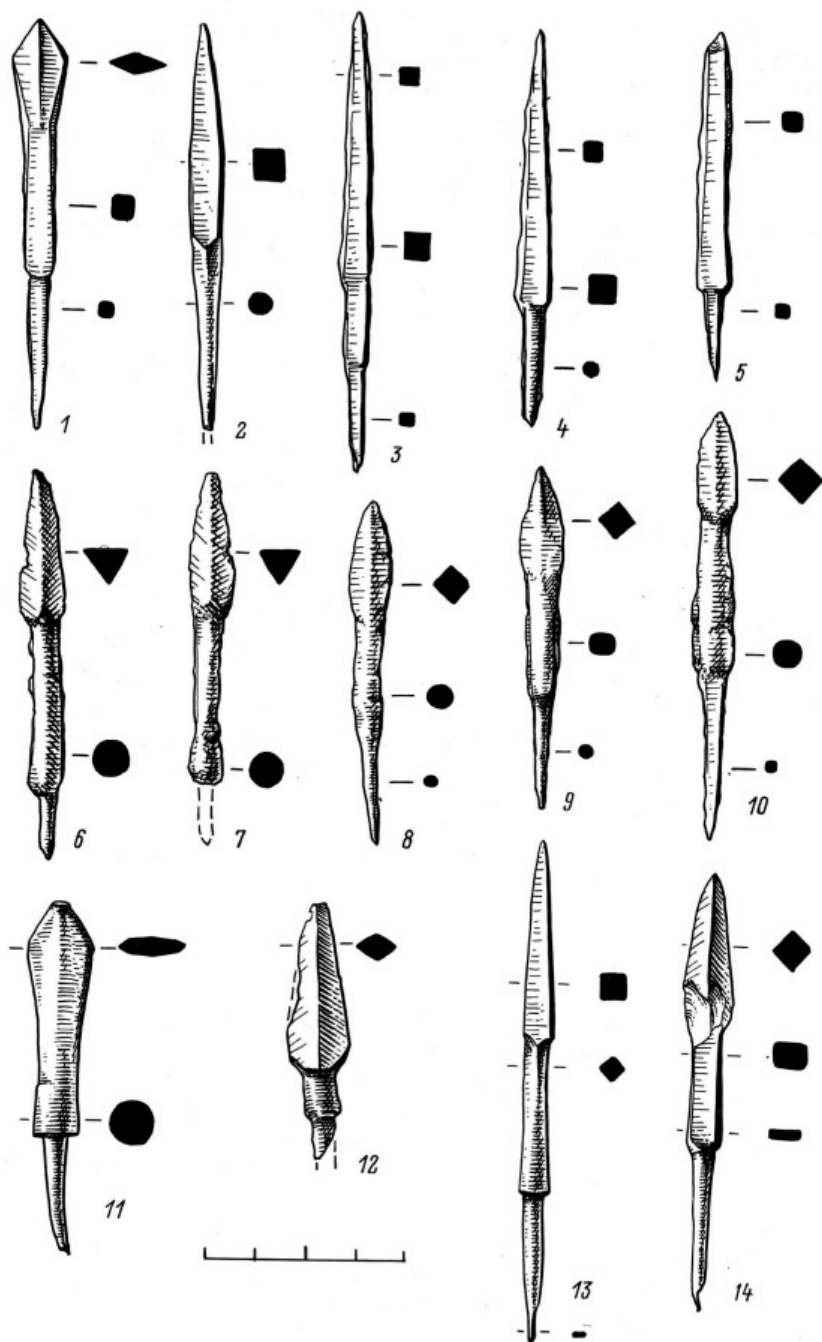

Рис. 41. Городище. Железные наконечники стрел (1—14).

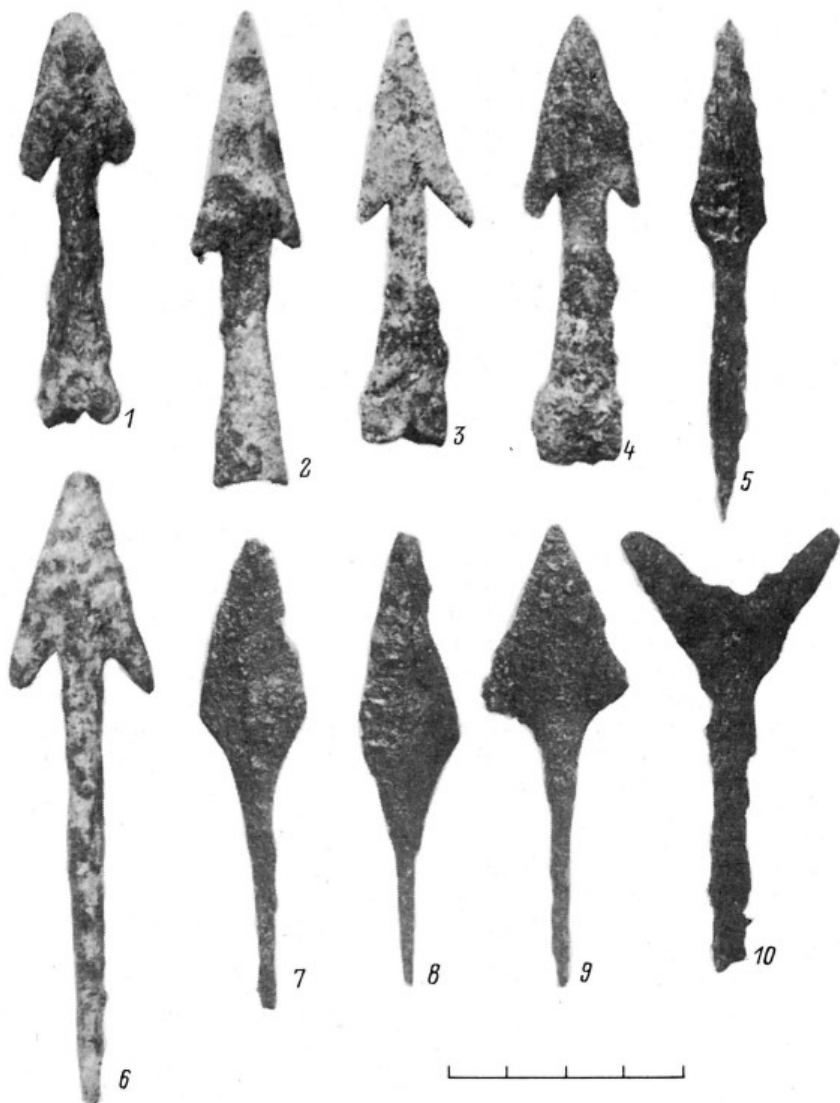

Рис. 42. Городище. Железные наконечники стрел (1—10).

12. Шиловидные наконечники квадратного сечения без упора (тип 93, по А. Ф. Медведеву) — 6 экз. (рис. 41, 2). Были распространены в Восточной Европе с X по XIV в. В Новгороде найдены в слоях второй половины XI—XIII в.⁸²

13. Шиловидные наконечники квадратного сечения с простым упором (тип 90, по А. Ф. Медведеву) — 6 экз. (рис. 41, 3—5). Появились на рубеже нашей эры и были распространены до XIV в. и позднее.⁸³

14. Пирамидальные наконечники квадратного сечения с круглой шейкой (тип 85, по А. Ф. Медведеву) — 3 экз. (рис. 41, 8—10). Были распространены

с середины XI до первой четверти XIII в. В Новгороде встречены 2 экз. в слоях середины XI и второй половины XII в.⁸⁴

15. Пирамидальные наконечники квадратного и ромбического сечения с круглой шейкой (тип 87, по А. Ф. Медведеву) — 2 экз. (рис. 41, 12, 13). Относящиеся к одному типу наконечники значительно различаются пропорциями. Были распространены на Руси в XII—XIV вв.⁸⁵

16. Броневой наконечник ромбического сечения, сплюснутый у черешка, с прямоугольным и квадратным в сечении перехватом (тип 97, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 41, 14). Были характерны для второй половины XI—XII в.⁸⁶

17. Броневой наконечник с массивной боевой головкой ромбовидных очертаний и ромбического сечения, с шейкой (тип 83, по А. Ф. Медведеву) — 1 экз. (рис. 41, 11). Наиболее характерны для XI в.⁸⁷

Кроме того, среди материала представлены части еще двух черешковых наконечников стрел, тип которых точно установить не удалось.

Особенностью городищенской коллекции является большое количество в ней втульчатых наконечников стрел от лука и полное отсутствие наконечников арбалетных стрел.

При раскопках найден обломок копья с пером в виде квадратного стержня и воронковидной тульей (тип V, по А. Н. Кирпичникову). Длина сохранившейся части копья 19 см, диаметр втулки 3 см. Подобные копья (пики) появились в VIII—IX вв. в южной части Восточной Европы, были широко распространены на Руси в X—XI вв. и в последующее время.⁸⁸ Судя по незначительной ширине лезвия (1 см), пика с Городища относится, скорее всего, к XII—XIII вв.⁸⁹

В коллекции представлены лезвия двух топоров и 2 целых топора. Первый из них — широколезвийный проушной топор с опущенным лезвием (рис. 43, 4) — относится к топорам VI типа, по А. Н. Кирпичникову, которые были наиболее широко распространены в Восточной Европе в XI—XII вв.; второй — с симметричным лезвием (рис. 43, 3) — к топорам типа VIII А, распространенным в XII—XIII вв. и позднее.⁹⁰

Найдена половинка шпоры с шипом и скобой, лежащей в одной горизонтальной плоскости (рис. 43, 1). Подобные шпоры отнесены А. Н. Кирпичниковым к I типу, бытовали в XI—XII вв.⁹¹ Железные, инкрустированные полосками латуни дугообразные псалии в центре имели 2 отверстия для крепления скобы (рис. 52, 4). Подобные псалии в основном датируются XII в.⁹² Число ледоходных шипов, которые закреплялись на копытах коня для облегчения его передвижения в зимнее время, достигает 27.⁹³ Упомянем также 2 железные прямоугольные, видимо подпружные, пряжки (размеры одной из них 4.2×6.5 см, другой — 4.4×5 см). Пряжки подобной формы были характерны для XII—XIII вв.⁹⁴

Интересна прямоугольная бронзовая накладка от конской сбруи, украшенная орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды (рис. 48, 2).⁹⁵ Ее длина 4.4 см, ширина 1.7—2 см. Несомненно скандинавское происхождение данного предмета. Полные аналогии накладке представлены в самом Борре в Вестфольде (Норвегия).⁹⁶ Две такие же находки сделаны в погребении 644 в Бирке.⁹⁷ Близкие накладки известны из Гнездовского могильника,⁹⁸ наконец, обломок, видимо, аналогичного предмета происходит с поселения Тимерево.⁹⁹ Датировать накладку с Городища следует временем распространения самого стиля Борре, т. е. периодом второй половины IX—X в.

Ювелирные изделия, предметы костюма, амулеты. Довольно редкими на

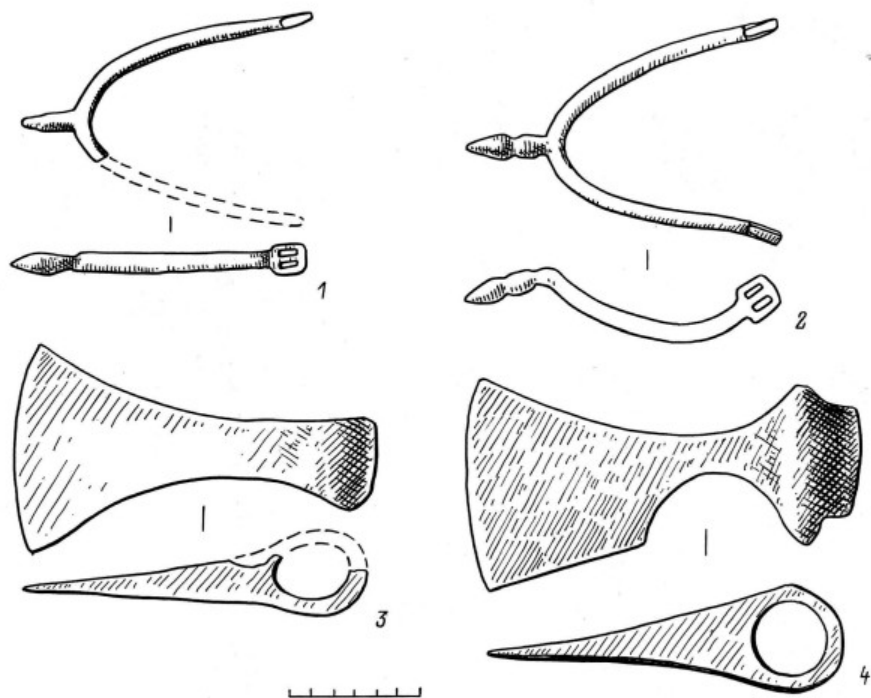

Рис. 43. Городище. Шпоры (1—2) и топоры (3—4) древнерусского времени.

Руси находками являются 2 бронзовые равноплечные скандинавские фибулы (рис. 44, 5, 6).¹⁰⁰ Обе они относятся, по типологии Я. Петерсена, к 58-му типу, датируемому в пределах IX в.¹⁰¹ По типологии, разработанной для равноплечных фибул Бирки, городищенские экземпляры принадлежат к типу I A : I.¹⁰² Одна из фибул Городища длиной 8 см при наибольшей ширине 3.2 см полностью соответствует параметрам аналогичных фибул Бирки (рис. 44, 6). Другая имеет некоторые особенности. Они заключаются в том, что на продольных концах фибулы и на концах шести боковых выступов имеются маленькие каплевидные утолщения (рис. 44, 5). За их счет размеры фибулы больше обычных для фибул типа I A : I Бирки — длина 9.1 см, наибольшая ширина 3.4 см. От предположения, что в данном случае мы имеем дело с отливкой, которую мастер не докончил и механически не снял излишки бронзы на углах, следует отказаться, поскольку каплевидные выступы органически «влиты» в основную часть украшения и создают ее естественные завершения. Сверху на них имеются углубления, свидетельствующие, что это специально оформленные детали фибулы, а не случайные элементы. Рассматриваемая фибула, безусловно, является некоторой модификацией фибул 58-го типа и, возможно, была изготовлена на Городище.

Скандинавскими по происхождению являются и так называемые кольцевидные фибулы.¹⁰³ Орнаментированная игла от такой фибулы найдена при раскопках Городища (рис. 44, 3). Ближайшие аналогии ей можно указать в материалах Гнездовского могильника.¹⁰⁴

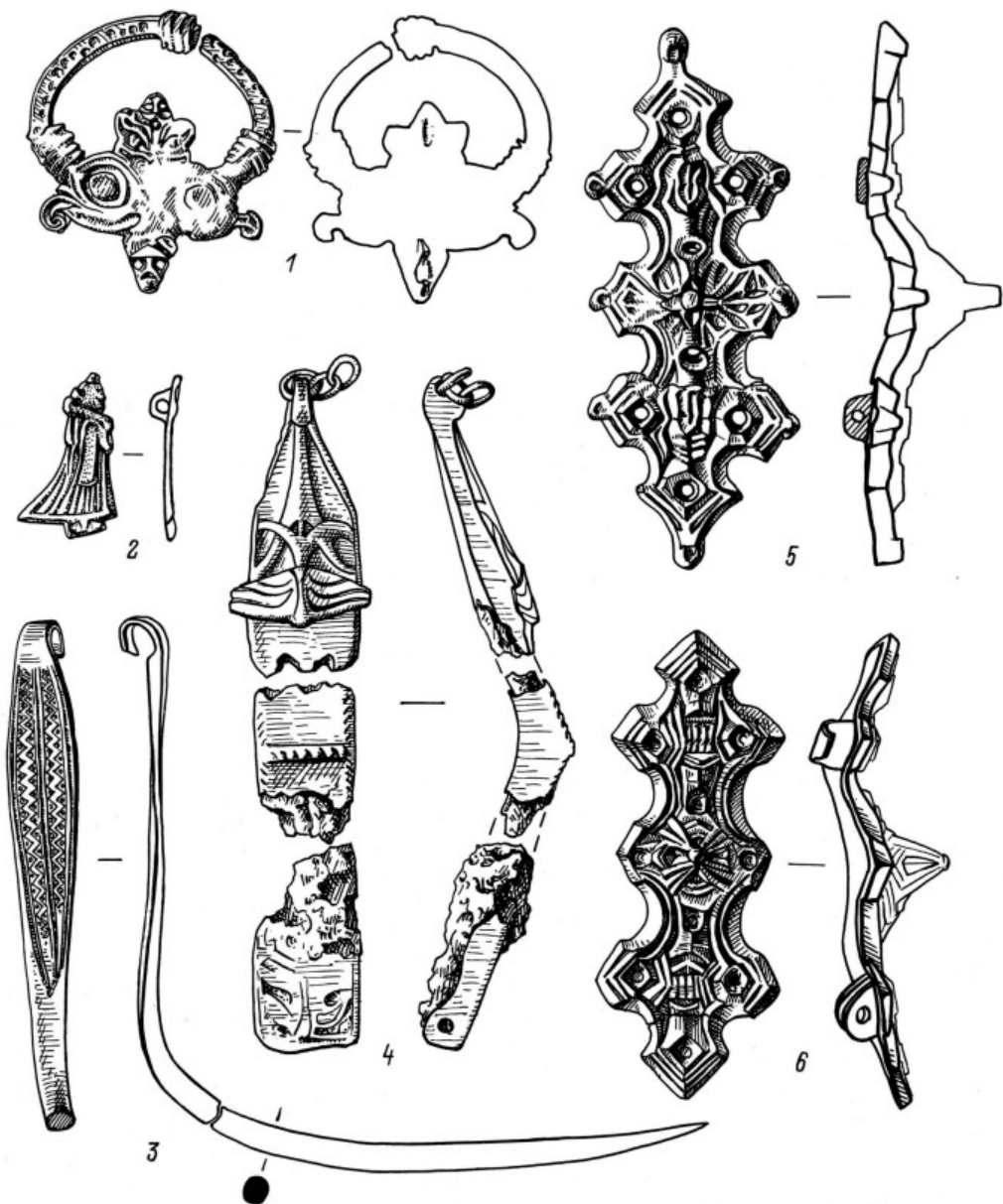

Рис. 44. Городище. Предметы скандинавских типов IX—X вв. (1—6).

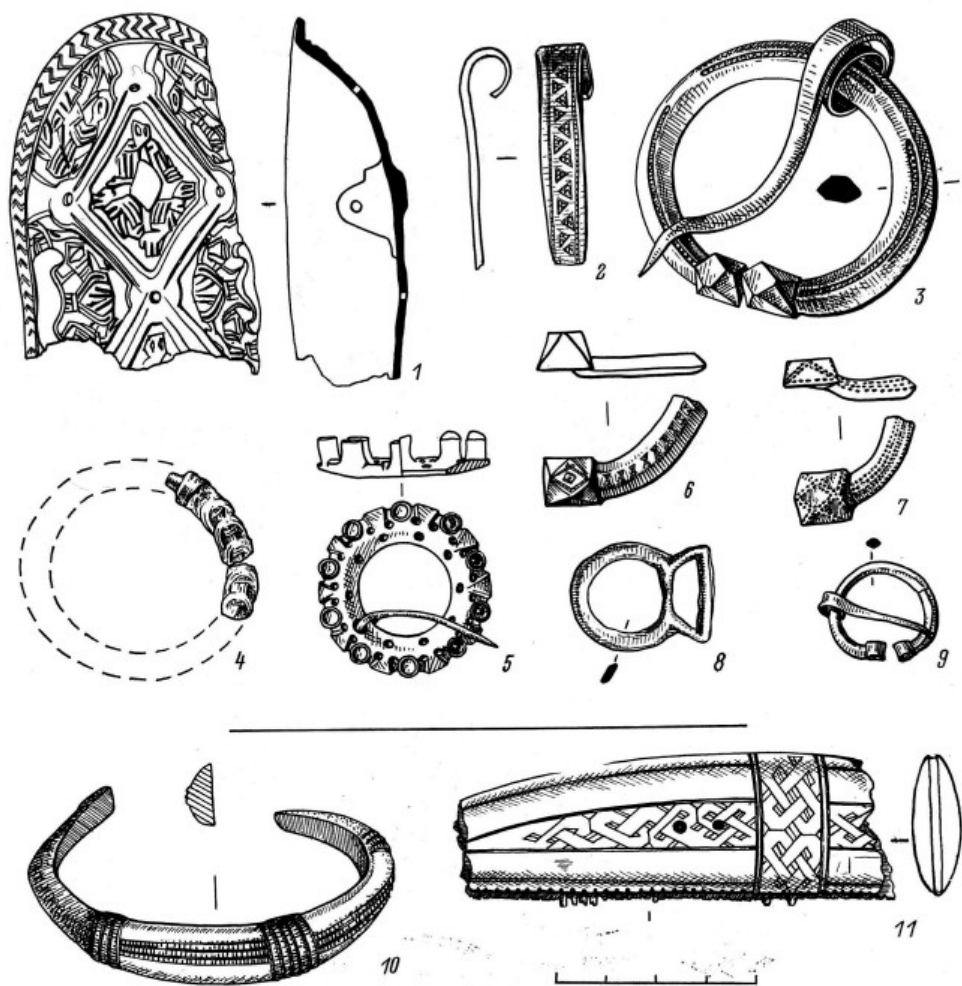

Рис. 45. Городище. Украшения из бронзы (1—10) и костяной гребень (11).

В коллекции представлены бронзовая подковообразная орнаментированная фибула с многогранными головками (рис. 45, 3) и обломки еще двух аналогичных фибул (рис. 45, 6, 7). Такие фибулы обычно датируются концом IX—первой половиной XI в.¹⁰⁵ Встречена маленькая подковообразная спиралеконечная фибула круглого сечения диаметром 2 см (рис. 45, 9). Подобные застежки бытовали в основном в X—XII вв., позднее встречались реже.¹⁰⁶ При зачистке материка обнаружена подковообразная спиралеконечная фибула из железа. Интересна бронзовая пластинчатая кольцевидная фибула диаметром 3,4 см с десятью выпуклыми гнездами для вставок зеленого и желтого стекла (рис. 45, 5). В Новгороде кольцевидные фибулы были распространены с середины XII до конца XIV в.¹⁰⁷ Недавно застежка, аналогичная городищенской, обнаружена на Троицком раскопе Новгорода в слое 1186—1213 гг. (сообщение

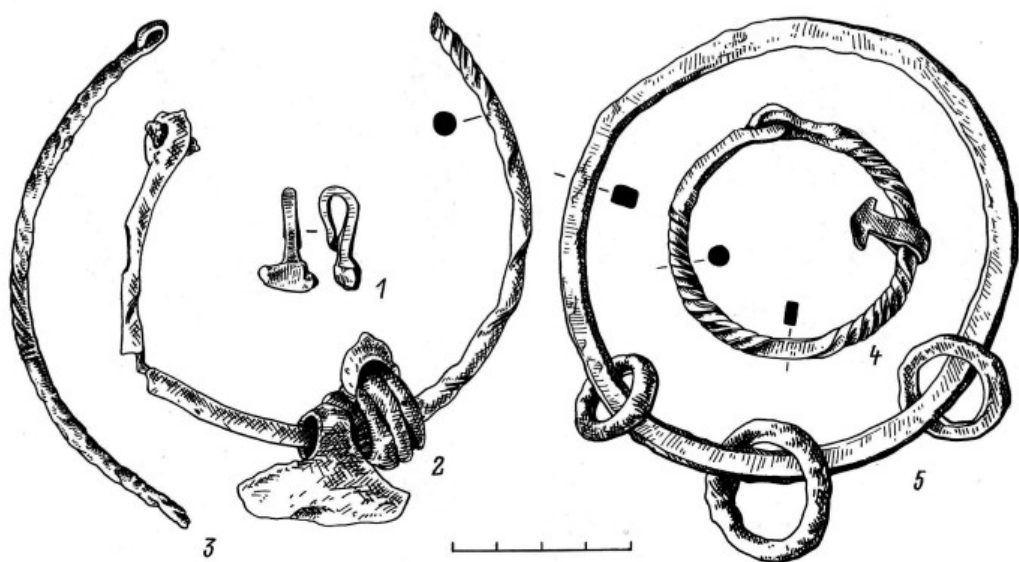

Рис. 46. Городище. Скандинавские железные гривны (2—3) и амулеты (1, 4, 5) IX—X вв.

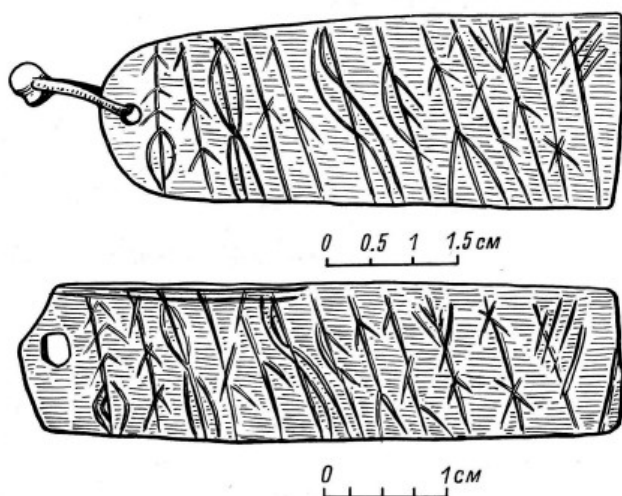

Рис. 47. Городище. Подвески с руническими надписями второй половины X в.

П. Г. Гайдукова). Еще одна такая же фибула, по данным М. В. Цыбина, происходит с Семилукского городища на р. Дон, где она датируется периодом с середины XII до середины XIII в. Наконец, упомянем бронзовую четырехугольную пряжку и бронзовую пряжку с овальной передней частью и прямоугольным приемником для ремня, разделенными осью для закрепления язычка (рис. 45, 8). Пряжки последнего типа в Новгороде обнаружены в слоях второй

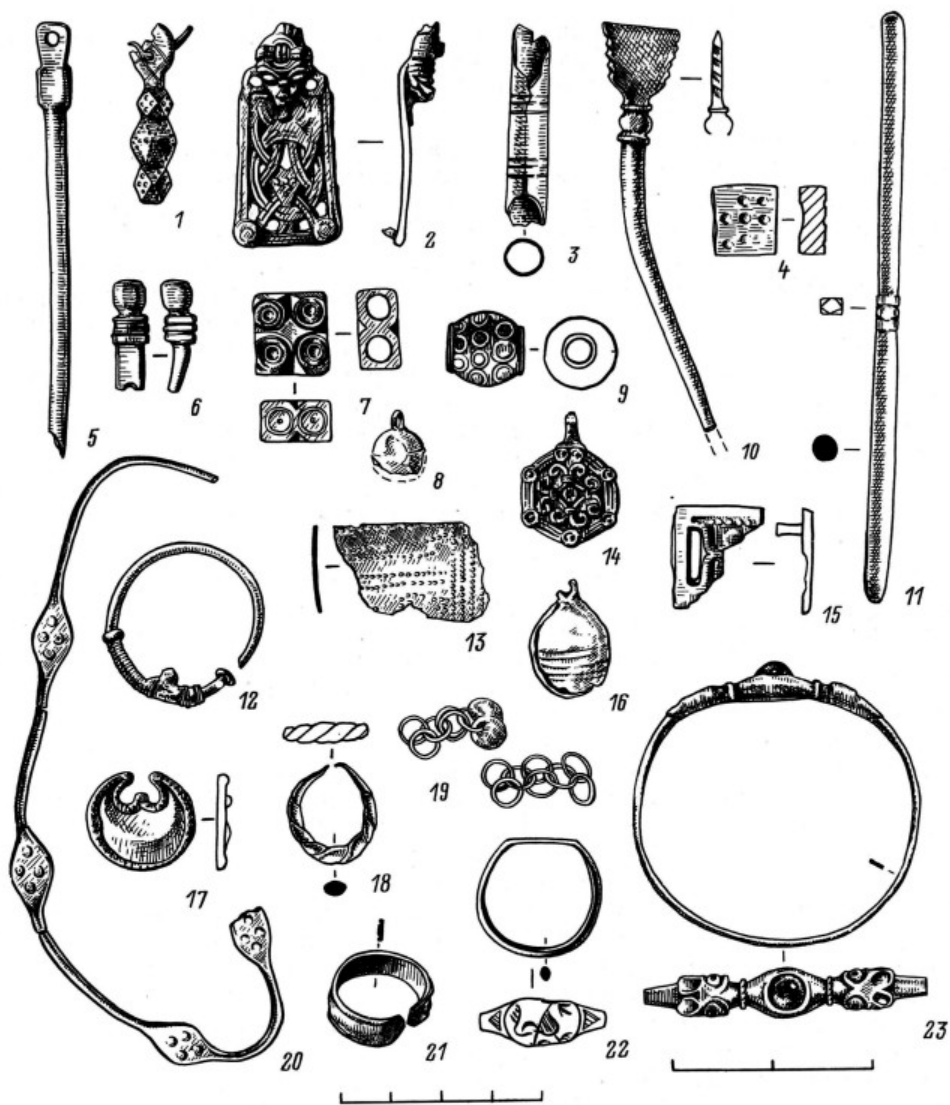

Рис. 48. Городище. Ювелирные изделия (1—23) из цветных металлов.

четверти XII—начала XIV в.¹⁰⁸ Среди материалов имеется также несколько игл от различных застежек, в том числе орнаментированные (рис. 45, 2).

К числу предметов скандинавского происхождения принадлежит железная гривна (найдена часть) из перевитого в нескольких местах четырехгранного стержня с надетыми на него привесками — «молоточком Тора» и четырьмя колечками диаметром около 2 см (рис. 46, 2). Найден и отдельный «молоточек Тора» (рис. 46, 1). Также культовый характер, видимо, имеет большое прямоугольное в сечении железное кольцо диаметром 10,5 см с надетыми на него

тремя маленькими колечками диаметром 2, 2,5 и 3 см (рис. 46, 5). Подобный же предмет был найден на Городище, на северном берегу Сиверсова канала, в слое первой половины X в. (рис. 30, 2). Такие кольца обычны на поселениях и в могильниках Скандинавии.

Уникальной является находка серебряной фигурки женщины — валькирии (рис. 44, 2).¹⁰⁹ Подобные фигурки хорошо известны в древностях Скандинавии, но это первая обнаруженная на территории Руси. Городищенской фигурке валькирии наиболее близка фигурка из погребения 968 Бирки.¹¹⁰

В заполнении комплекса № 45 найдена трапециевидная подвеска с руническими знаками. Рядом с комплексом в культурном слое поселения обнаружена еще одна подвеска-амулет. Она представляет собой узкую прямоугольную пластинку размерами 1,2—1,3×4,8 см, на одном из концов которой углы срезаны. Здесь же пробито отверстие диаметром 2,5 мм для подвешивания пластинки (рис. 47, 2). На одной из ее сторон процарапаны 12 рунических знаков.¹¹¹ Серебряная монетовидная шестигранная подвеска (рис. 48, 14) имеет ближайшие аналогии в известном гнездовском кладе 1868 г., датируемом второй половиной X—рубежом X и XI вв. и содержащем значительное число вещей скандинавского происхождения.¹¹² Как полагает В. В. Седов, клад принадлежал богатому купцу.¹¹³

В слое обнаружено бронзовое звено поясной цепи, которое датируется XI—XIII вв. (рис. 48, 7).¹¹⁴ Найдены один деформированный и 4 целых бронзовых бубенчика со щелевидной прорезью (рис. 48, 16). Это наиболее многочисленный тип новгородских бубенчиков, распространенный с XI до начала XIV в.¹¹⁵ В. А. Мальм и М. В. Фехнер считают временем их наивысшего расцвета XII в.¹¹⁶

Височные кольца представлены тремя экземплярами: обломками двух ромбоштитковых колец (рис. 48, 20) и проволочным бронзовым бусинным кольцом, на котором сами бусы не сохранились (рис. 48, 12). Найдены также 3 бронзовых перстня: пластинчатый прямой (рис. 48, 21), ложновитой с разомкнутыми концами (рис. 48, 18) и с печаткой (рис. 48, 22). Подобные височные кольца и перстни были широко распространены в древнерусское время.¹¹⁷ Особым изяществом и мастерством исполнения отличается золотой перстенок, украшенный вставкой из светло-фиолетового стекла, которую с двух сторон окружают головки драконов (рис. 48, 23). В Новгороде почти аналогичный золотой перстень найден в слое 30—60-х гг. XII в.¹¹⁸ Золотые кольца с головками драконов у вставок были широко распространены в Западной Европе в XIII—XV вв. (Англия, Франция, Италия, Дания).¹¹⁹

В коллекции имеется бронзовая булавка с отверстием (рис. 48, 5), аналогичная булавкам группы В-12, по классификации Ю. Валлер, выполненной по материалам Бирки.¹²⁰ Несомненно, на связи со Скандинавией указывает находка бронзового навершия туалетного пинцета (рис. 48, 1). Оно состоит из центральной биконическо-усеченной части, двух многогранников и верхнего плоского ушка. Все элементы навершия орнаментированы. Полная аналогия представлена в Бирке (группа С-16, по классификации Ю. Валлер).¹²¹

Среди прочих находок имеются бронзовые спиральки, которыми расшивались ткани, обломок бронзового орнаментированного пластинчатого браслета (рис. 48, 13), бронзовое позолоченное украшение в виде лунницы, но без ушка для подвешивания (рис. 48, 17), 6 маленьких пуговиц из бронзы (рис. 48, 8), подобных бытовавшим в Новгороде с рубежа XI—XII до XV в.¹²²

Изделия из стекла, бусы. Наиболее многочисленную категорию предметов из стекла составляют обломки браслетов (92). К сожалению, стратиграфических данных для суждения об их хронологическом распределении нет.¹²³ Отметим также 2 вставки от перстней (овальная фиолетовая и плоская круглая синяя) и обломки стеклянных сосудиков. На одном из сосудиков молочно-матового стекла, расписанного золотом и принадлежащего к кругу стеклянных изделий византийского типа, с большим искусством изображена сюжетная сценка: хищный зверь, догоняющий зайца.

В культурном слое обнаружены 104 бусины, из которых одна бронзовая, 17 каменных, одна янтарная, а остальные — стеклянные. Бронзовая бочонковидная бусина украшена припаянными бронзовыми колечками (рис. 48, 9). В Новгороде точно такой экземпляр происходит из слоя рубежа XII—XIII вв.¹²⁴ Янтарная бусина имеет цилиндрическую форму. Подобные бусы появились в Ладоге в горизонте Д, т. е. в X в.¹²⁵ Этим же временем датируются первые находки изделий из янтаря в Новгороде, хотя янтарные бусы распространяются в городе в основном с XI в.¹²⁶

Среди каменных бусин имеются 5 сердоликовых (круглая, 2 четырнадцатигранные, многогранная и призматическая восьмигранная) и 12 хрустальных (3 круглые, полушаровидная, четырнадцатигранная, 2 эллипсоидные, 3 многогранные, 2 призматические). Одна круглая хрустальная бусина недошлюфована, и в ней отсутствует отверстие, вторая имеет неправильную форму.

Среди стеклянных бус преобладает рубленый бисер — 30 экз. (VIII группа, III подгруппа, по З. А. Львовой).¹²⁷ По цвету он распределяется следующим образом: желтый — 10, синий — 9, зеленый — 4, белый — 7. По форме большинство бисерин аналогично бисеру, получившему наибольшее распространение в конце IX—X в., и лишь 3 синие имеют форму «классического» бисера.¹²⁸ Здесь же следует упомянуть синюю стеклянную трубочку (VIII группа, V подгруппа, по З. А. Львовой).¹²⁹ Подобные бусы обычно сопутствуют рубленому бисеру и, по материалам Ладоги, их наибольшее число встречалось в X в.

Еще одну категорию бус составляют 7 серебростеклянных бусин (5 одночастных, двухчастная и многочастная) и золотостеклянная многочастная пронизка (VIII группа, I подгруппа, по З. А. Львовой).¹³⁰ Близкими по технике изготовления являлись бусины-лимонки (3 желтые, синяя, зеленая и прозрачная бесцветная) и двухчастная желтая пронизка (VIII группа, IV подгруппа, по З. А. Львовой).¹³¹

В коллекции имеются 2 бусины из заглуженного стекла печеночно-красного цвета бочонковидной формы (III группа, по З. А. Львовой),¹³² бусина из синего прозрачного стекла в форме куба со срезанными углами (IX группа, по З. А. Львовой).¹³³ Интересна темно-синяя призматическая восьмигранная бусина. Она относится к числу бус, вырезавшихся холодным способом и по форме подражавших каменным (VII группа, по З. А. Львовой).¹³⁴ В Ладоге такие по форме бусы не найдены, а, по Ю. Кальмеру, в Скандинавии темно-синие резные бусы встречаются в период 915—950 гг.¹³⁵

Довольно разнообразны бусы, входившие в IV группу, по З. А. Львовой:¹³⁶ круглые по форме из полупрозрачного серовато-голубоватого стекла (7), желтая, темно-зеленая и черная; зонные — желтые (2), молочно-белая, синяя и бесцветного стекла, а также заглуженного грязно-белого стекла, орнаментированная двумя пересекающимися волнистыми печеночно-красными полосками; рубчатая бусина синего стекла; цилиндрическая зеленая и бочонковидная

белая пастовая бусины; обломок бусины черного стекла с молочно-белыми полосками. Упомянем зонную пастовую бусину, состоящую из четырех разноцветных четвертей — белой, печеночно-красной, салатной и черной. И наконец, привлекает внимание крупная бусина черного стекла в виде полшара. Диаметр основания полшара 2 см, высота 0.9 см. Форма бусины очень редкая. Если бы не сквозное отверстие, то можно было бы предположить, что это стеклянная шашка.

Основной комплекс описанных бус в целом сопоставим с бусами горизонтов Е₁ и Д Ладоги, т. е. относящимися к периоду второй половины IX—X в. В коллекции из культурного слоя Городища есть также около десятка бусин времени позднего средневековья (пастовых, с поливой и т. д.).

Изделия из кости. Найдены двусторонний роговой наборный гребень типа К, по Б. А. Колчину, который бытовал в Новгороде в XII—первой половине XIV в. (рис. 49, 7),¹³⁷ и обломки еще двух двусторонних гребней, один из которых украшен циркульным орнаментом и безусловно относится к категории цельных (рис. 49, 8). Имеются также неорнаментированная узкая накладка от гребня с бронзовой заклепкой (рис. 49, 5), фрагмент одностороннего наборного гребня и маленький обломок еще одного гребешка.

Искусно сделан стерженек длиной 10 см (обломан) и диаметром 0.9 см, украшенный циркульным орнаментом и врезными линиями (рис. 50, 4). В коллекции есть булавка длиной 8.2 см с боковыми вырезами по сторонам в верхней части (рис. 50, 3), кольцо диаметром 2.9 см (рис. 50, 6) и обломок еще одного, 3 проколки, одна из которых с отверстием для подвешивания (рис. 50, 2). Маленький костяной заостренный предмет, возможно, также служил проколкой (рис. 49, 4). Найден так называемый «конек»,¹³⁸ 4 навершия рукоятей, в том числе с орнаментом в виде выпуклых поясков, перемежающихся с врезанными линиями (рис. 50, 1). Орнамент выполнен на токарном станке. Отличается тщательностью изготовления гарпун длиной 14.2 см с продольным желобком и тремя зубьями (рис. 49, 10).

Две плоские точеные шашки имеют диаметр 2.6 и 3.4 см и орнамент из концентрических линий (рис. 50, 7, 8). Подобные предметы обычны для средневековых слоев поселений Древней Руси.¹³⁹ Среди прочих находок из кости шахматная фигурка — пешка¹⁴⁰ (рис. 49, 2), медвежий клык с отверстием для подвешивания — амулет, пряслице (рис. 49, 9), небольшая лопаточка (рис. 49, 6), вертлюг (рис. 49, 1),¹⁴¹ 2 плоские отполированные фишки диаметром 1.6 и 2.4 см (рис. 49, 3) и еще одна фишка диаметром 3.1 см с небольшим отверстием в центре, видимо пуговица (рис. 50, 5). Роговой спил, встреченный в основании культурного слоя, свидетельствует, что косторезным ремеслом занимались здесь же на Городище.

Изделия из камня представлены прежде всего многочисленными и разнообразными по форме, в основном сланцевыми, оселками и их обломками (всего 72). У некоторых оселков есть отверстия для подвешивания, а в одном случае сохранилось металлическое кольцо, продетое в оселок (рис. 37, 13). На обломке маленького оселка имеется орнамент из четырех углублений.

Пряслиц из розового и серого шифера найдено 11 экз. Бытовали они длительное время, а в Новгороде пик их распространения приходится на середину XII в.¹⁴² Наибольший интерес представляет плоское пряслице из серого шифера в форме срезанного конуса, на котором прочерчены вертикальные знаки (рис. 63, 3). По заключению Ю. К. Кузьменко (Ленинградское отделение

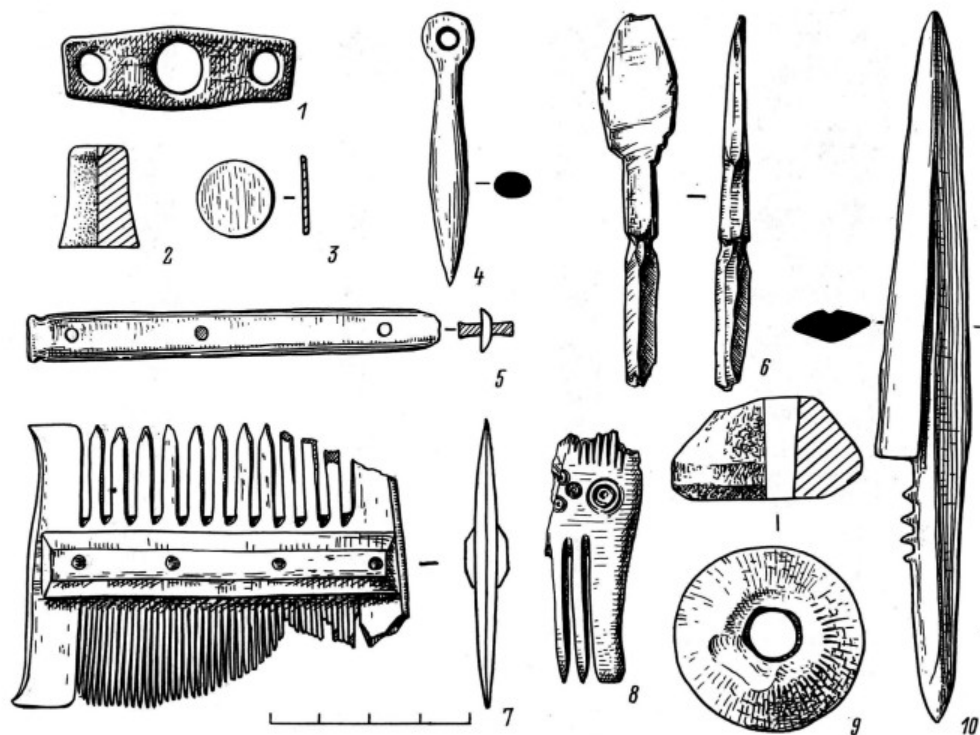

Рис. 49. Городище. Предметы из кости (1—10).

Института языкознания АН СССР), направление письма и отсутствие горизонтальных линий свидетельствуют о руническом характере надписи, а отдельные знаки полностью соответствуют рунам. Прочтение надписи в целом затруднительно, а всю совокупность знаков следует рассматривать как подражание рунической надписи.

Среди материалов имеются грузик с недосверленным отверстием, часть грифельной доски, 3 формочки для различных украшений (рис. 51, 2, 4, 5). Еще одна формочка предназначалась для отливки заготовок вислых свинцовых печатей (рис. 51, 3), но в древности она треснула и ее угол был скреплен бронзовой заклепкой. По числу найденных печатей Городище является признанной «сфрагистической сокровищницей» Древней Руси, теперь же в руки исследователей попало важнейшее материальное свидетельство той деятельности по утверждению официальных документов, которая осуществлялась в резиденции новгородских князей. Рассматриваемая формочка происходит из раскопок 1985 г., но, учитывая ее уникальность, я считаю необходимым опубликовать ее сейчас.

Изделия из железа вместе с уже рассмотренными предметами вооружения составляют самую массовую категорию находок в культурном слое раскопа. Среди них 3 навесных замка с поперечной ключевой щелью, 5 дужек и 18 ключей от таких же замков (рис. 53, 2—4). В Новгороде подобные замки были широко распространены с начала XII в.¹⁴³ Три ключа принадлежат навесным замкам

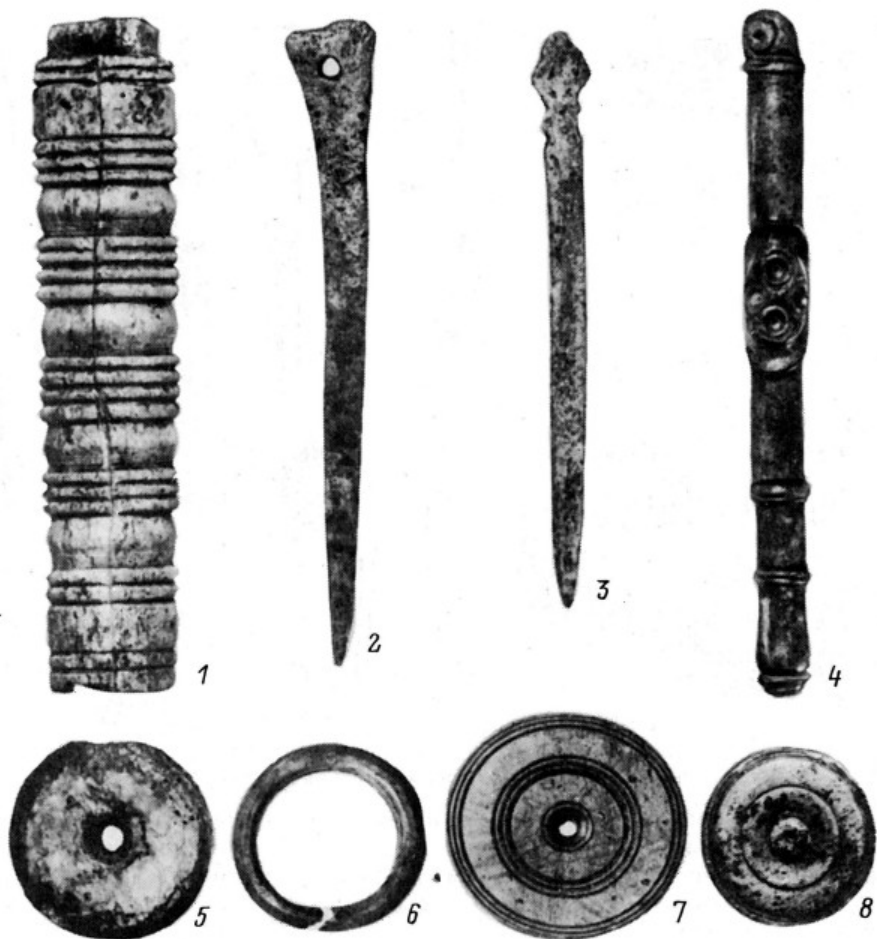

Рис. 50. Городище. Предметы из кости (1—8).

с продольной ключевой щелью типа А, по Б. А. Колчину, которые бытовали в Новгороде с X до середины XIII в. (рис. 53, 1).¹⁴⁴ Найдены 3 ключа от внутренних замков с «желудями», распространенными в Новгороде в X—XI вв. и вышедшими из употребления в начале XII в. (рис. 53, 5, 7),¹⁴⁵ а также втульчатый ключ от внутреннего замка второго типа первого варианта, по Б. А. Колчину (рис. 53, 6). Такие замки и ключи применялись с XI до первой половины XIII в.¹⁴⁶

К числу многочисленных находок относятся ладейные заклепки (35) и ножи (68). Среди последних выделяется нож с костяной рукояткой, украшенной серебряными обоймицами с позолотой и чернью и с колечком для подвешивания (рис. 52, 5). На обоймицах имеются растительный орнамент и изображение птицы. Расцвет черневого дела на Руси приходится на XII в., но в Новгороде предметы, выполненные в такой технике, единичны.¹⁴⁷ Вполне справедливо заметила Т. И. Макарова, оценивая новгородские находки, что они происходят

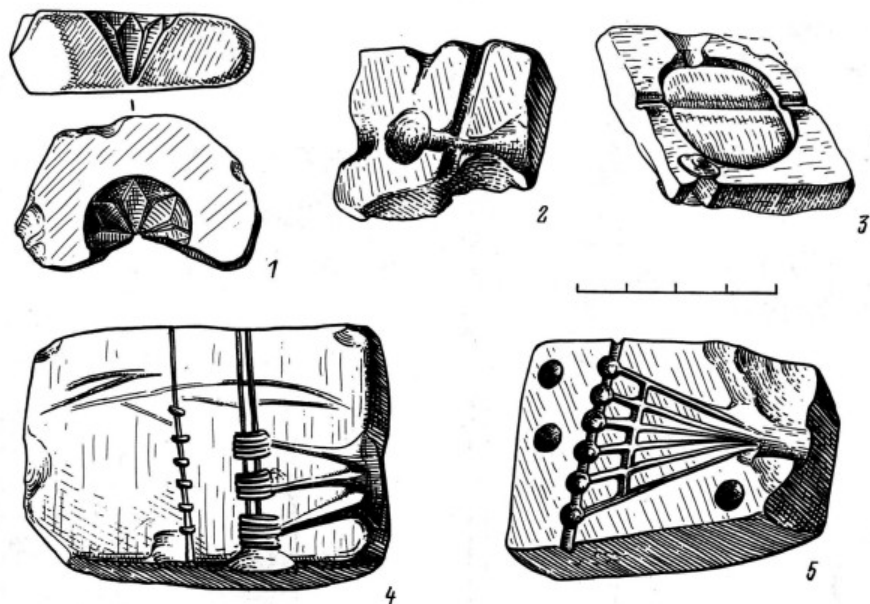

Рис. 51. Городище. Литейные формочки (1—5).

не из кладов, а из культурного слоя и являются предметами «быта городского населения», а «золотые и серебряные украшения новгородского производства, которые сигнализируют о деятельности мастерских высокого ранга, нам неизвестны».¹⁴⁸ В этой связи представляется не случайным, что нож с изыщной костяной рукояткой обнаружен в культурном слое именно резиденции новгородских князей. Он характеризует не быт горожан, а быт собственно княжеского окружения. Не исключено, что и сделана была рукоять в располагавшихся на Городище княжеских ремесленных мастерских.

Четырьмя экземплярами (обломки) представлены пружинные ножницы. В одном случае пружина украшена латунной орнаментированной накладкой, в другом — стержень и спинка режущего полотна инкрустированы латунными вставками (рис. 52, 1, 2). Подобные ножницы имели широкую дату бытования.

В раскопе найдено 7 различных кресал: 2 калачевидных (с язычком — X—XII вв. и без язычка — конец XI—середина XIII в.¹⁴⁹), 4 овальных (в Новгороде появились с начала XIII в.¹⁵⁰) и кресало с ажурным верхом (рис. 52, 3).

Среди прочих находок из железа пяточная часть косы, обломок шипцов, шилья, долотце, фрагменты ведерной дужки, различные кольца, пластины, скобочки, стерженьки и неопределимые части предметов. Железное писало имеет форму подчетыреугольной лопаточки с полукруглыми зубцами по краям (тип 4, по А. Ф. Медведеву) и может быть датировано второй половиной XI—первой половиной XII в.¹⁵¹ К этому же типу относится еще одно писало, сделанное из бронзы (рис. 48, 10). Среди бронзовых изделий имеются также пицет, обрывок цепочки, колечки кольчужки (рис. 48, 19), спиральки, стержень с перехватом посередине (рис. 48, 11), фишка-ромбик (0.6×1.2×1.4 см) с восьмью ямками на плоской грани (рис. 48, 4), трубочка с нарезками

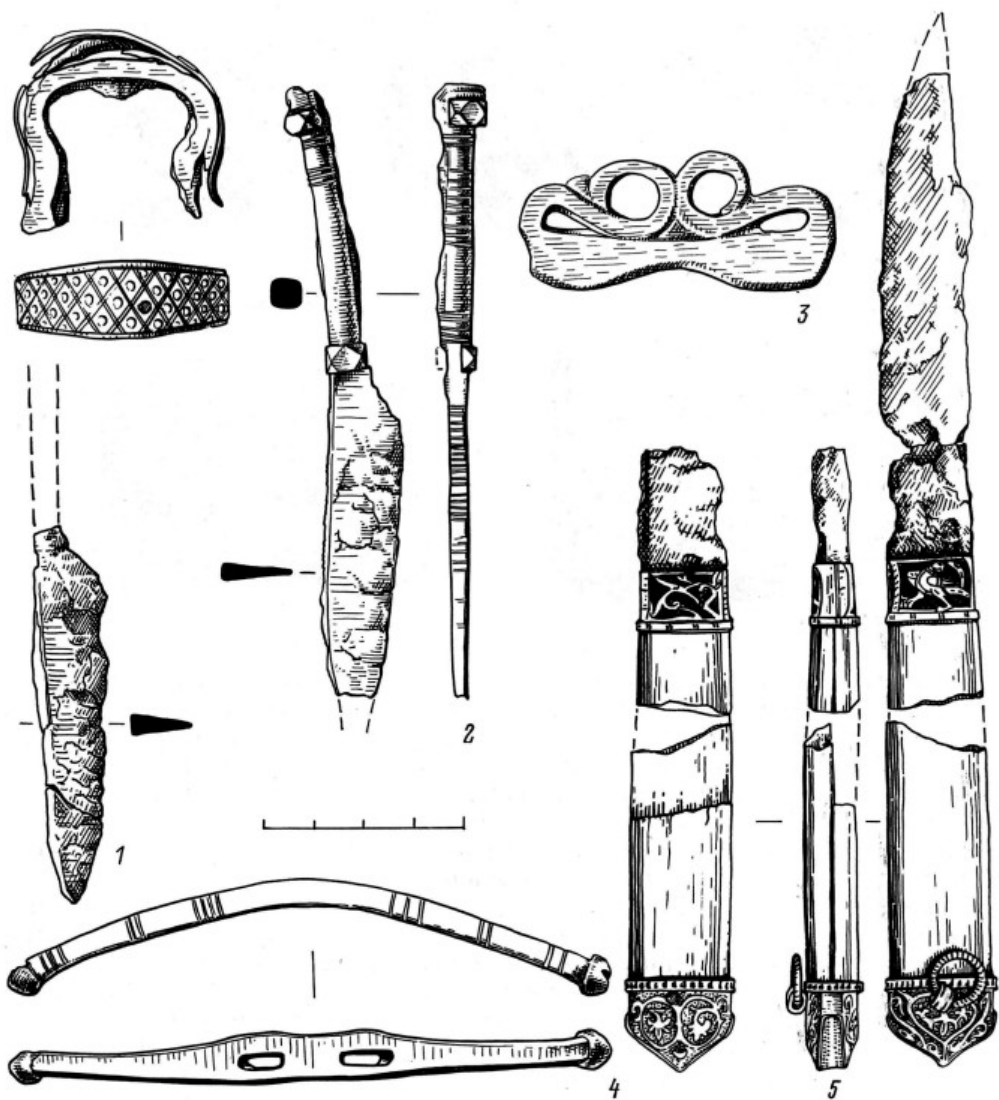

Рис. 52. Городище. Предметы из железа (1—4) и кости (5).

(рис. 48, 3), различные накладки (рис. 48, 15), обломки предметов неясного характера (рис. 48, 6). На раскопе найдены также 3 свинцовых грузика: плоский и 2 конических.¹⁵²

Изделия из глины. В коллекции представлены 15 пряслиц, 6 грузил от рыбацких сетей, 3 шарика, 25 обломков тигельков и 73 фрагмента дисков — грузил от вертикальных ткацких станков.¹⁵³ На нескольких из них имеется ямочный орнамент, на одном — орнамент из взаимопересекающихся линий. Глиняные

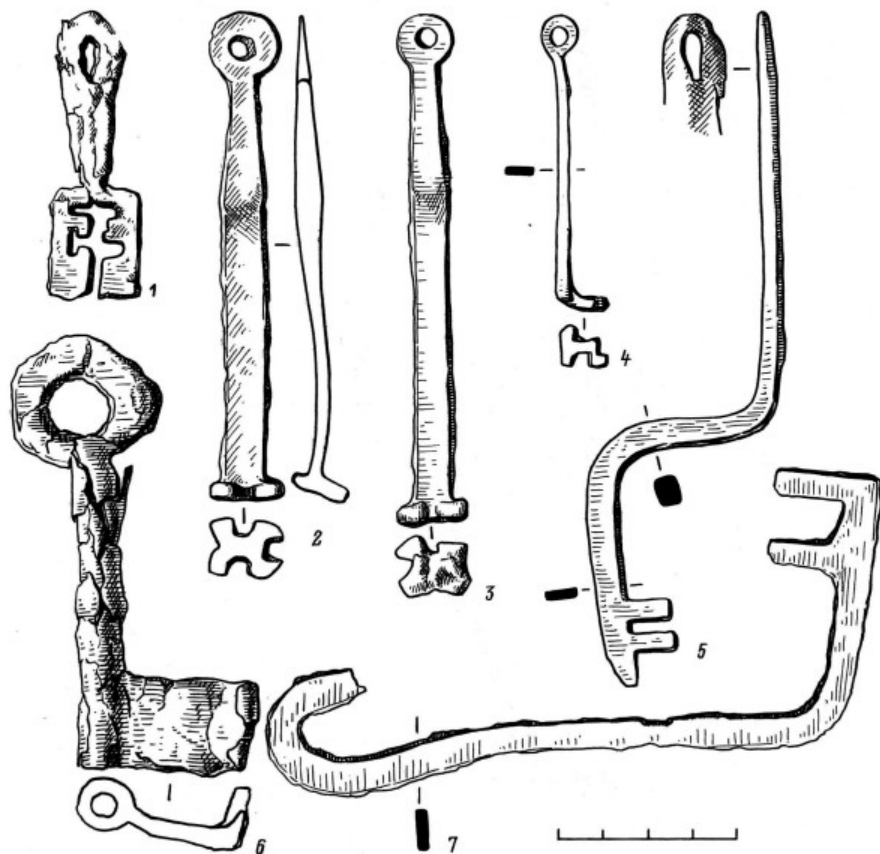

Рис. 53. Городище. Железные ключи (1—7).

диски встречены в основном на небольшом участке в восточной части раскопа (подробнее см. с. 110).

Керамика составляет основную массовую категорию находок на поселении, ею насыщены культурные отложения: это небольшое число обломков сосудов эпохи раннего металла (вторая половина II—первая половина I тыс. до н. э.), лепная посуда конца I тыс. н. э., гончарная керамика ранних форм и в основном гончарная керамика начиная с древнерусского времени вплоть до современной.

Остановимся более подробно на характеристике лепной керамики конца I тыс. н. э. Сосуды лепились ленточным способом из нескольких полос глины шириной 4—5, реже 6 см. Края венчиков приплюснены или округлены, иногда наблюдается их небольшое утолщение с внешней стороны. Толщина стенок 0.5—1 см. Днища плоские, поверхность их ровная, иногда заметна присыпка песка, толщина 0.8—1.5 см. При переходе к стенкам почти половина днищ имеет выступ с внешней стороны сосудов. У многих днищ толщина меньше у стенок и больше в центре.

Цвет керамики темно-серый или коричневый, иногда с черными пятнами. В тесте сосудов есть примеси дресвы, содержащей большое количество кварца

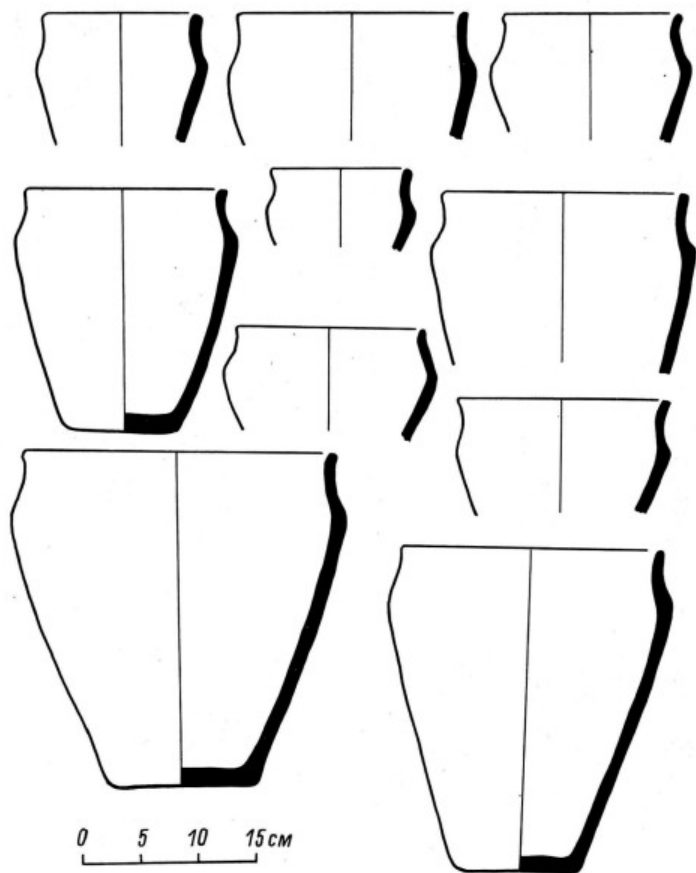

Рис. 54. Городище. Лепная керамика «ладожского типа».

и слюды, встречаются также примеси песка. На поверхности сосудов видны следы заглаживания, обычно горизонтальные по венчику и вертикальные по тулову. Несмотря на это, поверхность большинства горшков шероховатая, с выпирающими зернами дресвы.

Орнаментация не характерна для лепной керамики поселения. На единичных сосудах по плечу или краю венчика были нанесены пальцевые и ногтевые вдавления, насечки, отпечатки гребенчатого штампа. По плечу одного горшка проходил горизонтальный желобок (каннелюра), а на двух — в верхней части тулова — ломаная линия и волна.

Основную часть лепной керамики Городища составляют горшки. Большинство из них имеют средние размеры: диаметр венчиков 11—22 см, диаметр днищ — 8—14 см. По характеру профилировки верхних частей все горшки можно разделить на несколько видов и вариантов. Преобладают горшки, отличительной чертой которых являются четко выраженное плечико, часто ребро при переходе от горловины к тулову и выделенная шейка высотой 4—4.7 см, редко 6 см, т. е. равная ширине глиняной ленты, из которой лепились сосуды

(рис. 54). Толщина шейки обычно несколько меньше толщины стенок. Отдельные сосуды, различаясь некоторыми элементами, сохраняют указанный общий объединяющий принцип. Такая керамика определяет своеобразие керамического комплекса Городища. В литературе она обычно характеризуется как керамика «ладожского типа». Мы относим ее к первому виду.

Общие пропорции горшков первого вида, как показывает анализ целых сосудов с Городища и с поселений Поволховья и Поозерья, при тождественной профилировке верхних частей различны. Можно выделить шесть основных подвидов первого вида горшков (рис. 55).

1. Горшки, диаметр венчика которых равен высоте сосудов, а диаметр дна составляет 50—72 % диаметра венчика.

2. Горшки, диаметр венчика которых равен высоте, а диаметр дна составляет 40—50 % диаметра венчика.

3. Горшки, диаметр венчика которых составляет 80—95 % высоты, а диаметр дна — 50—70 % диаметра венчика.

4. Горшки, диаметр венчика которых составляет 80—95 % высоты, а диаметр дна — 40—50 % диаметра венчика.

5. Горшки, диаметр венчика которых составляет 105—120 % высоты, а диаметр дна — 40—60 % диаметра венчика.

6. Горшки, диаметр венчика которых составляет 100—110 % диаметра дна, а высота — 60—80 % диаметра венчика.

Ко второму виду относятся горшки со слабо намеченной, несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей к пологому плечу (рис. 56, 1—13). Большинство сосудов этого вида имеет наибольшее расширение на уровне плечиков, в то время как горло более сужено. По числу найденных обломков горшки второго вида занимают на Городище второе место.

К третьему виду мы относим горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой, суженным горлом и округлыми плечиками. Наибольшее расширение сосудов приходится на уровень плечиков (рис. 56, 14—16).

Кроме рассмотренных трех видов сосудов, которые поддаются определенной группировке, в коллекции поселения есть еще ряд горшков, представленных пока единичными экземплярами. Найдено также несколько мисок. Их диаметр равнялся 13.5—18 см и значительно превышал высоту. Единственная лепная сковорода имела диаметр 23 см, плоское дно толщиной 0.8 см и слегка отогнутый наружу бортик высотой 2 см.

Сравнение лепной керамики Новгорода, известной по публикациям Г. П. Смирновой,¹⁵⁴ с керамикой Городища показывает, что в Новгороде, как и на Городище, основную часть керамического комплекса составляют горшки средних размеров, с выделенной шейкой и четко выраженными плечиками, часто ребрами при переходе от горла к конически сужающемуся тулову. Эта керамика на основании различий в профилировке шейки разделена Г. П. Смирновой на три типа (II, III, V) с дальнейшим членением их на более мелкие группы.¹⁵⁵ Такая керамика Городища отнесена нами к первому виду. Использовать новгородскую классификацию керамики для материала Городища нельзя, поскольку Г. П. Смирнова излишне измельчила членение лепной керамики, разделив 194 венчика и 5 целых горшков на 8 типов, 3 вида и 22 варианта, и недостаточно учла тот факт, что лепные сосуды очень «индивидуальны» в деталях, нередко у одного и того же сосуда профилировка венчика с противоположных сторон различна.

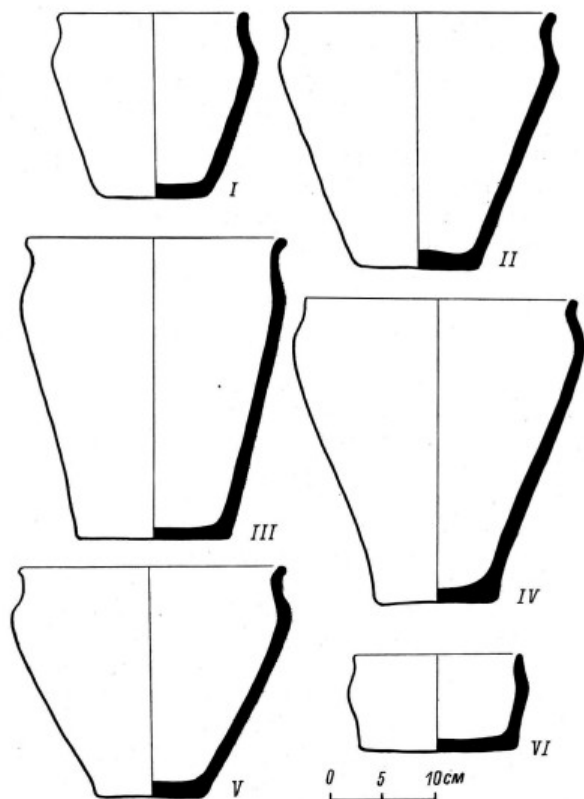

Рис. 55. Городище. Основные формы лепной керамики «ладожского типа» (I—VI).

В Новгороде найдены также и горшки со слабо отогнутой наружу шейкой и пологими плечиками, аналогичные керамике второго вида Городища (типы I, VI, по Г. П. Смирновой). В новгородской коллекции представлено 5 фрагментов от сосудов с короткой прямой шейкой и уступчиком при переходе к плечикам (тип V, по Г. П. Смирновой). Единичный обломок такого горшка обнаружен и на Городище. На обоих памятниках встречены близкие по форме миски и по одной сковородке.

Таким образом, по своему общему облику лепная керамика из нижних горизонтов Новгорода в целом тождественна лепной посуде Городища, и основная масса лепных сосудов обоих памятников представлена одинаковыми формами горшков.

Керамический комплекс Городища аналогичен комплексу керамики Старой Ладogi,¹⁵⁶ других поселений Поволховья (Холопий Городок,¹⁵⁷ Новые Дубовики,¹⁵⁸ Любша и Горчаковщина¹⁵⁹), ильменского Поозерья (Георгий,¹⁶⁰ Прость,¹⁶¹ Васильевское¹⁶²). Он чрезвычайно близок керамике поселения культуры сопок у д. Золотое Колено на р. Мсте.¹⁶³ Посуда «ладожского типа» присутствует среди материалов Городка на р. Ловати,¹⁶⁴ Пскова,¹⁶⁵ Изборска,¹⁶⁶ Тимеревского поселения,¹⁶⁷ ряда других пунктов лесной зоны Восточной Европы.

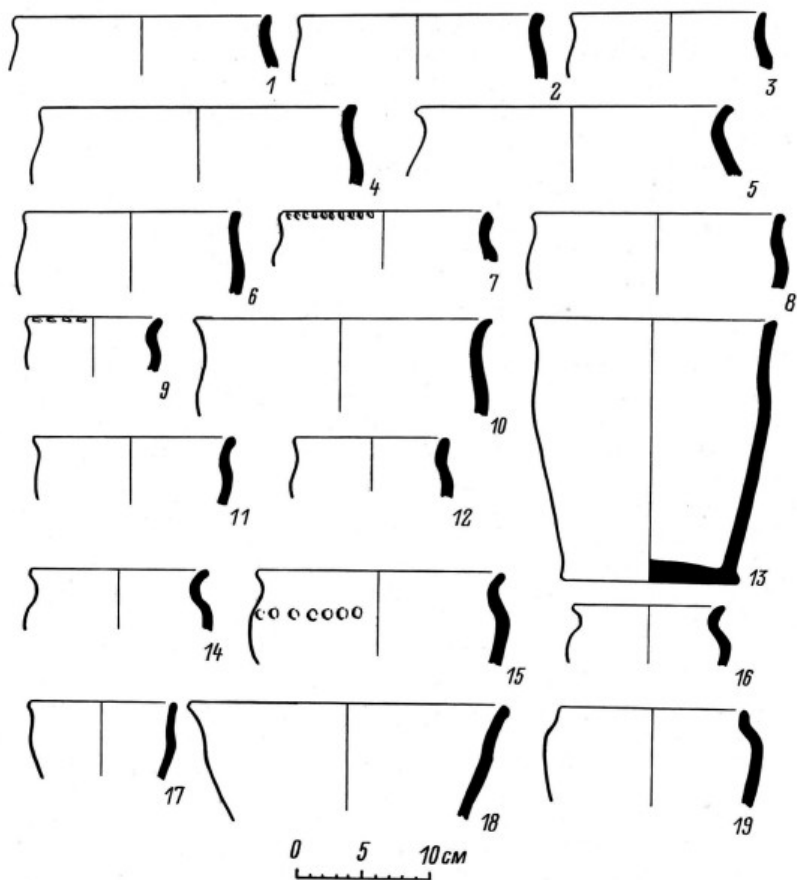

Рис. 56. Городище. Лепная керамика (1—19).

Известна она в незначительном количестве в Швеции.¹⁶⁸ Г. П. Смирнова указывает ей параллели среди керамики западнославянских памятников северной Польши, междуречья Эльбы и Одера.¹⁶⁹ Такого же мнения придерживается В. В. Седов.¹⁷⁰

Основную часть раннегончарной керамики Городища составляют обычные для X в. горшки с плавно отогнутой наружу шейкой, срезанным краем, покатыми плечиками и конусовидным туловом. Орнаментирована эта керамика горизонтальными и реже волнистыми линиями. Краткая характеристика раннегончарной керамики из наших раскопок на Городище приведена в работе В. М. Горюновой. Особо подчеркнем ее вывод о том, что часть раннегончарной посуды поселения находит аналогии среди керамики севера Польши и менкендорфской группы на севере ГДР.¹⁷¹

Многочисленна керамика древнерусского и более позднего времени. Однако из-за отсутствия на поселении четкой стратиграфии подробный анализ посуды не имеет смысла, притом, что всего в 2 км располагается Новгород, дающий прекрасный материал для изучения эволюции керамики. Отметим лишь, что

в городищенской коллекции присутствует значительное количество обломков амфор (появились в Новгороде в конце X в. и встречаются в слоях вплоть до середины XIII в.¹⁷²). Кроме того, обратим внимание на то, что керамические формы, характерные для XI в., из всей древнерусской посуды, собранной на центральном раскопе Городища, выражены наименее четко.

Итак, если в раскопанной части городищенного холма почти все углубленные в материк комплексы относятся к начальному этапу существования поселения — IX—X вв., то среди находок из культурного слоя преобладают находки древнерусского времени, почти всецело находящие аналогии в хорошо датированных слоях Новгорода.

Раскоп 1980 г. к юго-востоку от церкви Благовещенья. Раскоп площадью 48 кв. м располагался в 54 м к юго-востоку от церкви Благовещенья, на поле (рис. 4 и 57). Общая мощность культурного слоя составляла 0.6—0.8 м. Он представлял собой перемешанный серый гумус. Найдены позднесредневековые и современные предметы и керамика, а наряду с ними раннегончарная и лепная посуда, стеклянный браслет, 3 бусины из стекла (желтая зонная, круглая прозрачная и синяя бисерина), предметы из железа: 2 ножа, небольшой ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа (тип 46, по А. Ф. Медведеву; в Новгороде найдены в слоях X—XIII вв.¹⁷³) и шпора III типа, по классификации А. Н. Кирпичникова (рис. 43, 2). Ветви скобы оканчиваются прямоугольными петлями, ее сечение треугольное. Большая часть русских датированных находок шпор этого типа приходится на XII—первую половину XIII в.¹⁷⁴

В южной части раскопа исследован комплекс, состоявший из более углубленной части (глубина 0.4 м) размерами 0.8×1.2 м, уходившей в стенку раскопа, и более мелкой части (глубина до 0.15 м), примыкавшей к ней с запада (размеры 0.5—1.2×1.6 м). Заполнение обеих частей однородно — черный углистый гумус, в котором найдено около 60 фрагментов лепной керамики.

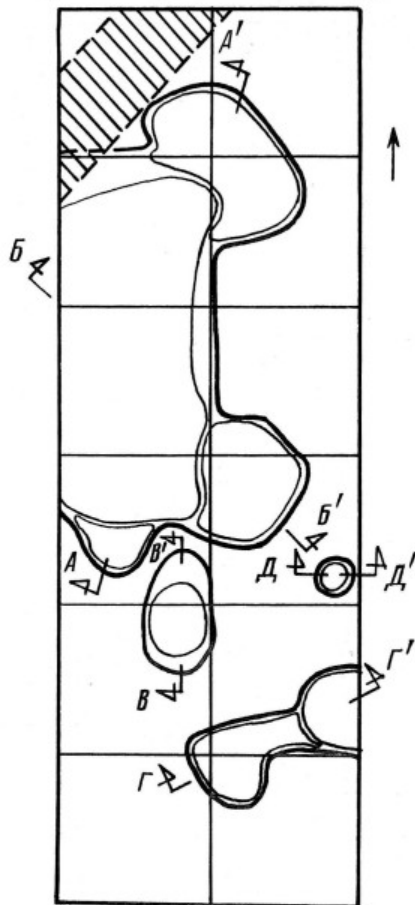
К северу от данного комплекса располагались столбовая ямка и овальная яма (0.95×1.6 м) глубиной 0.5 м. В ее заполнении встречены фрагмент лепного сосуда с ямочно-гребенчатым орнаментом, 3 обломка неорнаментированной и 6 фрагментов раннегончарной керамики, а также часть точильного камня.

В центре раскопа исследовано основание большой постройки, частично уходящей за пределы раскопа. Вскрытая часть имела прямоугольную в плане форму и была вытянута по линии север—юг. Ее размеры 2×5 м, глубина 1—1.2 м. Заполнение — серый гумус с включениями песка, глины, угля и извести. В верхней половине заполнения обнаружены обломки позднесредневековой посуды, древнерусской, раннегончарной и лепной керамики, железная пластина с крючком. В нижней части заполнения находок не было.

К северо-восточному углу постройки примыкала овальная яма (1.5×2.4 м) глубиной 0.4—0.5 м. В черном углистом гумусе ее заполнения найден фрагмент лепного горшка. К юго-восточному углу большой постройки также примыкала овальная яма диаметром 1.6 м и глубиной 0.3 м, в заполнении которой обнаружены 83 обломка древнерусской гончарной посуды, характерной для конца XI—XII в. С юга большая постройка соприкасалась с округлой ямой (0.8×1 м) глубиной 0.3 м. При ее разборке найдены 117 фрагментов древнерусской гон-

Рис. 57. Городище. Раскоп к юго-востоку от церкви Благовещенья. План, разрез и профили ям. 1 — дерн; 2 — материк; 3 — песок; 4 — серый гумус; 5 — черный гумус; 6 — известь; 7 — камни; 8 — уголь.

I II

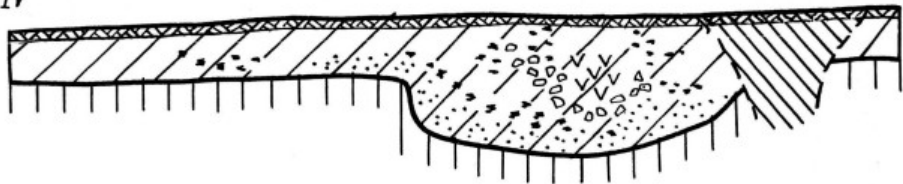

IV

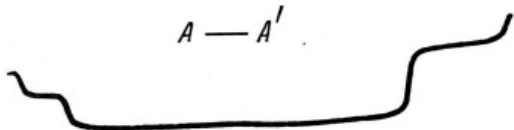
III

IV

I

A — A'

B — B'

б — б'

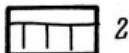
г — г'

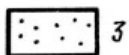
д — д'

1

2

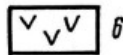
3

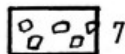
4

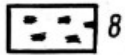
5

6

7

8

0 3M

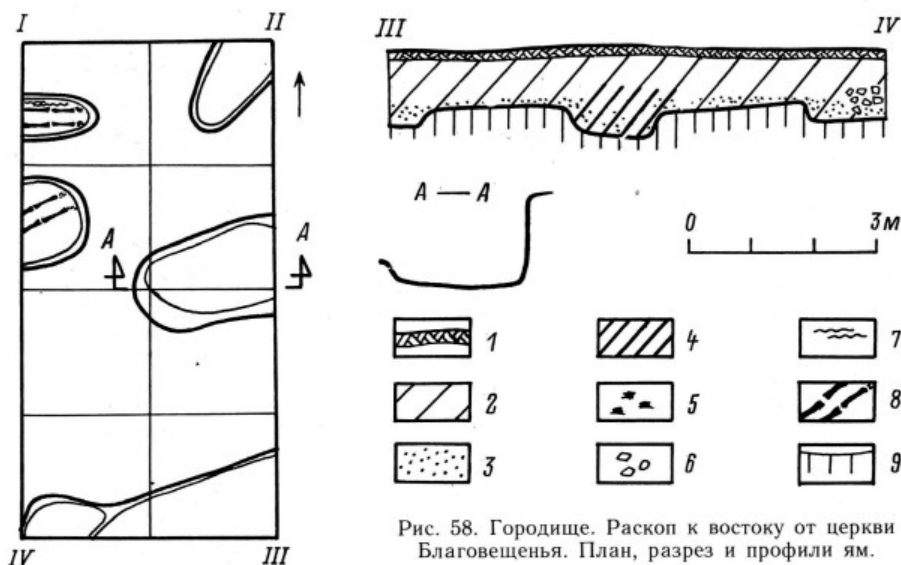

Рис. 58. Городище. Раскоп к востоку от церкви Благовещенья. План, разрез и профили ям.

I — дерн; 2 — серый гумус; 3 — песок; 4 — черный гумус; 5 — уголь; 6 — камни; 7 — древесный тлен; 8 — кости; 9 — материк.

чарной посуды, костяной крестик с отверстием для подвешивания, стеклянная желтая зонная бусина и часть бронзового бубенчика.

Итак, на исследованной площади к более раннему времени относятся яма, примыкающая с северо-востока к большой постройке, и комплекс в южной части раскопа. В них найдена только лепная керамика. Древнерусским временем датируются овальные ямы, примыкающие к большой постройке. Сама же она относится к более раннему периоду, поскольку на ее фоне выделялось заполнение упомянутых ям, но данных для уточнения хронологии нет.

Раскоп 1980 г. к востоку от церкви Благовещенья. Раскоп площадью 32 кв. м был заложен в 44 м к востоку от церкви, сразу за кладбищем, на краю пашни (рис. 4 и 58). Мощность культурного слоя составляла 0.8—1.1 м. Слой представлял собой перемешанный серый гумус, в котором в 0.2 м от материка отмечены интенсивные включения песка. Наряду с поздним материалом в нем найдены древнерусская и раннегончарная керамика, фрагменты лепных горшков, а также 2 стеклянных браслета, глиняное пряслице, сланцевый оселок и предметы из железа: кольцо, ледоходный шип, ладейная заклепка, ромбовидный наконечник стрелы новгородского типа (тип 46, по А. Ф. Медведеву; время распространения в Новгороде — X—XIII вв.)¹⁷⁵ и обломок еще одного черешкового наконечника, тип которого неопределим.

В материке были открыты 3 древних комплекса и части двух могильных ям, относящихся к кладбищу при церкви Благовещенья. Погребенные в могилах были ориентированы на запад и юго-запад. В одной из ям сохранились перегнившие остатки гроба и гвозди. Таким образом, ранее церковное кладбище занимало большую территорию, чем ныне.

В северо-восточном углу раскопа разобрано углубленное в материк на 0.3—0.4 м основание постройки (0.8—1.1 × 1.9 м), уходящее в стенку раскопа.

В заполнении находок не было. Комплекс в центре раскопа представлял собой углубленное на 0.5 м основание сооружения (1.5—1.6×2.2 м), также уходящее в стенку раскопа. Здесь найдены фрагменты лепной и раннегончарной керамики, бронзовая игла от фибулы длиной 14.8 см, стеклянная голубоватая биконическая бусина и обломок железного наконечника стрелы. Наконеч, часть еще одной постройки (глубина 0.4—0.5 м) вскрыта у южной стенки раскопа. В заполнении найдены разрозненные камни, обломки раннегончарной посуды и несколько фрагментов лепных горшков.

Для выяснения характера распространения культурного слоя на городищенском холме в 140 и 210 м к северо-востоку от церкви Благовещенья были заложены 2 шурфа. В шурфе № 1 (2×6 м) мощность культурного слоя составляла 0.8—0.9 м. Его верхняя часть (0.2—0.3 м) представляла собой темно-серый гумус, ниже шел слой светло-серого гумуса, который в 0.1 м над материком сменялся снова темно-серым гумусом. В юго-западном углу шурфа зафиксирована линза коричневой глины мощностью до 0.2 м. Слой в своей верхней части оказался значительно перемешанным.

В слое найдено большое количество гончарной керамики, которая датируется временем начиная с XIII в. и вплоть до наших дней. Основная масса посуды относится к XIV—XV вв. Помимо керамики, обнаружены свинцовая печать новгородского Совета господ — XIV в. (определение В. Л. Янина), 3 стеклянных браслета, зонная бусина желтого стекла, кусочки янтаря, 2 сланцевых оселка, глиняное пряслице, предметы из железа: 4 ножа, шило, обломок черешкового наконечника стрелы, 3 ледоходных шипа, овальное заостренное железное кресало с двумя отверстиями (бытовали в Новгороде с первой половины XII до первой половины XIV в.¹⁷⁶), а также несколько обломков неопределенных предметов из бронзы и железа.

В шурфе на фоне материка было выявлено большое темно-серое пятно гумуса, выходящее за пределы вскрытой площади. При его зачистке найдены гончарная керамика XIV—XV вв. и шиловидный железный наконечник стрелы квадратного сечения с простым упором (тип 90, по А. Ф. Медведеву). Подобные наконечники появились на рубеже нашей эры и употреблялись до XIV в. и позднее.¹⁷⁷ Открытый комплекс не разобрался.

Шурф № 2 (2×4 м) располагался поблизости от раскопа II 1934 г. М. К. Каргера. Мощность культурного слоя достигала здесь 1—1.2 м. Слой представлял собой однородный темно-серый гумус, в котором встречены отдельные камни, осколки битого кирпича, гончарная керамика, датирующаяся временем начиная с XIII в. и вплоть до наших дней. Особо обратим внимание на факт находки в предматериковых отложениях фрагмента венчика лепного сосуда. Кроме того, обнаружены тиунская печать Василька — XIV в. (определение В. Л. Янина), 14 обломков стеклянных браслетов, обломки двух бронзовых витых браслетов с петлями на концах (в Новгороде появились в XI в. и наиболее широко были в обиходе горожанок в XII—XIV вв.¹⁷⁸), часть литейной формочки для отливки свинцовых грузиков (рис. 51, 1), бронзовый наконечник пояса с остатками кожи, шиферное и глиняные пряслица, железный нож, железный ключ-отмычка от деревянной задвижки (в Новгороде найдены в слоях X—XIV вв.¹⁷⁹), а также обломки неопределенных предметов из бронзы и железа.

Шурфовка городищенского холма на значительном удалении к северо-востоку от церкви Благовещенья показала, что в основном культурный слой здесь дати-

руется временем начиная с XIII в., хотя находка фрагмента лепного сосуда свидетельствует, что тут могли быть участки, застроенные и в более ранний период. В этой части Городища необходимы дальнейшие исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога: (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 18. Рис. 7.
- ² *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 140.
- ³ *Давидан О. И.* Весовые гири Старой Ладоги // АСГЭ. 1987. Вып. 28. С. 125.
- ⁴ *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. Taf. 57; *Arrhenius B.* Bügel-fibeln // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 39—44. Abb. 6:1—5.
- ⁵ *Львова З. А.* Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. I // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 77, 78 (IV группа, I подгруппа).
- ⁶ *Корзункина Г. Ф.* Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 88, 93.
- ⁷ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 160, 162. Рис. 3.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 75.
- ¹⁰ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Вып. E1—36. С. 75. Тип 67.
- ¹¹ Там же. С. 38.
- ¹² *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. № 32. Рис. 138; *Лабуткина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф.* Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА. 1981. № 166. С. 72, 75. Рис. 3—13.
- ¹³ *Недошивина Н. Г.* Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 18, 51. Рис. 8—20.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 75.
- ¹⁶ *Седов В. В.* 1) Длинные курганы кривичей // САИ. 1974. Вып. E1—8. С. 35; 2) Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981. № 166. С. 8; *Носов Е. Н.* К вопросу о сложении погребального обряда длинных курганов // КСИА. 1984. № 179. С. 15.
- ¹⁷ *Конецкий В. Я., Носов Е. Н.* Загадки Новгородской округи. Л., 1985. С. 28.
- ¹⁸ *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода X—XV вв. М., 1981. С. 93 и сл.
- ¹⁹ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 72—73.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 65—70.
- ²² *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 161, 162. Рис. 3.
- ²³ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 165. Рис. 13—15, 16: 14—1.
- ²⁴ *Фехнер М. В.* Внешнеторговые экономические связи по материалам ярославских могильников // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 78. Рис. 45:17.
- ²⁵ *Мельникова Е. А., Носов Е. Н.* Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986. М., 1988. С. 210—222. Рис. 1.
- ²⁶ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 168; *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 83—88.
- ²⁷ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 161, 162. Рис. 3.
- ²⁸ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . С. 72, 73. Табл. 16:23.
- ²⁹ Там же. С. 78, 79. Табл. 30:71.
- ³⁰ *Фехнер М. В.* Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 67, 68. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- ³¹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . С. 74, 75.
- ³² Там же. С. 66, 67. Табл. 30:39.
- ³³ Там же. С. 71. Табл. 12:48.
- ³⁴ *Плетнева С. А.* От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 137—139, 141. Табл. 4. Рис. 36.
- ³⁵ *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 100—102. Рис. 1, 2:2.
- ³⁶ *Petersen J.* Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928. Fig. 27.
- ³⁷ Фотография фибулы опубликована: *Nosov E. N.* 1) New data on the Ryrík gorodishche near Novgorod // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 1987. IV. P. 77. Fig. 3:5; 2) Neue Forschungen über das Rjurikovo Gorodišče bei Novgorod // Das Altertum. Berlin, 1988. Bd 34. H. 3. S. 162. Abb. 3.
- ³⁸ *Jansson I.* Ovals spännbucklor: En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden. Uppsala, 1985. S. 46—57, 226—227.
- ³⁹ *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 193—199. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- ⁴⁰ *Фехнер М. В.* Внешнеэкономические связи. . . С. 77, 82.

- ⁴¹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . С. 82.
- ⁴² В 1985 г. было завершено полное исследование комплекса № 54. Это крупное, углубленное в материк на 0.35—0.85 м сооружение размерами 2.4—2.8 × 7 м, содержащее керамику первой половины II—второй половины I тыс. до н. э. Верхняя его часть была нарушена взрывом снаряда, что и обусловило наличие в заполнении некоторого количества разновременной посуды. Комплекс № 55 также имел в длину 7 м при ширине 1.95 м (вскрыт частично) и содержал малочисленную лепную керамику. По структуре песчанистого серого заполнения он аналогичен комплексу № 54.
- ⁴³ *Ляпушкин И. И.* Городище Новоторицкое // МИА, 1958. № 74. С. 205—208. Рис. 115.
- ⁴⁴ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода // МИА. 1963. № 123. С. 79—80.
- ⁴⁵ *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладogi // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 111—113. Рис. 2.
- ⁴⁶ *Давидан О. И.* Стратиграфия нижнего слоя старолadoжского городища и вопросы датировки // АСГЭ. 1976. Вып. 17. С. 106, 108. Рис. 1—4.
- ⁴⁷ *Гроздилов Г. П.* Дневник раскопок 1950 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1950, д. № 13, л. 89—91; Чертежи раскопок 1950 г. // Там же, д. № 83, л. 45.
- ⁴⁸ *Равдоникас В. И.* Отчет Старолadoжской экспедиции ЛОИА АН СССР 1959 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1959, д. № 45, л. 36, табл. 4, 28.
- ⁴⁹ Там же. Л. 35. Табл. 4, 25—1.
- ⁵⁰ Там же. Л. 36. Табл. 4, 26—2.
- ⁵¹ Там же. Л. 36. Табл. 28.
- ⁵² *Гроздилов Г. П.* Дневник раскопок 1950 г. Л. 63—64; *Равдоникас В. И.* Предварительный отчет о раскопках в Старой Ладoge в 1950 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 35, оп. 1, 1950, д. № 41, с. 18, табл. 22.
- ⁵³ *Равдоникас В. И.* Предварительный отчет. . . С. 18.
- ⁵⁴ *Давидан О. И.* Стратиграфия. . . С. 104 (постройка 6).
- ⁵⁵ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки. . . С. 79, 102, 108, 111—113, 115—117, 122. Рис. 38.
- ⁵⁶ Там же. С. 102, 122.
- ⁵⁷ Там же. С. 79, 112, 113, 115. Рис. 38, 42.
- ⁵⁸ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославом Дворище // НИС. 1938. Вып. III—IV. С. 207. Рис. 38. Ср.: *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа в IX—X вв. в свете новейших археологических данных: (К вопросу о возникновении Новгорода) // НИС. 1984. Вып. 2(12). С. 25—28.
- ⁵⁹ *Носов Е. Н.* 1) Отчет о работе Старолadoжского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1972 г. // Архив ИА АН СССР. Р—I. № 4862. С. 4—12. Рис. 5, 6, 9—23; 2) Поселение у волховских порогов // КСИА. 1976. № 146. С. 77.
- ⁶⁰ *Носов Е. Н.* Отчеты о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1974 и 1975 гг. // Архив ИА АН СССР. Р—I. № 5895 и 5994.
- ⁶¹ *Ляпушкин И. И.* 1) Новое в изучении Гнездова // АО 1967 г. М., 1968. С. 43. Фот.; 2) Гнездово и Смоленск // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 36.
- ⁶² *Дубов И. В.* Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 150—187 и планы раскопок.
- ⁶³ *Томсинский С. В.* 1) Постройки Тимеревского поселения // *Дубов И. В.* Северо-восточная Русь. . . С. 188—191, 246. Рис. 48; 2) О двух типах построек тимереvского селища // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 118—123. Только догадка позволяет на факте открытия ямы от массивного столба реконструировать, как это делает автор, постройку в виде амбара на столбе и предполагать, что владелец его часто бывал в отъездах; только догадка позволяет на факте открытия ям от четырех столбов вокруг большой ямы реконструировать срубную постройку с подпольной ямой. Приведенные примеры легко умножить, но это вряд ли имеет смысл.
- ⁶⁴ *Потин В. М.* Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 132.
- ⁶⁵ *Потин В. М.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды ГЭА. 1981. Т. XXI. С. 80 и сл.
- ⁶⁶ *Медведев А. Ф.* Оружие Новгорода Великого. С. 153.
- ⁶⁷ *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 129.
- ⁶⁸ *Седова М. В.* Ярополч Залесский. М., 1978. С. 103.
- ⁶⁹ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. . . С. 56.
- ⁷⁰ *Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // СГЭ. 1978. № 43. С. 36, 37. Только втульчатые двушипные наконечники стрел с Троицкого городища под Москвой были датированы гораздо более ранним временем — II в. н. э. (*Крис Х. И.* Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища // МИА. 1970. № 156. С. 162, 164. Табл. 10, 50, 51). Упомянув эту «уникальную» находку, Р. С. Минасян поставил вопрос, не произошло ли при раскопках ошибки (*Минасян Р. С.* Втульчатые двушипные наконечники. . . С. 55). В 1982 г. И. Г. Розенфельд, детально рас-

- смотрев стратиграфию залегания анализируемых наконечников стрел с Троицкого городища, сочла возможным датировать их VIII—X вв. (*Розенфельд И. Г. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв. М., 1982. С. 125—127*).
- ⁷¹ *Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 161. Тип 1.*
- ⁷² *Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . С. 56, 57.*
- ⁷³ Там же. С. 67, 68.
- ⁷⁴ Там же. С. 63, 64.
- ⁷⁵ Там же. С. 62; *Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 164. Табл. 9 (36, 37).*
- ⁷⁶ *Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . С. 74, 75.*
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Там же. С. 72; *Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 167. Рис. 13:26.*
- ⁷⁹ *Медведев А. Ф. 1) Ручное метательное оружие. . . С. 75, 76; 2) Татаро-монгольские наконечники стрел в Восточной Европе // СА. 1966. № 2. С. 55, 56. Рис. 1, 2.*
- ⁸⁰ *Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . С. 81.*
- ⁸¹ Там же. С. 79.
- ⁸² Там же. С. 84.
- ⁸³ Там же. С. 83.
- ⁸⁴ Там же. С. 82. Табл. 21:24; *Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 158. Табл. 10 (101, 118).*
- ⁸⁵ *Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. . . С. 82. Табл. 21:25, 45; 30:80.*
- ⁸⁶ Там же. С. 85. Табл. 21:37.
- ⁸⁷ Там же. С. 81. Табл. 19:10.
- ⁸⁸ *Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. 1966. Вып. Е1—36. С. 15—16.*
- ⁸⁹ Там же. С. 16, 94, 95. № 486—556.
- ⁹⁰ Там же. С. 38—40; *Колчин Б. А. Хронология. . . С. 163. Рис. 4.*
- ⁹¹ *Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. 1973. Вып. Е1—36. С. 63, 64.*
- ⁹² Там же. С. 13. Рис. 5:10.
- ⁹³ Там же. С. 79—82.
- ⁹⁴ Там же. С. 76, 77. Рис. 43:10; *Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) // МИА. 1959. № 65. С. 107, 108. Рис. 96-Б; Никольская Т. Н. Земля вятчей. М., 1981. С. 258. Рис. 96:9.*
- ⁹⁵ Фотография накладки опубликована: *Nosov E. N. 1) New data on the Ryrik gorodishche. . . P. 77. Fig. 3:2; 2) Neue Forschungen. . . S. 162. Abb. 4.*
- ⁹⁶ *Wilson D., Klindt-Jensen O. Viking art. London, 1966. Pl. XXVII-i.*
- ⁹⁷ *Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Taf. 28:6; Text. Stockholm, 1943. S. 223. Abb. 183—49.*
- ⁹⁸ *Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. Т. 28. С. 39. Табл. II: 2, 3.*
- ⁹⁹ *Дубов И. В. Северо-Восточная Русь. . . С. 226. Рис. 29:7. И. В. Дубов охарактеризовал данную находку как обломок «фибулы в виде звериной маски».*
- ¹⁰⁰ Фотографии фибул опубликованы, см.: *Nosov E. N. 1) New data on the Ryrik gorodishche. . . P. 77. Fig. 3:4; 2) Historical ties between the population of the Novgorod Land Centre and the Baltic countries in the 9th—10th centuries // Fenno-Ugri et Slavi. 1983. Helsinki, 1984. P. 148. Fig. 1:1.*
- ¹⁰¹ *Petersen J. Vikingetidens smykker. S. 78.*
- ¹⁰² *Aagård G.-B. Gleicharmige Spangen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 98, 100, 106—107. Abb. 11:1.*
- ¹⁰³ *Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа. С. 191 и сл.*
- ¹⁰⁴ *Спицын А. А. Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 62. Рис. 105.*
- ¹⁰⁵ *Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 159, 161. (Труды ГИМ. Вып. 43); Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 86.*
- ¹⁰⁶ *Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 86.*
- ¹⁰⁷ Там же. С. 89—92.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 144, 145. Рис. 56:7, 8.
- ¹⁰⁹ Фотография опубликована, см.: *Nosov E. N. New data on the Ryrik gorodishche. . . P. 77. Fig. 3:3.*
- ¹¹⁰ *Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Taf. 92:8; Bau F. Selser og slæb i vikingetid: Birkas kvindedragt i nyt lys // Kuml. 1981. Højbjerg, 1982. Fig. 3.*
- ¹¹¹ *Мельникова Е. А., Носов Е. Н. Амулеты с рунической надписью. . . С. 210—222. Рис. 2.*
- ¹¹² *Гущин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. Табл. IV—19, 25; Корзухина Т. Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л., 1954. С. 22, 23.*
- ¹¹³ *Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 249, 250. Рис. 15 и вклейка между с. 96 и 97.*
- ¹¹⁴ *Selirand J. Eestlaste matmiskombed vara-feedaalsete subete tärkamise perioodil (11—13 sajand). Tallinn, 1974. Lk. 133. Tah. XIX—12; Deemant K. 1) Über die Ausgrabungen des Steigräberfelds von Proosa // Изв. АН ЭССР. 1978. № 27. С. 82. Taf. IX—16; Jungeisenzeitliche Funde aus Proosa // Изв. АН ЭССР. 1983. № 32. С. 329. Taf. XXXIV—8.*
- ¹¹⁵ *Седова М. В. Ювелирные изделия. . . С. 156; Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. // МИА. 1963. № 117. С. 244.*

- ¹¹⁶ *Мальм В. А., Фехнер М. В.* Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. (Труды ГИМ. Вып. 43). С. 137.
- ¹¹⁷ *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 9, 13, 130, 137.
- ¹¹⁸ Там же. С. 140, 141. Рис. 55.
- ¹¹⁹ *Dalton O. M.* Franks Bequest Catalogue of the finger rings. London, 1912. P. 165, 257 (N 1027, 1028, 1820); *Oman C. C.* Catalogue of rings. London, 1930. P. 67. Pl. XI (N 259, 260); *Ward A., Cherry J., Gere Ch., Cartledge B.* The ring from antiquity to the twentieth century. London, 1981. P. 64. (N 125). Несколько аналогичных колец находится в экспозиции II отдела (средневековая археология) в Национальном музее Дании в Копенгагене.
- ¹²⁰ *Waller J.* Nadeln / Pfieme und Pinzetten // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 184—186. Abb. 20:12.
- ¹²¹ Ibid. S. 184—186. Abb. 20:16.
- ¹²² *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 155.
- ¹²³ Подавляющее большинство браслетов из Новгорода относится к 30-м гг. XII—середине XIV в., а их расцвет падает на 30—70-е гг. XIII в. (*Полубояринова М. Д.* Стекланные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. № 117. С. 170).
- ¹²⁴ *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 154, 155. Рис. 61:1.
- ¹²⁵ *Давидан О. И.* Янтарь Старой Ладоги // АСГЭ. 1984. Вып. 25. С. 118—121.
- ¹²⁶ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 170; *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978. С. 38, 39.
- ¹²⁷ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 86—88.
- ¹²⁸ Там же. С. 86, 87; Ч. II. С. 96, 97.
- ¹²⁹ Там же. Ч. I. С. 90.
- ¹³⁰ Там же. С. 82—85.
- ¹³¹ Там же. С. 88—89.
- ¹³² Там же. С. 72—73.
- ¹³³ Там же. С. 90, 91.
- ¹³⁴ Там же. С. 82.
- ¹³⁵ *Callmer J.* Trade beads and bead trade in Scandinavia ca. 800—1000 A. D. // Acta archaeologica lundensia. Series in 4°. Nr. 11. Lund., 1977. P. 90. Bead group Qa.
- ¹³⁶ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . Ч. I. С. 73—80.
- ¹³⁷ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 166. Рис. 5.
- ¹³⁸ *Давидан О. И.* Изделия из рога и кости Старой Ладоги как исторический источник // Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1974. С. 10.
- ¹³⁹ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне на Белом озере: X—XIII вв. М., 1973. С. 107, 173. Рис. 38:4, 11; *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 232, 235. Рис. 45:10.
- ¹⁴⁰ *Колчин Б. А., Рыбина Е. А.* Раскоп на улице Кирова. С. 235. Рис. 45:8, 9; *Рыбина Е. А.* Шахматы на Руси: (О типологии шахматных фигур) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докладов Всес. конф. М., 1987. С. 217, 218.
- ¹⁴¹ *Голубева Л. А.* Вещь и славяне. . . С. 107. Рис. 38—22, 23; *Даркевич В. П.* Раскопки на южном городище Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 44. Рис. 24:7.
- ¹⁴² *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 174. Рис. 9.
- ¹⁴³ Там же. С. 160, 162. Рис. 3.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 161, 162. Рис. 3.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ *Макарова Т. И.* Черноевое дело Древней Руси. М., 1986. С. 119, 122; *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 178.
- ¹⁴⁸ *Макарова Т. И.* Черноевое дело. . . С. 122.
- ¹⁴⁹ *Колчин Б. А.* Хронология. . . С. 163. Рис. 4.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ *Медведев А. Ф.* Древнерусские писала X—XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 73, 76. Рис. 2:1.
- ¹⁵² *Седова М. В.* Ювелирные изделия. . . С. 156—158.
- ¹⁵³ *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски. . . С. 109—115.
- ¹⁵⁴ *Смирнова Г. П.* 1) Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 3—10; 2) К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 165—171.
- ¹⁵⁵ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика. . . С. 4—8. Рис. 2, 3.
- ¹⁵⁶ *Станкевич Я. В.* 1) Керамика нижнего горизонта Старой Ладоги // СА. 1950. Т. XIV. С. 187—212; 2) Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. 1951. Т. XV. С. 219—246; *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. Т. XIV. С. 164, 167. Рис. 19; *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге: (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 36, 65, 66. Рис. 9, 25, 26.
- ¹⁵⁷ *Носов Е. Н., Плохов А. В.* Поселение Холопий Городок под Новгородом // КСИА. 1989. Вып. 195. С. 36—38. Рис. 2.
- ¹⁵⁸ *Носов Е. Н.* Поселение у волховских порогов // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 77, 78. Рис. 1.
- ¹⁵⁹ *Петренко В. П., Шитова Т. Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога:

- Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 185—189. Рис. 3.
- ¹⁶⁰ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. 1962. Вып. 10. С. 165—167. Рис. 3, 4.
- ¹⁶¹ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 130—137. Рис. 3—5.
- ¹⁶² Раскопки Е. Н. Носова 1985—1989 гг.
- ¹⁶³ Раскопки Е. Н. Носова 1974—1975 гг.
- ¹⁶⁴ Горюнова В. М. Новое в исследовании «Городка» на Ловати // КСИА. 1974. Вып. 139. С. 76, 77. Рис. 24.
- ¹⁶⁵ Белецкий С. В. Культурная стратиграфия Пскова: (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. 1979. Вып. 160. С. 6, 7. Рис. 3.
- ¹⁶⁶ Седов В. В. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 64. Рис. 1.
- ¹⁶⁷ Седых В. Н. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 116. Тип. 5.
- ¹⁶⁸ Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Taf. 244; Selling D. Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955. S. 13. Fig. 1; S. 226. Fig. 63; Taf. 43:4; 44:1, 2.
- ¹⁶⁹ Смирнова Г. П. К вопросу о датировке... С. 167.
- ¹⁷⁰ Седов В. В. 1) Лепная керамика... С. 64; 2) Восточные славяне... С. 64.
- ¹⁷¹ Горюнова В. М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 39—45.
- ¹⁷² Рыбина Е. А. Археологические очерки... С. 26—29. Рис. 2.
- ¹⁷³ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 67, 68.
- ¹⁷⁴ Кирпичников А. Н. снаряжение всадника... С. 61, 65, 66. Рис. 37.
- ¹⁷⁵ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 67, 68.
- ¹⁷⁶ Колчин Б. А. Хронология... С. 163. Рис. 4.
- ¹⁷⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие... С. 83.
- ¹⁷⁸ Седова М. В. Ювелирные изделия... С. 94.
- ¹⁷⁹ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... С. 86, 89. Рис. 72:3, 4.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДИЩА: ХРОНОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОБЛИК, ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

бзор результатов работ, проводившихся на Городище начиная с 1901 г., и материалов раскопок последнего десятилетия позволяет сформулировать основные археологические выводы, которые могут быть исходными для общей исторической оценки Рюрикова городища, его места в процессе становления Новгорода и в истории Северной Руси в целом.

Прежде всего остановимся на одном из наиболее принципиальных вопросов истории Городища — на времени его возникновения, поскольку почти вплоть до наших дней основание поселения в истоке Волхова в конце I тыс. н. э. ряд исследователей отрицали.

Особое значение имеет небольшая серия дендрохронологических дат, полученных для хозяйственных сооружений — хлебных наружных печей, стоявших в месте перехода от городищенского холма к мысу. Изучение дерева из раскопок провела Н. Б. Черных. Абсолютные привязки кривых роста были осуществлены путем перекрестного сопоставления с графиками погодичного прироста стволов из Новгорода (26—27-й ярусы мостовых Черницыной улицы) и Ладоги. Установлено, что исследованный участок Городища был застроен на рубеже IX—X вв. (конечные точки абсолютной городищенской дендрошкалы 820—948 гг.).¹ Однако жизнь на поселении началась раньше, что подтверждается, во-первых, использованием для строительства деревьев, срубленных в 889, 896 и 897 гг., и, во-вторых, стратиграфически — наличием под датированными комплексами культурных отложений. Одна дата — 900 г. — получена для вымостки на южном берегу Сиверсова канала, под которой зафиксирован культурный слой толщиной 0,2 м. Таким образом, данными дендрохронологии доказано существование построек в низменной, мысовой части Городища в последние десятилетия IX в.

В настоящее время в нашем распоряжении, к сожалению, есть лишь одна датировка ранних слоев поселения по радиоуглероду. Уголь из заполнения рва, окружавшего центральную часть городищенского холма, дал дату 790 ± 20 г. н. э.² Ее калибровка, по М. Стюверу и Г. В. Пирсону, показала, что абсолютный возраст образца составляет 880 ± 20 г. н. э.³ Итак, можно с уверенностью говорить о заплывании рва в последней четверти IX в. и о его сооружении ранее этого времени.

К сожалению, на вершине холма в истоке Волхова дерево не сохраняется. Для уточнения датировок здесь крайне важны нумизматические находки. Прежде чем суммировать их, подчеркну, что, как принято считать в современной нумизматической литературе, в периоды интенсивного притока монет младшая монета клада с достаточной точностью определяет время его закрытия, а разрыв

между датой чеканки монеты и временем ее попадания в культурный слой, если речь идет о находке отдельной монеты, сравнительно невелик.⁴

На центральном раскопе найдены 2 кладика восточных монет IX в. Оба они происходят из заполнения комплексов и датируют последние. В первом случае клад конца 860-х гг. был открыт в углу постройки (комплекс № 1) под слоем угля — остатками сгоревших и рухнувших перекрытий. Его находка свидетельствует, что данная постройка была сооружена ранее конца 860-х гг., когда в нее попал клад. Во втором случае кладик конца 850-х гг. находился «во взвешенном состоянии» в заполнении основания комплекса № 17, т. е. оказался там, когда постройка была уже заброшена.

Помимо кладов, в заполнении сооружений и в культурном слое обнаружены 7 дирхемов и их обломков, относящихся к концу VIII—IX в., а также 2 византийские монеты IX в., чеканенные при императорах Феофиле (829—842 гг.) и Василии I (867—886 гг.). Ряд восточных монет этого времени имеется среди подъемного материала с Городища, в том числе редкая хорезмийская серебряная монета, отчеканенная при хорезмшахе Азкакваре в последней четверти VIII в.⁵ Эти нумизматические материалы, прежде всего клады, отодвигают время существования ряда построек Городища к середине IX в.

Прочие находки подтверждают такую датировку. Важными для хронологических выводов являются обнаруженные равноплечные фибулы типа 58, по Я. Петерсену, время бытования которых, как установлено скандинавскими исследователями, не выходило за пределы IX в. При раскопках в культурном слое Городища встречены 2 такие фибулы (рис. 44, 5, 6), обломок еще одной происходит из коллекции подъемного материала (рис. 62, 4).

В заполнении комплекса № 52 найдена скорлупообразная фибула типа 37, по Я. Петерсену (рис. 45, 1). Как показывают работы Я. Петерсена и И. Янссона, фибулы типа 37₁₁ в основном были распространены во второй половине IX в., хотя бытовали несколько шире. В том же комплексе № 52 указанная фибула встречена вместе с бронзовым салтовским перстнем, относящимся к I типу, по классификации С. А. Плетневой, и датируемым концом VIII—первой половиной IX в. (рис. 37, 4). Подобный перстень обнаружен в Ладоге в слоях второй половины IX в. Сочетание скорлупообразной фибулы типа 37₁₁ и салтовского перстня позволяет достаточно уверенно говорить о том, что сама постройка, где они были обнаружены, несомненно, существовала во второй половине IX в.

Весь комплекс стеклянных бус Городища и по составу бус, и по количеству бус разных типов древнее известного сейчас комплекса бус Новгорода, нижней хронологической границей которого являются 30—40-е гг. X в., и сопоставим с ладожскими бусами горизонтов E₁ и D. По дендрохронологическим данным раскопок 1973—1975 гг., горизонт E₁ был датирован Н. Б. Черных началом 860-х гг. — концом IX в., а сооружения горизонта D — первой половиной X в.⁶ По новым материалам исследований 1981—1985 гг., горизонт E₁ отнесен ко второй половине 860-х—920-м гг., а раскопанные постройки горизонта D — к 920—960-м гг.⁷ Детали ладожской хронологии, конечно, будут уточняться, но несомненно, что общие хронологические границы горизонтов E₁ и D — это середина IX—X в.

Наконец, остановимся на вопросе датировки комплексов Городища, содержащих исключительно лепную керамику. В этой связи первостепенное значение имеет установление времени появления гончарного круга. Уже сейчас процесс

смены типов посуды в Поволховье по материалам многослойных поселений, имеющих дендрохронологические даты — Новгорода, Ладоги, Городища, — вырисовывается достаточно четко, несмотря на некоторые специфические особенности, характерные как для каждого из этих памятников, так и для их отдельных частей.

Судя по материалам Неревского раскопа Новгорода, процесс смены лепной керамики гончарной практически завершился в городе к середине X в., хотя лепная посуда в небольшом количестве использовалась весь X в. По данным, опубликованным Г. П. Смирновой,⁸ ясно, что в доярусном слое этого раскопа лепная керамика составляла 4.21% от общего числа посуды, на уровне 28-го яруса (953 г.) — 3.68%, на уровне 27-го яруса (972 г.) — 1.49%, на уровне 26-го яруса (989 г.) — 0.42%. Близкая картина наблюдалась при новых исследованиях в Людином конце Новгорода. Здесь, на Троицком VIII раскопе, на площади 600 кв. м в слоях 950—960-х гг. зафиксировано лишь 62 фрагмента лепных горшков при полном господстве гончарной керамики, а в более поздних отложениях лепная посуда вообще не встречалась.⁹

В Ладоге время появления гончарной керамики определяется границей горизонтов E₁ и D, т. е., если опираться на дендрохронологические даты, рубежом IX—X—началом X в. В горизонте D оба типа посуды сосуществовали, а в горизонте E₁ найдена исключительно лепная керамика. Этот факт неоднократно констатировали В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, Я. В. Станкевич на материалах раскопок 1947, 1948 и 1950 гг., и он был подтвержден раскопками Е. А. Рябинына 1973—1975 гг.¹⁰ Исследования на Рюриковом городище, на северном берегу Сиверсова канала, где сохраняются органические остатки, показали, что гончарная керамика появилась на рубеже IX—X вв., но вплоть до середины X в. лепная посуда на данном участке поселения все же преобладала. На южном берегу Сиверсова канала, в слое коричневого гумуса, встречалась только лепная посуда, а дерево, происходящее из верхней части этого слоя, было срублено в 900 г. Суммируя все сказанное, можно заключить, что в Поволховье процесс смены типов посуды произошел в первой половине X в. (конкретная картина для каждого поселения в дальнейшем будет все более детализироваться), но первое появление гончарной керамики относится к рубежу IX—X вв.

Таким образом, комплексы в верхней части Городища на центральном раскопе, содержащие в заполнении исключительно лепную керамику, относятся ко времени ранее X в. И действительно, в комплексе № 17, где найден кладик монет конца 850-х гг., собрано 58 фрагментов (из них 27 венчиков) исключительно лепных сосудов. В комплексе № 1, ниже горелого слоя, где обнаружен кладик монет конца 860-х гг. также встречена только лепная посуда. В комплексе № 23 с монетой императора Феофила (829—842 гг.) обнаружена исключительно лепная керамика (38 обломков). В комплексе № 13 с двумя частями дирхемов IX в. найдены 94 фрагмента только лепных сосудов. Из заполнения комплекса № 52 наряду с салтовским перстнем и скорлупообразной фибулой типа 37₁₁ происходят 7 фрагментов также лепных горшков. Все это подтверждает правильность сделанного заключения о времени появления гончарного круга на поселениях Поволховья. Постройки и слои, где сочетается лепная и гончарная посуда, относятся к X в.

Итак, имеющиеся данные — дендродаты, монетные находки, скандинавский импорт, бусы, гончарная посуда — позволяют уверенно говорить о существо-

вании поселения начиная с середины IX в. Учитывая стратиграфию мыса Городища и дендрохронологические даты раскопанных сооружений, нет оснований думать, что здесь были более ранние культурные отложения и что эта часть памятника являлась, как предположил Г. П. Гроздилов, вообще древнейшей на поселении.¹¹ В то же время можно допустить, что слои, относящиеся к периоду до середины IX в., в дальнейшем могут быть выявлены на самом городищенском холме. Я исхожу из того, что в истоке Волхова поселения с материальной культурой, близкой культуре Ладоги и Рюрикова городища, появились ранее середины IX в. К примеру, уже в начале IX в. существовало городище Холопий Городок близ слияния Волховца с Волховом, на котором обнаружен самый ранний в данном районе клад восточных монет 811 г. В этой ситуации освоения в истоке Волхова пригодных для жизни холмов было бы странным, чтобы городищенская возвышенность, представлявшая собой одно из наиболее удобных здесь мест для возникновения поселения, оказалась пустующей. Пока это лишь предположение, доказать которое на фактическом материале мы не можем. Крайне важное значение для решения хронологических вопросов имеет датировка лепной керамики не в целом, а по типам в пределах VIII и IX вв. К сожалению, этот вопрос ни для Ладоги, где есть слои и керамика начиная с середины VIII в., ни для других поселений района сейчас в должной мере не разработан.

Судя по имеющимся материалам, активная жизнь на Городище продолжалась весь X в. Значительная часть раскопанных сооружений относится именно к X в., этим же временем датируются клад восточных монет, найденный в 1901 г. М. И. Полянским, отдельные монеты, различные находки, в том числе ряд типов бус, характерных именно для X в., и т. д. Материалы раскопа, для которого имеются дендрохронологические датировки, также подтверждают этот факт. Бревно в конструкции одной из хлебных печей было срублено в 947 г. Позднее на месте этой печи построили новую печь, которую затем сменил жилой дом. Таким образом, непрерывная хронологическая колонка X в. здесь несомненна.

Из этого следует, что развитие поселения на Городище и поселков на месте Неревского, Людина и Славенского концов Новгорода по крайней мере с 930—950-х гг. (так датируются древнейшие слои города) шло параллельно. Это снимает вопрос, неоднократно поднимавшийся, особенно в дореволюционной историографии, о прекращении жизни на Городище в связи с переносом городского поселения на место Новгорода. Следует отказаться и от решения вопроса, предложенного В. Л. Яниным: Городище было покинуто в середине X в. в связи с подъемом воды в Ильмене (трансгрессии), и эти чисто естественные обстоятельства вынудили к переселению жителей Городища на Славно.¹² Дело в том, что сам городищенский холм не ниже холма славенского, а слои песка в раскопе на берегу Сиверсова канала, указывая на наличие которых В. Л. Янин и высказал свою мысль, не связаны с трансгрессией. Они имеют искусственное происхождение и появились не ранее рубежа X—XI вв. Лишь в раскопах М. К. Каргера (1934 г.) и Г. П. Гроздилова (1935 г.) на самом мысу Городища были зафиксированы наносные слои, но этот участок никогда не имел постоянной жилой застройки и находится ниже основной части городищенской возвышенности на 7—10 м.

Интенсивность жизни на Городище явно снизилась в XI в. На площади центрального раскопа близ церкви Благовещенья керамические формы XI в. выражены наименее определенно по сравнению с массовой посудой X и XII—XIII вв.

Это касается и отдельных находок. Видимо, не случайно именно в XI в. были проведены нивелировочные работы (песчаная засыпь) в месте перехода от городищенского холма к мысу и постоянная застройка на данном участке, ранее занятом жилыми домами, вообще отсутствовала.

Эти наблюдения получили независимое подтверждение на материалах сфрагистики. В. Л. Янин, анализируя коллекцию булл с Городища, показал, что «городищенские материалы содержат в себе указание на достаточно определенную хронологическую локализацию» и при этом «на Городище нет или почти нет печатей XI в.», что не случайно. Дело в том, что если эти древнейшие русские буллы, находимые, как правило, в южнорусских землях, все же встречаются в Новгороде, то только в культурном слое самого города, но не Городища.¹³

Однако в последней четверти XI в. жизнь на Городище была уже снова оживленной. Об этом говорят немалое количество обнаруженных в центре поселения западноевропейских денариев 70-х гг. XI в., периода их массового притока на Русь, находка костяного навершия плети с княжеским знаком багровидной формы, который В. Л. Янин атрибутировал как знак новгородского князя Глеба Святославича, занимавшего новгородский стол в 1067—1078 гг.¹⁴ К этому же времени относится и древнейшая из найденных на Городище булл, принадлежащая Владимиру Мономаху и датируемая серединой 70-х гг. XI в.¹⁵

Таким образом, «перерыв» в истории поселения ограничивается первой половиной и серединой XI в. Конечно, его не следует понимать буквально как полное прекращение жизни на возвышенности в истоке Волхова. Речь идет о каких-то существенных изменениях иного типа, отразившихся в снижении интенсивности хозяйственной и социально-политической жизни поселения и потере значения, придававшегося ранее его укреплению. Археологические находки конца XI—XII в. и последующего времени на Городище вновь многочисленны и разнообразны, как и находки IX—X вв. Такова общая хронологическая колонка Рюрикова городища, установленная во время раскопок.

Во второй половине IX—X в. поселение занимало значительную часть холма и весь мыс. Документально зафиксировано, что оно тянулось по всему краю возвышенности, выходящему к Волхову, т. е. на протяжении 350 м, полосой шириной более 100 м и его минимальная площадь составляла 4 га. В действительности поселение было больше. Дело в том, что часть территории городищенской возвышенности со стороны Волхова, несомненно, разрушена. Кроме того, мы пока не можем в полной мере при подсчетах учитывать площадь, которую занимало поселение к северо-востоку от церкви Благовещенья по гребню возвышенности в сторону Нередицы, поскольку детальное изучение этого участка — дело будущего. В шурфе, в 210 м к северо-востоку от церкви, у материка был обнаружен венчик лепного сосуда. В этом районе на пашне встречены отдельные предметы конца I тыс. н. э. Если эти находки не случайны и в IX—X вв. поселение тянулось до данного участка, то, следовательно, его общая площадь достигала 6—7 га. Для территории Северной Руси в конце I тыс. н. э. поселение размерами от 4 до 6—7 га относится к числу очень значительных.

В археологической литературе Рюриково городище неоднократно характеризовалось как открытое торгово-ремесленное поселение, лишенное укреплений.¹⁶ Подобное представление, на мой взгляд, не соответствует конкретным фактам. Расположение поселения в мысовой части возвышенности, находящейся на острове, давало ему хорошую естественную защиту, на что еще в 1808 г. справедливо обратил внимание Е. А. Болховитинов, отметивший, что «такое

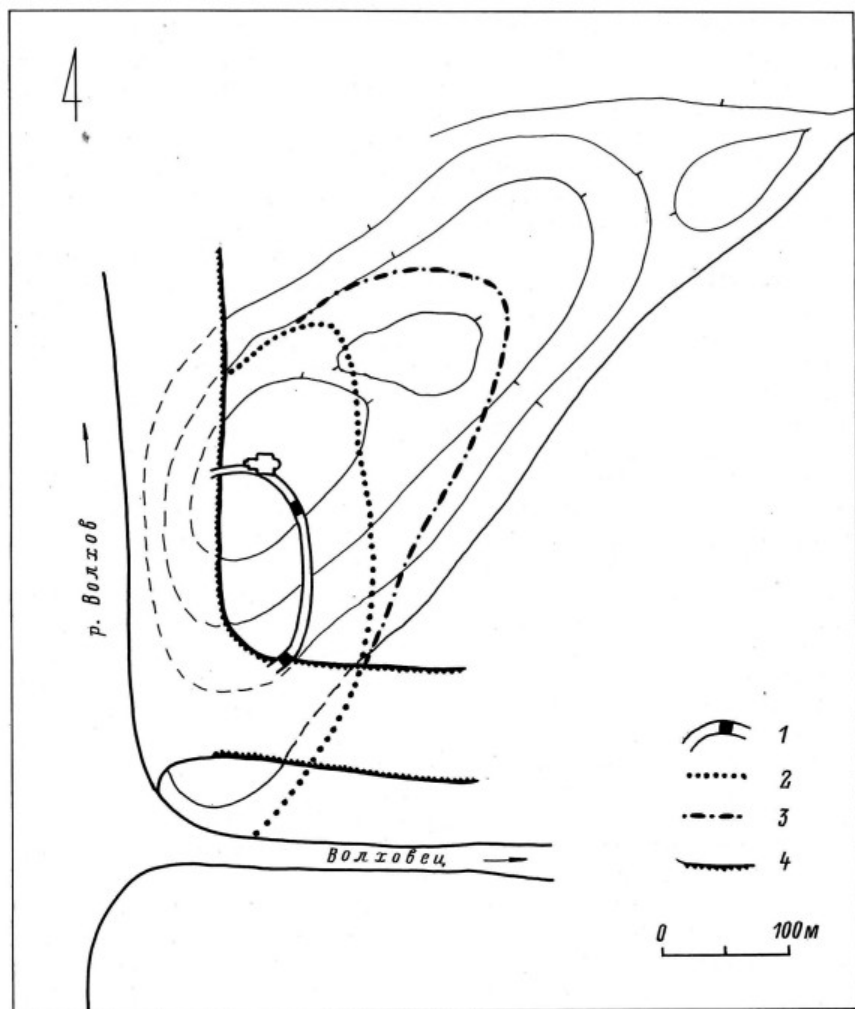

Рис. 59. Схема расположения древнейших укреплений Городища и распространения культурного слоя IX—X вв.

1 — ров IX—X вв. и места его фиксации; 2 — установленная граница поселения IX—X вв.; 3 — предполагаемая граница поселения IX—X вв.; 4 — обрыв современной береговой линии.

местоположение весьма прилично для крепости». ¹⁷ Позднее это подчеркивали многие исследователи. Раскопки 1980 г. показали, что южный склон холма в начальный период существования поселка был эскарпирован: ему искусственно придали значительную крутизну. В 1987—1989 гг. было установлено, что мысовая часть возвышенности площадью около 1—1.2 га была окружена с севера и востока рвом глубиной до 4.5 м от древней дневной поверхности (рис. 59). В его заполнении найдены керамика эпохи раннего металла, лепная и гончарная посуда конца I тыс. н. э., обломок большого, костяного, одностороннего, наборного

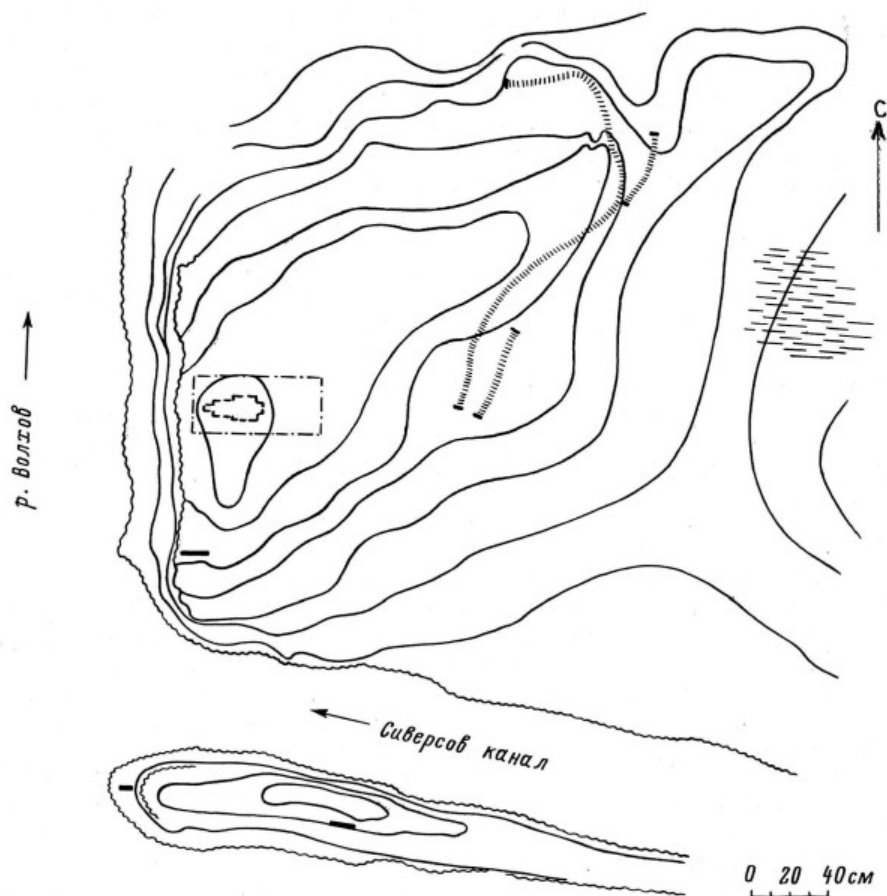

Рис. 60. План городища 1929 г. с нанесенными земляными валами и местами раскопок А. В. Арциховского.

гребня фризского типа. Радиоуглеродный анализ угля из рва дал дату 880 ± 20 г. н. э. (калибрована). Из всего этого следует, что заплывание рва шло уже в конце IX—первой половине X в., когда на поселении еще широко бытовала лепная керамика, а сооружен он был в более ранний период жизни поселка. Полагаю, что одновременно со рвом должен был существовать и вал, насыпанный грунтом, вынутым из рва, и снивелированный при перепланировке княжеской резиденции в XI в. Тем самым Рюриково городище на начальном этапе своей истории имело двухчастную структуру и состояло из укрепленной площадки на вершине холма и примыкавшей к ней неукрепленной части. Последняя располагалась как по гребню возвышенности к северу и северо-востоку от городка, так и на самом низменном мысу. На последнем, как показали раскопки, уже в IX—X вв. со стороны Волховца отдельные усадьбы, возможно и весь мыс, были ограждены деревянными частоколами, от которых сохранились грунтовые канавки.

Во время весенних паводков мыс регулярно подтапливался (при раскопках 1934—1935 гг. зафиксированы смытые остатки построек), что делало его менее удобным для устройства жилищ по сравнению с остальной площадью холма. Дома и строения здесь возводились на специальных гидроизолирующих подсыпках, укрепленных бревенчатыми обносками. Можно предполагать, что эта часть Городища являлась в первую очередь его хозяйственной зоной. Здесь должны были находиться сооружения, связанные с обслуживанием и ремонтом лодок и судов, хранением рыбацких снастей. В этой части поселка располагались помещения и загоны для скота, о чем свидетельствуют пласты навоза в раскопе. У подножия холма долгое время функционировали наружные хлебные печи, являвшиеся объектами коллективного пользования жителей поселка.

В 1929 г. А. В. Арциховский нанес на план Городища два ряда земляных валов, окружавших территорию около 7 га (рис. 60). Их археологические исследования не проводились, и сейчас необходимы поиски остатков валов на местности и раскопки. Учитывая, однако, что ранние городищенские укрепления IX—X вв. достоверно зафиксированы на вершине холма, можно предположить, что валы, осмотренные А. В. Арциховским, относятся к древнерусскому времени, к периоду существования на Городище летописной резиденции новгородских князей.

Ложбина между городищенским холмом и мысом, на месте которой находился раскоп 1977—1979 гг., была отчетливо выражена лишь в начальный период существования Городища. Позднее она стала постепенно заплывать, ее склоны оползать. В ней на рубеже IX—X вв. были устроены хлебные печи, функционировавшие, сменяя одна другую, на протяжении нескольких десятилетий X в. В конце X в. участок перепланировали и на нем построили жилой дом. Еще более значительные нивелировочные работы были предприняты в XI в., когда мощными слоями песка был выровнен рельеф местности.

В XI в. был уничтожен древний городок, засыпан ров на вершине холма, вероятно смыкавшийся с упомянутой ложбиной. Такая датировка засыпки рва подтверждается как тем, что в его заполнении присутствуют находки конца I тыс. н. э. и совершенно нет вещей и керамики древнерусского времени, так и тем, что печь для обжига извести, относящаяся ко времени строительства Благовещенского собора (1103 г.), была сложена из плинфы непосредственно на площади уже засыпанного рва. Кстати, древний ров проходил либо прямо под церковью Благовещенья, либо рядом с ней. Во всяком случае нельзя не предположить, что необходимость разборки собора 1103 г. в XIV в. и замена его в 1342 г. новым храмом были вызваны прежде всего подвижкой и проседанием грунта в засыпанном рве. Подводя итог сказанному, отмечу, что время значительных строительных работ на Городище приходится на XI в., их своеобразным завершением является возведение величественного княжеского Благовещенского собора и, возможно, новых земляных укреплений, окружавших почти весь холм.

В IX—X вв. Городище представляло собой крупное торгово-ремесленное и военно-административное поселение в узловой точке водных путей лесной зоны Восточной Европы, где сходились балтийско-волжский путь и путь «из варяг в греки». Среди находок, свидетельствующих о широких международных связях, восточные и византийские монеты, в их числе 3 клада дирхемов, бусы из горного хрусталя и сердолика, разнообразные стеклянные бусы, грецкие орехи, предметы из Скандинавии и других стран Балтики. Найдена золотая пластинка

с изображением в технике перегородчатой эмали Георгия Победоносца — редкий образец византийского искусства конца X—начала XI в.¹⁸ При раскопках встречены неперенные спутники каждого торговца — части весов, бронзовые многогранные гирьки. Еще ряд подобных гирек представлен в коллекции подъемного материала Городища.

Одним из основных видов деятельности жителей поселения было ремесло. О бронзолитейном производстве свидетельствуют неоднократные находки тигельков, глиняной льячки, производственный брак, в том числе неудачные отливки. Широко представлены следы косторезного производства — костяные пластины, роговые спилы. Особенно важны свидетельства работы ювелиров, изготовлявших предметы из золота (обрывки тончайших перекрученных золотых нитей, кусочки проволоки и фольги). Золотые предметы на поселениях конца I тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы — крайне редкие находки, а работа на Городище в X в. мастеров по золоту говорит не только о высоком профессиональном уровне проживавших здесь ремесленников, но и о социальном составе населения. Наряду с торговлей и ремеслом обитатели Городища занимались сельским хозяйством, рыболовством, охотой, различными промыслами, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные предметы быта, но именно наличие привозных вещей и следы ремесла в области материальной культуры определяют «лицо» поселка.

Оценивая материальную культуру Городища IX—X вв., следует подчеркнуть в ней очень сильную «вуаль» североевропейской культуры, что проявляется в наличии отдельных предметов скандинавского происхождения, вещей, сделанных в Приильменье, но сохраняющих в стиле и орнаментике северные традиции, и, наконец, находок без точного этнического адреса, но характерных для культур разных племен и народов балтийского региона.

В 1914 г. Т. Арне впервые в литературе писал об археологических предметах с Рюрикова городища, которые, по его мнению, могли быть привезены скандинавами и которые он осмотрел в музее Пскова (напомним, что в Псков поступила часть коллекции раскопок М. И. Полянского 1901 г. и, вероятно, некоторые случайные находки с Городища). В первую очередь Т. Арне назвал рукоять меча с изогнутым перекрестьем и головкой почти ромбовидной формы.¹⁹ Изображение рукояти меча с Рюрикова городища есть среди рисунков мечей из собрания ГИМ, сделанных в 1930-е гг. В. Арндтом (рис. 61). По мнению А. Н. Кирпичникова, это тот же самый меч, о котором писал Т. Арне. А. Н. Кирпичников отнес его к типу Z — особый и датировал предположительно X в.²⁰

В 1922 г. А. А. Спицын отметил наличие на Городище «норманнских древностей», никак их не комментируя.²¹ В 1965 г. Г. Ф. Корзухина детально рассмотрела отливку фибулы, найденную на Рюриковом городище С. Н. Орловым.²² От фибулы сохранилась часть, представляющая собой голову мужчины, ниже

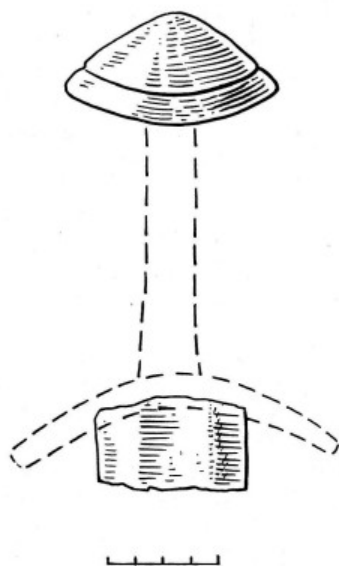

Рис. 61. Городище. Рукоять меча из коллекции подъемного материала.

которой расположена другая, меньшая голова, по-видимому животного. Отливка получилась неудачной и была выброшена. Аналогия фибуле имеется в материалах Гнездова. Стилистически и по своему сюжету — животное, пожирающее человека, — фибула близка кругу памятников Скандинавии X в., но застежек подобной формы там не найдено. Г. Ф. Корзухина предположила, что данный тип фибул сформировался в Восточной Европе. Она также поставила вопрос: кем была сделана эта фибула нордического типа — скандинавским литейщиком, поселившимся в Приильменье, или местным жителем, усвоившим стиль заморских украшений? Позднее, упоминая вновь городищенскую находку, Г. Ф. Корзухина прямо писала, что «изготовление скандинавообразных фибул было налажено на Юриковом городище», а в Гнездове «оказалась отливка этой мастерской».²³

В 1972 г. М. Д. Полубояринова опубликовала еще одну находку скандинавского типа из подъемного материала с Городища — свинцовую голову дракона с открытой пастью и закрученным языком.²⁴ Изображение плоское, двустороннее, с петлей у шеи и коническим углублением в основании (рис. 62, 5). Находка не привлекла внимания ни советских, ни скандинавских исследователей. Почти такая же, как на Городище, морда дракона, только отлитая из бронзы, происходит из поселения в Бирке. Дракон из Бирки, являвшийся оковкой ларца, выполнен в младшем еллингском стиле и имеет аналогии в памятниках Скандинавии.²⁵

Приведенными материалами вплоть до первых публикаций результатов последних раскопок и исчерпывались данные о следах скандинавской культуры на Юриковом городище. Сейчас целесообразно суммировать все новые сведения.

Одними из самых значимых находок последних лет являются 2 бронзовые подвески с идентичными руническими надписями (рис. 47). Одна из них происходит из заполнения комплекса № 45, вторая обнаружена рядом с ним в культурном слое. Очень важно, что подвески встречены хотя и в несколько различных стратиграфических условиях, но в одном месте раскопа. Указанный факт неоспоримо свидетельствует, что обе они были утеряны одновременно и, вероятно, одним человеком.

Стратиграфия залегания подвески, обнаруженной при разборке культурного слоя, ничего не дает для ее датировки, поскольку слой здесь сильно перемешан вплоть до материка. Гораздо больший интерес в этом плане представляет подвеска из заполнения комплекса № 45. Наряду с ней в заполнении найдены 64 фрагмента раннегончарной керамики и 3 обломка лепной. Подобное соотношение лепной и раннегончарной посуды, судя по раскопкам в Новгороде, Ладоге, на Городище характерно для второй половины X—рубежа X—XI вв. Этим временем и следует датировать городищенские подвески.

Знаки на обеих подвесках процарапаны от верхнего до нижнего края и занимают всю поверхность. Они исполнены четко и уверенно, резы глубоки и отчетливо видны. По своему начертанию знаки, бесспорно, принадлежат к скандинавскому младшеруническому алфавиту, хотя их графика значительно усложнена по сравнению с обычными рунами.

По форме подвески аналогичны металлическим амулетам, происходящим из скандинавских стран: из Роскильде (Дания, о. Зеландия, XI в.), Сигтуны (Швеция, Упланд, середина XI в.), Хёгстены (Швеция, Вестергётланд, XII в.) — и с территории СССР: Старая Ладога (вторая половина X в.).²⁶ Поэтому

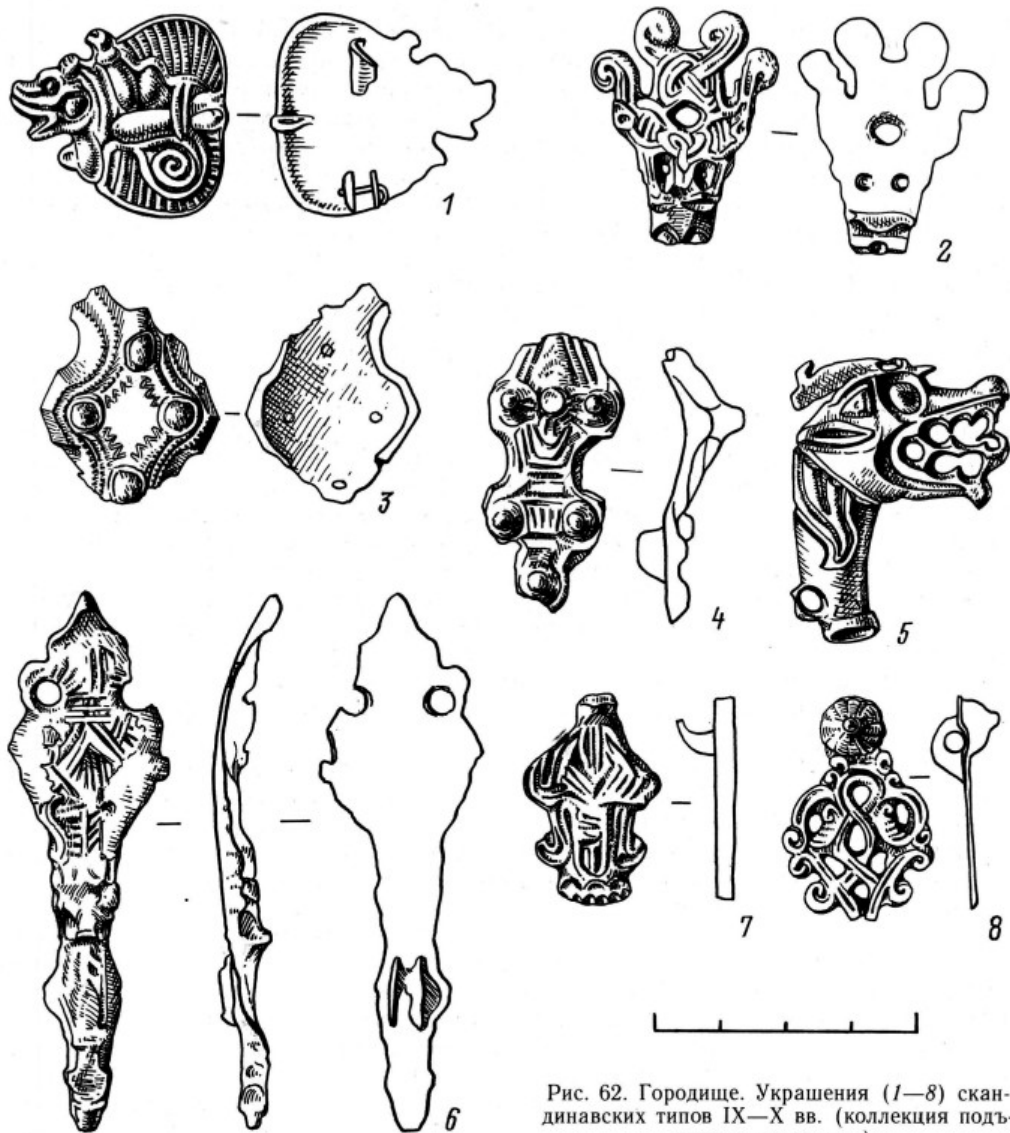

Рис. 62. Городище. Украшения (1—8) скандинавских типов IX—X вв. (коллекция подъемного материала).

есть все основания полагать, что и подвески, найденные на Городище, также являются амулетами, а надпись содержит магическую формулу.

Знаки на подвесках отчетливо распадаются на две группы. 1—11-й знаки (нумерация на рис. 47 слева направо) представляют усложненный вариант обычных рун. 12-й знак по своей графике идентичен знакам, широко употреблявшимся в рунической тайнописи (так называемые ветвистые руны). Детальное описание каждого знака, их интерпретация и аналогии приводятся в моей совместной с Е. А. Мельниковой статье. Вариант перевода надписи, предложенный

Е. А. Мельниковой, следующий: «Да не будешь ты лишен мужской силы!». Здесь необходимо сделать одно пояснение. В публикации при описании подвески из ямы мы отмечали наличие знаков на внешней и внутренней ее сторонах, но полагаем, что поскольку «обратная сторона подвески сильно повреждена коррозией», то «идентифицировать знаки не представляется возможным».²⁷ В дальнейшем, однако, реставраторам Эрмитажа удалось расчистить и обратную сторону, на которой проступила целая руническая надпись. Ее прочтение еще предстоит.

Находка подвесок интересна и в рунологическом, и в культурно-историческом, и собственно в историческом отношениях. Особые, не встречавшиеся ранее способы усложнения (зашифровки) надписи с использованием магических знаков указывают не только на активное владение письмом человека, процарапанного надпись, и возможности творческого целенаправленного преобразования знаков, но и на внутренние возможности развития самого письма, его динамичность.

Подобные амулеты могли использоваться лишь скандинавами. Находка парных амулетов — случай, не имеющий аналогий, — позволяет высказать предположение, что надпись на одной из подвесок была скопирована с другой. Скорее всего, именно об этом говорят незначительные различия в самих надписях: на первой подвеске все знаки выполнены очень четко, без каких-либо отклонений и ошибок; на второй — в знаке 8 недостает одной нижней ветви (слева); в знаке 1 левая петля, удваивающая руно, прочерчена дважды. В целом же на второй подвеске надпись выполнена менее тщательно: почти все левые ветви пересекают стволы, правые — начинаются чуть правее стволов, руны 4 и 5 почти сливаются, расстояние между их ветвями исчисляется долями миллиметра. Эти отличия не влияют на чтение надписи, но показывают, что человек, вырезавший надпись на второй подвеске, либо был менее опытен в рунописи, либо спешил. Но в любом случае этот человек владел руническим письмом и находился на самом Городище. Если место изготовления первой подвески неизвестно (она могла быть сделана и в Скандинавии, и в Старой Ладобе, и на самом Городище), то вряд ли можно сомневаться, что вторая была изготовлена прямо на месте, причем, видимо, к заказчику не попала, так как вместе с ней оказался утерянным и оригинал, с которого она сделана.

При раскопках встречены части четырех железных гривен из четырехгранного перевитого в нескольких местах стержня, на одной из которых сохранились колечки-привески и «молоточек Тора» (рис. 30, 3, 5; 46, 2, 3). В заполнении комплекса № 4 найден изогнутый железный стержень, перевитый в двух местах, диаметром 4 мм, который, возможно, являлся обломком пятой гривны. Упомянем также отдельный «молоточек Тора» (рис. 46, 1) и амулет в виде миниатюрной гривны с «молоточком Тора» (рис. 46, 4). Одна из названных гривен происходит из четко датированного дендрохронологически слоя конца IX в. в раскопе на северном берегу Сиверсова канала. Амулет в виде миниатюрной гривны найден в заполнении комплекса № 13, который относится ко второй половине IX в. на основании происходящей из заполнения исключительно лепной керамики (94 обломка) и частей двух дирхемов VIII—IX вв. У исследователей не вызывает сомнения скандинавская принадлежность железных гривен, особенно тех, на которых имелись привески.²⁸

К числу скандинавских языческих амулетов эпохи викингов относятся 2 кресаловидные подвески, одна из которых железная, а другая — бронзовая (рис. 30, 4; 35, 2). После 1983 г. при раскопках на Городище были найдены еще 2 крес-

саловидные подвески. К систематизации подобных подвесок с территории Восточной Европы недавно обратилась Г. Л. Новикова. По ее заключению, «будучи предметами культа, амулеты сохраняли свое значение только для носителей этого культа и не могли выступать в качестве постоянных составных частей торговых сделок между представителями различных религиозных верований, а ареал их находок объясняется пребыванием на этой территории их владельцев».²⁹ Также в числе скандинавских по происхождению предметов, связанных с культом, должны, видимо, рассматриваться железные кольца с надетыми на них маленькими колечками (рис. 30, 2; 46, 5).

Только скандинавом могла быть утеряна серебряная фигурка женщины — валькирии, ничего на значившая для иноплеменника (рис. 44, 2). В раскопе найдены 2 равноплечные фибулы 58-го типа, по Я. Петерсену, даты которых не выходят за пределы IX в. (рис. 44, 5, 6). Третья фибула, безусловно этого же типа, представлена в коллекции подъемного материала Городища (рис. 62, 4). Кроме того, там имеются обломки как минимум еще двух равноплечных фибул (рис. 62, 3). Одним экземпляром представлена скорлупообразная фибула типа 37₁₁, по Я. Петерсену, которая датируется на основании находки в комплексе вместе с салтовским перстнем в пределах второй половины IX в. (рис. 45, 1). В коллекции подъемного материала имеются обломки еще одной скорлупообразной фибулы — 42-го типа, по Я. Петерсену (рис. 64, 1). Подобные фибулы обычно считаются наиболее характерными для «периода поздней Бирки» в Скандинавии, т. е. для X в.³⁰ На территории Руси их находки единичны.³¹

Интереснейшим предметом, происходящим из сборов, является неудачная бронзовая отливка длиной 8.2 см и наибольшей шириной 2.3 см (рис. 62, 6). Ее края неровные, поверхность покрыта раковинами и бугорками. На обратной стороне отлит приемник для иглы. Наличие последнего определенно свидетельствует, что перед нами отливка фибулы. В верхней ее части ясно читается характерный для равноплечных фибул 58-го типа орнамент, имеется и обычное для многих из них отверстие для колечка. Однако отливка совершенно плоская, внутренняя ее поверхность не вдавленная, в то время как равноплечные фибулы изогнуты и объемны. В центре отливки угадываются расплывчатые контуры звериной морды, обращенной вниз. Скорее всего, мы вновь имеем дело, как и в случае с отливкой фибулы с Городища, опубликованной Г. Ф. Корзухиной, с особым местным вариантом застежки, выполненной в традициях северного ремесла.

Из раскопа на мысу Городища происходит замкнутое кольцо от скандинавской, так называемой «кольцевидной фибулы», а если быть точным в функциональном определении украшения — от своеобразной длинной булавки с кольцом. Кольцо украшено ленточным и звериным орнаментом в стиле Борре (рис. 44, 1). Сегмент круга, расположенный напротив держателя иглы, заполнен перевитыми лентами. Этот орнамент завершается двумя звериными мордами, направленными в разные стороны: большая смотрит вниз, меньшая — вверх, на держатель иглы. Кольцо принадлежит к булавкам типа V, по классификации Л. Тунмарк-Нилен, разработанной для подобных украшений Бирки, оно ближе всего кольцу булавки из погребения № 873.³² Булавки с кольцами, у которых в нижней части сегмента имеются 2 звериные морды, направленные в противоположные стороны, картированы П.-Л. Лехтосало-Хиландер. Они известны на территории центральной Швеции, на Готланде, в Финляндии и в Литве.³³ Среди подъемного материала представлены обломки еще двух ажурных

Рис. 63. Городище. Находки из бронзы (1, 2, 4) и шиферное пряслице (3) с руноподобными знаками.

наверший самих игл от булавок V типа (рис. 62, 2). Одно из них сходно с навершием иглы из захоронения № 544 Бирки.³⁴

В раскопе найдена целая орнаментированная игла от булавки с кольцом, но несколько иного типа, чем рассмотренные (рис. 44, 3). Насколько можно судить по ее полной аналогии из Гнездовского могильника, игла закреплялась на замкнутом кольце, которое утолщалось в месте ее крепления.³⁵ По классификации Л. Тунмарк-Нилен, такая булавка относится к типу IV.³⁶ В заполнении комплекса № 44 встречаются 2 обломка неудачной отливки бронзового украшения с ленточным орнаментом. Можно предположить, что это отливка кольца булавки (рис. 45, 4). Об этом говорят как диаметр кольца — 4.5—5 см, так и явно выраженное утончение кольца в месте, где к нему должна прикрепляться булавка. Однако

надо прямо сказать, что вопрос о производстве булавок с кольцами непосредственно на Городище требует дополнительных подтверждений.

Завершая обзор фибул и застежек скандинавского типа с Городища, необходимо упомянуть имеющуюся в коллекции подъемного материала бронзовую позолоченную застежку размерами 3.1×3.3 см, выполненную в довольно глубоком рельефе в виде фигуры зверя с головой, повернутой в профиль, и двумя связанными или переплетенными конечностями (рис. 62, 1). На ее обратной стороне имеется стержень для закрепления иглы и приемник, а также ускодержатель для цепочки. Точно такая застежка, только чуть меньших размеров (2.9×2.9 см), известна нам из погребения № 857 могильника Бирки.³⁷

Среди предметов скандинавского происхождения из центрального раскопа назовем бронзовую накладку от конской сбруи, украшенную орнаментом в стиле Борре с изображением стилизованной звериной морды (рис. 48, 2), и бронзовое навершие туалетного пинцета (рис. 48, 1). В раскопе 1989 г. обнаружена бронзовая булавка длиной 7.5 см, украшенная скульптурным изображением человеческой головы и относящаяся к типу E—31, по классификации Ю. Валлер, выполненной по материалам Бирки.³⁸ На лице четко выделены глаза, нос, рот. На головной убор нанесен циркулярный орнамент (рис. 64, 3). В коллекции подъемного материала есть еще 4 навершия пинцетов, в том числе увенчанные человеческими головками. Интересно шиферное пряслице с прочерченными знаками, которые можно, по заключению Ю. К. Кузьменко, рассматривать как подражание рунической надписи (рис. 63, 3).

Специального внимания заслуживает предмет северной культуры, обнаруженный нами при раскопках 1985 г. Это бронзовая литая бляшка длиной 2.9 см в виде стилизованной звериной морды с тремя ушками для крепления (рис. 63, 1). Аналогии ей имеются в Бирке, в погребении № 906, по материалам кото-

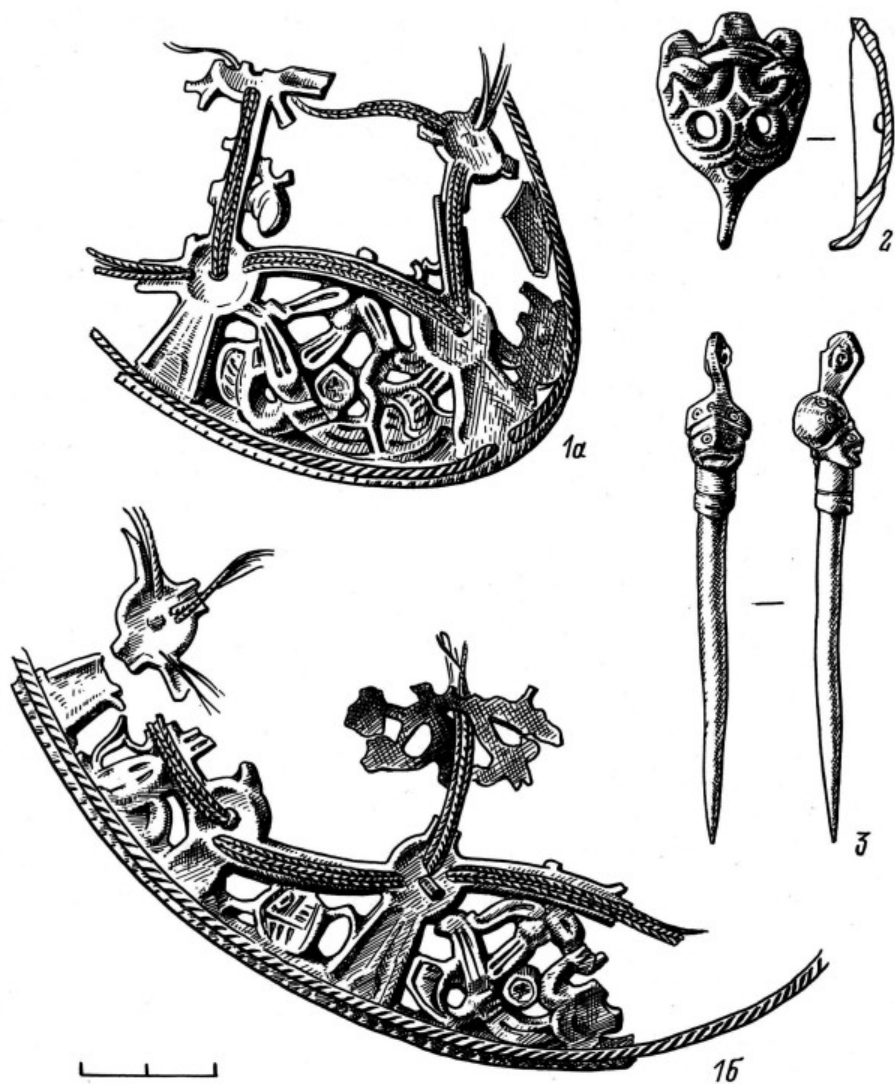

Рис. 64. Городище. Украшения (1—3) скандинавских типов IX—X вв.

рого и определяется назначение самого предмета. Две бляшки были найдены у ног погребенного и обращены ушками с отверстиями книзу. В публикации Бирки бляшки охарактеризованы так: «Два бронзовых крючка в форме масок зверей, длина 3 см, со стороны лба три просверленных выступа для пришивания к виду подколенной одежды из толстой шерстяной материи, которая при помощи крючков прикреплялась к холщовым штанам».³⁹ Отличные по виду от находок из Бирки, но аналогичные по типу и назначению бляшки-крючки встречены в слоях X в. викингского Йорка в Англии (подтреугольная и круглая)⁴⁰ и в погребении № 383 Тимереvского могильника на Верхней Волге

(парные бляшки в виде птиц).⁴¹ Предметы же, полностью аналогичные встреченным в Бирке, в Восточной Европе, кроме Рюрикова городища, мне известны из раскопок Ладоги⁴² и Гнездова.⁴³ Правда, у гнездовской находки не 3, а 2 ушка для крепления, и сделана она из серебра.

Бляшка с Рюрикова городища схожа с бляшками из Бирки по характеру отлитой звериной морды, но ее отличает очень существенная деталь — на ней никогда не было крючка, тем самым городищенская бляшка потеряла полностью свой смысл как предмет определенного типа одежды. Это могло быть только в двух случаях: либо крючок не получился при отливке (и это ремесленный брак), либо мастер не понял функционального назначения вещи и отлил самую эффектную часть — звериную маску. В любом случае несомненно, что бляшка была сделана на Городище. В 1989 г. в мысовой части поселения найдена вторая аналогичная бляшка в виде звериной маски (рис. 64, 2). Ее длина 3,5 см. На этот раз на бляшке есть крючок, но в трех ушках нет отверстий, т. е. перед нами опять незавершенное изделие и свидетельство изготовления подобных элементов одежды непосредственно на Городище. Обе бляшки были отлиты в разных формах, поскольку они несколько разнятся обликом и размерами, кроме того, у первой обратная сторона совершенно плоская, а вторая бляшка объемная, выпуклая.

С кругом древностей, характерных для широкой территории Скандинавии и всего балтийского региона, связаны ланцетовидные наконечники стрел (рис. 31, 2; 38, 1, 2, 5; 40, 6),⁴⁴ глиняная и каменная игральные шашки (рис. 33, 1; 37, 15),⁴⁵ целый и 2 обломка массивных ладьевидных браслетов из раскопа 1985 г. (рис. 45, 10),⁴⁶ многочисленные глиняные диски — грузила от вертикальных ткацких станков,⁴⁷ крупные гребни фризско-скандинавского типа.⁴⁸ Последние найдены в раскопе в мысовой части Городища (рис. 29, 1), на участке, исследованном в 1985 г. на верху холма (рис. 45, 11), в заполнении древнего рва, имеются они и в коллекции подъемного материала (9 экз.).⁴⁹ Из раскопа 1985 г. происходит бронзовое кольцо диаметром 2,4 см с четырьмя утолщениями, на которых нанесена кратность (рис. 63, 2). Подобное кольцо известно из Шестовицкого могильника,⁵⁰ а целый ряд колец найден в захоронениях Бирки, где они имеют по 3—4 утолщения, и в одном случае на кольце сохранился обломок железной иглы.⁵¹

Перечисленными предметами не исчерпываются все находки, характеризующие вклад скандинавской и общебалтийской культуры в материальную культуру Городища. Еще предстоит детальное изучение вещей, полученных во время многолетних сборов на берегах Сиверсова канала. Среди них есть предметы и их обломки, выполненные в северном стиле, в том числе такие, интерпретация которых затруднена (рис. 62, 7, 8). Пока я использовал материалы этой коллекции лишь частично.

Приведенный обзор находок свидетельствует о значительном влиянии скандинавской культуры на материальную культуру населения Городища в конце I тыс. н. э. Изделия скандинавского облика появились здесь во второй половине IX в., но наибольшее их число приходится на X в. Такие культовые предметы, как гривны с «молоточками Тора», кресаловидные подвески, амулеты с руническими надписями, фигурка валькирии, не могли попасть на Городище как объекты торговли, они подтверждают пребывание на поселении выходцев из Скандинавии.

Городище выступает как ремесленный центр, где широко изготовлялись

предметы скандинавского облика. Для воина-скандинава человек, владевший руническим письмом, вырезал на бронзовой пластинке-амулете заклинание. Из мастерских выходили застежки, не имеющие аналогий на севере Европы, но сохраняющие черты скандинавской орнаментики. Отливка такой нордической фибулы была проанализирована Г. Ф. Корзухиной. На Городище изготовлялись быски-крючки в виде звериных масок по типу бляшек Бирки, предназначенные для скрепления особого вида подколенной одежды. Следы работы ремесленников говорят о присутствии на Городище немалого числа людей, для которых был близок стиль северных украшений. Нельзя исключать, что среди ремесленников были мастера скандинавского происхождения. Отдельные предметы, сделанные на берегах Волхова, попадали достаточно далеко, например в Гнездово, что блестяще показала Г. Ф. Корзухина.

Скандинавские исследователи А. Стальсберг и И. Янссон, авторы специальных статей о контактах Скандинавии и Руси по материалам археологии, отмечают, что те вещи и детали погребального обряда на территории Руси, происхождение которых можно установить, связаны в первую очередь со средней Швецией.⁵² Находки с Рюрикова городища, имеющие много аналогий в материалах Бирки, полностью подтверждают этот вывод.

Яркие скандинавские черты, выявленные в материальной культуре Городища, в наши дни уже не кажутся неожиданными на фоне раскопок Старой Ладogi. Благодаря кропотливому изучению вещевого комплекса поселения Г. Ф. Корзухина, а особенно в последние годы О. И. Давидан убедительно показали, что скандинавы присутствовали в Ладогe с самого начала ее возникновения и среди них были как мужчины, так и женщины. Как и на Городище, в Ладогe предметы северных типов попадали разными путями: вместе с самими норманнами, в результате торговли, частично их производство было налажено на месте.⁵³

Если Городище и Ладoga вполне сопоставимы в отношении вклада северных элементов в их материальную культуру, то совсем иная картина наблюдается при сравнении Городища и Новгорода. Вещей северного круга при раскопках Новгорода встречено мало, учитывая общее число находок в слоях X—XI вв. города.⁵⁴ Ни о какой «северной вуали» в культуре горожан говорить не приходится. В этом отношении различия Городища и Новгорода очевидны. В то же время сделанные выводы при дальнейших раскопках могут оказаться справедливыми не для всех частей города. Я исхожу из предположения, что скандинавы селились и останавливались в Новгороде не повсеместно, а преимущественно в определенных кварталах, пока не затронутых археологическими работами. Характерный пример. В 1016 г., как сообщает Новгородская первая летопись, во время конфликта новгородцев с варягами горожане, «собрашася в ночь, исекоша Варягы в Поромоне дворе».⁵⁵ Как бы ни трактовать этот двор, а точки зрения здесь были высказаны разные («торговый двор», «помещение ближней дружины» и т. д.⁵⁶), ясно одно, что варяги в ту злополучную ночь размещались в городе на какой-то компактной территории. Е. А. Мельникова, анализируя сведения о Новгороде в древнескандинавской письменности, также пришла к выводу о «территориальной изолированности скандинавов» в городе.⁵⁷

Скандинавские черты ни в коей мере не должны скрывать от нас общий облик материальной культуры Городища IX—X вв. и ее других, не столь ярких, но крайне важных для выводов этнического порядка элементов.

Лепная керамика Городища аналогична древнейшей посуде Новгорода и сельских поселений центрального Приильменья и Поволховья конца I тыс. н. э. Она свидетельствует о том, что основную часть жителей Городища в IX—X вв. составляло то же население, что обитало в центре Новгородской земли. Это были ильменские словене. Подобная посуда, как уже было показано, есть и в некоторых других городах и значительных поселениях Северной Руси, где она составляет ту или иную часть керамического комплекса: в Пскове, Изборске, Городке на р. Ловати и др. Крайне интересно определенное сходство между профилированной керамикой Приильменья и профилированными сосудами IX—X вв. из западнославянских земель южного побережья Балтийского моря, относимыми В. Лосинским и Р. Рогошем к типам ансамбля Д и причисляемыми в схеме Э. Шульдта к типу Менкендорф.⁵⁸ Правда, если в Новгородской земле подобная керамика всецело лепная, то на западнославянских территориях она частично сделана на гончарном круге. Сходство синхронных керамических комплексов данных районов несомненно, хотя объяснение причин этого требует дополнительных разысканий. В. В. Седов, в частности, предположил, что «керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян имели одну основу» и «не исключено, что эти отдаленные территориальные группировки раннесредневековых славян вышли из одного древнего региона славянства».⁵⁹

В первой половине X в. на Городище проходила смена лепной керамики гончарной. Последняя также имеет многочисленные аналогии в западнославянских землях. В. М. Горюнова пришла к выводу, что «основная причина появления одинаковых видов раннекруговой керамики в южном регионе Балтики и в памятниках Северной Руси заключается в существовании здесь и там общих исходных форм лепной посуды».⁶⁰

Интересной категорией построек Городища являются отдельно стоящие наружные хлебные печи. Наиболее точные аналогии им имеются в Ладогe, а также в памятниках польского Поморья — Гданьске и Щецине. Это еще одно прямое археологическое свидетельство культурных связей поморских славян и населения истока р. Волхова.

Заслуживает внимания и состав городищенских железных наконечников стрел от лука. Почти все стрелы найдены на центральном раскопе, на самом городищенском холме. Среди них втульчатые наконечники составляют 28.5% от их общего числа. Такое большое количество втульчатых наконечников для поселений Древней Руси, где они обычно составляют 1% по отношению к черешковым, совершенно не характерно.⁶¹ Высказанное недавно А. Р. Артемьевым мнение, что «особенностью изборской коллекции наконечников стрел следует считать большое количество среди них втульчатых (около 27%)», основано на недоразумении и не может быть принято.⁶² В то же время втульчатые наконечники широко использовались в Западной Европе. А. Ф. Медведев привел показательный пример из работы А. Надольского, в которой из 235 наконечников стрел для лука, учтенных на территории Польши, втульчатые насчитывают около 200.⁶³

Следует подчеркнуть, что процент втульчатых наконечников стрел по отношению к одновременно с ними бытовавшим черешковым наконечником на раннем этапе существования Городища был гораздо больше указанных 28.5%. Дело в том, что из-за отсутствия четкого стратиграфического членения слоя я вынужден сопоставлять втульчатые наконечники, в основном двушипные,

вышедшие из употребления на рубеже XI и XII вв., со всей коллекцией стрел, включавшей и находки, утерянные в XII—XIV вв.

В Новгороде втульчатые двушипные наконечники были распространены в X и XI вв. Эту хронологию их бытования можно принять и для Городища, но, учитывая, что слой XI в. на поселении выражен слабо, более вероятно относить подобные наконечники к X в. и предшествующему времени. Всего на Городище обнаружен 21 двушипный наконечник стрелы. По числу их находок оно резко выделяется среди поселений конца I—начала II тыс. н. э. лесной зоны Восточной Европы. К примеру, в Изборске таких наконечников найдено лишь 2,⁶⁴ в Белоозере — ни одного,⁶⁵ в Новгороде — 6,⁶⁶ в Городке на р. Ловати — 5 (данные В. М. Горюновой), хотя масштабы археологических исследований на этих памятниках намного превосходят городищенские. В ближайшей новгородской округе втульчатый наконечник стрелы обнаружен в ильменском Поозерье на селище Васильевское, на берегу р. Веряжи.⁶⁷

В своде наконечников стрел Восточной Европы в 1966 г. А. Ф. Медведев, рассматривая находки втульчатых двушипных наконечников, заключил, что «несомненно» этот тип «заимствован русскими у западных соседей».⁶⁸ В 1978 г. специальный анализ распространения и датировки двушипных наконечников стрел на территории Восточной Европы предпринял Р. С. Минасян. Он несколько дополнил свод А. Ф. Медведева новыми находками и развил его выводы. Р. С. Минасян отметил «очевидную связь» двушипных втульчатых наконечников стрел с «памятниками, имевшими среди своих археологических материалов бесспорно славянские», притом, что «в материалах балтских, финно-угорских культур и культур кочевнического населения южнорусских степей таких наконечников нет». «Этот факт, — считает Р. С. Минасян, — позволяет заключить, что носителями стрел с двушипными втульчатыми наконечниками в Восточной Европе были славяне, причем, судя по карте распространения наконечников, все восточные славяне, а не только население западных областей Древнерусского государства». «Появление двушипных втульчатых наконечников не было синхронным на этой территории Европы (правобережье Днепра — VI—VIII вв., Левобережье — VIII—IX вв.; области, лежащие к северу от Припяти и Десны — IX—X вв.)», что, по мнению Р. С. Минасяна, «отражает поэтапное заселение различных областей Восточной Европы какими-то группами славянского населения».⁶⁹ Рассматриваемые наконечники стрел включены Р. С. Минасяном в выделенный им комплекс сельскохозяйственного и бытового инвентаря, который, по его мнению, появился в лесной зоне Восточной Европы при продвижении сюда славян.⁷⁰

В 1979 г. В. Б. Перхавко поддержал выводы А. Ф. Медведева и Р. С. Минасяна о том, что найденные на территории Восточной Европы втульчатые двушипные наконечники стрел были заимствованы у западных славян.⁷¹ И завершая рассмотрение данного типа стрел, следует подчеркнуть, что, как ни многочисленны аналогии материалов IX—X вв. Городища в Бирке, в последней нет ни одного втульчатого двушипного наконечника, хотя стрелы представлены в могильнике достаточно широко.⁷²

В контексте славянской культуры можно рассматривать шиферное пряслице из слоя X в. Городища, на котором имеются знаки и буквы, поддающиеся интерпретации с «позиции» кириллического и глаголического алфавитов.⁷³

В заполнении комплекса № 1 найдено бронзовое проволочное височное кольцо с завитком на конце (рис. 37, б). Рассматривая 2 аналогичных кольца

из Старой Ладogi, А. Н. Кирпичников считал их этническим индикатором славянского населения.⁷⁴ Этот вывод, дополнив новой аргументацией, поддержали Д. А. Мачинский и А. Д. Мачинская.⁷⁵ О. И. Давидан относит подобные кольца Ладogi к кругу славяно-балтских изделий.⁷⁶

Таким образом, имеющиеся находки с Городища свидетельствуют о том, что в составе его жителей в IX—X вв. были славяне и скандинавы. Причем многие элементы культуры, которые можно определить как славянские (керамика, хлебные печи, двушипные наконечники стрел), находят параллели на западнославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю. Тот факт, что в торгово-ремесленном и военно-административном пункте на крупной водной магистрали, каким являлось Городище в ранний период своей истории, основным типом ранних наконечников стрел были наконечники, характерные именно для славян, представляется крайне важным.

Исследователи уже давно обратили внимание на определенные связи северной группы восточного славянства и славян Польско-Поморского региона, прослеживаемые в религиозных воззрениях, преданиях, некоторых обычаях, географической номенклатуре, особенностях памятников письменности, этнографии, антропологии, элементах материальной культуры.⁷⁷ В 1986 г. А. А. Зализняк, проанализировав весь комплекс новгородских берестяных грамот с лингвистической точки зрения, заключил, что в целом древненовгородский диалект предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходят к праславянской эпохе, а ряд изоглосс — фонетических, морфологических, синтаксических и лексических — связывает его с западнославянскими (особенно с северолехитскими) и/или с южнославянскими (особенно со словенским).⁷⁸ В последние годы контакты западных и восточных славян привлекают все больший интерес археологов, которые находят новые материалы, подтверждающие их существование.⁷⁹ Исследования Городища дали дополнительные факты для разработки данной темы.

Присутствие среди жителей Городища в IX—X вв. выходцев из Скандинавии полностью соответствует той исторической обстановке, которая сложилась в Поволховье в конце I тыс. н. э., как мы ее представляем сейчас по сведениям письменных источников и археологическим материалам.

В XI в. роль и значение Городища среди поселений истока Волхова изменились. Оно утратило ряд своих основных функций, прежде всего перестало быть торгово-ремесленным и военно-административным центром округи. Его расцвет наступил с конца XI в., когда Городище превратилось в княжеский замок, расположенный вне стен города. Здесь находились административные и хозяйственные помещения, ремесленные мастерские, культовые постройки, размещались княжеская дружина и различные службы княжеского двора.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронологическая шкала второй половины I тысячелетия нашей эры (по археологическим материалам Приладожского и Приильменского районов) // Дендрохронологические шкалы

Советского Союза. Каунас, 1981. Ч. II. С. 52, 58, 62. Табл. II. В публикацию не вошли материалы из раскопок 1979 г.

² Датировка проведена в Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР (шифр образца — ЛЕ-4404).

- ³ *Stuiver M. and Pearson G. W.* High-precision calibration of the radiocarbon time scale, AD 1950—500 BC // *Radiocarbon*. New Haven, 1986. Vol. 28. № 2B. P. 805—838.
- ⁴ *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья: (Домонгольский период). М., 1956. С. 67—69; *Потин В. М.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // ТГЭ. 1981. Т. XXI. С. 86, 88. Табл. II; *Фомина А. В.* Методические проблемы систематизации кладов с кувшинскими монетами IX—X вв. // ВИД. 1983. XIV. С. 75; *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога: (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 22.
- ⁵ *Гайдуков П. Г., Никитин А. Б.* Хорезмийская серебряная монета конца VIII в. с Новгородского городища // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 114—117.
- ⁶ *Черных Н. Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладоги: (по материалам раскопок Земляного городища) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 80.
- ⁷ *Рябинин Е. А., Черных Н. Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 98; *Черных Н. Б.* Хронология и стратиграфия нижних горизонтов Староладожского Земляного городища по данным дендрохронологического анализа // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989. С. 212—213.
- ⁸ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода // КСИА. 1976. Вып. 146. С. 10. Табл. 2.
- ⁹ *Гайдуков П. Г.* О времени заселения Людина конца древнего Новгорода (по материалам Троицкого VIII раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тезисы научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 61—63.
- ¹⁰ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога. Ч. I и II // СА. 1949. Т. XI. С. 41, 42; СА. 1950. Т. XII. С. 35; *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. // СА. 1950. Т. XIV. С. 164; *Станкевич Я. Я. В.* Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладоги // СА. 1951. Т. XV. С. 233, 238—242; *Рябинин Е. А.* Новые открытия в Старой Ладоге: (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.) // Старая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 36—37.
- ¹¹ *Гроздилов Г. П.* Раскопки в Новгороде в 1935 г. // Архив ЛОИА АН СССР, ф. 2, оп. 1, 1935, д. № 276, л. 18.
- ¹² *Янин В. Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. Вып. 1 (11). С. 86, 87.
- ¹³ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 133.
- ¹⁴ *Янин В. Л.* Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 149—151.
- ¹⁵ *Молчанов А. А.* Новгородские события 1054—1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вест. МГУ. История. 1974. № 6. С. 86.
- ¹⁶ *Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Археологические памятники Древней Руси IX—XI веков. Л., 1978. С. 139; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 105, 106. Рис. 29.
- ¹⁷ *(Болховитинов Е. А.)*. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. С. 7.
- ¹⁸ *Константинова Е. Н.* Византийская эмаль // НИС. 1938. Вып. III—IV. С. 219.
- ¹⁹ *Arne T. J.* La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914. S. 33, 34.
- ²⁰ *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. 1 // САИ. 1966. Вып. Е1—36. С. 82. № 80. Я благодарю А. Н. Кирпичникова за любезную консультацию о находке меча на Рюриковом городище и возможность опубликовать сделанную им копию рисунка меча из материалов В. Арндта.
- ²¹ *Спицын А. А.* Археология в темах начальной русской истории // Сб. статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 7.
- ²² *Корзухина Г. Ф.* Находка на Рюриковом городище под Новгородом // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 45, 46. Рис. 22.
- ²³ *Корзухина Г. Ф.* Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге // КСИА. 1973. Вып. 135. С. 40.
- ²⁴ *Полубояринова М. Д.* Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М., 1972. С. 222, 223. Рис. 2.
- ²⁵ *Ambrosiani B., Arrhenius B., Danielsson K., Kyhlberg O., Werner G.* Birka. Svarta jordens hamnområde. Arkeologisk undersökning 1970—71. Stockholm, 1973. S. 167, 172—174. Fig. 56-j.
- ²⁶ *Мельникова Е. А., Носов Е. Н.* Амулеты с рунической надписью с Городища под Новгородом // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986. М., 1988. С. 210—222.
- ²⁷ Там же. С. 210, 211.
- ²⁸ *Фехнер М. В.* Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами Северной Европы в X—XI вв. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 40; *Клейн Л. С., Лебедев Г. С., Назаренко В. А.* Норманские древности Киевской Руси на современном

- этапе археологического изучения // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970. С. 232; *Авдусин Д. А.* Скандинавские погребения в Гнездове // Вестн. МГУ. История 1974. № 1. С. 75; *Stalsberg A.* Scandinavian relations with north-western Russia during the Viking Age: the archaeological evidence // Journal of Baltic Studies. Long Beach, 1982. Vol. XIII. № 3. P. 269—270; *Jansson I.* Communications between Scandinavia and Eastern Europe in the Viking Age: the archaeological evidence // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen Philologisch-Historische Klasse. Dritte Folge. Nr. 156. Göttingen, 1987. P. 782.
- ²⁹ *Новикова Г. Л.* Языческая символика кресаловидных привесок // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докладов научной конференции «Древнерусское язычество и его традиции». Псков, 1988. С. 37—38.
- ³⁰ *Jansson I.* Ovåla spännbucklor: En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björko-fyndet. Uppsala, 1985. S. 57—66, 223, 227. Fig. 47—51.
- ³¹ *Равдоникас В. И.* Старая Ладога // СА. 1949. Т. XI. С. 40, 41. Рис. 30:3; *Дедюхина В. С.* Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 194—199. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- ³² *Thunmark-Nylén L.* Ringnadeln // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 9, 10; *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. Taf. 43:1.
- ³³ *Lehtosalo-Hilander P.-L.* Luistari II. Helsinki, 1982. P. 109—111. Fig. 32:3.
- ³⁴ *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 43:7.
- ³⁵ *Спицын А. А.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 62. Рис. 105.
- ³⁶ *Thunmark-Nylén L.* Ringnadeln. S. 7, 8.
- ³⁷ *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 85:2.
- ³⁸ *Waller J.* Nadeln / Pfieme und Pinzetten // Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 184—187. Abb. 20:31.
- ³⁹ *Arbman H.* Birka I: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 96:6; Text Stockholm, 1943. S. 353. Abb. 304:6.
- ⁴⁰ *Hall R.* The Excavations at York: The Viking Dig. London, 1986. P. 104. Fig. 121.
- ⁴¹ *Фехнер М. В.* Тимереvский могильник // Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963. С. 17, 123. Рис. 7:3.
- ⁴² Бляшка найдена в 1948 г. в траншее 2 при исследовании грунтового могильника.
- ⁴³ *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. 1902. Т. 28. С. 38, 40, 130. Табл. II:12.
- ⁴⁴ *Арциховский А. В.* Археологические данные по варяжскому вопросу // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 37; *Кирпичников А. Н.* Вооружение воинов Киевской державы в свете русско-скандинавских контактов // Скандинавский сборник. 1977. Вып. XXII. С. 168, 169.
- ⁴⁵ *Корзухина Г. Ф.* Из истории игр на Руси // СА. 1963. № 4. С. 89, 100.
- ⁴⁶ *Левашиова В. П.* Браслеты // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. 1967. С. 243. (Труды ГИМ. Вып. 43).
- ⁴⁷ *Штакельберг Ю. И.* Глиняные диски из Старой Ладоги // АСГЭ. 1962. Вып. 4. С. 113, 114.
- ⁴⁸ *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII—IX веков // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99, 100. Рис. 1.
- ⁴⁹ *Верхорунова Т. Л., Шорин М. В.* Костяные изделия с Городища под Новгородом // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 52, 53. Рис. 1.
- ⁵⁰ *Бліфельд Д. І.* Давньорускі пам'яткі Шестовиці. Київ, 1977. С. 132, 196. Табл. VII:1 (курган 38).
- ⁵¹ *Arbman H.* 1) Birka I: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 112: 9—13; 2) Birka I: Die Gräber. Text. S. 12. Abb. 11:3.
- ⁵² *Стальсберг А.* Женские вещи скандинавского происхождения на территории Древней Руси // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III. Вып. 16. С. 74; *Янссон И.* Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Там же. С. 120, 121; *Jansson I.* Communications between Scandinavia and Eastern Europe. . . P. 781—785.
- ⁵³ *Корзухина Г. Ф.* 1) О некоторых ошибочных положениях в интерпретации материалов Старой Ладоги // Скандинавский сборник. 1971. Вып. XVI. С. 127—131; 2) Некоторые находки бронзолитейного дела в Ладоге. С. 35—40; *Давидан О. И.* 1) К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией: (По материалам нижнего слоя Староладожского городища) // Скандинавский сборник. 1971. Вып. XVI. С. 134—144; 2) Скандинавское влияние на развитие ремесла в Ладоге // IX Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: Тез. докладов. Ч. 1. Тарту, 1982. С. 176—178; 3) Этнокультурные контакты. . . С. 99—105.
- ⁵⁴ *Седова М. В.* Скандинавские древности из раскопок в Новгороде // VIII Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. Петрозаводск, 1979. Ч. 1. С. 179—181.
- ⁵⁵ НПЛ. С. 174.
- ⁵⁶ *Поплз А. В.* Родословная Мстиши Свенельдича // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974.

- С. 87; Лихачев Д. С. Текстология. 2-е изд. Л., 1983. С. 80—81.
- ⁵⁷ Мельникова Е. А. Новгород Великий в древне-скандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 130.
- ⁵⁸ Losiński W., Rogosz R. Metody synchronizacji warstw kulturowych wczesnośredniowiecznych obiektów wielowarstwowych na podstawie analizy ceramiki ze Szczecina // Problemy chronologii ceramiki wczesnośredniowiecznej na Pomorzu Zachodnim. Warszawa, 1986. S. 32—33. Ryc. 4; Losiński W. Początki wczesnośredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII—X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972. S. 42. Ryc. 6; S. 80. Ryc. 25; S. 84. Ryc. 27; Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956. S. 9—16.
- ⁵⁹ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 64.
- ⁶⁰ Горюнова В. М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 45.
- ⁶¹ Медведев А. Ф. Ручное металлическое оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв. // САИ. 1966. Е1—36. С. 55.
- ⁶² Артемьев А. Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // КСИА. 1978. Вып. 155. С. 70. В отношении числа втульчатых наконечников стрел никаких особенностей в составе коллекции в Изборске по сравнению с другими древнерусскими городами, к примеру с Новгородом, нет. В Новгороде, по данным А. Ф. Медведева, втульчатые наконечники составляют 22 % от количества всех железных наконечников (в Изборске 27 %). В то же время их подавляющее большинство — это наконечники арбалетных стрел, а втульчатых наконечников от стрел лука всего лишь 5 % (Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА. 1959. № 65. С. 160, 161). В Изборске такая же картина: среди втульчатых преобладают наконечники арбалетных стрел, а наконечников стрел лука всего 4 (черешковых 45). Ошибка А. Р. Артемьева состоит в том, что он сопоставил суммарные подсчеты количества наконечников стрел от лука и арбалета с подсчетами А. Ф. Медведева только относительно наконечников стрел от лука. Закономерности распространения наконечников стрел от арбалета и от лука определялись разными причинами и не случайно в обобщающем своде А. В. Медведева они рассматривались в разных разделах.
- ⁶³ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 161.
- ⁶⁴ Артемьев А. Р. Наконечники стрел. . . С. 68.
- ⁶⁵ Голубева Л. А. Вель и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. С. 129.
- ⁶⁶ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого. С. 161.
- ⁶⁷ Носов Е. Н. Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР в 1977 г. // Архив ИА АН СССР. Р—1. № 6622, л. 27. Рис. 48:1.
- ⁶⁸ Медведев А. Ф. Ручное металлическое оружие. . . С. 56.
- ⁶⁹ Минасян Р. С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // СГЭ. 1978. № 43. С. 36, 37.
- ⁷⁰ Минасян Р. С. 1) Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы // Автореф. дис. . . канд. ист. наук. Л., 1980; 2) Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24—29.
- ⁷¹ Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуручья Днепра и Немана // СА. 1979. № 4. С. 51.
- ⁷² Arbman H. Birka 1: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 10—13; Wegraeus E. Die Pfeilspitzen von Birka // Birka II:2. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1986. S. 21—34. Abb. 4:2.
- ⁷³ Носов Е. Н., Рождественская Т. В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища: (Вопросы интерпретации) // ВИД. 1987. XVIII. С. 45—55.
- ⁷⁴ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. . . С. 17, 18.
- ⁷⁵ Мачинский Д. А., Мачинская А. Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 49—51. Рис. 1:1.
- ⁷⁶ Давидан О. И. Этнокультурные контакты. . . С. 100—102. Рис. 1.
- ⁷⁷ Седов В. В. Восточные славяне. . . С. 66.
- ⁷⁸ Зализняк А. А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 годов). М., 1986. С. 217, 218.
- ⁷⁹ Херрман И. 1) Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 191—196; 2) Роль острова Рюгена в рамках экономических и культурных взаимоотношений между племенами и народами в Прибалтийских областях // Fenno-Ugri et Slavi. 1978. Helsinki, 1980. P. 37—41; Седов В. В. Проблема происхождения и начальной истории славян // Историко-археологическое изучение Древней Руси. Итоги и основные проблемы. Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988. С. 13; Горюнова В. М. О раннекруговой керамике. . . С. 45.

ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД

(К вопросу о возникновении города)

проблема происхождения Новгорода принадлежит к числу важнейших и в то же время наиболее сложных тем начальной истории Древнерусского государства. Она распадается на две основные группы вопросов — историко-топографического характера и формирования социально-политической структуры Новгородской феодальной республики и ее места в истории древнерусской государственности. Решение первой группы

вопросов основывается в настоящее время главным образом на изучении постоянно пополняющихся археологических материалов, второй — на анализе в первую очередь письменных источников.

В историко-археологической и краеведческой литературе на роль «старого города» по отношению к Новгороду обычно выдвигались три центра: Рюриково городище, Старая Ладога и Старая Русса. Некоторые исследователи связывали появление названия Новгорода с переносом центра города внутри его собственной территории или с обрастанием первоначального ядра города большим поселением. Высказана мысль, что Новгород был основан как далекая северная фактория Киева — крепостица, поставленная на стратегически важной развилке разбойных и торговых путей. Большинство этих взглядов в той или иной форме присутствует в литературе и в наши дни.¹

Археологические раскопки Новгорода, развернувшиеся с начала 30-х гг. XX в., внесли особую остроту в проблему становления города. Дело в том, что стремление отыскать в Новгороде слои, синхронные древнейшим сообщениям письменных источников, — задача, поставленная еще в 1932 г. А. В. Арциховским и М. К. Каргером при первых раскопках города,² — натолкнулось на неожиданные трудности: таких слоев найти не удавалось, несмотря на то что археологи, особенно в довоенное время, закладывали раскопы в тех частях города, которые казались им наиболее перспективными в этом отношении. По публикациям материалов раскопок нетрудно проследить, как менялись взгляды исследователей на месторасположение древнего ядра города в зависимости от негативных (в интересующем нас отношении) результатов раскопок на Славне, на Ярославовом Дворище, в Кремле.³

Особенно показательны в этом плане общие итоги археологического изучения города, которые в 1956 г. подвел руководитель Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховский. «Итак, раскопки доказали, что Новгород возник в начале X в.», заключил А. В. Арциховский, «слоев VIII и IX вв. в Новгороде нет, вопреки ожиданиям ученых и в полном соответствии с названием

города», «неизвестно, будет ли где-либо в Новгороде найдено поселение IX в. или более раннее. В городе еще много нераскопанных участков. Но одно ясно: города в IX в. еще не было. На нераскопанных участках ему просто негде разместиться. Могло быть небольшое поселение». А. В. Арциховский отметил, что такое «небольшое наслоение IX в.» площадью в несколько метров («следы» одного дома) было открыто в 1948 г. на Ярославовом Дворище. «Археологически объяснено теперь имя города, всегда казавшееся странным», — писал А. В. Арциховский. По его мнению, «наиболее основательным претендентом на звание старого города является Старая Ладога», а «в начале X в. центр передвинулся, по-видимому, с низовьев Волхова на верховья».⁴

В последующие годы интенсивные археологические исследования Новгорода продолжались, причем раскопы закладывались в различных частях города в местах современного строительства. «На протяжении последних лет, — констатировал В. Л. Янин в 1977 г., — раскопки были проведены на четырнадцати участках, расположенных как в центре, так и на периферии Новгорода (в пределах его валов), и только на трех из них были обнаружены древнейшие прослойки X в. На остальных, часть которых находится даже в центральных районах, жизнь началась не ранее XI, XII, XIII, а порой и в XIV в.»⁵ В связи с этим В. Л. Янин даже предположил, что «участков города, которые были освоены жилой застройкой в IX в.», «найти не удастся вообще».⁶ Эти выводы аналогичны заключению А. В. Арциховского о хронологии культурных отложений Новгорода.

Отсутствие в Новгороде на современном этапе археологического изучения слоев IX—первых десятилетий X в., в том числе в ключевых точках города, является фактором, с которым нельзя не считаться. В то же время на Городище жизнь, безусловно, началась в середине IX в., и уже в IX в. это было отнюдь не рядовое сельское поселение, а значительный укрепленный центр с разноэтничным населением, развитым ремесленным производством, жители которого участвовали в дальней международной торговле. Однако никакой непосредственной смены Городища Новгородом, связанной с переселением его жителей в середине X в., не было, и в X в. поселения развивались параллельно. Но именно взаимодействие Городища и Нового города определило своеобразие процесса становления в истоке Волхова столицы Северной Руси.

В полной мере осветить данный вопрос невозможно без рассмотрения общей исторической ситуации, сложившейся в Северном Приильменье и в верховьях Волхова в конце I тыс. н. э. Два основных фактора определили выдвижение на первое место в ильменском бассейне данного района: расположение на пересечении важнейших торговых путей Восточной Европы и наличие участков, наиболее удобных для начального земледельческого освоения. Справедливо заметил Ю. А. Кизилев, что «другого, более обширного массива земли, способного удержать на себе такую же, как в северном Приильменье, концентрацию населения, Новгородская земля практически не знала».⁷

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что район истока Волхова имеет чрезвычайно выгодное географическое положение.⁸ Здесь сходились обширные водные системы рек ильменского бассейна, по которым открывались выходы на юг — по Ловати и Поле, на запад — по Шелони и на восток — по Мсте и начинался путь по Волхову на север в Ладожское озеро и далее через Неву в Финский залив. Не случайно исток Волхова занял особое место на водных путях Восточной Европы. Тут расходились первона-

чально шедшие совместно из Балтики по Неве, Ладожскому озеру и Волхову два крупнейших торговых пути средневековья — установившийся к концу VIII в. балтийско-волжский путь и начавший складываться в IX в. путь из «варяг в греки».⁹

Еще в 1892 г. А. И. Черепнин сделал весьма верное наблюдение о том, что «клады с куфическими монетами в большинстве случаев довольно определенно обозначают места древнейших поселков и своим числом отчасти указывают на сравнительную густоту древних поселений, существовавших в разных областях Древней Руси в эпоху торговых сношений с арабами».¹⁰

Такое скопление кладов наблюдается и в верховьях Волхова. Здесь обнаружено 12 кладов восточных монет, из которых 5 относятся к IX в., 6 — к X в., а датировка одного неизвестна.¹¹ Для сравнения отметим, что в низовьях Волхова открыто 4 клада куфических монет конца I тыс. н. э., а во всем ильменском бассейне — 8.¹² Концентрация кладов IX—X вв. в истоке Волхова косвенно свидетельствует о наличии здесь поселений, игравших значительную роль уже в IX в. Рассматривая клады Новгорода и его ближайших окрестностей, известные к середине 50-х гг., С. А. Янина заключила, что их хронологические показатели «дают возможность утверждать, что район истока Волхова с самого начала обращения на Руси восточного дирхема был значительным средоточием товарного обращения».¹³ Новые монетные находки подтверждают этот вывод.

Нельзя не отметить определенных параллелей для мест возникновения Новгорода и Киева. Именно «господствующее положение киевской территории, которая как бы на ключ замыкает широко разветвленные пути верхней части днепровского бассейна, — писал П. П. Толочко, — являлось одной из решающих причин выдвигания ее на первое место в Среднеднепровском районе»,¹⁴ а в Северной Руси, как мы видим, совершенно аналогичное значение в ильменском бассейне имела территория возникновения Новгорода.

К истоку Волхова с юго-запада примыкает область ильменского Поозерья. Новгородцы издавна называют Поозерьем территорию, протянувшуюся узкой полосой (4—5 км) на 20 км вдоль северо-западного берега Ильменя, между озером и р. Веряжей. Это один из самых населенных и развитых в сельскохозяйственном отношении районов древней Новгородской земли. Поозерье было наиболее удобно для начального земледельческого освоения среди низменных и затопляемых во время паводков территорий, непосредственно примыкающих к оз. Ильмень. Район характеризуется легкими почвами, большая часть которых писцами XVI в. относилась к числу «добрых» и которые в XVIII в. классифицировались как «иловатые, песчаные, к урожаю хлеба весьма способные».¹⁵ Обширные заливные поймы Веряжи и Ильменя относились к числу лучших покосов Новгородского края.¹⁶ В XVIII в. в Поозерье еще со времен славянского расселения сохранялись широколиственные леса: дубовые, кленовые, вязовые, ильмовые и ясеневые.¹⁷

Эти природные условия, крайне благоприятные для ведения хозяйства, основанного на земледелии, и определили то, что Поозерье и исток Волхова стали ядром расселения славян в крае. Нет сомнения, что именно данный район в первую очередь имел в виду летописец, когда сообщал — «словене же седоша около езера Ильмеря и прозвашася своимъ имянемъ».¹⁸

А. М. Микляев собрал обширный материал, доказывающий, что имена с окончанием на -гост, свойственные балтийским, западным и южным славянам,

«были достаточно распространенными у восточных славян, но только на древнем этапе их истории», и «названия, произведенные от этих имен, могут указывать на древнейшие местообитания славян в Восточной Европе». При картировании таких гидронимов и топонимов оказалось, что «исключительно обильна пунктами местность к югу, а в особенности к юго-западу и западу от озера Ильмень», т. е. в районах, примыкающих к Поозерью. «Концентрация, — заключил А. М. Микляев, — не повторяющаяся нигде более во всей Европе».¹⁹

Н. Н. Чебоксаров, посвятивший специальную работу изучению ильменских поозер, отмечал, что «современное население Поозерья в массе представляет непосредственных потомков древних новгородцев», что «характерные особенности новгородского говора, сближающие его с древнерусским языком, также сохранились в Поозерье лучше, чем в других районах Новгородской земли», а «народное сознание» жителей Новгорода «твердо хранит воспоминание» о древности поозер, о поозерах как самых «чистых» новгородцах.²⁰

Все эти факты, конечно, не следует прямолинейно проецировать на археологические материалы тысячелетней давности, но все же они и в первую очередь само географическое положение Поозерья и истока Волхова в центре ильменского района показывают, сколь огромное значение имеет выявление здесь облика археологических памятников кануна образования Древнерусского государства и становления Новгорода.

Начиная с 1975 г. нами проводились систематические обследования новгородской округи и раскопки ряда поселений Поозерья и верховьев Волхова. Плотность древних поселений здесь гораздо выше, чем где бы то ни было в Приильменье. Сплошной цепью протянулись они по Веряже, вдоль Волхова и Волховца, известны поселки и непосредственно на берегу Ильменя (рис. 1). Местами поселения образуют отдельные сгустки. Они зафиксированы между деревнями Георгий и Васильевское, в районе деревень Любоежа, Горошково, Завал. Всего в рассматриваемом районе открыто 34 поселения со слоями домонгольского времени. Материалы конца I тыс. н. э. представлены на 25 поселениях, еще 3 могут быть отнесены к данной группе предположительно, поскольку найденные на них фрагменты лепной керамики недостаточно выразительны. Практически на местах всех поселений этого времени жизнь продолжалась и в древнерусский период.

Подавляющее большинство поселений конца I тыс. н. э. являлось неукрепленным. В Поозерье известно только два городища — Георгий и Сергов Городок. По своему устройству и топографии Сергов Городок не имеет аналогий на территории Новгородской земли. Городище, окруженное земляным валом, сохранившимся на длину около 100 м и высоту до 3 м, находится на низменном острове посреди р. Веряжи, неподалеку от ее устья, и как бы закрывает вход в Веряжу из Ильменя. Культурные отложения выражены здесь в виде тонкого слоя с невыразительными мелкими фрагментами лепной керамики. Это лишний раз подтверждает роль городка как сторожевого пункта и возможного убежища в момент военной опасности. На городище Георгий, по наблюдениям С. Н. Орлова, земляной вал был сооружен лишь в XI—XII вв. В верховьях Волхова наряду с Рюриковым городищем к числу укрепленных поселений относится лишь Холопий Городок, где не обнаружено земляных валов и рвов, но само местоположение которого на небольшом холме среди заливаемой, труднопроходимой волховской поймы позволяет рассматривать его как укрепленный пункт.

Поселениям конца I тыс. н. э. в центральном Приильменье синхронны такие погребальные памятники, как сопки, расположенные обычно рядом с селищами (рис. 1). Если в 1970 г. в сводке В. В. Седова в верхнем Поволжье и в Поозерье сопки были отмечены в 9 пунктах (в том числе в Поозерье — 4),²¹ то сейчас известно уже 19 пунктов (в том числе в Поозерье — 8). Несмотря на такое увеличение числа сопок, рассматриваемая территория не принадлежит к районам их массового скопления. Оценивая этот факт, следует иметь в виду два момента. Во-первых, в древности сопок в северном Приильменье, конечно, было больше, но они частично уже уничтожены, так как окрестности Новгорода являются зоной полного хозяйственного освоения. Во-вторых, и это главное, сопки как тип погребальных памятников сложились непосредственно на территории Приильменья только во время славянского расселения, и естественно существовал такой период, когда славяне уже продвинулись сюда, но сопок еще не соорудили. Подобный период должен быть представлен раннеславянскими селищами, в первую очередь именно в Поозерье и в истоке Волхова.

По числу погребальных древностей конца I тыс. н. э. в районе истока Волхова явно выделяются окрестности д. Волотово на Волховце. Невозможно точно определить первоначальное количество памятников в этой местности (сейчас они не сохранились), но высоких насыпей — сопок, вытянутых цепью, судя по всему, здесь было до семи.²² Их исследования неоднократно предпринимались З.-Д. Ходаковским (1820 г.), Н. Г. Богословским (1872 г.), сотрудниками Новгородского музея (1938 г.).²³ Примечательно, что в новгородских легендах Волотову уделено особое место. В них говорится о погребении в одной из сопок знаменитого старейшины Гостомысла, о Волотовом поле как месте захоронения новгородских богатырей.²⁴ На Богатырском поле (урочище Слутка) Н. Г. Богословским действительно было раскопано кладбище, в основном достаточно позднее, но исключать здесь наличие погребений древнерусского времени нельзя.²⁵ На Слутке, на берегу Волховца, в конце I тыс. н. э. существовало и поселение.

В настоящее время одна сопка сохранилась у Хутынского монастыря, на высоком правом берегу Волхова, при слиянии Волхова и Волховца. В древности комплекс археологических сооружений в этой местности, занятой монастырскими строениями, был более сложен. В 1981 г. приблизительно в 100 м к юго-западу от сопки, при раскопках построек монастыря, случайно было открыто сооружение, представлявшее собой часть кольцевидной в плане кладки валунов, внутри которой находилась яма диаметром 2 м, стенки и дно ее были выложены камнями, поверх лежал горелый слой вперемежку с костями животных. Авторы раскопок интерпретировали изученное сооружение как жертвенник, а весь комплекс как языческое святилище. Они справедливо сопоставили его с комплексом, исследованным В. Я. Конечким у д. Коломо в юго-западном Приильменье.²⁶

Следует упомянуть еще один важный пункт местонахождения сопок в истоке Волхова — Нередицкий холм, примыкающий с северо-востока к городищенской возвышенности. Здесь остатки распахиваемой сопки были заметны еще в начале века, а в 1979 г. В. Я. Конечкий раскопал ровик этой насыпи.²⁷ Нередицкая сопка — единственное погребальное сооружение, которое может быть связано с Рюриковым городищем IX—X вв. Рядом с ней зафиксирован грунтовый могильник жителей Городища XI—XII вв.²⁸ Известно, что Нередицкий холм в XII в. входил в состав пригородных княжеских владений и составлял одно целое

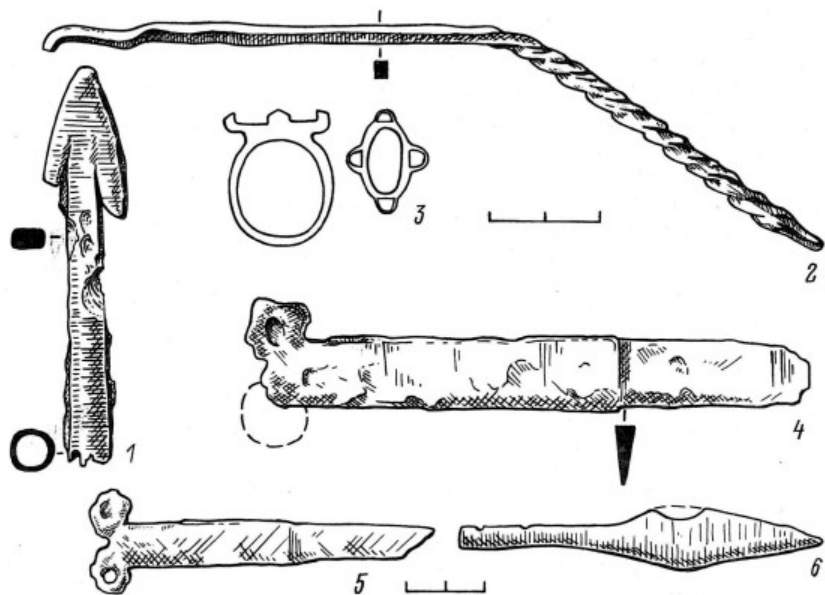

Рис. 65. Находки IX—X вв. с поселений Васильевское (1, 2, 4) и Георгий (3, 5, 6).

с Городищем. Так, в Новгородской I летописи сообщается, что в 1199 г. «испсаша церковь святого Преображения на Городищи», которая была возведена в 1198 г. «на горе, а прозвище Нередице».²⁹

Кратко остановимся на рассмотрении наиболее полно изученных памятников района. Поселение Георгий расположено на террасе левого берега р. Веряжи при впадении ручья. Площадка поселения возвышается на 4,5 м над окружающей поймой. В ее северной части сохранились остатки земляного вала. В 1958 и 1979 гг. С. Н. Орлов исследовал на поселении 166 кв. м. Найдены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления глины и пережженных валунов от печей-каменок. В заполнении комплексов встречена исключительно лепная керамика, которая преобладала и в культурном слое. Среди нее представлены как горшки с четкими ребристыми плечиками «ладожского типа», так и горшки с плавным переходом от слабопрофилированного горла к расширяющемуся тулову.³⁰ В числе находок подковообразная железная фибула³¹ и ромбический наконечник стрелы (рис. 65, 6), коса-горбуша и железный серповидный нож. О бронзолитейном производстве свидетельствует находка части глиняной льячки. Одним из интереснейших предметов является железный нож с волютообразными завершениями рукояти (рис. 65, 5), долгое время оставшийся единственной находкой подобного рода на всей территории Северной Руси. Из раскопок 1979 г. происходит бронзовый салтовский перстень с крестообразно расположенными лапками, подобный найденному на Рюриковом городище и принадлежащий к типу 1, по классификации С. А. Плетневой, датируемому концом VIII—первой половиной IX в.³² (рис. 65, 3).

С. Н. Орлов и М. М. Аксенов отнесли основной слой поселения к VIII—IX вв.³³ Этот слой, по наблюдениям С. Н. Орлова, уходит под насыпь вала, возведение которого соответственно надо датировать более поздним временем — X или XI—XII вв. Как полагали С. Н. Орлов и В. В. Мавродин, строитель-

ство вала было связано с устройством на данном месте усадьбы феодала.³⁴

Поселение Георгий — одно из древнейших в Поозерье. Его датировка IX в. не вызывает сомнений, хотя вопрос о времени возникновения в VIII в. еще требует дополнительных подтверждений.

В 300 м вниз по течению р. Веряжи от поселения Георгий, на всхолмлении левого берега реки, возвышающемся над водой на 6 м, расположено еще одно поселение — Васильевское. На селище нами раскопано 448 кв. м площади.

К концу I тыс. н. э. относится несколько хозяйственных ям и углубленных в материк оснований различного рода построек. Основная масса керамики аналогична посуде поселения Георгий. Это лепные неорнаментированные горшки «ладожского типа» с четким изломом плечика при переходе от горловины к тулову. В культурном слое и в заполнении комплексов преобладала лепная керамика и в гораздо меньшем количестве встречалась гончарная посуда X в. Одной из интереснейших находок является железный нож с волютообразным завершением рукояти (рис. 65, 4). Это вторая находка такого ножа на территории Северной Руси. Примечательно и вряд ли случайно, что оба ножа происходят с близлежащих поселений ильменского Поозерья — Георгий и Васильевское.³⁵

Среди находок имеются также железный двушипный наконечник стрелы (рис. 65, 1) и часть железной гривны из перекрученного в нескольких местах тонкого четырехгранного стержня (рис. 63, 2). При рассмотрении материалов Рюрикова городища я показал, что наиболее вероятными являются славянская принадлежность данного типа стрел и «скандинавский адрес» железной гривны. Вообще находка скандинавского украшения на сельском поселении заслуживает пристального внимания.

Среди пяти стеклянных бусин, происходящих с поселения, одна глазчатая из светло-зеленого стекла с васильковыми глазками в белых ободках, мозаичная бусина печеночно-красного стекла с черными полосами и желтым глазком и 3 одноцветные бусины печеночно-красного стекла: зонная, бочонковидная и крупная округлой формы. Подобные бусы представлены в Ладоге в слоях VIII—X вв. (группы I—IV, по З. А. Львовой).³⁶ На Рюриковом городище бусы печеночно-красного стекла встречены в отложениях IX—X вв. Зеленоватые глазчатые бусы в Скандинавии, судя по материалам, собранным Ю. Кальмером, бытовали с середины IX до начала X в. (периоды ВР III: 845—860 гг. и ВР VII: 885—915 гг.).³⁷

Анализ костного материала показал, что у обитателей поселка были коровы, овцы, свиньи, лошади, собаки; обнаружены также кости лося. О выплавке железа свидетельствует находка обломка сопла железоплавильного горна, о бронзолитейном производстве — находка части каменной литейной формочки.

Учитывая весь комплекс сделанных находок и их сравнение с материалами из древнейших горизонтов Новгорода и Рюрикова городища, основной слой поселения Васильевское можно предварительно датировать концом IX—X в. Радиоуглеродный анализ угля из заполнения сооружений, исследованных в 1986—1987 гг., проведенный в радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР (номера образцов ЛЕ-4157, 4388—4392), после калибровки по М. Стюверу и Г. В. Пирсону дал следующие календарные даты: 950 ± 30 , 960 ± 40 (2 даты), 940 ± 40 , 950 ± 35 , 950 ± 25 .³⁸ Они в целом согласуются с предложенной хронологией поселения.

Третьим поселением в Поозерье, подвергшимся раскопкам, является селище

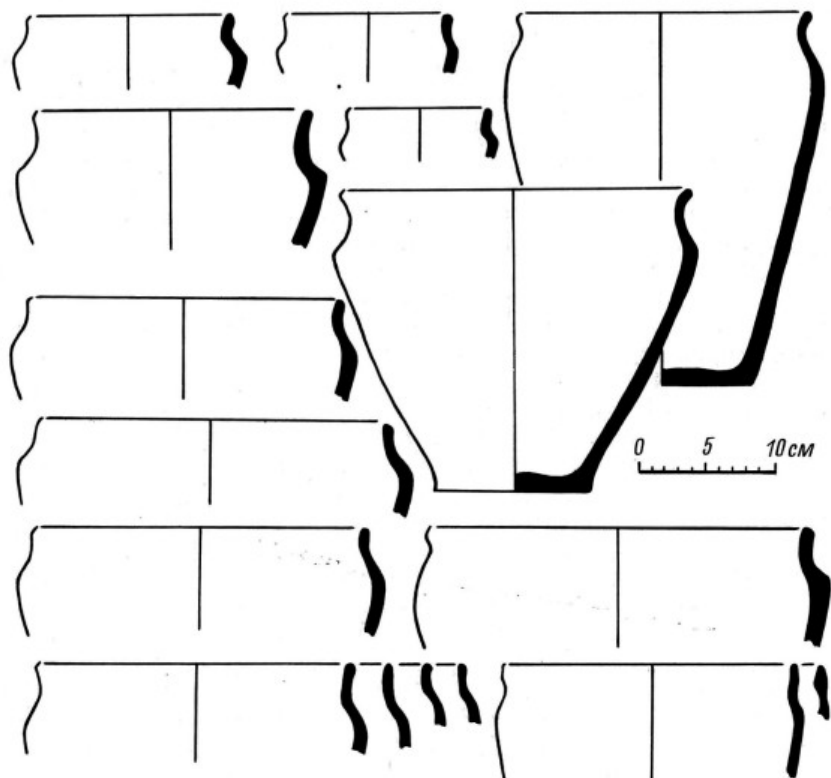

Рис. 66. Лепная керамика с поселения Прость.

Прость, расположенное на левом берегу протоки Волхова, при впадении в нее реки Прость, соединявшей Веряжу и исток Волхова. Примечательным в размещении поселка является то, что он находится всего лишь в 300 м от древнего славянского святилища в урочище Перынь. Поселение было довольно большим, тянувшимся вдоль берега протоки на 500 м. Судя по концентрации керамики и интенсивности культурного слоя, на нем было несколько ядер плотной застройки.

В 1961, 1977 и 1979 гг. С. Н. Орлов заложил на поселении несколько раскопов и шурфов общей площадью более 600 кв. м. Обнаружены углубленные в материк хозяйственные ямы, скопления пережженных камней от печей-каменок. Жилые постройки, вероятно, были наземными, хотя их четких остатков выявить не удалось. В одном из шурфов, ближе к берегу, было раскопано полуземляночное сооружение (2,8×3,9 м), углубленное в материк на 0,25—0,28 м. С юга в него вел вход, а в углу, в яме ниже пола, стояла глинобитная печь со следами каркаса из прутьев и досок. Постройка имела перекрытие, поддерживавшееся столбами. Расположение сооружения на окраине поселка в низком месте и углубление печи по отношению к полу, что не характерно для жилищ, позволили С. Н. Орлову заключить, что полуземлянка «имела производственное значение, очевидно, для копчения сетей и мереж».³⁹ Мнение

С. Н. Орлова о нежилом характере постройки справедливо, хотя ее точное назначение все же неясно.

Среди лепной керамики с поселения Прость господствует профилированная посуда «ладожского типа», наряду с которой представлены горшки со слабо намеченной шейкой, плавно переходящей к пологому плечу (рис. 66). Орнаментация на керамике полностью отсутствует. Есть комплексы, где найдена исключительно лепная посуда, в других — в незначительном числе встречаются и обломки гончарных сосудов. Среди немногочисленных прочих находок имеется глазчатая бусина темного стекла с голубыми глазками в светлых кружках. Две подобные бусины найдены в слое второй половины X в. в Новгороде, а в Ладого, где представлены более ранние слои (VIII—IX вв.), соответственно и количество таких бус более значительно.⁴⁰ С. Н. Орлов, автор раскопок поселения, датировал исследованные комплексы на селище Прость VIII—X вв.

В 300 м от селища находится известное урочище Перынь — место расположения центрального языческого святилища ильменских словен. Это небольшой плоский холм на левом берегу Волхова при самом его истоке из Ильменя. Весной перынский холм, увенчанный сосновой рощей, превращается в остров. Само расположение Перыни на фоне ильменских просторов придает урочищу величественность и исключительную живописность. В. В. Седов, один из исследователей Перыни, писал: «Местные предания, доживший чуть ли не до наших дней обычай бросать в Волхов монету при следовании мимо Перыни («жертва Перуну») и само название связывают урочище с главным языческим богом славян — Перуном. По словам третьей Новгородской летописи, в Перыни стояла деревянная статуя Перуна, которая в 988 г. была срублена и сброшена в Волхов. Все это давало полные основания предполагать, что здесь был один из центров языческой религии древней Руси». В. В. Седов подчеркивал «топографическое положение урочища, сближающее Перынский холм с холмами, на которых были расположены уже открытые и исследованные языческие святилища славян», и близость святилища к воде. «Такая закономерность расположения святилищ не случайна и может быть объяснена тем, что идолы, поставленные на таких холмах, были обращены на восток, навстречу первым лучам восходящего солнца, и одновременно к воде».⁴¹

В 1948, 1951 и 1953 гг. на Перыни под руководством А. В. Арциховского и В. В. Седова были проведены археологические исследования, в результате которых на древней вершине холма открыто и само святилище Перуна, представлявшее собой «круглое возвышение с горизонтальной поверхностью и с вертикальным столбом в центре, обрамленное рвом оригинальной формы с восемью ячейками для костров».⁴² Вокруг статуи Перуна находились изображения других языческих богов, также окруженные кольцевыми рвами.⁴³

Идол Перуна простоял в Перыни недолго. Известно, что поставлен он был воеводой Владимира Добрыней в 980 г., а в 988 г. сброшен в Волхов. Из этого отнюдь не следует, что святилище находилось на холме в истоке Волхова лишь девять лет. Устойчивость названия холма Перынью и связанных с ним преданий говорит о достаточно длительном местонахождении здесь культового центра. Раскопки А. В. Арциховского и В. В. Седова позволили отнести время сооружения святилища «по крайней мере к IX столетию», а время его функционирования — к IX—X вв.⁴⁴ Основанием для такой датировки явилось то, что при разборке прослойки на дне и склонах кольцевого рва, относившейся ко времени существования святилища, среди найденной керамики

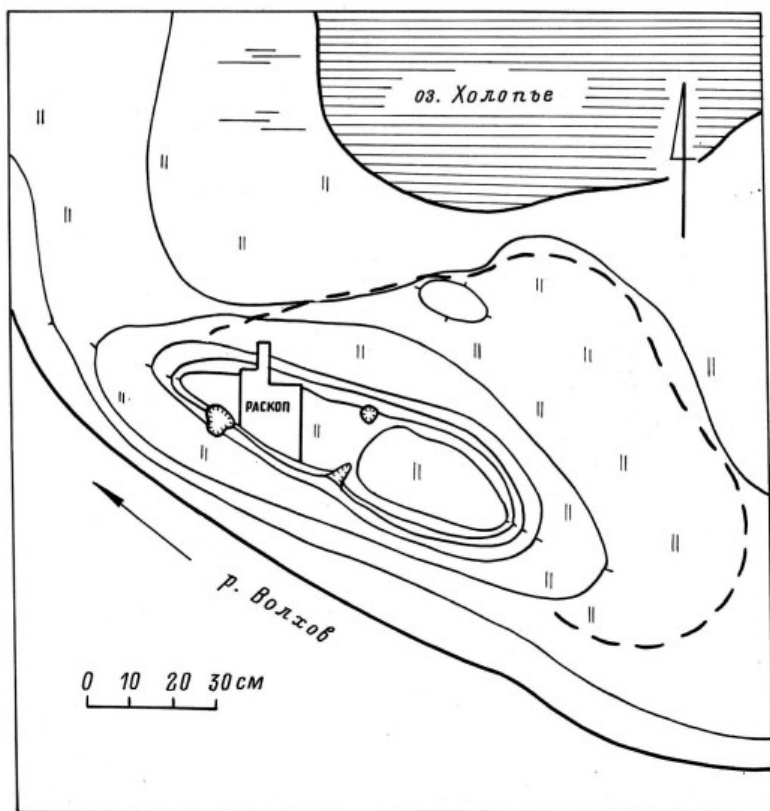

Рис. 67. План городища Холопий Городок.

Прерывистая линия — граница селища.

преобладала лепная посуда, которая в Новгороде к середине X в. уже практически вышла из употребления. Таким образом, можно думать, что Добрыня поставил в 980 г. статую Перуна как верховного божества на месте уже действовавшего капища. Важно подчеркнуть, что огромное поселение Прость и славянское капище в IX—X вв. существовали одновременно.

Одним из интереснейших памятников рассматриваемого района является Холопий Городок, находящийся в километре от места слияния Волхова с его правым рукавом — Волховцом, в 14 км от оз. Ильмень. Поселение состоит из городища и примыкающего к нему селища (рис. 67). Городище занимает высокое (5—7 м) всхолмление на правом берегу реки среди низменной волховской поймы, заливаемой во время паводков. Размеры площадки городища 12—20×100 м. В 1973 г. С. Н. Орловым исследовано на селище 136 кв. м, в 1980—1981 гг. нами раскопано на городище 256 кв. м.⁴⁵

На Холопьем Городке открыты материалы нескольких эпох. К концу I тыс. н. э. на селище относятся 9 различных ям, на городище — яма и нижние части трех построек. Лепная керамика этого времени представлена разнообразными горшками и миниатюрными сосудами. По характеру профилировки

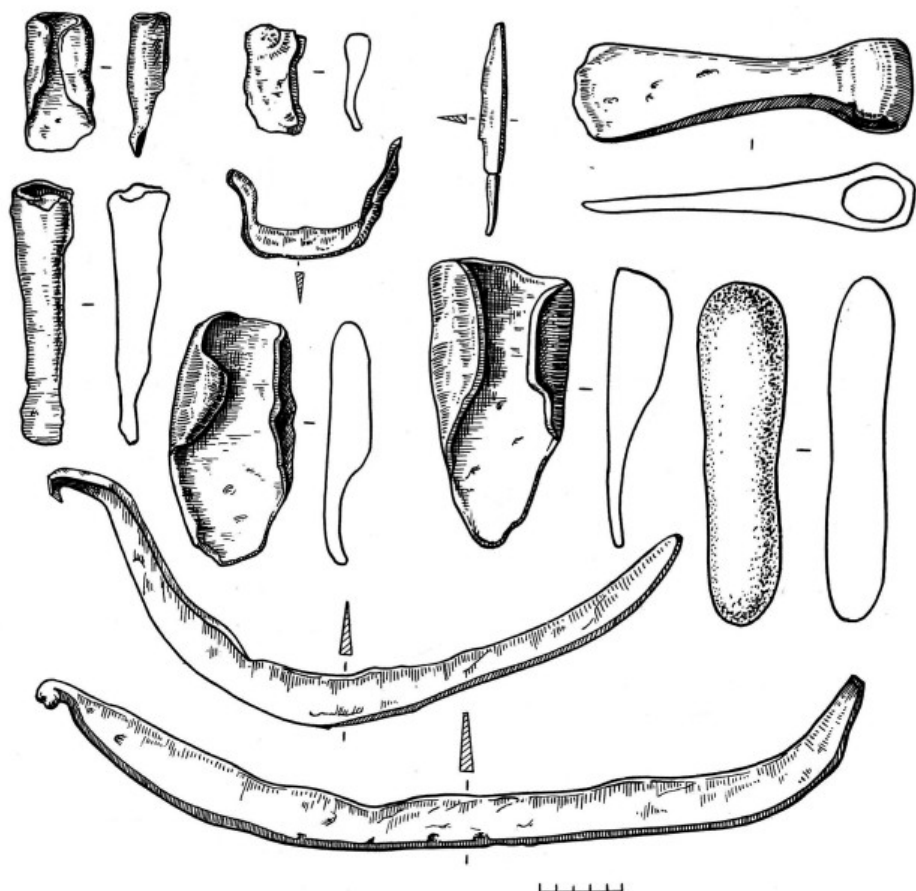

Рис. 68. Городище Холопий Городок. Клад сельскохозяйственного и бытового инвентаря IX в.

верхних частей среди горшков можно выделить две основные группы. В первую входят сосуды с четко выраженным плечиком, часто ребром, при переходе от горловины к конически сужающемуся тулову, и выделенной шейкой (рис. 70, 1—5, 9—13, 15). Наибольший диаметр сосуды имеют на уровне плечиков. Отдельные горшки этой группы отличаются друг от друга размерами шейки, выраженностью плечика и некоторыми другими деталями, но сохраняют при этом общие признаки. Керамика первой группы составляет основную массу всей лепной посуды конца I тыс. н. э. поселения и определяет своеобразие его керамического комплекса. Ко второй группе относятся горшки со слабовыраженной, несколько отогнутой наружу шейкой, плавно переходящей к пологому плечику. Сосуды этой группы имеют наибольшее расширение на уровне плечиков (рис. 70, 16—18).

В коллекции имеются также обломки сосудов, представленных единичными экземплярами. К ним относятся 2 фрагмента горшков баночной формы с прямым горлом и уступчиком на плечике (рис. 70, 21) и обломок верхней части сосуда

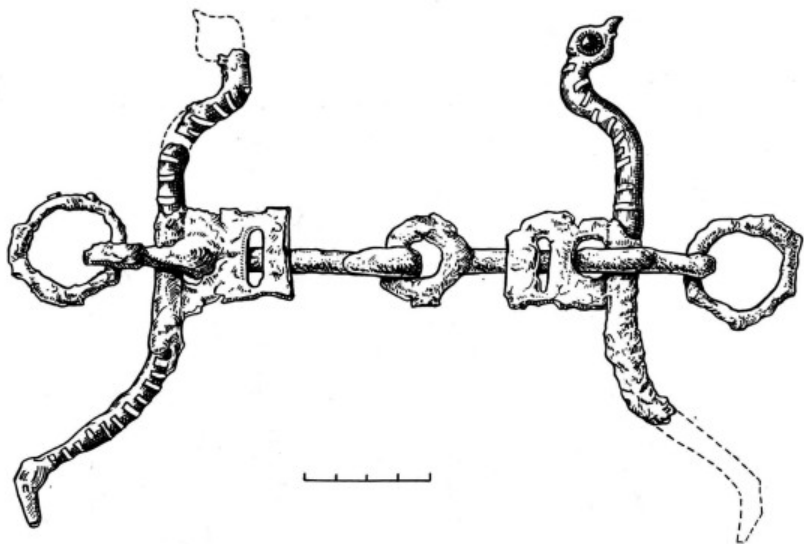

Рис. 69. Городище Холопий Городок. Железные удила из клада IX в.

с короткой, отогнутой наружу шейкой, суженным горлом и округлым плечиком (рис. 70, 19). Выделяется небольшая серия миниатюрных сосудов с диаметром венчика 5—10 см (рис. 70, 6—8, 14). По форме они аналогичны большим горшкам. Один из них украшен рядом наколов по шейке (рис. 70, 6). Орнаментация не характерна для лепной керамики Холопьяго Городка. Она встречена лишь на четырех фрагментах горшков: тычки по плечу, две параллельные бороздки с ломаной линией между ними, на двух сосудах — каннелюры (рис. 70, 20).

Особый интерес среди находок конца I тыс. н. э. представляет клад хозяйственных орудий и инвентаря, обнаруженный в заполнении одной из построек. Клад состоял из 12 предметов: двух железных наконечников пахотных орудий, двух кос, узколезвийного топора, удила, мотыжки, ножа, пешни, скобеля, точильного камня и железного клинышка (рис. 68, 69). В составе клада, относящегося к IX в., в вещественной форме воплотилась земледельческая направленность занятий его владельца. Ближайшие аналогии наконечникам пахотных орудий имеются в находках из слоев второй половины VIII—первой половины IX в. Старой Ладogi.⁴⁶ Такие наконечники использовались на однозубых пахотных орудиях с высокорасположенным центром тяжести, которые были наиболее удобны при работе на освобождаемых от леса участках. Безусловный интерес представляют удила с железными эсовидными псалиями, увенчанными зооморфными головками (псалии инкрустированы латунными пластинками; глаза головок — вставки синего кобальтового стекла — рис. 69). Подобные удила характерны в основном для аварских, аланских, литовских и тюркских древностей VII—IX вв. от Сибири и Северного Кавказа до Чехии и Литвы.⁴⁷ Точную аналогию можно указать в удилах из славяно-аварского могильника VII—VIII вв. Зитавска Тон в Словакии.⁴⁸ Территориально удилам из клада ближе всего удила с бронзовыми зооморфными псалиями из погребения в сопке Чернавино (IX в.), близ Старой Ладogi в низовьях Волхова.⁴⁹ Железные

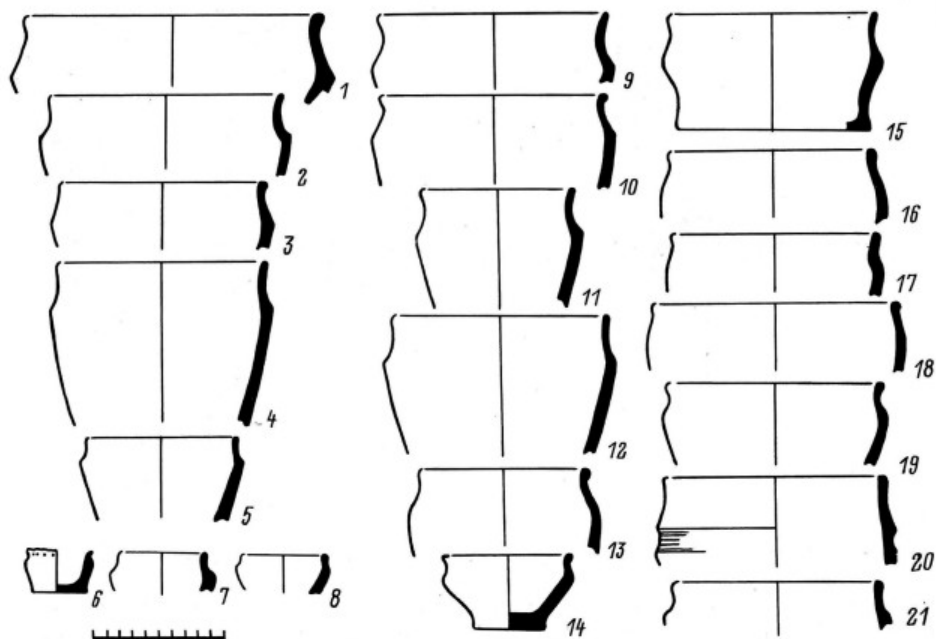

Рис. 70. Лепная керамика (1—21) с городища Холопий Городок.

наконечники пахотных орудий и мотыжка из клада входят, по мнению Р. С. Минасяна, в хозяйственно-бытовой комплекс, появившийся в лесной зоне Восточной Европы с расселением здесь славян.⁵⁰

Для датировки поселения важна находка части бронзового массивного ладьевидного браслета, украшенного плетеным орнаментом, аналогии которому имеются в древностях Норвегии, Швеции, Финляндии и относятся там к IX в.⁵¹ Встречена часть крупного бронзового бубенчика с циркульным орнаментом, похожего на бубенчики из Бирки.⁵² Интересны фрагменты четырех бутылковидных привесок, распространенных в древностях финно-угорских народов во второй половине I—начале II тыс. н. э. Самые близкие аналогии привескам с Холопьяго Городка можно указать в кургане № 4 Михайловского могильника в Ярославском Поволжье.⁵³ Из слоя городища происходит трапециевидная подвеска из красноватого янтаря с отверстием для подвешивания в верхней части. Такие же подвески нам известны в погребениях Бирки и Саркельского могильника.⁵⁴ Наконец, упомянем четвертинку дирхема, железный рыболовный крючок, 2 глиняных пряслица и железный наконечник стрелы, близкий по форме к ланцетовидным.

На поселении найдено 17 стеклянных бусин, которые, за исключением одной, аналогичны ладожским. Среди них мозаичная бусина желто-красно-зеленой окраски (I группа бус Ладоги), которая, по мнению З. А. Львовой, может быть датирующим предметом VIII—IX вв.⁵⁵ Округло-бочонкообразная бусина черного стекла с ярко-васильковыми глазками в белых кольцевых кругах (II группа бус Ладоги) датируется VIII—X вв.⁵⁶ К группе III относится бочонкообразная бусина из заглуженного стекла печеночно-красного цвета.

Основная масса этих бус найдена в горизонтах E₃—Д Ладоги и имеет многочисленные аналогии на памятниках Северной Европы VIII—X вв.⁵⁷ Встречена бусина светло-голубого прозрачного стекла в форме куба со срезанными углами. Такие бусы относятся к самым ранним бусам IX группы Ладоги, где они найдены в слоях VIII—X вв.⁵⁸ Наиболее многочисленной на Холопьем Городке является 3-я подгруппа VIII группы бус Ладоги — «рубленный» бисер. Он представлен 12 экз. желтого (8), серо-голубого (1), зеленого (1), синего (1) и белого (1) цветов. Среди старолadoжской коллекции не удалось найти аналогии округлой бусине черного стекла с мозаичными глазками зелено-сине-бело-коричневого цвета. Подобные бусы найдены на памятниках эпохи викингов в Скандинавии.⁵⁹

В отличие от многих поселений Поволховья и ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. на Холопьем Городке как в культурном слое, так и в заполнении сооружений (в 10 комплексах) представлена исключительно лепная керамика, что определенно указывает на более раннее время, чем X в. Существование Холопьяго Городка в IX в. подтверждается открытием на селище в 1979 г. клада восточных монет 810/811 гг. и упомянутыми ранее отдельными находками, прежде всего клада хозяйственного инвентаря, ладьевидного браслета, бус. Вместе с тем нельзя исключать, что поселение возникло еще в VIII в.

Из приведенного обзора археологических данных видно, что в конце I тыс. н. э. ильменское Поозерье и исток Волхова, где возникла столица Северной Руси, представляли собой плотно заселенную местность. Исследователи, придерживающиеся различных точек зрения на вопросы времени и характера славянской колонизации лесной зоны Восточной Европы, едины в том, что именно данный район в IX в. и, видимо, уже в VIII в. был освоен славянами и здесь был центр их расселения на территории складывающейся Новгородской земли.⁶⁰ Археологическими памятниками, которые можно соотнести со свидетельствами письменных источников об ильменских словенах, являются рассмотренные нами поселения с примыкающими ко многим из них сопкам.

В этой поселенческой зоне Рюриково городище занимало ключевое положение. Первый от Ильменя холм при плавании по Волхову, расположенный на естественно защищенном месте — на острове при раздвоении Волхова на рукава, — был очень удобен для первоначального возникновения торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно военно-административные функции контроля за движением по оживленной водной магистрали. Именно это и определило главенствующую роль Городища среди поселенческого ядра верховьев Волхова и Поозерья и сделало его местоположение более выигрышным по сравнению с поселками, возникавшими на холмах, впоследствии занятых самим Новгородом. Укрепленный поселок на городищенском холме уже в IX в. стал значительным административным центром Приильменя, в зрительной связи с которым находилась языческая Перынь — главное славянское святилище района. В IX в. Городище являлось догородским поселением неаграрного типа, исходным звеном в цепи возникновения собственно города.

Выгоды расположения Городища в центре богатого сельскохозяйственного района, на пересечении водных путей обусловили то, что уже в IX в. среди его жителей появились выходцы из Скандинавии. Следы пребывания варягов отмечены в низовьях Волхова с самого начала возникновения Ладоги в середине VIII в., т. е. с довикингского времени, что доказано археологически. Видимо, тогда же скандинавы впервые поднялись вверх по Волхову к Ильменю.

Первые варяги увидели ильменские просторы, когда собственно Нового города и соответственно его славянского названия еще не существовало, что и объясняет появление особого топонима *Hólmgarđr*, в дальнейшем постоянно употреблявшегося ими для обозначения города. Е. А. Мельникова подчеркивает, что *Hólmgarđr* является «древнейшим восточноевропейским топонимом, созданным скандинавами», который восходит к начальной эпохе скандинаво-русских контактов и значительно старше конца IX в.⁶¹

В литературе высказывались различные объяснения происхождения и значения топонима *Hólmgarđr*.⁶² В последние годы этот вопрос привлек пристальное внимание советских историков. Обоснованы два противоположных мнения. Е. А. Мельникова вслед за норвежским славистом Б. Клейбером полагает, что данный топоним первоначально имел территориальное значение и охватывал группу поселений в истоке Волхова («поселения в островной местности», затоплявшейся во время паводков).⁶³ Т. Н. Джаксон не согласилась с этим. Она считает, что скандинавское название города «есть не что иное, как отражение древнейшего самоназвания некоего укрепленного поселения, Холмгорода, ставшего впоследствии составляющей Новгорода». ⁶⁴ Археологические материалы не могут быть ключом к разрешению этого спора. Открытие многочисленных поселений на холмах среди волховской и ильменской поймы вполне согласуется с выводами Е. А. Мельниковой, но наличие в поселенческой зоне главного ее центра — Рюрикава городища — может соответствовать и трактовке топонима, предлагаемой Т. Н. Джаксон.

Для понимания роли Городища в истории населения Приильменя и Поволжья IX—X вв. большое значение имеет анализ известного летописного Сказания о призвании варягов. Как отметил недавно А. Н. Кирпичников, «историческая основа этого Сказания, несмотря на ряд домыслов и позднейших переработок, ныне общепризнана». ⁶⁵ С этим нельзя не согласиться. Дело в том, как трактовать летописный рассказ. Литература по данному вопросу огромна. ⁶⁶ Остановимся на точках зрения, изложенных в последние годы исследователями Новгорода и Ладоги.

В 1971 г. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский в статье о происхождении Новгорода заключили, что все действие Сказания касается событий, происшедших непосредственно в самом Новгороде, а племена, призвавшие князей (словене, кривичи и меря), — жители самого Новгорода, обособленное население его трех древнейших концов. Авторы согласились с доводами А. А. Шахматова о том, что упоминание чуди в легенде — это позднейшая вставка в более древний текст и речь шла первоначально лишь о трех племенах. ⁶⁷ А. Н. Кирпичников также пришел к выводу, что события, изложенные в Сказании, реально имели место в одном городе. Однако этим городом был не Новгород, а Ладога, и все упомянутые летописные племена — словене, кривичи, меря, чудь, весь — это жители самой Ладоги. Как думает А. Н. Кирпичников, население, принадлежавшее пяти племенам, возможно, размещалось в Ладоге отдельными общинами на компактных участках (в особых поселках или концах), и в дальнейшем не исключено, что будут открыты «разнообщинные могильники», в том числе таких «групп федератов», как меря, чудь, весь. А. Н. Кирпичников считает, что точка зрения А. А. Шахматова на соотношение различных вариантов Сказания о призвании варягов неверна и опирается на выводы А. Г. Кузьмина, «доказавшего, что первоначальный вариант варяжской легенды читается не в Новгородской первой летописи, а в Ипатьевской, Радзивилловской, некоторых

других летописях и, возможно, в Лаврентьевской». По мнению автора, А. А. Шахматов неправ и в том, что считал упоминание чуди позднейшей вставкой.⁶⁸

Близкий ход общих рассуждений В. Л. Янина и М. Х. Алешковского, с одной стороны, и А. Н. Кирпичникова — с другой, привел их к диаметрально противоположным выводам. На мой взгляд, события, изложенные в Сказании о призвании варягов, нельзя трактовать применительно к одному городу, будь то Новгород или Ладога, как нет бесспорных оснований пересматривать взгляды А. А. Шахматова по данному вопросу.

Сказание о призвании варягов, как доказано в современной науке, сложилось сравнительно поздно и носит искусственный характер, объединяя в себе местные северорусские легенды и широко распространенный на берегах Балтики фольклорный сюжет о приходе трех братьев из-за моря. А. А. Шахматов убедительно показал, что в основу различных редакций Повести временных лет был положен так называемый Начальный свод, созданный около 1095 г. в Киеве и дошедший до нас с дополнениями в составе Новгородской I летописи младшего извода.⁶⁹ Этот вывод в своих основных положениях разделяется большинством отечественных исследователей, хотя высказывались в отношении него и критические суждения.⁷⁰ Выполненный О. В. Твороговым новый текстологический комментарий к шахматовской схеме позволил ему заключить, что «противники А. А. Шахматова не смогли выдвинуть ни одного сколько-нибудь убедительного возражения против существования Начального свода» и «гипотеза А. А. Шахматова о Начальном своде представляется убедительно доказанной».⁷¹ Тем самым первичность начальной части Новгородской I летописи в сопоставлении с Повестью временных лет достаточно определена, соответственно это относится и к содержащемуся в ней варианту Сказания о призвании князей.

По мнению А. А. Шахматова, Сказание как запись о древнейшей истории Новгорода и Руси возникло в Новгороде в первой половине XI в. «Трудно было составителю записи, — писал А. А. Шахматов, — помирить в одном согласном целом все то, что сохранилось в народной памяти и появилось в народной фантазии. Пришлось прибегнуть к сочинительству, к произвольной группировке лиц и событий».⁷² В Сказании о призвании князей, как и во всем Начальном своде, А. А. Шахматов проследил «спайки» двух источников — киевского и новгородского происхождения, имевшихся у составителя Начального свода. А. А. Шахматов полагал, что в древнейшем киевском своде сообщалось лишь об обложении данью северных племен и изгнании варягов. Позднее, когда этот свод перешел в Новгород, то там и был создан тот первоначальный вид Сказания, который сохранился в составе Новгородской I летописи.⁷³

Во всех разновидностях Сказания прослеживаются три основных момента: 1) взимание варягами дани со словен и соседних с ними племен; 2) изгнание варягов и усобица; 3) призвание князей и добровольное подчинение им. За двумя первыми моментами (т. е. теми, которые, по А. А. Шахматову, имелись уже в киевском источнике) и следует искать, как полагал исследователь, реальную историческую основу, «все или почти все остальное» «может принадлежать домыслу».⁷⁴ Этот вывод был поддержан в историографии. «Сочинительство, — отмечала Е. А. Рызевская, — начинается с того момента, когда летописец выдвигает межплеменные распри как причину призвания варяжских князей».⁷⁵

В Новгородской I летописи текст Сказания начинается с упоминания словен, кривичей и мери.⁷⁶ Имя чуди, также названное в данном отрывке, по мнению А. А. Шахматова, поддержанному другими исследователями, в первоначальном тексте Сказания отсутствовало и является позднейшей вставкой.⁷⁷ Основания для этого следующие:

1. Сказание говорит о трех братьях, призванных на княжение, и число князей-братьев должно было соответствовать числу призывавших их племен, сообразно с числом племен названо три города.

2. В начале Сказания говорится только о трех племенах: «Новгородские люди рекомии Словени и Кривичи и Меря; Словени свою волость имели, а Кривичи свою, а Мере свою». Чудь названа обособленно от прочих и, по замечанию А. А. Шахматова, «несколько неожиданно». После слов, завершающих предыдущую фразу «каждо своимъ родомъ владаше», вставлено «а Чудь своимъ родомъ».

3. Чудь занимает в обоих перечнях четвертое и последнее место, а что это имеет значение, доказывается тем обстоятельством, что в соответствующем месте Повести временных лет чудь названа на первом месте, даже раньше словен: это первое место, занимаемое чудью в Повести, заставляет думать о позднейшей вставке ее, сделанной составителем Повести, откуда следует, что ее имени не было в Начальном своде.

4. Начальный свод повествует о дани в пользу варягов, наложенной Игорем опять же на три племени — словен, кривичей и мерю.⁷⁸

Наконец, Никоновская летопись, которая пользовалась Начальным сводом или даже еще Древнейшим и которая, как подчеркивает Б. А. Рыбаков, содержит ряд уникальных известий по русской истории второй половины IX в., опять же говорит о варягах, взимавших дань только с трех племен — словен, кривичей и мери, — и не упоминает чуди.⁷⁹

А. А. Шахматов признавал достоверным фактом истории связь словен, кривичей и мери на почве общей дани в пользу варягов, так же как и факт изгнания последних.⁸⁰ Действительно, упоминание мери в летописном перечне данников варягов, скорее всего, основывается на каком-то еще живом в XI в. воспоминании, поскольку после 907 г. (поход Олега «на Греки») меря исчезла со страниц летописи, и, как полагают в современной литературе, «окончательное исчезновение мерянской этносоциальной общности происходит в начале XI в.»⁸¹

Однако у некоторых исследователей участие в антиваряжском союзе поволжских финнов (мери) вызывает сомнения, и, по их мнению, упоминание мери объясняется не пересказом исторического предания, а является плодом творчества летописца середины XI в., придерживавшегося определенной идеологической ориентации (в частности, как думал А. В. Куза, меря на страницах летописи названа в интересах борьбы за киевский стол Ярослава Мудрого, ранее княжившего в Ростове — в земле мери⁸²).

Можно задать вопрос: случайно ли то, что по древнейшей версии Сказания о призвании князей данниками варягов названы только три племени — словене, кривичи и меря? Имеются ли сейчас археологические факты, которые позволяют увязать в раннем периоде русской истории именно эти три племени и тем самым подтвердить историческое зерно первой части Сказания?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что территория расселения словен, кривичей и мери удивительно совпадает с районами, через которые со второй половины VIII в. проходил балтийско-волжский путь, по которому

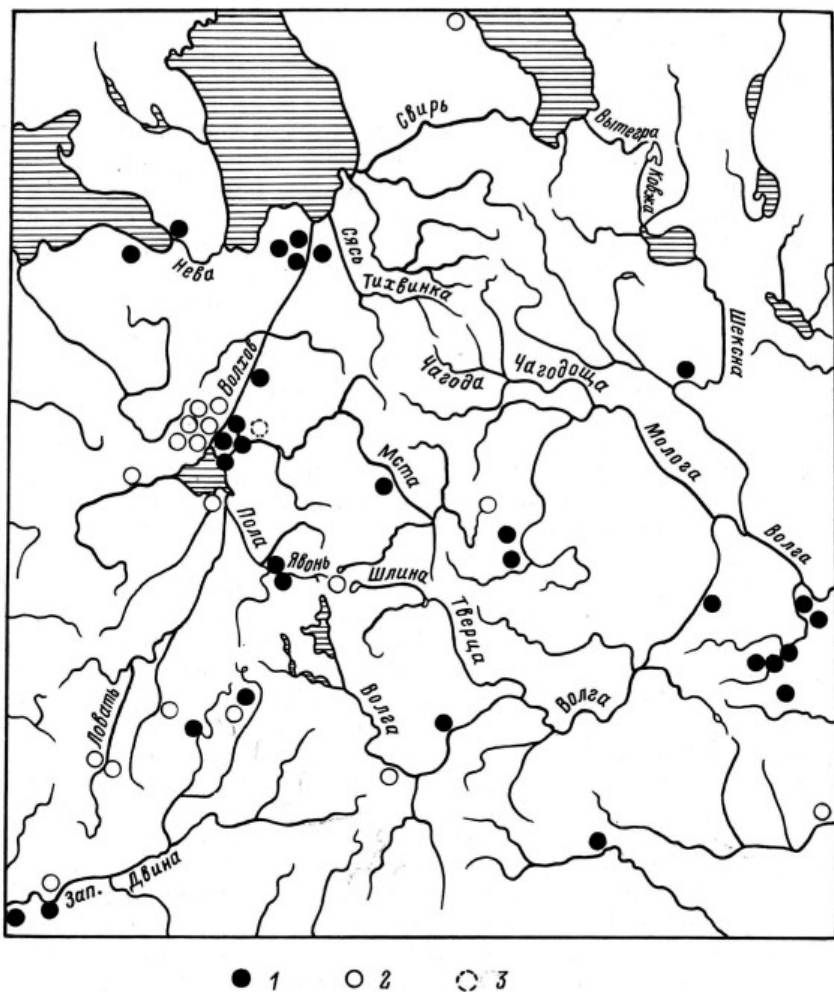

Рис. 71. Клады куфических монет VIII—X вв. в лесной зоне Восточной Европы.

1 — конец VIII—IX в.; 2 — X в.; 3 — неясная дата.

поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики. Северный отрезок этого пути рельефно высвечивают монетные клады (рис. 71).

Этот путь проходил по Неве, Волхову, по рекам ильменского бассейна — Поле и Мсте с переходом на Верхнюю Волгу и далее в Волго-Окское междуречье. На нем отчетливо выделяются три скопления монетных кладов. Первое — у Старой Ладogi. Здесь найдены 4 клада VIII—IX вв. (древнейший 786 г.). Второе скопление находится в верховьях Волхова — 11 кладов IX—X вв., а датировка еще одного клада не определена (древнейшие — Вылеги, 807 г.; Холопий Городок, 811 г.). Третье скопление из 5 кладов IX в. фиксируется в районе Ростова и Ярославля. Из них 3 древнейших клада происходят с берегов

оз. Неро (два найдены на Сарском городище — 814-е и 820-е гг.; Угодичи, 813 г.), 2 клада обнаружены на поселениях у д. Тимерево.⁸³

Области размещения словен, кривичей и мери определены в Повести временных лет.⁸⁴ Центром расселения словен названо оз. Ильмень. Судя по естественно-географическим условиям Приильменя и археологическим данным, ядром расселения словен в крае стали Поозерье (северо-западное побережье озера) и верховья Волхова. Главным поселением района в IX в. и частично в X в. было Рюриково городище. В целом новгородскими словенскими в конце I тыс. н. э. оставлены древности культуры сопок, и территория распространения последних фиксирует территорию распространения словен.⁸⁵

В область расселения кривичей в числе прочих, как свидетельствует летопись, входили верховья Волги. Летопись не называет, однако, в этом районе значительного центра кривической группы. Ближайшим таким пунктом являлся Торопец (древний Кривитеск).⁸⁶ В торопецкой округе найдены и 2 клада восточных монет IX в. (Набатово и Зеликовье).⁸⁷ Наиболее убедительным соответствием летописной группировке верхневолжских кривичей в археологическом материале являются многочисленные памятники культуры длинных курганов, выявленные в последние два десятилетия на Валдайской возвышенности, в том числе в зоне перехода от рек ильменского бассейна (Полы, Мсты и их притоков) в бассейн Верхней Волги.⁸⁸

Меря помещена летописцем на Ростовском и Клещинском озерах. Большие работы по изучению мерянских поселений конца VII—начала XI в. на оз. Неро (Ростовское) проведены А. Е. Леонтьевым. Единственным укрепленным пунктом района являлось Сарское городище. По мнению А. Е. Леонтьева, городище — «несомненный племенной центр», расположение которого вместе с открытыми на оз. Неро селищами отражает территориальную структуру «одного из мерянских племен».⁸⁹ На Клещинском озере как центр мерянской округи нередко рассматривается городище Александрова гора с примыкающим селищем.⁹⁰

Вдоль северной части балтийско-волжского пути располагались крупные торгово-ремесленные и военно-административные поселения: Ладога и Рюриково городище на Волхове, Сарское городище на оз. Неро, поселение Тимерево близ Ярославля. Нельзя не упомянуть и Ростов, названный в летописи в числе древнейших городов на Руси, но археологически изученный еще явно недостаточно. На некоторых реках, по которым осуществлялась международная торговля, укрепленные поселения приурочены к ключевым местам пути — порогам, волокам, раздвоению рек на рукава.⁹¹ На перечисленных крупных поселениях (кроме Ростова) обнаружены клады восточных монет IX в., вещи общепольского круга древностей и сугубо скандинавского происхождения. Последние найдены в Ладоге уже в слоях второй половины VIII в., на Сарском городище они датируются первой третью IX в., на Рюриковом городище и в Тимерево — в пределах IX в.⁹² Характер этих находок не оставляет сомнения в непосредственном присутствии скандинавов в упомянутых центрах, хотя следует подчеркнуть, что во всех случаях не скандинавские находки определяли основу материальной культуры поселений.

Из сказанного вытекает, что скандинавы, появившись во второй половине VIII в. в Ладоге, постепенно проникали по балтийско-волжскому пути вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие улавливается археологически уже для начала IX в. Полагаю, что исторической сутью Сказания о призвании варягов явились реальные события вдоль балтийско-волжского пути —

участие словен, кривичей и мери в международной торговле, их взаимоотношения и столкновения между собой и со скандинавами.⁹³ Этим и объясняется включение в древнейшую версию Сказания именно названных трех племен, так же как то, что данный факт во многом обусловил и последующую тесную связь Новгорода и Ростова. Однако балтийско-волжский путь ни в коей мере нельзя считать лишь путем скандинавов. Речь идет о том, что в IX в. между Балтикой, Северной Русью и Волгой наметился достаточно широкий коридор движения, по которому осуществлялись контакты, и не только торговые, между народами. Несомненно, что теми же путями, по которым восточное серебро доставлялось к истоку Волхова, в обратном направлении шли группы словенских колонистов в Волго-Окское междуречье. «Земля мери (Ростов), — полагал А. А. Шахматов, — была, по-видимому, покорена или колонизована словенями», указывая на то, что в IV Новгородской летописи в конце X в. Суздальская область названа «Словенской землей».⁹⁴

Отряды скандинавов, легко менявших весы торговца на меч воина, представляли серьезную опасность для сельского славянского и финского населения лесной зоны Восточной Европы. Здесь были не только торговые контакты, но и военные нападения, насилия и грабежи, откуп от пришельцев и вооруженные столкновения. Летописец, повествуя об изгнании варягов, «вспоминает» об усобицах, возникших между племенами, причем существенно, что он сообщает о возведении городов и конфликтах между городами («въсташа град на град»). Расположение на пути от Ладожского озера до Волго-Окского междуречья в VIII—IX вв. нескольких крупных центров, выполнявших торгово-ремесленные и военно-административные функции в ключевых точках балтийско-волжского пути, археологически доказано, так же как археологически несомненна привязка ряда укрепленных поселений к наиболее опасным участкам пути, т. е. определенная роль по обеспечению функционирования водной магистрали, следовательно, вполне достоверна и та историческая картина, на фоне которой летописец XI в. разворачивал свой рассказ о древнейшем прошлом Руси.

Не исключена реальность и самого факта призвания на договорных условиях одной из групп скандинавов для обеспечения соблюдения определенных правовых норм взаимоотношений вдоль оживленной торговой артерии, т. е. обеспечения нормального функционирования северной части балтийско-волжского пути.⁹⁵

Однако на основании летописного сказания нельзя утверждать, как это часто делается в литературе, что во второй половине IX в. существовало славяно-финское «раннегосударственное объединение», или «славяно-финская племенная конфедерация» с единым центром.⁹⁶ Любая федерация или конфедерация (что, кстати, не одно и то же, а в литературе термин употребляется порой произвольно) предполагает не только достаточно высокий уровень консолидации местных обществ, необходимый для создания совместных органов власти, но и общность политических и экономических целей разноэтничных языческих образований. Думаю, что ни славянские племена, ни меря, ни тем более весь или чюдь в середине IX в. подобных общих целей и потребностей не имели. Временный союз между мерей и славянскими группировками для конкретных нужд обеспечения нормального функционирования торгового пути является показателем достаточно высокого уровня социально-экономического и политического развития двух народов, но не более того. Причем вряд ли это был равный союз,

поскольку меря активно ассимилировалась славянами, в начале X в. она была обязана платить дань киевским князьям, а в начале XI в. вообще прекратила существование как этносоциальная общность. Справедливо отмечал В. Д. Королук, что характерной чертой относительно единых раннефеодальных государств оказывается их национальная однородность и попытка отдельных исследователей рассматривать Киевскую Русь «как государство многонациональное (или межнациональное) совершенно не соответствует не только решающей, но и абсолютно доминирующей роли славянского элемента во всех областях жизни древнерусского общества».⁹⁷ Это, кстати, не исключает ни вхождения в состав правящей элиты представителей неславянских этносов, в первую очередь скандинавов, ни того, что зависимое финское население жило на подвластных Руси территориях, ни многокомпонентности материальной культуры.

Сказание о призвании князей, сложившееся в Новгороде в начале XI в. и призванное объяснить происхождение Русского государства и княжеской власти, не оставалось неизменным. Оно постоянно изменялось летописцами на основании их географических и исторических познаний, местных легенд. Так появились различные редакции сказания в Повести временных лет. Часть новых сведений по сравнению с первоначальной версией — плод труда ученых-книжников, придерживавшихся определенных идейно-политических ориентаций, часть отражает реальные исторические факты. К числу последних относится упоминание Ладоги как первого пункта, куда прибыл Рюрик. Этот вариант сказания, полагала Е. А. Рыдзевская, «дает Ладоге первенство над Новгородом и едва ли объясняется простым сочинительством».⁹⁸ Учитывая ключевую роль Ладоги на балтийско-волжском пути, в свете предложенной трактовки событий сказания, как событий на торговой магистрали, размещение приглашенных скандинавов именно в Ладоге представляется вполне логичным. Исследователи в последние годы все более допускают, обосновывая новыми аргументами старые идеи отечественной историографии, реальное историческое существование Рюрика, пришедшего в Ладогу со своей дружиной в середине IX в.⁹⁹ В 860-е гг., пишет А. Н. Кирпичников, «Ладога развилась настолько, что кратковременно становится столицей образующейся империи Рюриковичей. Она превращается в княжеский город, в ней строятся первые укрепления».¹⁰⁰

После короткого пребывания в Ладоге Рюрик, согласно вариантам Повести временных лет по Радзивилловской и Ипатьевской летописям, перешел к истоку Волхова: «... и пришед ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховом, и прозва и Новъгород, и сяде ту княжа раздаа волости».¹⁰¹ В истоке Волхова во второй половине IX в. резиденция Рюрика могла быть только на Городище. «Легенда о построении города Рюриком, — отмечал М. Н. Тихомиров, — может относиться к Городищу, тем более, что летопись говорит о построении Рюриком города над озером Ильменем, а это мало подходит к топографии Новгорода и более соответствует местоположению Городища».¹⁰² Яркие предметы скандинавской культуры, появившиеся в слоях Городища второй половины IX в., по всей видимости, являются археологическим отражением прихода Рюрика с дружиной из Ладоги.

Появление Рюрика в истоке Волхова и строительство городка не означают, правда, основания им самого поселения на Городище. Надо думать, что торговоремесленный и военно-административный поселок здесь уже существовал и до него. Ведь сам факт перехода Рюрика из Ладоги — важное свидетельство все большего значения, придававшегося поселенческому ядру Северного При-

ильменья уже в середине IX в., наглядный показатель его ключевой роли в ильменском бассейне. Открытие здесь поселений и кладов восточных монет начала IX в. подтверждает эти выводы. Ладога, выдвинутая далеко на север и оторванная от основного ядра расселения словен, никогда не могла взять на себя той роли в административной организации земель Северной Руси, какую взял на себя город в истоке Волхова.

Таким образом, я полагаю, что в летописном сообщении речь идет не об основании Рюриком нового поселения, а о строительстве им княжеского замка на уже обжитом месте главного в то время административного центра Приильменья. В дальнейшем было бы чрезвычайно важным археологически установить, возникли ли первые укрепления на Городище лишь в середине IX в. или они уже существовали к тому времени.

Наряду с Городищем в истоке Волхова располагались поселения и на других близлежащих холмах среди пойменных лугов. Значение этих поселений в X в. резко усилилось. В городищенской округе оседали социальные верхи славянского общества — «лучшие» мужи со своей челядью и окружением, привлекаемые экономическим значением района и концентрацией здесь административных властей. В X в. эти «лучшие» мужи, или «старейшины» русских летописей, являлись уже достаточно авторитетной и самостоятельной силой местного общества, восходящей к племенной знати («земское» боярство).

Касаясь названия столицы Северной Руси Новым городом, О. Малковский еще в 1852 г. справедливо заметил, что в летописях «Новгородом долго назывался преимущественно самый город-крепость».¹⁰³ На такую локализацию названия Новгорода и обратили внимание В. Л. Янин и М. Х. Алешковский, подчеркнув, что «именно Детинец и был древнейшим Новгородом».¹⁰⁴ При подобной постановке вопроса стало достаточно ясным, что поиски предшественника Новгорода — это поиски укрепленного поселка более древнего, чем новгородский Детинец. Вместе с тем название укреплений «новыми», на мой взгляд, требует реального противопоставления их «старым» укреплениям, а поэтому поиски более ранней крепости должны идти в истоке Волхова, а не на далеком расстоянии от него, в чем я полностью согласен с В. Л. Яниным и М. Х. Алешковским. Таким образом, строительство Нового города не имеет прямого отношения к проблеме «переноса» городов в том виде, как она обычно обсуждается в литературе.¹⁰⁵ В данном случае речь идет лишь о перемещении укрепленного центра внутри плотного гнезда поселений в истоках Волхова.

На одном из холмов, вниз по течению Волхова от Городища, среди поселков местной знати и была возведена новая крепость — Новый город, противостоявший княжескому городку на древнем торгово-ремесленном и военном-административном поселении в истоке Волхова. Эта новая крепость дала название и всем примыкавшим к ней поселениям. Итак, Городище являлось предшественником Новгорода как крепости.

Проблема преемственности Городища и Нового города поднималась в отечественной науке неоднократно, но здесь и возникал обычно ряд вопросов, поскольку площадь городищенского холма, по представлениям историков и краеведов, мала для размещения целого города (именно так, к примеру, и сейчас подходит к решению данного вопроса И. И. Кушнир¹⁰⁶). Если же ставить вопрос о преемственности Городища и Новгорода как разновременных укреплений (=детинцев), то все эти скептические замечания отпадают. Наконец, долгое время вызывала сомнения хронология нижних горизонтов Городища — их древ-

ность по сравнению с обнаруженными археологическими материалами Новгорода. Сейчас, как я показал, наличие на Городище слоев по крайней мере начиная с середины IX в. несомненно, что позволяет положительно решить вопрос о нем как наиболее раннем укрепленном пункте в истоке Волхова. Кстати, подчеркну, что если в дальнейшем на территории Новгорода удастся обнаружить слои, синхронные городищенским или даже более ранние, то само по себе это не будет исключать возможности характеристики Новой крепости и Городища как «новых и старых» укреплений.

Русские хронографы и летописи второй половины XVII и XVIII в. содержат легендарную часть «О истории еже о начале Русския земли и создании Новгорода. . .», где сообщается о городе Словенске, который предшествовал Новгороду и находился от него вверх по течению Волхова на расстоянии «яко поприще и боле», т. е. на месте Городища.¹⁰⁷ Нельзя исключать, что в предании о Словенске народная память в легендарной форме донесла до нас отзвуки реальных событий.

Сочинения восточных географов, содержащие данные, относящиеся к 50—80-м гг. IX в., говорят о трех группах русов, главную из которых ас-Славийю с центром в городе Слава в литературе обычно отождествляют с ильменскими словенцами, а ее центр — с предшественником Новгорода, имя которого сохранили восточные авторы.¹⁰⁸ При этом доказывається, что одна из древнейших частей Новгорода называлась «Славно», что созвучно наименованию восточных источников. Некоторые исследователи предполагают, что городом Слава было Рюриково городище. Отсюда ближайший к Городищу район древнего Новгорода получил название Славенского конца, а дорога, соединявшая Городище и Новгород, в пределах города называлась Славной улицей, «самой старой из всех городских улиц».¹⁰⁹

Вопрос о времени основания Нового города (детинца) не равнозначен вопросу о появлении первых поселенцев на возвышенностях по берегам Волхова севернее Городища. Самым ранним, вполне достоверным историческим известием о строительстве укреплений является сообщение Новгородской I летописи младшего извода, помещенное под 1044 г.: «а на весну же Володимир заложи Новгород и сдеа его».¹¹⁰ Сооружение детинца оказалось почти одновременным началу возведения Владимиром Ярославичем Софийского собора в 1045 г. Согласно летописи, в 1116 г. «Мстислав заложи Новгород болии перваго».¹¹¹ Учитывая значение слова «первый» в древнерусском языке, это сообщение можно понимать двояко: и как подтверждение того, что детинец 1044 г. являлся действительно «первой» городской цитаделью, и как общее указание на перестройку и расширение в 1116 г. «древнего, прежнего» города.¹¹²

В. Л. Янин отмечал, что сейчас «давний спор относительно местоположения кремля XI в. — находился ли он в северной или в южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956—1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г.» в пользу его северной половины. Здесь древнейший кремль «с большей вероятностью» может быть локализован в северо-западной части детинца.¹¹³

В пользу строительства Нового города ранее 1044 г. обычно приводится только один археологический аргумент — открытие в северной части кремля во время исследований 1941 г. глиняного вала.¹¹⁴ Все сведения об этом сооружении ограничиваются его упоминанием в книге Н. Г. Порфиридова 1947 г. Целесообразно процитировать Н. Г. Порфиридова полностью: «Раскопки 1941 г.

в северной части кремля, неожиданно обнаружившие мощный глиняный вал, открыли не этот ли древнейший новгородский «присп» — насыпь?». ¹¹⁵ Вряд ли подобная фраза может быть решающим доводом в пользу основания детинца до XI в. Работы 1941 г. не были завершены, и сам Н. Г. Порфиридов остался не уверен в справедливости своего заключения. При полном отсутствии данных о стратиграфии и хронологии культурных слоев в раскопе неясно, на чем основывалась датировка укреплений, и не менее вероятно, что вал (если это вал) относится к 1044 или 1116 гг. Напомню, что в южной части кремля, вошедшей в состав детинца лишь в XII в., также был открыт вал из материковой глины. ¹¹⁶ М. К. Каргер и Г. М. Штендер, касаясь древнейших укреплений кремля, вообще не упоминают о сообщении Н. Г. Порфиридова. ¹¹⁷ Н. Н. Гринев пишет об обнаружении в 1941 г. не вала, а южного склона оврага. ¹¹⁸ На мой взгляд, исследователи новгородских фортификаций М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев имели все основания констатировать в 1970 г. «отсутствие на территории детинца следов оборонительных укреплений ранее 1045 г.». ¹¹⁹

В 1985 г. получены достоверные, хорошо документированные материалы о стратиграфии кремля из шурфа в его северо-западной части, где В. Л. Янин локализует древнейшие укрепления. У Лихудова корпуса М. А. Вороновой выявлен вал крепости 1044 г. Под ним зафиксирован культурный слой мощностью 0.7 м, в котором расчищены остатки деревянной постройки, поставленной непосредственно на материковой глине на глубине 6.3 м и датированной дендрохронологически 962 г. ¹²⁰ Под валом 1044 г. не оказалось более ранних укреплений (это соответствует наблюдениям М. Х. Алешковского), и нет оснований говорить о заселении территории северной части кремля вплоть до третьей четверти X в. Сделанные выводы согласуются с результатами всех предшествующих археологических работ в новгородском детинце.

В 1971 г. В. Л. Янин и М. Х. Алешковский отмечали, что хотя «ранние фортификации детинца археологически не прослеживаются, но они существовали и до 1045 г., поскольку еще Константин Багрянородный в середине X в. упоминал Новгород». ¹²¹ Аргумент, что Новгород в форме «Невогард» («Немогард») назван в сочинении Константина Багрянородного «Об управлении империей», часто приводится в историографии в пользу существования города в X в. В статье о соотношении Городища и Новгорода я также писал о нем как о «невывызывающем сомнений». ¹²² Но к истолкованию сообщения византийского императора надо подходить более осторожно, и ответ может быть не столь однозначен.

В отрывке из сочинения Константина Багрянородного, где упоминается «Невогард» («Немогард»), речь идет о ежегодном сборе в Киеве «моноксиллов» (челнов) из разных мест земли славян, о продаже этих судов росам, которые отправляются на них в плаванье вниз по Днепру и Черному морю в Византию. ¹²³

В 1924 г. В. А. Пархоменко полагал, что в трактате «Об управлении империей» говорится не о Новгороде, а о каком-то более южном городе. ¹²⁴ В наши дни Х. Бирнбаум, ссылаясь на изложенный ему Н. Ю. Дежевским возможный подход к отождествлению «Невогарда» и Новгорода, отмечает, что этот вопрос еще далек от своего окончательного решения. В эпоху Киевской Руси в бассейне Днепра существовало несколько Новых городов, более близких Киеву и Византии, чем город на Волхове. Это Новгород-Северский на р. Десне, Новгород-Волынский на р. Случи и Новгород Малый (Новгородок) на самом Днепре. Не исключено, что Константин Багрянородный имел в виду один из этих городов. У северного Новгорода, в отличие от перечисленных, не было прямого

водного сообщения с Киевом, их разделяли волоки. Кроме того, в середине X в. он не был столь большим, чтобы его название затмило все иные центры с подобными наименованиями и каждое его упоминание не вызывало бы сомнений у современников, что речь идет именно о данном городе. Х. Бирнбаум присоединился к мнению Н. Ю. Дежневского, поставившего вопрос: почему в покрытой лесами Руси в X в. самый далекий город, расположенный на краю северной тайги, являлся поставщиком челнов для использования их на Черном море?¹²⁵

С других позиций традиционное отождествление «Невогарда» и Новгорода было подвергнуто критике А. Н. Кирпичниковым и Н. Н. Гриневым. А. Н. Кирпичников считает, что «в первой части имени города запечатлено, скорее, не название Новгорода, а тогдашнее наименование озера Ладоги — Нево» и речь идет о городе Ладоге, «входившей в домен киевского князя и служившей местом пребывания его наследника».¹²⁶ На название «Невогарда», отмечает Н. Н. Гринеv, «в большей степени, чем Новгород, может претендовать Старая Ладога», и скандинавский источник Константина Багрянородного «не должен рассматриваться как свидетельство в пользу существования новгородского детинца в середине X в.».¹²⁷

Я хочу обратить внимание еще на один важный аспект рассматриваемого вопроса. Сочинение Константина Багрянородного было составлено в 948—952 гг.¹²⁸ Речь в отрывке, где упоминается «Невогард» («Немогард»), идет о сложившейся практике сбора челнов в Киеве, т. е. о времени ранее середины X в. Однако на всей территории кремля в Новгороде на р. Волхове до сих пор не зафиксировано не только укреплений этого периода, но и, что даже более важно, вообще культурных отложений первой половины X в. Подобное расхождение археологических данных и письменного сообщения нельзя не учитывать при локализации топонима «Невогард» и выяснении его связи с тем или иным историческим центром.

В 980 г. киевским князем Владимиром была предпринята реформа древнерусского язычества в целях приведения религии «в соответствие с новым уровнем государственной жизни».¹²⁹ В Киеве изваяния Перуна и других богов пантеона были поставлены в центральной части детинца — «на холму вне двора теремного».¹³⁰ Казалось бы, в Новгороде этот государственный шаг должен был проводиться аналогичным образом. Однако ситуация здесь оказалась иной. Воевода Владимира Добрыня воздвиг статую Перуна в Перыни, которая тяготела к Городищу — укрепленному центру в истоке Волхова, а не севернее его, среди уже бесспорно существовавших на обоих берегах Волхова обширных поселков. На мой взгляд, это очень важное косвенное свидетельство отсутствия в 980 г. собственно Нового города (крепости) и подтверждение еще значительной тогда роли Городища.

В настоящее время нет серьезных археологических аргументов, противоречащих предположению о том, что Новый город был возведен сравнительно поздно, лишь в середине XI в., и именно его строительство отмечено в летописи под 1044 г. Тогда же, видимо, появились и сами противостоящие названия — «Новый город» и «Городище». Тем не менее решение вопроса о соотношении древних крепостей в истоке Волхова более сложно, чем простое признание их непосредственной преемственности, и невозможно без установления места расположения княжеской резиденции в начальный период новгородской истории и роли Ярославова Дворища в становлении города.

Исследователи единодушны в том, что в начале XI в. княжий двор распо-

лагался на Торговой стороне, близ Торга. Но где же он был в более раннее время? Предположение В. Л. Янина, что «исконной резиденцией князя можно признать только Ярославово Дворище» и она возникла здесь еще в IX в., когда новгородцы приглашали к себе князя, в силу отсутствия на дворище соответствующих культурных слоев и его связи с именем Ярослава принять нельзя.¹³¹

Неоднократно высказывалась мысль, что первоначально княжий двор был в детинце и лишь в XI в. при Ярославе был перенесен на Торговую сторону. Конечно, для XII в. выселение князя из детинца можно было бы допустить, исходя из известных событий новгородской истории, и объяснить усилением новгородского боярства и ограничением власти князя, но для начала XI в., периода, когда существовал политический альянс между новгородской аристократией и Ярославом, — периода ослабления зависимости Новгорода от Киева, такая трактовка событий маловероятна. Не случайно, сторонники данной точки зрения не смогли привести сколь-либо убедительных аргументов в ее пользу.¹³² Осталось неясным соотношение княжеского двора на Торговой стороне и детинца и для такого знатока новгородских древностей, как М. К. Каргер. «Трудно решить, — писал он, — был ли Ярослав двор когда-нибудь официальной княжеской резиденцией в древнейшем Новгороде или таковая находилась в детинце».¹³³ П. П. Толочко недавно высказал предположение о Ярославовом Дворище как о «загородной княжеской усадьбе» (по отношению к детинцу как городу).¹³⁴

Еще в 1913 г. П. Л. Гусев подчеркивал, что «нигде нет известий, чтобы у князей в детинце был свой двор».¹³⁵ Традиционно княжеской считалась южная часть кремля. Археологические исследования последних десятилетий показали, что она была включена в состав детинца лишь в 1116 г. при его расширении, а прежде здесь находился окраинный район Людина конца. Само же наименование южной части кремля княжеской появилось не ранее конца XV в., когда с присоединением Новгорода к Москве здесь была размещена московская княжеская администрация.¹³⁶ Факт полного умолчания письменных источников о княжеском дворе в новгородском детинце крайне важен и не может быть объяснен простой случайностью, поскольку речь идет о значительном центре политической жизни Древней Руси. И наконец, как было показано ранее, нет определенных данных о существовании самого Нового города до XI в.

Полагаю, что княжеская резиденция изначально в IX—X вв. находилась на Городище — там, где мы и застаем ее в XII в. при первом упоминании в письменных источниках. Здесь же при князе располагалась его дружина, в которую входило немалое число варягов. На поселении было налажено и ремесленное производство, удовлетворявшее привычные вкусы заказчиков. Как я отмечал, этим и объясняется значительное количество скандинавских находок на Городище и их большая концентрация по сравнению с Новгородом. В начале XI в. Ярослав перенес свою резиденцию вниз по течению Волхова, к торгу, одному из центров бурно росшего нового поселения. Участок, занимаемый двором князя, размещался на периферии Славенского холма, на месте, менее удобном для жизни, чем центр всхолмления, но, очевидно, еще свободном к началу XI в. от плотной застройки.¹³⁷ Резиденция князя не была защищена стенами детинца и оказалась по существу в одном ряду с богатыми городскими усадьбами новгородской знати. Из этого следует, что княжий двор на Торговой стороне вторичен по отношению к возникшему там по крайней мере в X в. поселению. Хронологическая лакуна первой половины и середины XI в. в археоло-

гических материалах Городища наряду с возникновением Ярославова Дворища не ранее XI в. свидетельствует в пользу предложенного решения вопроса.

Мысль о непосредственной связи княжеского Городища и Ярославова Дворища неоднократно в той или иной форме высказывалась в русской историографии главным образом в XIX—начале XX в. Правда, большинство исследователей широко трактовали перенос княжеской резиденции, объясняя им вообще образование всего нового городского поселения: к дворцу Ярослава, писал, к примеру Е. А. Болховитинов, «переселяться стали из поозерских мест славяне и таким образом составили первый Славенский конец Новгорода». ¹³⁸ В современной исторической литературе преемственность Городища и Ярославова Дворища даже не рассматривается, но именно подобная интерпретация событий получает археологическое подтверждение.

При разделе Владимиром Святославичем княжений между сыновьями в Новгороде первым князем «по крещении» стал Вышеслав, которого после его смерти сменил Ярослав, бывший до того в Ростове. Дошедшие до нас летописные списки не сообщают дату смерти Вышеслава, но у В. Н. Татищева указан точный год — 1010. ¹³⁹ Видимо, в его распоряжении были какие-то источники для такой датировки события.

Приехав в Новгород, Ярослав, заручившись поддержкой новгородской аристократии, отказался в 1014 г. от посылки в Киев из собираемой с населения дани ежегодного «урока» в 2000 гривен, безусловно выражая этим сепаратистские стремления новгородцев. Это свидетельство политического альянса Ярослава и новгородских «нарочитых мужей» весьма симптоматично. Вероятно, в эти годы и была перенесена княжеская резиденция с Городища на Ярославово Дворище, что и показали рассмотренные ранее материалы археологических раскопок. Переезд князя представлял собой крупный политический акт государственного значения. Княжий двор являлся не только местом нахождения князя, но и местом осуществления его судебных и административных функций, центром поступления (а затем и перераспределения) государственных налогов, судебных штрафов, т. е. местом, где по преимуществу реализуются государственно-финансовые прерогативы князя. ¹⁴⁰ Перенос княжеской резиденции свидетельствует о выросшем к рубежу X—XI вв. значении поселков к северу от Городища и формировании там нового экономического и административного центра Приильменя.

На Торговой стороне, рядом с резиденцией князя, разместились дворы княжих мужей — огнищан, отделившихся от Ярослава «хлебом и именем». Этот компактный район, заселенный мужами, которые сами или предки которых были тесно связаны с князьями отношениями службы и личного вассалитета, сохранялся долгое время и продолжал существовать в XIII в., как это видно по «Уставу князя Ярослава о мостех». ¹⁴¹ Согласно с моим выводом о переезде в начале XI в. князя с Городища на место Ярославова Дворища В. А. Буров полагает, что это переселение послужило исходным моментом для образования на территории города княжей сотни. ¹⁴² Тогда же мог появиться близ резиденции Ярослава «Поромонь двор». Многие исследователи полагают, что в летописном сообщении речь шла о дворе (усадьбе), где находился контингент скандинавских наемников и останавливались купцы, и этот факт сопоставляется с сообщением «Саги об Эймунде» о строительстве Ярославом дома для варягов. ¹⁴³

Отказавшись от «урока» Киеву, Ярослав не без оснований опасался гнева

своего отца. Владимир действительно стал готовиться к походу на Новгород. Тогда, стремясь укрепить свои позиции, Ярослав нанял «за морем» варяжскую дружину. Дружина находилась при князе, но теперь, когда княжий двор уже был не на Городище, а в самом городе, многочисленный контингент воинов оказался в ином окружении. Сразу случилось то, чего так боялся в свое время Владимир, и о чем предупреждал он византийского императора Василия II, отправляя варягов из Киева, — конфликт наемной дружины с горожанами (летопись так передает слова Владимира: «Се идут к тебе варязи. Не мози их держати в граде, оли то створять ти зло. . .¹⁴⁴). Под 1016 г. летописец повествует: «В Новгороде же тогда Ярославъ кормяше Варягъ много, бояся рати; и начаша Варязи насилие деяти на мужатых женахъ. Ркоша новгородци: „сего мы насилья не можемъ смотрити“; и собрашася в ночь, исекоша Варязи в Поромоне дворе».¹⁴⁵ Из этого сообщения очевидна расправа с княжескими наемниками в самом городе, а не столкновение с проживающими где-то обособленно на Городище варягами, и его нельзя расценить иначе, как косвенное свидетельство уже состоявшегося переноса княжеской резиденции.

Ход разрешения конфликта хорошо известен: варяжская дружина была перебита, и только активное вмешательство Ярослава предотвратило дальнейшее разрастание вооруженных столкновений. Большинство исследователей считают, что после этого и была составлена Древнейшая Русская Правда (Правда Ярослава) как своеобразный мирный договор — «ряд» между княжеской властью и горожанами, определяющий их взаимные права и обязанности. По мнению Л. В. Черепнина, «явившись продуктом острой политической борьбы в Новгороде, она должна была гарантировать новгородскому населению, прежде всего горожанам, охрану от притеснений со стороны княжеских дружинников и особенно со стороны наемных варягов. Она должна была в то же время создать княжеской дружине, варягам в том числе, условия, которые обеспечили бы им защиту от выступлений против них новгородцев».¹⁴⁶ В бурных событиях 1016 г. Б. Д. Греков увидел проявление «национально-классовой розни».¹⁴⁷

Почему в Новгороде князь оказался вне детинца и поставил свой двор за его стенами? Полагаю, что в начале XI в., когда Ярослав переносил резиденцию с Городища в центр нового поселения, городской крепости там просто еще не было. На ее месте, на холме левого берега Волхова, в 989 г. при введении христианства был построен общегородской храм — деревянная София.¹⁴⁸ М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев подчеркивали «связь происхождения детинца с владычным двором, который мог появиться не ранее конца X в.».¹⁴⁹ По их мнению, «детинцу 1045 г. предшествовала небольшая ограда владычного двора конца X в.».¹⁵⁰ После возведения Софийского храма территория близ него начинает приобретать роль общественного центра города.

Однако быстрорастущему в стороне от Городища поселению необходимы были собственные укрепления для защиты, поскольку городок в истоке Волхова не мог выполнять эти функции. И в 1044 г. Владимир Ярославич «заложи Новгород и села его» одновременно с началом возведения каменного Софийского собора. Теперь уже в силу сложившейся традиции князь остался в своей резиденции на Торговой стороне, и точно так же владычный двор остался на прежнем месте, но уже внутри детинца.

Дальнейшие события новгородской политической истории внесли новые изменения во взаимоотношения новгородцев со «своими» князьями. Непосредст-

венно сказались они и на судьбе Городища. Все исследователи истории Древней Руси единодушны в том, что в XII в. основная княжеская резиденция находилась уже опять на Городище, при сохранении, правда, Ярославова Двора во владении князей (своеобразный дуализм княжеского местопребывания и княжеского властвования). После статьи Б. Д. Грекова 1929 г. в советской историографии утвердилось мнение, что рубежом возвращения князя на Городище стало новгородское восстание 1136 г.¹⁵¹ Иную позицию, чем Б. Д. Греков, в те же годы занял И. М. Троицкий, который считал, что ограничение княжеской власти происходило постепенно еще в XI в., а переселение князя на Городище произошло до 1103 г. (отмеченное в летописи строительство церкви Благовещенья на Городище), когда в Новгороде во время княжения Мстислава появились посадники, должности которых замещались самими новгородцами.¹⁵² Однако точка зрения И. М. Троицкого оказалась «забыта» в советской историографии.

Только в работах В. Л. Янина предложения И. М. Троицкого получили свое дальнейшее развитие. На основе анализа письменных источников XI—XIII вв. по истории Новгорода и их сопоставления со сфрагистическими данными В. Л. Янин подверг убедительной критике концепцию становления новгородской боярской республики Б. Д. Грекова. В. Л. Янин пришел к выводу, что в конце XI в., наиболее вероятно в 1088—1089 гг., во время вокняжения на новгородском столе малолетнего Мстислава Владимировича, в Новгороде появляется институт посадничества нового типа — орган непосредственно боярской власти, противостоящий княжеской администрации, а сам князь становится подконтрольным боярству.¹⁵³ Касаясь вопроса о перенесении резиденции князя на Городище, В. Л. Янин пояснял: «Мысль И. М. Троицкого кажется нам более правильной в такой редакции: Городище приобретает особый характер в системе управления Новгорода тогда, когда в Новгороде возникло посадничество нового типа».¹⁵⁴ По мнению А. А. Молчанова, возникновение посадничества нового типа относится не к концу 80-х гг., а к 60-м гг. XI в.¹⁵⁵

Выводы И. М. Троицкого и В. Л. Янина, поддержанные в дальнейшем А. А. Молчановым и И. Я. Фрояновым, несмотря на некоторые различия в оценке событий, согласуются в главном — в признании факта существенного ограничения власти новгородских князей к концу XI в.¹⁵⁶ Внешним проявлением этого был перенос основного княжеского двора за пределы города, снова на Городище, чем объясняется появление на Городище археологических материалов последней трети XI в.

И. М. Троицкий в 1932 г. отмечал, что «по самому смыслу своему посадник является заместителем князя, сидящим там, где самого князя нет».¹⁵⁷ Развивая это положение, А. А. Молчанов подчеркивал значимость факта усвоения в Новгороде новым государственным институтом (выборным посадничеством), функционировавшим наряду с князем, самого термина «посадник», в то время как до этого в Новгороде, а на остальной Руси и в дальнейшем «князь и посадник могли заменять друг друга, но никак не сосуществовать». Это, заключил А. А. Молчанов, «заставляет предполагать наличие какого-то официального разделения сферы их деятельности, и в первую очередь территориального», главным внешним выражением чего «явилось, по-видимому, перенесение постоянной княжеской резиденции из самого Новгорода на Городище, создававшее возможность облечь новый политический институт в традиционную юридическую форму наместничества—посадничества». Посадник, таким образом, «по

буквальному значению этого слова должен был находиться в подчиненном положении по отношению к новгородскому князю, как его наместник — глава городского управления». ¹⁵⁸

Название княжеской резиденции Городищем само по себе симптоматично. В русском языке суффикс «-ище» обозначает «заброшенное место», «место, где было...» (селище, церквище, усадище, мытище и т. д.), ¹⁵⁹ соответственно и термин «городище» употребляется в отношении тех мест, на которых ранее находились укрепленные поселения. ¹⁶⁰ В данном случае несомненна древность появления топонима, поскольку в летописи он впервые упомянут под 1103 г. в связи с постройкой церкви Благовещенья. Наименование «Городище», видимо, возникло в середине XI в., когда княжеская резиденция была перенесена на Торговую сторону, интенсивность жизни на ее прежнем месте упала и были скрыты укрепления городка, что и удалось проследить во время археологических раскопок.

Восточные источники говорят о городе Слава, а поздние летописные своды повествуют о Словенске, предшествовавшем Новгороду и располагавшемся рядом с ним. Если принять, что Городище прежде именовалось Словенском, как неоднократно предполагалось в литературе, то неясно, почему скандинавы, попадавшие в верховья Волхова в «доновгородские времена», не восприняли это название, а использовали топоним «Холмгард», хотя «все наименования древнерусских городов в скандинавских источниках представляют собой воспроизведение фонетического облика адекватных им иноязычных (т. е. местных) топонимов». ¹⁶¹ Может быть, поселение действительно называлось не Словенск, а Холм-город, к чему склоняются ряд авторов? А. Н. Кирпичников высказал мысль, что поселение в истоке Волхова, «если привлечь одно нерасшифрованное наименование русского города в древнеисландской литературе — Гадар», изначально называлось просто «Городцом» подобно другим древнерусским населенным пунктам («Городец», «Городок»), наименования которых идут от укреплений, первоначально являвшихся их характерной особенностью. ¹⁶² В этой связи напомню мнение Т. Н. Джаксон, что «на первом этапе знакомства с Русью скандинавы стали называть страну *Gaṛṛaḡ* «Города (=укрепления)», поскольку, «отправляясь из Ладоги по Волхову в глубь славянской территории, встречали на своем пути цепочку укрепленных поселений, называемых местными жителями „городами“». ¹⁶³ Я не думаю, что сейчас можно однозначно решить вопрос о древнейшем наименовании Городища. Надо учитывать все предлагаемые объяснения топонимов, так как по существу все они имеют свои сильные и слабые стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историкографический обзор и критический анализ основных точек зрения о происхождении Новгорода представлен в нашей специальной работе, что дает нам право здесь его не повторять (*Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа IX—X вв. в свете новейших археологических данных: (к вопросу о возникновении Новгорода) // *НИС.* 1984. Вып. 2 (12). С. 3—38). Интересный материал собран А. С. Хорошевым (Происхождение Новгорода в отечественной историографии //

Вестн. МГУ. История. 1983. № 6. С. 40—53). Библиография работ советских и зарубежных исследователей, касавшихся вопросов начальной истории Новгорода, имеется в указателе П. Г. Гайдукова (Археология Новгорода: Указатель литературы, изданной с 1917 по 1980 г. / Сост. П. Г. Гайдуков. М., 1983). Из числа последних работ, не попавших в библиографию П. Г. Гайдукова, следует назвать исследование Х. Бирнбаума 1981 г.: автор в во-

- просе о начальной истории Новгорода в основном преридживается точки зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского (*Birnbaum H. Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city state. Berkeley; Los Angeles. Berkeley univ. press. 1981. Pt. 1; The historical background*).
- ² *Арциховский А. В., Каргер М. К.* Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // ПИМК. 1933. № 1—2. С. 62, 64.
- ³ Там же; *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* 1) Раскопки на Ярославовом Дворище // НИС. 1938. Вып. III—IV. С. 205; 2) Раскопки в Новгородском Кремле в 1938 г. // НИС. 1939. Вып. 5. С. 3—17; *Строков А. А., Богусевич В. А.* 1) Предварительный отчет о раскопках в Новгороде в 1939 г. (южная часть Кремля) // НИС. 1940. Вып. 7. С. 3—18; 2) Новгород Великий. Л., 1939. С. 237—250; *Строков А. А.* 1) Дохристианский могильник: (По данным археологических раскопок на Ярославовом дворе) // НИС. 1939. Вып. 6. С. 53; 2) Раскопки в Новгороде в 1940 г. // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 63—73; *Каргер М. К.* Основные итоги археологического изучения Великого Новгорода // СА. 1947. Т. IX. С. 137—167; *Арциховский А. В.* 1) Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. 1949. № 11. С. 119—151; 2) Раскопки в восточной части Дворища в Новгороде // Там же. С. 152—176.
- ⁴ *Арциховский А. В.* 1) Раскопки в Новгороде // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIII. С. 8, 9; 2) Археологическое изучение Новгорода // МИА. 1956. № 55. С. 15, 42, 43.
- ⁵ *Янин В. Л.* Очерки комплексного историко-исследования. М., 1977. С. 216.
- ⁶ *Янин В. Л.* Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестн. АН СССР. 1973. № 8. С. 67—70.
- ⁷ *Кизилов Ю. А.* Географический фактор в истории средневековой Руси // ВИ. 1973. № 3. С. 57.
- ⁸ *Середонин С. М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 221 и сл.
- ⁹ *Носов Е. Н.* 1) Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—IX в. // ВИД. 1976. VIII. С. 95—110; 2) Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 18; *Nosov E. N.* International trade routes and early urban centres in the North of Ancient Russia // *Fenno-Ugri et Slavici*. 1978. Helsinki, 1980. P. 49—62.
- ¹⁰ *Черепнин А. И.* Значение кладов с куваческими монетами, найденных в Тульской и Рязанской губерниях. Рязань, 1892. С. 39.
- ¹¹ *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа. . . С. 20. Примеч. 73.
- ¹² *Носов Е. Н.* Нумизматические данные. . . С. 103—106.
- ¹³ *Янина С. А.* Неревский клад куваческих монет X в. // МИА. 1956. № 55. С. 182.
- ¹⁴ *Толочко П. П.* Киевская земля // Древнерусские княжества. М., 1975. С. 19.
- ¹⁵ *Жекулин В. С.* Историческая география: предмет и методы. Л., 1982. С. 121, 154. Табл. 4.
- ¹⁶ Там же. С. 119.
- ¹⁷ Там же. С. 155.
- ¹⁸ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Вып. 1. С. 6.
- ¹⁹ *Микляев А. М.* О топо- и гидронимах с элементами -гост/-гощ на Северо-Западе СССР: (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 27, 40 и др.
- ²⁰ *Чебоксаров Н. Н.* Ильменские поозеры // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 235.
- ²¹ *Седов В. В.* Новгородские сопки // САИ. 1970. Вып. E1—8. № 173—176, 315—319.
- ²² Отрывок из путешествия Ходаковского по России // РИС. 1839. Т. III. Кн. 2. С. 173, 174; *Романцев И. С.* О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911. С. 58, 63, 65; *Седов В. В.* Новгородские сопки. С. 43, 44. № 315, 317, 318.
- ²³ Отрывок из путешествия. . . С. 172, 173; *Богословский Н. Г.* 1) Раскопки близ д. Родионова // Антропологическая выставка. Т. II. Изв. Об-ва любит. естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М., 1878. Т. XXXI. С. 205; 2) Раскопки близ д. Ушерски // Там же. С. 206; *Строков А. А., Богусевич В. А.* Новгород Великий. Л., 1939. С. 98. Примеч. 1.
- ²⁴ *Макарий.* Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 567—569; *Вилинбахов В. Б.* Несколько замечаний о легендах Великого Новгорода // Вестн. ЛГУ. 1963. № 4. С. 34, 35.
- ²⁵ *Богданов А. П.* Древние новгородцы в их черехах // Антропологическая выставка. Т. III. Ч. 1. Изв. Об-ва любит. естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те. М., 1879. Т. XXXV. С. 463.
- ²⁶ *Седов В. В.* Новгородские сопки. С. 43. № 316; *Булкин В. А., Седых В. Н., Штендер Г. М.* К ранней истории Хутынского и Юрьева монастырей // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 124—125. Рис. 1; *Конечкий В. Я.* О «каменных кругах» в юго-западном Приильменье // Там же. С. 37—44.
- ²⁷ *Романцев И. С.* О курганах. . . С. 62; *Конечкий В. Я.* Исследование грунтовых могильников и сопок в Приильменье // АО 1979 г. М., 1980. С. 11—12.
- ²⁸ *Конечкий В. Я.* Нередицкий могильник // КСИА. 1981. Вып. 164. С. 83—86. Рис. 1.
- ²⁹ НПЛ. С. 237, 238.

- ³⁰ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения в окрестностях Новгорода // НИС. 1961. Вып. 10. С. 165, 167. Рис. 3, 4.
- ³¹ Там же. С. 163. Рис. 2:2.
- ³² Плетнева С. А. От кочевий к городам // МИА. 1967. № 142. С. 137—141. Рис. 36.
- ³³ Орлов С. Н., Аксенов М. М. Раннеславянские поселения. . . С. 165—167.
- ³⁴ Мауровин В. В. О некоторых полукруглых городищах Новгородской области // Вестн. ЛГУ. Серия истории, языка, литературы. 1964. № 20. Вып. 4. С. 147, 148.
- ³⁵ В советской литературе к анализу ножей с волутообразным завершением рукоятей в последнее время обращались Р. С. Минасян и В. Б. Перхавко (Минасян Р. С. Железные ножи с волутообразным навершием // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 148—152; Перхавко В. Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. № 4. С. 47, 48). К сожалению, на карте распространения подобных ножей, опубликованной Р. С. Минасяном, имеются неточности. На городище Сельцо (№ 20) в Южном Прильменье, где проводили раскопки С. Н. Орлов и Е. Н. Носов, вопреки утверждению Р. С. Минасяна, никогда не было найдено ножа с волутообразным завершением рукоятки. Приведенные Р. С. Минасяном ссылки на соответствующую литературу ошибочны. Можно указать еще на одну северную находку ножа рассматриваемого типа, не учитываемую в общих работах (мое внимание на нее обратил А. В. Плохов). Она сделана в устье р. Суны, на берегу Онежского озера, на поселении Суна—VI, в слое X—XI вв. При публикации М. Г. Косменко определил находку как «предмет, напоминающий железный ключ с раздвоенной и закругленной ручкой» (Косменко М. Г. Двухслойное поселение в устье р. Суны // Средневековые поселения Карелии и Приладожья. Петрозаводск, 1978. С. 154. Рис. 8:10).
- ³⁶ Львова З. А. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. 1. // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 65—77.
- ³⁷ Callmer J. Trade beads and bead trade in Scandinavia ca 800—1000 A. D. // Acta archaeologica Lundensia Series in 4°. Nr 11. Lund., 1977. P. 85, 223. (№ В 685).
- ³⁸ Stuiver M. and Pearson G. W. High-precision calibration of the radiocarbon time scale, AD 1950—500 B. C. // Radiocarbon. New Haven, 1986. Vol. 28. № 2B. P. 205—238.
- ³⁹ Орлов С. Н. Славянское поселение на берегу р. Прость около Новгорода // СА. 1972. № 2. С. 136.
- ⁴⁰ Там же. С. 137; Львова З. А. Стекланные бусы. . . Ч. 1. С. 70—72; Щапова Ю. Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. № 55. С. 177—178.
- ⁴¹ Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 92—93.
- ⁴² Там же. С. 99.
- ⁴³ Седов В. В. Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 105—108.
- ⁴⁴ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде. С. 9; Седов В. В. Новые данные. . . С. 106, 107.
- ⁴⁵ Носов Е. Н., Плохов А. В. Поселение Холмогорское под Новгородом // КСИИМК. 1989. Вып. 195. С. 34—42.
- ⁴⁶ Миролобов М. А. Пахотные орудия Старой Ладоги // АСГЭ. 1972. Вып. 14. С. 118—126.
- ⁴⁷ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. // САИ. 1973. Вып. E 1—36. С. 13.
- ⁴⁸ Cilinská Z. Žitavská Tón // Významné slovenské náleziská na slovenski. Bratislava, 1978. S. 266, 267. Obr. 132; Comsa M. Östliche elemente im Karpaten—balkan Raum in 7—8. Jh. // Beiträge zur ur- und frühgeschichte. Teil II. Berlin, 1982. S. 19. Abb. 4.
- ⁴⁹ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника. . . С. 14, 88. Рис. 5. Табл. III, 1.
- ⁵⁰ Минасян Р. С. Проблема славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24—29.
- ⁵¹ Petersen J. Vikingetidens Smykker. Stavanger, 1928. S. 154; Kivikoski E. Studien zu Birkas Handel im östlichen Ostseegebiet // Acta Archaeologica. København, 1937. VIII. S. 238—241; Korkeakoski-Väisänen K. Manner-Suomen viikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka. Turku, 1981. S. 75, 76, 83, 84.
- ⁵² Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Stockholm, 1940. Taf. 93:14; Gräslund A.-S. Schellen // Birka II:1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 120, 121. Abb. 13:1 (Bj 721).
- ⁵³ Станкевич Я. В. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX—X столетиях // МИА. 1941. № 6. С. 73. Табл. III:2, 6.
- ⁵⁴ Arbman H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. . . Taf. 103:2; Артамонова О. А. Могильник Саркела—Белой Вежи // МИА. 1963. № 109. С. 77, 122, 125, 126, 132, 168. Рис. 73; 85:3; 89:1; 113:1.
- ⁵⁵ Львова З. А. 1) Стекланные бусы. . . С. 68; 2) Бусы I Поломского могильника // АСГЭ. 1973. Вып. 15. С. 86.
- ⁵⁶ Львова З. А. Стекланные бусы. . . С. 71.
- ⁵⁷ Там же. С. 72; Рябинин Е. А. Бусы Старой Ладоги (по материалам раскопок 1973—

- 1975 г.) // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982. С. 168, 170.
- ⁵⁸ *Львова З. А.* Стекланные бусы. . . С. 90; *Рябинин Е. А.* Бусы Старой Ладоги. . . С. 168.
- ⁵⁹ *Callmer J.* Trade beads. . . Р. 88 (№ В 0821).
- ⁶⁰ *Середонин С. М.* Историческая география. С. 223, 224; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 69 и др.; *Мачинский Д. А.* О времени и обстоятельствах первого появления славян на северо-западе Восточной Европы по данным письменных источников // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 7—24.
- ⁶¹ *Мельникова Е. А.* Восточноевропейские топонимы с корнем *garđ-* в древнескандинавской письменности // Скандинавский сборник. 1977. Вып. XXII. С. 202—209.
- ⁶² Историографический обзор различных точек зрения сделан Т. Н. Джаксон (Древнерусские города в древнескандинавской письменности. Тексты. Перевод. Комментарий / Сост. Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон. М., 1987. С. 19—20).
- ⁶³ *Мельникова Е. А.* 1) Восточноевропейские топонимы. . . С. 204—209; 2) Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 202—204.
- ⁶⁴ *Джаксон Т. Н.* 1) О названии Руси *Garđar* // *Scando-Slavica*. København, 1984. Т. 30. С. 143; 2) Наименование Древней Руси и Новгорода в древнескандинавской письменности: о возникновении топонимов *Garđar* и *Hólm-garđr* // Скандинавский сборник. 1986. Вып. XXX. С. 85—95.
- ⁶⁵ *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы (Славяно-русские древности). Л., 1988. Вып. 1. С. 44.
- ⁶⁶ *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов // ИОРЯС. 1904. Т. IX. Кн. 4. С. 325—333; *Насонов А. Н.* «Русская земля». . . С. 69 и сл.; *Алатов М. А.* Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 30—38; и т. д.
- ⁶⁷ *Янин В. Л., Алешковский М. Х.* Происхождение Новгорода: (К постановке проблемы) // ИС. 1971. № 2. С. 52—55.
- ⁶⁸ *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля. . . С. 45—47.
- ⁶⁹ *Шахматов А. А.* 1) Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб. 1908; 2) Киевский начальный свод 1095 года // А. А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 119—160.
- ⁷⁰ Библиографию вопроса см.: *Творогов О. В.* Повесть временных лет // ТОДРЛ. 1985. Т. 39. С. 157—160; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975.
- ⁷¹ *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. 30. С. 25, 26; см. также: *Лурье Я. С.* О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. 1975. М., 1976. С. 87—107.
- ⁷² *Шахматов А. А.* Сказание о призвании варягов. СПб., 1904. С. 65, 66. (Отд. оттиск).
- ⁷³ *Шахматов А. А.* Разыскания. . . С. 293, 294, 311, 314.
- ⁷⁴ *Шахматов А. А.* Сказание. . . С. 50, 51.
- ⁷⁵ *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978. С. 165.
- ⁷⁶ НПЛ. С. 106, 107.
- ⁷⁷ *Шахматов А. А.* Сказание. . . С. 34—36; *Лихачев Д. С.* Комментарий // ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. II. С. 237.
- ⁷⁸ *Шахматов А. А.* Сказание. . . С. 34—36.
- ⁷⁹ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. IX. С. 9; *Шахматов А. А.* Сказание. . . С. 36; *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982. С. 304—306.
- ⁸⁰ *Шахматов А. А.* Сказание. . . С. 51.
- ⁸¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 23; *Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А.* Этапы и формы ассимиляции летописной мери: (постановка вопроса) // СА. 1980. № 2. С. 77.
- ⁸² *Куза А. В.* Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 149, 150.
- ⁸³ *Носов Е. Н.* Нумизматические данные. . . С. 95—110. Дополнения к опубликованной топографии кладов см.: *Носов Е. Н.* Новгород и новгородская округа. . . С. 20. Примеч. 20; *Леонтьев А. Е.* 1) О времени возникновения Сарского городища // Вестн. МГУ. История. 1974. № 5. С. 71—74; 2) Городище Выжегша и происхождение Выжегского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры: (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 94—102; *Фомин А. В.* Выжегский клад куфических монет первой половины IX века // Там же. С. 103—131. В работе 1976 г. я датировал клад, найденный в 1940 г. при раскопках Ладоги, X в., опираясь на общие сведения В. И. Равдоникаса (*Носов Е. Н.* Нумизматические данные. . . С. 105. Примеч. 55). В 1977 г. О. И. Давидан опубликовала данные о трех монетах клада, которые были определены: 1 — 775—812 гг.; 2 — вторая половина VIII в.; 3 — вторая половина VIII—первая половина IX в. (*Давидан О. И.* К вопросу об организации косторезного ремесла в древней Ладоге // АСГЭ. 1977. Вып. 18. С. 103, 105. Примеч. 7). В связи с этим полагаю, что более правильно относить клад к IX в. ПВЛ. С. 11, 13.
- ⁸⁴ ПВЛ. С. 11, 13.
- ⁸⁵ *Седов В. В.* Новгородские сопки. Карта.
- ⁸⁶ *Седов В. В.* Смоленская земля // Древнерус-

- ские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 245 и сл.
- ⁸⁷ Носов Е. Н. Нумизматические данные... С. 104, 105. Карта.
- ⁸⁸ Носов Е. Н. Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тысячелетия н. э. в Приильменье // СА. 1981. № 1. С. 48. Карта; *Седов В. В.* 1) Смоленская земля. С. 242—245; 2) Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 5—11.
- ⁸⁹ *Леонтьев А. Е.* 1) Поселения мери и славян на оз. Неро // КСИА. 1984. Вып. 179. С. 26—29; 2) Ростов: Предпосылки возникновения древнерусского города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1. Вып. 2а. С. 151—157.
- ⁹⁰ *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 98, 99 и др.
- ⁹¹ *Носов Е. Н.* Волховский водный путь... С. 18—24.
- ⁹² *Давидан О. И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX веков // АСГЭ. 1986. Вып. 27. С. 99—105; *Леонтьев А. Е.* Скандинавские вещи в коллекции Сарского городища // Скандинавский сборник. 1981. Вып. XXVI. С. 141—150; *Дубов И. В.* Северо-Восточная Русь... С. 124 и сл.
- ⁹³ Подобная мысль, хотя и с иными акцентами, высказывалась Д. А. Мачинским в 1984 г., однако в статье 1986 г. автор полностью отказался от нее, отождествив мерю летописного Сказания о призвании князей и норову — племя, один раз упомянутое среди данников Руси и вызвавшее противоречивые суждения среди исследователей. Центром норовы (мери), по Д. А. Мачинскому, был Изборск, будто бы находившийся на ином месте, нежели то древнее поселение, которое именуется Изборском в наши дни и раскопывается В. В. Седовым. С новой точкой зрения Д. А. Мачинского я не могу согласиться (*Мачинский Д. А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. С. 19 и др.; ср.: *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси: (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии и фольклористики. Л., 1986. С. 3—29).
- ⁹⁴ *Шахматов А. А.* Сказание... С. 66.
- ⁹⁵ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 298, 299.
- ⁹⁶ *Куза А. В.* Новгородская земля. С. 145, 146 и сл.; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 212, 215 и др.; *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля... С. 49.
- ⁹⁷ *Королюк В. Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья: (Политическая и этническая история). М., 1985. С. 39.
- ⁹⁸ *Рыдзевская Е. А.* Сведения о Старой Ладoge в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. XI. С. 51, 52.
- ⁹⁹ *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь... С. 298, 299; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов... С. 214; *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы... С. 27; *Мачинский Д. А., Мачинская А. Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 47; *Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С.* Русь и варяги: (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193, 194; *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля... С. 49, 50. Не могу не заметить, что названные авторы отождествляют Рюрика с Рериком Ютландским, однако при этом, как правило, указывая последнее специальное исследование по данному вопросу, принадлежащее Г. Ловмянскому, не комментируют его главный вывод о том, что «Рорика Фрисландского и Рюрика Новгородского следует рассматривать как две разные личности» (*Ловмянский Г.* Рорик Фрисландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. 1963. Вып. VII. С. 249). Выводы Г. Ловмянского считал достаточно «основательными» А. В. Поппэ (*Поппэ А. В.* Родословная Мстислава Свенельдича // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 68). Касаясь вопроса о Рюрике, П. П. Толочко, отмечая, что «историчность этого лица не подвергается сомнению», вместе с тем считает, что «более 100 лет историческая наука без серьезного критического анализа пользуется гипотезой Ф. Крузе, согласно которой Рюрика „Повести временных лет“ следует идентифицировать с Рюриком Ютландским». По мнению П. П. Толочко, «не исключено, что Рюрик древнерусских летописей был выходцем из северо-западнославянского города Рерика или же земли ободритов и от него получил свое имя» (*Толочко П. П.* Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 20). Итак, если историческая реальность Рюрика более чем вероятна, в чем сходятся все исследователи, то его крайне заманчивое отождествление с Рериком Ютландским (или иное отождествление) требует развернутых доказательств.
- ¹⁰⁰ *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога: (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога: Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 25.
- ¹⁰¹ ПСРЛ. Л., 1926. Т. I. Вып. 1. С. 20. Примеч. 49; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. II. С. 14.

- ¹⁰² Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 22, 23.
- ¹⁰³ Малковский О. Критические исследования о происхождении Великого Новгорода // Временник МОИДР. 1852. Кн. 12. С. 3.
- ¹⁰⁴ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. . . С. 40.
- ¹⁰⁵ Авдусин Д. А. Происхождение древнерусских городов (по археологическим данным) // ВИ. 1980. № 12. С. 38—39; Дубов И. В. К проблеме «переноса» городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983. С. 70—82.
- ¹⁰⁶ Кушнир И. И. Новый город, где же старый? // У древних стен, у Ильмень-озера. М., 1980. С. 603.
- ¹⁰⁷ Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. С. 21; Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. 1982. XIII. С. 50—63.
- ¹⁰⁸ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 408—419; Петрухин В. Я. Три «центра» Руси: Фольклорные истоки и историческая традиция // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 143—158.
- ¹⁰⁹ Штендер Г. М. (Вступительная статья) // Каргер М. К. Новгород. 4-е изд. Л., 1980. С. 7.
- ¹¹⁰ НПЛ. С. 18.
- ¹¹¹ Там же. С. 20.
- ¹¹² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. II. С. 1766; СлЯР XI—XVII вв. М., 1988. Вып. 14. С. 207.
- ¹¹³ Янин В. Л. Социально-политическая структура. . . С. 79, 82.
- ¹¹⁴ Там же. С. 81, 82.
- ¹¹⁵ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 24.
- ¹¹⁶ Каргер М. К. Новгород. 4-е изд. Л., 1980. С. 45.
- ¹¹⁷ Там же. С. 45, 46; Штендер Г. М. (Вступительная статья). С. 7, 8.
- ¹¹⁸ Гринева Н. Н. К вопросу о происхождении названия политического центра Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тез. докладов научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 59.
- ¹¹⁹ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога // СА. 1970. № 4. С. 69.
- ¹²⁰ Воронова М. А. Раскопки у Лихудова корпуса в Новгородском кремле // Новгород и Новгородская земля. История и археология: (Тез. докладов научно-практической конференции). Новгород, 1988. С. 73—75.
- ¹²¹ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода. С. 37.
- ¹²² Носов Е. Н. Городище и Новгород в IX—XII вв.: (замечания о социально-топографической структуре древнерусского города) // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1988. С. 19.
- ¹²³ Константин Багрянородный. Об управлении империй. М., 1989. С. 45—51.
- ¹²⁴ Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII—XI вв.). Л., 1924. С. 34. Примеч. 8.
- ¹²⁵ Birnbaum H. Lord Novgorod the Great. P. 102, 103.
- ¹²⁶ Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля. . . С. 55.
- ¹²⁷ Гринева Н. Н. 1) К вопросу о происхождении. . . С. 58, 59; 2) Легенда о призвании варяжских князей // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 35.
- ¹²⁸ Константин Багрянородный. Об управлении империй. С. 5.
- ¹²⁹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 412.
- ¹³⁰ Там же. С. 413; Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987. С. 58.
- ¹³¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 222, 230.
- ¹³² Орлов С. Н., Воробьев А. В. Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959. С. 8, 9; Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. С. 32; Тихомиров М. Н. Ярославово Дворище (стенограмма выступления) // Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 408.
- ¹³³ Каргер М. К. Новгород. С. 126.
- ¹³⁴ Толочко П. П. О социально-топографической структуре древнего Киева и других древнерусских городов // Археологические исследования Киева 1978—1983 гг. Киев, 1985. С. 14, 17.
- ¹³⁵ Гусев П. Л. Новгородский детинец по изображению на иконе Михайловской церкви. СПб., 1913. С. 14.
- ¹³⁶ Янин В. Л. Социально-политическая структура. . . С. 79; Янин В. Л., Рыбина Е. А. Открытие древнего Новгорода // Путешествие в древность. М., 1983. С. 134, 135.
- ¹³⁷ Бытовавшее долгое годы мнение о существовании на Ярославовом Дворище языческого могильника X в. оказалось ошибочным (Носов Е. Н. Новгород и новгородская округа IX—X вв. . . С. 25—28).
- ¹³⁸ (Болховитинов Е. А.). Исторические разговоры о древности Великого Новгорода. М., 1808. С. 12. См. также: (Муравьев Н. Н.). Трое суток в Новгороде. СПб., 1842. С. 66—68; Путешествие по святым местам русским. СПб., 1846. Ч. II. С. 235; Макарий. Археологическое описание церковных древностей

- в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 485.
- ¹³⁹ *Татищев В. Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. II. С. 70.
- ¹⁴⁰ *Назаров В. Д.* «Двор» и «дворяне», по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII—XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 107.
- ¹⁴¹ *Носов Е. Н.* Огнищане и проблема формирования новгородского боярства // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 47, 48.
- ¹⁴² *Буров В. А.* О местоположении княжей сотни в древнем Новгороде // СА. 1987. № 1. С. 101.
- ¹⁴³ *Мельникова Е. А.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности // Новгородский край. Л., 1984. С. 129, 130; Древнерусские города в древнескандинавской письменности. С. 110, 114—115.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. С. 79.
- ¹⁴⁵ НПЛ. С. 174.
- ¹⁴⁶ *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 133.
- ¹⁴⁷ *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 117; *Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М., 1984. С. 78; *Свердлов М. Б.* От закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 34.
- ¹⁴⁸ В. Л. Янин привел ряд аргументов в пользу того, что деревянный Софийский храм располагался не на месте церкви Бориса и Глеба, о чем имеются сообщения в летописях, а в северной части новгородского кремля (*Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. С. 123—135).
- ¹⁴⁹ *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала. . . С. 69.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 72.
- ¹⁵¹ *Греков Б. Д.* Революция в Новгороде Великом в XII веке // Учен. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1929. Т. 4. С. 13—21. Историографию вопроса см.: *Фроянов И. Я.* Становление Новгородской республики и события 1136—1137 гг. // Вестн. ЛГУ. Серия 2. 1986. Вып. 4. С. 3—6.
- ¹⁵² *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики // Изв. АН СССР. 1932. VII серия. Отд. обществ. наук. № 5. С. 363.
- ¹⁵³ *Янин В. Л.* Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970. Т. 1. С. 66, 67, 159.
- ¹⁵⁴ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962. С. 62.
- ¹⁵⁵ *Молчанов А. А.* Новгородские события 1054—1064 гг. и возникновение посадничества нового типа // Вестн. МГУ. История. 1974. № 6. С. 81—86.
- ¹⁵⁶ *Фроянов И. Я.* Становление Новгородской республики. . . С. 13, 14 и сл.
- ¹⁵⁷ *Троцкий И. М.* Возникновение Новгородской республики. С. 363.
- ¹⁵⁸ *Молчанов А. А.* Новгородские события 1054—1064 гг. . . С. 86, 87.
- ¹⁵⁹ *Веселовский С. Б.* Топонимика на службе у историка // ИЗ. 1945, № 17. С. 47; *Поспелов Е. М.* Материалы к топонимическому словарю Московской области // Проблемы восточнославянской топонимики. М., 1979. С. 125.
- ¹⁶⁰ *Самоквасов Д. Я.* Древние города России. СПб., 1873. С. 97—101; *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104. С. 218.
- ¹⁶¹ *Джаксон Т. Н.* Sýgnes og Garðar : Загадки древнескандинавской топонимики Древней Руси // Scando-Slavica. København, 1986. Т. 32. S. 80—81.
- ¹⁶² *Кирпичников А. Н.* Некоторые проблемы изучения славяно-финских межэтнических и культурных связей в эпоху средневековья // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 95. Примеч. 8.
- ¹⁶³ *Джаксон Т. Н.* Наименование Древней Руси. . . С. 92.

конец I тыс. н. э. исток р. Волхова и северо-западное побережье оз. Ильмень, так называемое Поозерье, явились центром пришедшей сюда северной группы славян. Решающую роль в его формировании сыграли плодородные почвы района, удобные для начального земледельческого освоения, чрезвычайно выгодное географическое положение для организации сбора дани с населения Приильмения и нахождение на перекрестке важнейших торговых путей Восточной Европы — балтийско-волжского и «из варяг в греки», — оказавших значительное стимулирующее воздействие на социально-экономическое развитие примыкавших к ним территорий.

На холмах среди поймы Волхова и Ильменя и по берегам р. Веряжи располагались многочисленные поселения славян, а в урочище Перынь — их центральное языческое святилище. Главенствующую роль в районе уже в IX в. играло Городище, или, как его часто называют историки и краеведы с начала XIX в., Рюриково городище, хорошо известное в русских летописях с 1103 г. как резиденция новгородских князей и важнейший центр политической жизни Новгорода. Во многом такая роль Городища была обусловлена его топографическим размещением. Находясь напротив Перыни и занимая при плавании по Волхову первую от Ильменя возвышенность, расположенную на острове при раздвоении Волхова на рукава, Городище тем самым представляло собой естественно защищенный ключ не только к окружающему району, но и ко всему бассейну оз. Ильмень. Трудно было подыскать более подходящее место в плотно заселенной земледельческой зоне для основания торгово-ремесленного поселения, выполнявшего одновременно функции контроля за движением по оживленной водной магистрали. Не случайно князья и их дружины, куда входило немало скандинавов, уже в IX—X вв. сделали подобный пункт своим оплотом.

В конце I тыс. н. э. общая площадь городищенского поселения составляла от 4 до 6—7 га. Его центральная часть (1—1.2 га) была укреплена рвом и, вероятно, валом. В материальной культуре представлены различные свидетельства широкой международной торговли жителей поселка, следы их разнообразной ремесленной и военной деятельности. Наряду с этим население занималось сельским хозяйством, охотой, рыболовством, различными промыслами. Оценивая материальную культуру поселения, следует подчеркнуть, что в ней очень явственна вуаль североевропейской, общебалтийской культуры. По своему этни-

ческому составу в IX—X вв. Городище являлось славяно-скандинавским поселением.

Первоначально торгово-ремесленный и военно-административный центр на Городище как бы повторял в ослабленном и несколько более позднем варианте развитие Ладоги, основанной в середине VIII в. в низовьях Волхова. Для Ладоги были характерны ориентация на внешние связи, широкая ремесленная деятельность, полиэтничный состав населения. Она стояла в одном ряду с такими раннегородскими торгово-ремесленными центрами балтийского региона, как Хедебу и Рибе в Ютландии, Каупанг в Норвегии, Павикен на Готланде, Бирка в Швеции, Ральсвик, Волин и другие на южном побережье Балтийского моря. Ладога олицетворяет один из путей формирования древнерусского города. Она выросла на основе участия в международной торговле и ремесле, однако при отсутствии вокруг нее земледельческой округи и расположении на самой северной окраине славянского мира этого было недостаточно для превращения ее в центр всей словенской земли.

Совершенно иная ситуация сложилась в истоке Волхова. Городище изначально развивалось в сгустке земледельческих поселений, образывавших ядро будущей Новгородской земли, где сходились административные нити управления Приильменьем. Не случайно князь Рюрик, согласно одному из вариантов легенды о призвании варягов, перешел из Ладоги «ко Илмерю и сруби городокъ надъ Волховом», что нельзя расценить иначе, как показательный пример ключевой роли истока Волхова в ильменском бассейне уже в IX в.

Значение поселений в ближайшей городищенской округе постоянно усиливалось. На них концентрировались социальные верхи местного общества со своей челядью и окружением, привлекаемые экономическим значением района и размещением административных властей. Именно здесь имела реальная возможность участвовать в перераспределении богатств и доходов, стекавшихся в Северное Приильмень со всей формирующейся Новгородской земли. В середине X в. в 2 км от Городища на холмах, впоследствии занятых Новгородом, уже существовало несколько больших и быстро растущих поселков, с самого начала возникновения которых заметны черты высокого социального положения их первооселенцев. В X в. эти новые поселки и городок в истоке Волхова развивались параллельно. Тот факт, что в 980 г. при проведении Владимиром реформы язычества статуя Перуна была установлена в Перины, тяготевшей к княжескому Городищу, подтверждает еще значительную тогда роль последнего.

Однако в 989 г. деревянная София строится уже среди нового поселения, на возвышенности левого берега Волхова. Рядом с этим общегородским храмом располагался владычный двор, и тем самым здесь был сформирован центр церковного управления Северной Руси. Постепенно противостоявшие Городищу поселки славянской знати образовали новую поселенческую структуру и переняли к рубежу X—XI вв. значительную часть экономических и административных функций прежнего центра.

В начале XI в., в период политического альянса князя и городской общины, Ярослав Владимирович перенес свою резиденцию вниз по течению Волхова к Торгу, одному из центров новых поселений, что нашло свое отражение в значительном снижении интенсивности жизни на Городище, зафиксированном по археологическим материалам. Двор князя был устроен на окраине Славенского холма, еще свободной к началу XI в. от плотной застройки.

Княжеская резиденция была вторична по отношению к существовавшему там поселению. Рядом с двором Ярослава располагались усадьбы его дружинников. Перенос резиденции князя явился крупным политическим актом государственного значения, отражающим завершающие этапы формирования нового центра Приильменя. Последним шагом в этом процессе было строительство Владимиром Ярославичем в 1044 г. Нового города (крепости) на месте владычного двора, поскольку городок в истоке Волхова не мог выполнять функции защиты огромного поселения, располагавшегося в стороне от него. Одновременно в центре детинца был заложен каменный Софийский собор.

В последней трети XI в. продолжавшееся усиление новгородского боярства, выразившееся в появлении института посадничества нового типа и тем самым в укреплении городского самоуправления, привело к тому, что князья были вынуждены вновь переехать на Городище, сохраняя за собой право на Ярославово Дворище как на городскую усадьбу. В 1103 г. на Городище возводится Благовещенский собор, противостоящий общегородскому Софийскому храму.

Такова роль Городища в процессе сложения социально-топографической структуры Новгорода, как ее позволяет проследить сопоставление материалов новых археологических раскопок с данными письменных источников. Оговорюсь, правда, что изучение сложения социально-политической структуры самого Новгорода (образование концов, сотен, формирование социального состава горожан и т. д.) — это тема уже иного исследования, требующая привлечения не столько археологических, сколько письменных источников.

Завершить книгу мне хочется общим наблюдением о соотношении Городища и Новгорода, которое сделал в своем известном курсе по русской истории 1908—1916 гг. А. Е. Пресняков, «на редкость осторожный, вдумчивый и чуткий критик древнерусских текстов». ¹ Он тогда заключил: «Исконный центр Новгорода — „Городище“ на „острове“ между Волховом, Малым Волховцом и притоками. Тут древнейший укрепленный „город“. Местные топографические условия не дали ему стать подлинным центром Новгорода, и он стал „городищем“, вероятно, во времена Ярослава. Болотистая почва мешала скученности населения, и, притянутое значением нового „города“, оно селилось на более возвышенных местах враздробь, отдельными поселками. Лишь для одного из них знаем древнейшее имя — Славно, юго-восточный „конец“ Новгорода. Сюда при Ярославе перешел центр княжой власти из Городища в „Ярославов двор“, возле которого расположился и „торг“, а кругом — боярские дворы княжеских дружинников — огнищан». А. Е. Пресняков полагал, что и деревянный детинец возник также при Ярославе. ² Ряд акцентов в построениях А. Е. Преснякова требует некоторых уточнений, но в целом он правильно уловил реальную историческую картину соотношения Городища и Новгорода, к которой мы приходим сейчас, опираясь уже не только на письменные источники, но и на данные современной археологии.

Постепенное формирование центра Северной Руси, как теперь его представляют на основе изучения динамики взаимоотношений Городища и Нового города на протяжении IX—XI вв., показало, сколь многообразно в своих конкретно-исторических проявлениях могло быть возникновение древнерусского города. Прав был Н. Н. Воронин, когда в 1951 г. писал, что процесс становления городов на Руси развивался не по единой «социологической формуле», но имел несколько конкретных вариантов и «попытки подменить многосложность исторической действительности какой-либо одной схемой не помогут осве-

щению вопроса».³ К сожалению, в наши дни в ряде обобщающих работ по истории древнерусского города наблюдается явное стремление выработать подобный монистический взгляд и найти абстрактно-социологическое определение города как всеобщей внеформационной структуры, что приводит к появлению примитивизированных схем и явно обедняет живую историю прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. 2-е изд. М.; Л., 1966. С. 15.

² Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 124.

³ Воронин Н. Н. К итогам и задачам археологического изучения древнерусского города // КСИИМК. 1951. Вып. XLI. С. 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией. СПб.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.; Л.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИА — Институт археологии Академии наук СССР.
ИАК — Известия Археологической комиссии. СПб.
ИЗ — Исторические записки. М.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СПб.
ИС — История СССР. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
МАР — Материалы по археологии России. СПб.
МГУ — Московский государственный университет.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МОИДР — Московское общество истории и древностей российских. М.
НИМ — Новгородский исторический музей.
НИС — Новгородский исторический сборник. Л.; Новгород.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ОАК — Отчет Археологической комиссии. СПб.
ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л.
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры. Л.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. СПб.; Л.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РИС — Русский исторический сборник. М.
СА — Советская археология. М.
САИ — Археология СССР. Свод археологических источников. М.; Л.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР. Л.
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.

SUMMARY

At the end of the first millennium AD the sources of the Volkhov river together with the adjacent north-western Lake Ilmen area were the core land of the northern Slav community that had settled there. Fertile soils, virgin land suitable for cultivation, its extraordinary advantageous geographical position for extracting tribute from the Lake Ilmen population and its location at the cross-roads of important East-European trade routes — the Baltic—Volga one and the water route from the Varangians to the Greeks, appeared predominant factors in its formation.

Numerous Slav settlements were situated on the hills between the Volkhov flood-land and that of Ilmen whereas their central pagan sanctuary was established at Peryn. In the course of the IXth century the settlement region in the North Lake Ilmen area gradually acquired greater economical and political importance. On the one hand the rise of this region was caused by its position on the Baltic—Volga route but on the other by the fact that the settlements of the region started to function as a political, economical, cultural and cult center of the new arising community. The upper social Slav stratum from surrounding regions, military men, merchants and artisan settled there.

Gorodishche (the hill-fort) or as it is often named by historians since the beginning of the XIXth century Ryurik Gorodishche well known from the Russian chronicles since 1103 as the residence of the Novgorod princes and one of the basic centers of the Novgorod political life already in the IXth century had predominated over the region. Its role in many respects was predetermined by its topography. Situated on the island where the Volkhov river divided into two branches, opposite the pagan sanctuary at Peryn, Gorodishche represented a naturally defended key-point of the surrounding land and the whole Lake Ilmen basin. It was difficult to find a more suitable place for the foundation of the trade and craftsman settlement simultaneously controlling the abundant water traffic. It is not accidental that princes with their drushinas (military guard) including a quantity of Scandinavians turned it into their fortress.

In the IX—Xth centuries the overall area of Gorodishche was from 4 to 6—7 ha. Its central part of about 1—1.2 ha was strengthened with a ditch and supposedly with a rampart. Material culture of the settlement reveals the broad international trade links, traces of various artisan activities. Side by side with this, agriculture, hunting, fishery, various crafts also flourished there. General analysis of the material culture makes it possible to mark that it was definitely influenced by the North European culture. Ethnically Gorodishche in the IX—Xth centuries was inhabited by Slavs and Scandinavians.

The significance of the Slav settlements, situated in Gorodishche environs particularly grew up in the Xth century. They had become a base and in many cases a home for the upper layers of the Slavic society — the rich and the powerful with their retinue, attracted by the region's economic importance and the presence of the administration and the military force. In the middle of the Xth century at a distance of 2 km from Gorodishche down streams the Volkhov river on the hills which were later occupied by Novgorod already existed some settlements. From the very foundation they contained the traces of the high social position of their inhabitants. In the Xth century these settlements developed in parallel with Gorodishche. But gradually, approximately by the beginning of the XIth century they formed a new settlement structure and adopted a large part of Gorodishche's economic and administrative functions. Among these new settlements in 989 was built the city cathedral — St. Sophia church and near it the bishops palace.

In the early XIth century under Yaroslav Vladimirovich, political alliance between the prince and Novgorodian nobility resulted in the prince residence transferring directly to Yaroslavovo Dvorishche — the site near the town Market district (torg). The houses of the prince's military men («ognishchane») were near by. This transferring appeared an outward manifestation of great

changes both in the political organization of Novgorodian society and in its municipal structure. The last step in this process was the foundation of the «New town» (new fortress) in 1044 by Vladimir Yaroslavich on the site of the bishop's yard.

In the last third of the XIth century when Novgorodian boyars looked reinforced and a new type of the «posadniks» institution emerged — body of boyars power opposed to the prince administration, princes had to remove their residence back to Rurik Gorodishche.

So originally Gorodishche — a trade and craftsmen and military-administrative center in the sources of Volkhov area appears to repeat the Ladoga development, representing the same type of the settlement, but in a later variant. Settlements in the down stream Volkhov area substantially differed from those in the upper stream area. Trade and craftsmanship highly developed in Ladoga furthered it to a great international port and trading place of the Baltic region, nevertheless absence of agricultural lands in neighbourhood and its location on the very extremity of the Slav world prevented it to become a center of Sloven's land. All administrative threads of management of North Rus met at Gorodishche and Novgorod. The given analysis permits to trace the role of Gorodishche in the rise of Novgorodian urban community and to make a number of revisions in the generally accepted conception of the Old Russian State formation.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава первая. МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ВНЕШНИЙ ОБЛИК И ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДИЩА	7
Глава вторая. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА 1901—1970 гг.	21
Глава третья. ИЗУЧЕНИЕ МЫСОВОЙ ЧАСТИ ПОСЕЛЕНИЯ. СТРАТИГРАФИЯ, ПОСТРОЙКИ, МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	37
Глава четвертая. ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГОРОДИЩА. СТРАТИГРАФИЯ, ПОСТРОЙКИ, МАТЕ- РИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	90
Глава пятая. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОРОДИЩА: ХРО- НОЛОГИЯ, ТОПОГРАФИЯ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИ- ЧЕСКИЙ ОБЛИК, ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕ- НИЯ	147
Глава шестая. ГОРОДИЩЕ И НОВГОРОД (К вопросу о воз- никновении города)	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	210
РЕЗЮМЕ (на англ. языке)	211

CONTENTS

INTRODUCTION	3
Chapter 1. LOCATION, GENERAL DESCRIPTIONS, HISTORY OF INVESTIGATIONS OF THE GORODISHCHE	7
Chapter 2. FIELD EXCAVATIONS IN 1901—1970	21
Chapter 3. STUDY OF THE SETTLEMENT PROMONTORY. STRATIFICATION, CONSTRUCTIONS, MATERIAL CUL- TURE	37
Chapter 4. INVESTIGATION OF THE CENTRAL PART OF THE SITE. STRATIFICATION, CONSTRUCTIONS, MATERIAL CULTURE	90
Chapter 5. GENERAL CHARACTERISTICS OF THE GORO- DISHCHE: CHRONOLOGY, TYPOGRAPHY, THE SOCIAL- ECONOMIC ASPECT, THE ETHNIC STRUCTURE OF PO- PULATION	147
Chapter 6. THE GORODISHCHE AND NOVGOROD (origines of the urban centre)	170
CONCLUSION	206
LIST OF ABBREVIATIONS	210
SUMMARY	211

Научное издание

Евгений Николаевич Носов

**НОВГОРОДСКОЕ (РЮРИКОВО)
ГОРОДИЩЕ**

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства Р. К. Паэгле
Художник Д. В. Уркинеев
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Г. А. Александрова
и Г. Н. Мартыанова

ИБ № 44469

Сдано в набор 21.02.90. Подписано к печати 29.10.90.
Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура
литературная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л.
15.79. Усл. кр.-от. 16. Уч.-изд. л. 18.81. Тираж 1950 экз.
Тип. зак. 150. Цена 3 р. 90 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука». Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ В МАГАЗИНАХ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»,
В МЕСТНЫХ МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГОВ
ИЛИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ**

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

- 117393 **Москва**, ул. Академика Пилюгина, 14, корп. 2, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
- 197345 **Ленинград**, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига»
- или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел
«Книга — почтой»:*
- 480091 **Алма-Ата**, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
- 370001 **Баку**, Коммунистическая ул., 51 («Книга — почтой»);
- 232600 **Вильнюс**, ул. Университето, 4;
- 690088 **Владивосток**, Океанский пр., 140 («Книга — почтой»);
- 320093 **Днепропетровск**, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
- 734001 **Душанбе**, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
- 375002 **Ереван**, ул. Туманяна, 31;
- 664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
- 420043 **Казань**, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
- 252030 **Киев**, ул. Ленина, 42;
- 252142 **Киев**, пр. Вернадского, 79;
- 252025 **Киев**, ул. Осипенко, 17;
- 277012 **Кишинев**, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
- 343900 **Краматорск** Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
- 660049 **Красноярск**, пр. Мира, 84;
- 443002 **Куйбышев**, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
- 191104 **Ленинград**, Литейный пр., 57;
- 199164 **Ленинград**, Таможенный пер., 2;
- 194064 **Ленинград**, Тихорецкий пр., 4;
- 220012 **Минск**, Ленинский пр., 72 («Книга — почтой»);
- 103009 **Москва**, ул. Горького, 19а;
- 117312 **Москва**, ул. Вавилова, 55/7;
- 630076 **Новосибирск**, Красный пр., 51;
- 630090 **Новосибирск**, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
- 142284 **Протвино** Московской обл., ул. Победы, 8;
- 142292 **Пушино** Московской обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
- 620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
- 700000 **Ташкент**, ул. Ю. Фучика, 1;
- 700029 **Ташкент**, ул. Ленина, 73;
- 700070 **Ташкент**, ул. Шота Руставели, 43;
- 700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
- 634050 **Томск**, наб. реки Ушайки, 18;
- 450059 **Уфа**, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
- 450025 **Уфа**, ул. Коммунистическая, 49;
- 720001 **Фрунзе**, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
- 310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

Книга посвящена изучению
Новгородского (Рюрикова) городища —
древнейшего и наиболее значительного торгово-
ремесленного и военно-административного центра
Приильменя кануна образования Древнерусского
государства. Особое внимание уделено рассмотрению
места Рюрикова городища среди славянских
поселений Приильменя и его роли
в становлении Новгорода —
столицы Северной Руси.

«Наука»

Ленинградское отделение